

И.Н. Хлопин

Энеолит
Юго-Западного
Туркменистана

) РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Н. Хлопин
Энеолит Юго-Западного
Туркменистана

Европейский Дом

Санкт-Петербург
1997

Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, том 20.

Издание подготовлено и осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Грант 97-01-00256а.

Редакционная коллегия: *В.А. Завьялов (ответственный редактор),
Л.И. Хлопина, А.В. Громов, Е.В. Бобровская.*

Хлопин И.Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. С-Петербург, 1997.

Данная монография представляет собой публикацию результатов раскопок могильника Пархай II и является звеном в цепи задуманных и частично осуществленных И.Н. Хлопным изданий по погребальным памятникам Юго-Западного Туркменистана. В конце 1998 г. планируется к изданию том «Ранний и развитый бронзовый век Юго-Западного Туркменистана», что в совокупности с уже опубликованной книгой «Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы» предоставит в распоряжение археологов и специалистов сопредельных дисциплин огромный материал в широком хронологическом диапазоне (IV-II тысячелетия до н. э.). Автором рассматривается обширный круг проблем развития материальной культуры данного региона, включая вопросы генезиса и дальнейшего распространения сероглиняной керамики, имеющие принципиальное значение в решении проблемы расселения индоариев.

ЛР № 065334 от 7.08.1997
ISBN 5-8015-0009-H

Оригинал-макет: А.В. Громов
Перевод резюме: К. Юдельсон.
Обложка: Г.А. Кузнецова.

© Институт истории материальной культуры РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Ранний энеолит	13
Погребальные камеры	13
Погребальное сооружение	22
Останки погребенных	23
Погребальный инвентарь	24
а) Керамический комплекс раннего энеолита	24
б) Металлические изделия	35
в) Украшения из камня	35
г) Органические остатки	35
Погребальный обряд	35
Культурная принадлежность и вопросы хронологии	37
Развитой энеолит	39
Погребальные камеры	39
Погребальное сооружение	52
Останки погребенных	52
Погребальный инвентарь	54
а) Керамический комплекс развитого энеолита	54
б) Металлические изделия	64
в) Украшения из камня и других материалов	65
г) Органические остатки	66
Погребальный обряд	66
Культурная принадлежность и вопросы хронологии	67
Поздний энеолит	69
Погребальные камеры	69
Погребальное сооружение	99
Останки погребенных	100
Погребальный инвентарь	101
а) Керамический комплекс позднего энеолита	101
б) Металлические изделия	109
в) Изделия из камня, кости, глины, органические остатки	110
Погребальный обряд	112
Культурная принадлежность и вопросы хронологии	114
Заключение	116
Summary. Eneolithic of South-West Turkmenistan	121
Иллюстрации	170
Приложение. Галибин В.А. Металл раннего, развитого и позднего энеолита	296
Литература	299

ВВЕДЕНИЕ

Всего 20 лет назад в специальной археологической литературе господствовала точка зрения о том, что долины рек бассейна Каспийского моря — Горгана, Атрека и Сумбара, а также весь Юго-Западный Туркменистан — были освоены людьми с производящим хозяйством очень поздно, в конце II тыс. до н. э. (Кесь, Костюченко, Лисицына, 1980: 43). Это мнение появилось после первых археологических раскопок поселений железного века на Мешхед-Мисрианской равнине в начале 1950-х годов (Массон, 1956). Возможно, это было справедливо для равнинных областей края, на которых выращивать хлеб могли только на землях, искусственно орошаемых при помощи каналов, выведенных из реки Атрек не ранее начала I тыс. до н. э. Природные условия межгорных долин Юго-Западного Туркменистана не свидетельствовали о столь позднем их освоении, тем более, что к северо-востоку от них располагалась северная подгорная равнина Копетдага, на которой человек перешел к производящему хозяйству не позднее VI тыс. до н. э.

Долина среднего течения реки Сумбара, притока Атрека, находится в несколько особом положении. Укрытые от прямого воздействия пустыни Кара-Кум двумя горными цепями и открытые в сторону Каспийского моря, откуда поступают влажные муссонные ветры, долины Сумбара и Атрека представляют собой небольшую зону сухих субтропиков. Лето в Сумбарской долине — жаркое, но не изнуряющее, а зимы — теплые. Средние январские и июльские температуры — соответственно $+4^{\circ}$ и $+28,7^{\circ}\text{C}$. В среднем за год здесь выпадает 300 мм осадков, преимущественно зимой и весной. Растительность бассейна Сумбара, имея много общего с так называемой гирканской флорой — теплолюбивыми видами, произрастающими в Северном Иране, представляет собой ее северную окраину (Бабаев и др., 1969: 155-156).

Осенью 1972 г. в долине Сумбара, на окраине поселка Кара-Кала (Балканский вилоят Туркменистана), был открыт грунтовый катакомбный могильник Сумбар I, вслед за которым были обнаружены и другие могильники той же культуры — Сумбар II, Пархай I. Их исследования продолжались до 1977 г. Раскопанные остатки материальной культуры принадлежали к ранее известной культуре серой керамики Северного Ирана, относимой единодушно к фазе «Железный Век I» (ЖВ-I), к XIV—XI векам до н. э. Совокупность на-

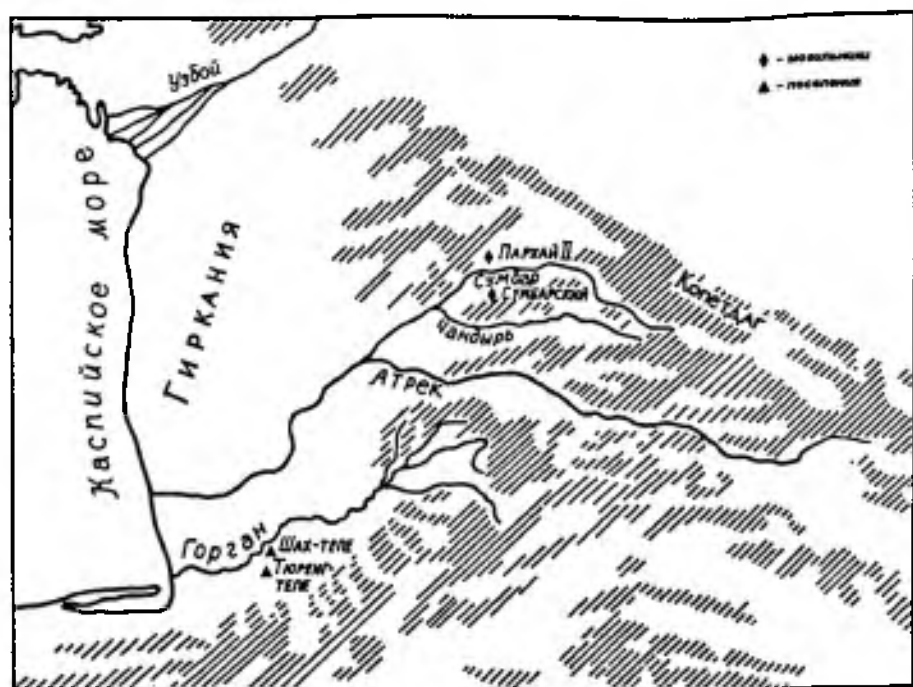

Рис. 1. Юго-Восточный Прикаспий. Карта-схема.

Fig. 1. Regional schematic map, showing the location of the Sumbar valley.

ходок, несмотря на большой процент ограбленных могил, оказалась настолько информативной, что позволила провести полный исторический анализ добытого материала и представить общество эпохи поздней бронзы Юго-Западного Туркменистана в почти осязаемой полноте, граничащей с результатами этнографических исследований (Хлопин, 1983). Мнение о позднем освоении этих мест было тем самым опровергнуто. Надо было приступать к планомерным и тщательным поискам более ранних памятников. Их материальную культуру можно было прогнозировать по давно и явно недостаточно хорошо, с современной точки зрения, раскопанным памятникам в Северном Иране, на северной подгорной равнине Эльбурса (Шах-тепе, Тюренг-тепе), то есть в той же гирканской культурно-исторической провинции (Arne, 1945; Deshayes, 1965, 1969), что и долина Сумбара (рис. 1).

В 1977 г. на западной окраине поселка Кара-Кала был открыт могильник Пархай II (рис. 2). Он занимал естественный холм, крайний в гряде возвышенностей, идущих цепочкой от гор в долину, с севера на юг. Холм целиком сложен из лесса, его наибольшая высота в центре — 10 м. В древности он был использован как кладбище, затем полностью заброшен, и лишь в средние

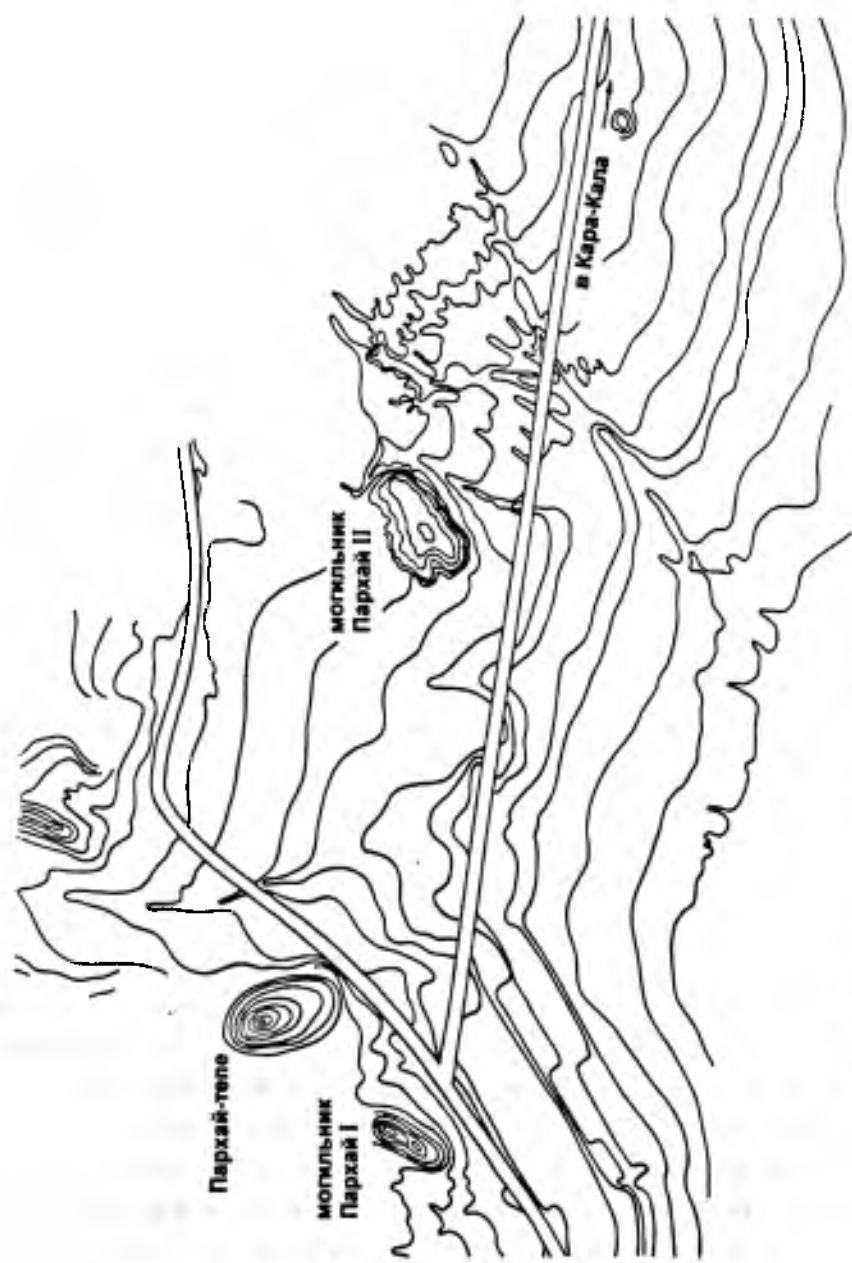

Рис. 2. План местности к западу от поселка Кара-Кала в Туркменистане.

Fig. 2. Sketch plan of the area to the West of Kara-Kala village in Turkmenistan.

века вновь стал кладбищем местного населения. На его верхней площадке было около 30 могил, отмеченных на поверхности каменными прямоугольными выкладками. В одной из этих могил найдена половина серебряного дирхема халифа Харуна ар-Рашида 170 г. х. или 792/3 г. н. э. (определение И.Г. Добровольского, Гос. Эрмитаж). Крупные каменные сооружения, представлявшие собой, скорее всего, фундаменты больших квадратных и круглых оград, были снесены в процессе раскопок. Черепа из средневековых могил взяты для дальнейшего антропологического исследования в Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменистана (О.Б. Бабаков). По годам раскопки могильника велись следующим образом: 1977 г. — камеры 1-5; 1978 г. — камеры 6-24; 1979 г. — камеры 25-45; 1980 г. — камеры 46-66; 1981 г. — камеры 67-96; 1982 г. — камеры 97-117; 1983 г. — камеры 118-137; 1984 г. — камеры 138-157; 1985 г. — камеры 158-182; 1986 г. — камеры 183-210; 1988 г. — камеры 211-232; 1989 г. — 233-254; 1990 г. — камеры 255-266; 1991 г. — камеры 266-273.

Вскрытие первых же погребальных камер показало, что древний некрополь является неординарным и неодновременным памятником (рис. 3, 4). Для более тщательного изучения добытого материала он был расчленен на последовательные объективные культурно-исторические комплексы, которые были обозначены аббревиатурой ЮЗТ, что означает Юго-Западный Туркменистан, и порядковым номером периода римскими цифрами. Отсчет периодов по хронологической шкале идет сверху вниз, то есть период ЮЗТ-I соответствует эпохе поздней бронзы, представленной Сумбарской культурой. Самым древним пока является период ЮЗТ-VII раннего знеолита. Оказалось, что в недрах холма существовало кладбище, которое функционировало без ощутимого перерыва в течение почти трех тысячелетий. Тем самым история населения Юго-Западного Туркменистана удревнилась не менее, чем на три тысячи лет и стала в один ряд с историей населения северной подгорной равнины Копетдага.

Раскопки могильника Пархай II закончены в 1991 г. За 14 полевых сезонов на площади более 4500 кв. м. вскрыты 292 погребальные камеры. Не все они по разным причинам достаточно информативны; оперировать можно только с материалами 255 камер, или с 85,9% всех раскопанных. Из камер извлечено суммарно около 1800 целых керамических сосудов, многие десятки предметов из металла, камня и кости. Содержимое каждой камеры представляет собой закрытый комплекс предметов. Многие погребальные камеры нарушали или перекрывали другие, часть их была использована дважды с небольшим перерывом. Это послужило основой для установления относительной хроноло-

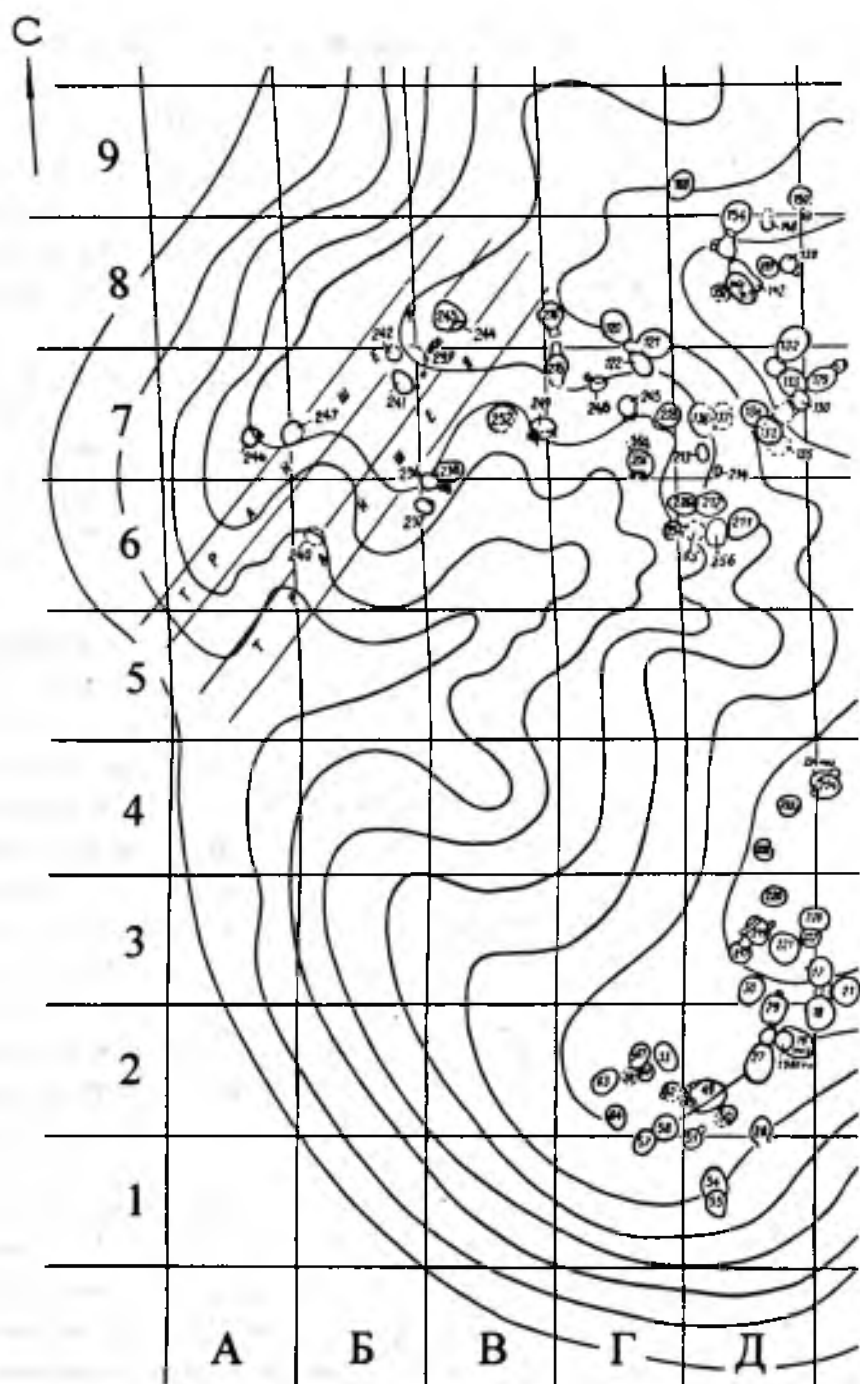

Рис. 3. План энеолитического могильника Пархай II (периоды ЮЗТ-VII — V), западная часть.

Fig. 3. Plan of the Parkhai II burial ground. Enceolithic age. SWT VII-V periods, west area.

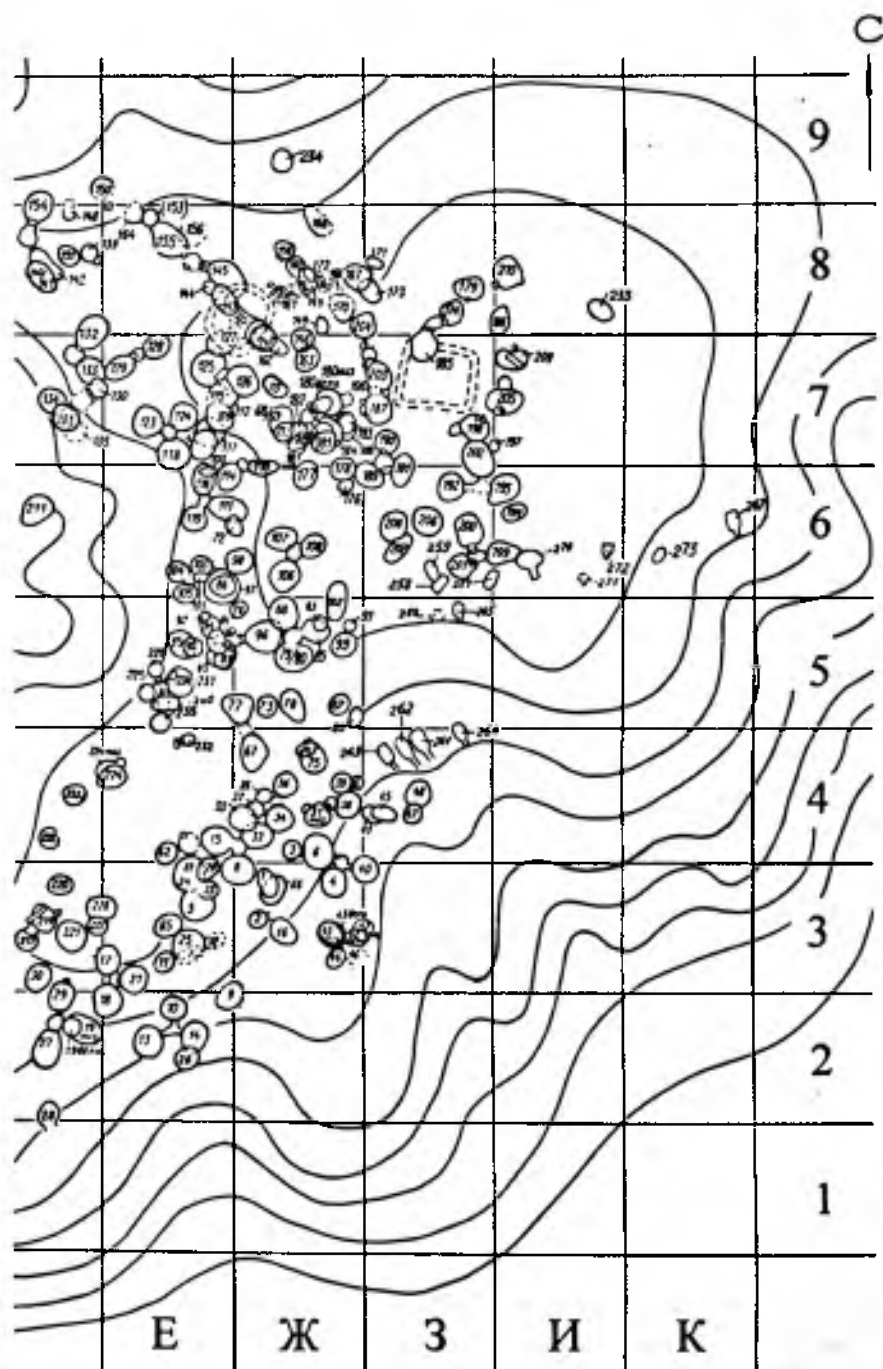

Рис. 4. План энеолитического могильника Пархай II (периоды ЮЗТ-VII — V), восточная часть.

Fig. 4. Plan of the Parkhai II burial ground. Eneolithic age. SWT VII-V periods, east area.

гии погребальных комплексов. Керамические комплексы каждой группы можно считать, с одной стороны, самостоятельными и обособленными, а с другой — звеньями единой цепи эволюции местной культуры.

Распределение погребальных камер по выделенным периодам приведено в табл. I (процентные показатели округлены).

Т а б л и ц а I

Количество камер могильника Пархай II и их процентное соотношение
Quantity and percentage of graves of the Parkhai burial ground. SWT VII-I

Период	Эпоха	Количество камер	Проценты
ЮЗТ-I	поздняя бронза	1	0.4
ЮЗТ-II	развитая бронза	19	7.4
ЮЗТ-III	развитая бронза	35	13.7
ЮЗТ-IV	ранняя бронза	56	21.9
ЮЗТ-V	поздний энеолит	89	34.9
ЮЗТ-VI	развитой энеолит	31	12.1
ЮЗТ-VII	ранний энеолит	24	9.4
	Всего	255	100.0

В течение всего срока раскопок могильника Пархай II работы освещались в научной прессе. Сначала это были предварительные сообщения об открытии и первых шагах изучения памятника (Хлопин, Хлопина, 1978, 1980, 1983а, 1983б; Хлопин, Хлопина, Курочкин, 1979, 1985; Хлопин, 1980, 1981, 1986а, 1987а, 1991). После создания соответствующего археологического базиса, стало возможным предложить первые варианты обобщения и анализа материала, согласно выделенным периодам (Хлопин, Хлопина, 1983в, 1984, 1985, 1986, 1987; Хлопин 1986б). К концу исследования могильника стали возможны более крупные исторические обобщения (Хлопин, 1987б, 1987г, 1989а, 1989б, 1990, 1992, 1994а, 1994б). Информация о раскопках этого уникального памятника за 1977-1978 гг. была опубликована в США (Khlopin, 1981), общий обзор — во Франции (Khlopin, 1993).

Настоящее издание содержит полную публикацию материалов эпохи энеолита (периоды ЮЗТ-VII, ЮЗТ-VI и ЮЗТ-V), добытых раскопками на холме Пархай II в течение 1977-1991 гг., и является чисто археологическим. Оно содержит описание и археологический анализ материала (всего 140 погребальных камер или 55,9% от всего количества могил содержащих информацию) и завершается определением пространственно-временных координат группы погребальных памятников, выделенных в тот или иной период.

Иными словами — определением их культурной принадлежности на фоне одновременных культур провинции, и времени, когда эти памятники стали объектом археологии. Как известно, после специфически археологической процедуры набор артефактов превращается в исторический источник и на его основе решаются вопросы уже другого уровня: социально-экономическая характеристика общества, его идеология и все вопросы, связанные с этим, его этническая и языковая принадлежность. Одним словом — восстанавливается древнейшая история общества. Эти вопросы здесь почти не поднимаются и почти не рассматриваются. В качестве заключения, дана характеристика основных культурно-исторических достижений эпохи энеолита.

Исследование могильников долины Сумбара вообще, а могильника Пархай II в особенности, проводилось одним и тем же научным коллективом — Сумбарской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР (с 1992 г. — Институт Истории Материальной культуры РАН) и XIV отрядом Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) Академии Наук Туркменистана (начальник ЮТАКЭ до 1987 г. Д.М. Овезов, с 1987 г. — Т. Ходжаниязов, с 1991 г. — К. Курбансахатов). Всеми полевыми и камеральными работами руководил Начальник Сумбарской экспедиции, доктор исторических наук И.Н. Хлопин. Постоянными членами экспедиции были: к.и.н. Л.И. Хлопина (1977-1990 гг.), к.и.н. Г.Н. Курочкин (1978-1980, 1983, 1985 гг.), сотрудники ЛОИА Е.В. Бобровская (1981-1991 гг.) и В.А. Завьялов (1990 г.), научный сотрудник Ашхабадского краеведческого музея А.Ф. Ганялин (1984 г.), принимали участие: художники Е.Б. Буркальцева, Н.М. Леухина, Т.В. Чупыра, М.В. Шафранова, О.А. Мигунова, Л.Н. Большаков, Е.В. Козлова; антропологи Т.П. Кияткина (Душанбе), О.А. Суханова и А.В. Громов (Ленинград), Т.К. Ходжайов, Т. Мухамеджанов, Ш. Абилов (Самарканд), О.Б. Бабаков (Ашхабад), а также многие сотрудники, среди которых следует отметить О.И. Абрамову, А.В. Гилевича, А.Н. Донцова, Т.С. Дорофееву, Г.В. Иванова, Г.А. Ковальцова, В.Е. Круглова, Н.А. Лазаревскую, Н.Л. Сухачева, О.Ю. Тагееву, В.Н. Тихонова, Д. И. Хлопина, О.В. Чумакову. Ежегодно экспедиция была обеспечена автомашиной из Объединенной экспедиционной автобазы АН Туркменистана (начальник Н.В. Тряпкин) с шоферами М. Курбановым, В.М. Каушутовым, Д. Поладовым, Д.А. Бозняковым, А. Мустакимовым, В.П. Прохоровым, Б. Сухановым, В.В. Колонтаем, С.А. Дюжевым, Г.П. Пилипчуком, Д. Гуламовым, К.С. Бердыевым.

При камеральной обработке материала все изделия из камня определялись Н.Б. Селивановой (петрография) и к.и.н. Н.Н. Скакун (трасология). Анализы металла произвел к.х.н. В.А. Галибин.

Следует отметить постоянное внимание к работам и нуждам экспедиции со стороны администрации поселка Кара-Кала, особенно со стороны коллектива Туркменской опытной станции ВИР им. Н.И. Вавилова (директоры О.Ф. Мизгирева и В.А. Носульчак). Без их помощи работа была бы менее продуктивной.

В связи с тем, что иллюстрации к разделу "Поздний энеолит" (табл. 68-126), рисунки 6-7 и таблица IV в тексте были окончательно оформлены в 1997 г., редакционная коллегия внесла ряд изменений, нуждающихся в пояснениях:

1. Нанесение в древности росписи на внутреннюю и наружную поверхности некоторых сосудов и сам характер росписей не всегда позволяли строго следовать принятому в отечественной литературе принципу расположения наружного орнамента слева от осевой линии, а внутреннего — с правой. В таких случаях осевая линия изображена укороченной в нижней части сосудов.

2. Сетчатая прямоугольная штриховка использована в таблицах для изображения кирпичей с тем, чтобы отличить их от камней, в основном применявшихся при закладке входов в погребальные камеры. Наклонной штриховкой на таблицах показаны крупные фрагменты керамики, находившиеся в камерах часто под черепами погребенных.

3. В подписях к таблицам для обозначения верхних и нижних ярусов погребений используются более короткие названия: верх и низ, например камера 180-низ.

4. С целью сохранения сквозной нумерации керамических форм, выделенных для всех трех периодов, текстовые таблицы II-IV приведены в соответствии одна другой, что вызвало незначительные изменения и в самом авторском тексте. С другой стороны это позволило сделать полный сравнительный анализ керамических комплексов, представленный на рис. 6-7.

Редакционная коллегия.

І. РАННИЙ ЭНЕОЛИТ

(период ЮЗТ-VII)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

К периоду раннего энеолита относятся 24 погребальные камеры, располагавшиеся в западной части холма (см. рис. 3), причем вся площадь могильника была разделена на квадраты 10×10 м. Соответственно, после порядкового номера погребальной камеры или группы камер указан квадрат, где эти камеры располагались.

ГРУППОВЫЕ КАМЕРЫ

Представлены только 2 камерами — 120 и 121 [Г-7/8].

1. Камера 120 — овальная (215×180 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Вход с ЮВ заложен вертикальной каменной плитой. В камере обнаружены останки 18 погребенных: 5 мужчин, 4 женщин, 9 детей. Мужчина, женщина и трое детей погребены последними в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головами на ЮЗ (табл. 1: 1).

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном красноангобированная нерасписная (табл. 1: 6); с минеральной примесью — миска (табл. 1: 3); сероглиняные — пиала архаическая (табл. 1: 5) и половина двойного сосуда (табл. 1: 4). Все они найдены в головах последних погребенных.

Прочее: 2 панциря сухопутных черепах, один из которых обнаружен в головах последних погребенных, другой — среди костей, сдвинутых к задней стенке камеры; каменные бусины — 4 (табл. 1: 2); ядро для пращи из обожженной глины.

2. Камера 121 — овальная (250×210 см), вытянута по линии С — Ю. Вход с С заложен сырцовыми кирпичами. В южной части камеры зафиксированы останки 36 погребенных: 14 мужчин, 8 женщин, 14 детей разного возраста. Последним погребен подросток на спине, лицом ко входу, головой на СЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте, ноги распались ромбиком (табл. 2: 1).

Находки. Керамические сосуды — 25: с растительной примесью — чаши сферические с вогнутым дном — 2 (одна расписная) (табл. 3: 14,15), чаша

сферическая плоскодонная (табл. 3: 3), чаша сферическая круглодонная расписная (табл. 3: 5), тюльпановидные сосуды — 3 (один расписной) (табл. 3: 16-18), чаши с прямыми стенками расписные — 2 (табл. 3: 19,20); с минеральной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном (табл. 3: 4), чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 3: 1,2); сероглиняные — чаша сферическая с вогнутым дном (табл. 3: 10), горшочек сферический (табл. 3: 6), плошки — 2 (табл. 3: 7,8), пиалы архаические — 3 (табл. 3: 11-13), кубки архаические — 5 (табл. 2: 3-7), поильник (табл. 3: 9). Все сосуды сконцентрированы в северной части камеры.

Прочее: каменные ядра для пращи — 5; бусины разные каменные, изготовленные из лазурита, кальцита коричневого — 7 (табл. 2: 2).

ОДИНОЧНЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КАМЕРЫ

Составляют в данном периоде большинство — 22 камеры.

3. Камера 93 [Е-5] — овальная (230×160 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Вход с С отмечен закладом из больших камней и черепков от крупных сосудов (табл. 4: 1). В камере открыты останки 11 погребенных: 3 мужчин, 3 женщин, 5 детей разного возраста. Все кости лежали толстым слоем вдоль ЮЗ, задней стенки камеры. Середина камеры была подготовлена для последнего погребенного и на расчищенное от костей место был насыпан слой земли, который частично перекрыл и другие кости этой камеры. Сюда было совершено погребение 2 покойников, которые по инвентарю относятся целиком к последующему периоду ЮЗТ-VI, рассматриваются отдельно (см. ниже) и в процессе раскопок получили порядковый номер 81.

Находки. Керамические сосуды — 9: с растительной примесью — чаши сферические с вогнутым дном расписные — 2 (табл. 4: 3,8), чаша сферическая плоскодонная (табл. 4: 6), чаша сферическая круглодонная расписная (табл. 4: 4), чаша с прямыми стенками расписная (табл. 4: 2); с минеральной примесью — сосуд тюльпановидный (табл. 4: 5), ваза (табл. 4: 9); сероглиняные — чаша с прямыми стенками (табл. 4: 7), ваза (табл. 4: 10).

4. Камера 117 [Е-7] — овальная (380×175 см), вытянута по линии В — З. Вход с З заложен вертикальной каменной плитой. Не исключено, что В часть камеры со скоплением костей надо рассматривать в качестве ниши для костей (табл. 5: 1). Верхняя часть погребального сооружения 117 была нарушена более поздними камерами 109 и 113. В частности, керамические сосуды были настолько плотно перекрыты костями этих камер, что были извлечены из земли до расчистки камеры 117. Это препятствует уверенному отнесению сосудов к верхнему или нижнему ярусу погребений, но поскольку нижний ярус оказался непо потревоженным, мы все же относим извлеченные сосуды к верхнему ярусу.

Нижний ярус. В указанных выше границах камеры найдены остатки 26 погребенных: 9 мужчин, 6 женщин, 11 детей разного возраста. Последней погребена женщина старше 70 лет на правом боку с согнутыми коленями, лицом ко входу, головой на С. Кисти рук располагались перед лицом. За ее спиной находился скелет ребенка на спине, головой на С. Ноги развалились ромбиком. В ногах последней погребенной лежал скелет взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу (череп отсутствовал). Пяточные его кости находились под тазовыми, правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте и ее кисть располагалась перед грудью.

Находки. Керамические сосуды — 1: с растительной примесью — чаша сферическая плоскодонная найдена в головах последней погребенной (табл. 5: 3).

Металлические изделия: проколка длиной 95 мм с треугольным щитком и отверстием в нем (табл. 5: 2).

Верхний ярус — овальная камера (210×160 см), вытянута также по линии В — 3. Вход располагался по-прежнему с 3. В камере обнаружены останки 6 человек: 4 скелета лежали в анатомическом порядке, разрозненные останки двух других находились под ними. Последним погребен подросток, два предшествующих скелета принадлежали взрослым женщинам (табл. 6: 1). Поскольку все скелеты лежали одинаково — на правом боку, в скорченном положении, лицом ко входу, головой на С, кисти рук перед лицом — можно предположить, что в этом горизонте были погребены только женщины.

Находки. Керамические сосуды — 17: с растительной примесью — чаши сферические плоскодонные — 4, одна из них — расписная (табл. 7: 7-10), чаша сферическая круглодонная (табл. 7: 12); с минеральной примесью — чаши сферические круглодонные — 3 (табл. 7: 1-3), миска (табл. 7: 11); сероглиняные — чаши сферические плоскодонные — 3 (табл. 6: 6-8), сосуд тюльпановидный (табл. 7: 13), ваза (табл. 7: 14), чаши с прямыми стенками — 2 (табл. 7: 4,5), пиала архаическая (табл. 7: 6).

Металлические изделия: булавки длиной 90 и 102 мм со щитковыми навершиями — 2 (табл. 6: 2,3); колечко с несомкнутыми концами найдено у последнего погребенного (табл. 6: 4); гвоздики — 2, один из них обнаружен во рту последнего погребенного.

Прочее: бусины — 67, изготовленные из лазурита — 1, из кальцита — 10, остальные из сердолика. Располагавшаяся в центре бус пронизка сделана из керамики (табл. 6: 5).

5. Камера 134 [Д-7] — овальная (200×160 см), вытянута по линии СВ — ЮЗ. Вход располагался с ЮВ. Она использовалась дважды с небольшим временным перерывом о чем свидетельствует небольшая прослойка земли между останками 5 погребенных.

Нижний ярус. На полу камеры обнаружены 2 скелета. Один лежал в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на З. Его средняя часть разрушена норой. Второй скелет полностью разрушен (табл. 8: 1).

Находки. Керамические сосуды — 1: с растительной примесью — миска (табл. 8: 3) находилась перед лицом сохранившегося скелета.

Прочее: мелкие бусины, изготовленные из гематита и кальцита — 6 (табл. 8: 2), найдены у сохранившегося скелета.

Верхний ярус. На прослойке земли были погребены женщина 40-50 лет и ребенок 5-6 лет. Их скелеты находились в полном беспорядке. Последней погребена тоже женщина 40-50 лет в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на ЮЗ (табл. 9: 1). Средняя часть ее скелета также разрушена норой.

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — чаши сферические с вогнутым дном — 2, одна из них — расписная (табл. 9: 4,7); сероглиняные — чаша с прямыми стенками (табл. 9: 6), пиала архаическая (табл. 9: 5). Все сосуды обнаружены в головах последней погребенной.

Металлические изделия: проколка с треугольным щитком и отверстием в нем (табл. 9: 2) обнаружена на груди последней погребенной.

Прочее: мелкие бусины из лазурита, агата, гематита — 20 и крупные гипсовые — 4 (табл. 9: 3) обнаружены у последней погребенной.

6. Камера 135 [Д-7] была полностью уничтожена более поздней камерой 131. Сохранились лишь кости кисти детской руки с браслетом из бус и несколько сосудов.

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном расписная (табл. 8: 8), чаша сферическая круглодонная расписная (табл. 8: 5); с минеральной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном (табл. 8: 6); сероглиняная — чаша сферическая плоскодонная (табл. 8: 7).

Прочее: мелкие бусины — 27 и трапециевидная пронизка из коричневого камня (табл. 8: 4).

7. Камера 148 [Д-8/9] — овальная, настолько плохой сохранности, что нельзя проследить ни ее контуров, ни места входа. В камере обнаружены остатки 2 скелетов, взрослого и ребенка, очень плохой сохранности. Оба погребенных лежали друг за другом, в скорченном положении, на правом боку, головой на Ю, лицом на В. Руки согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом (табл. 10: 1).

Находки. Керамические сосуды — 4: с минеральной примесью — чаши сферические плоскодонные — 3 (табл. 10: 3-5), причем 2 из них найдены в

головах взрослого, 1 — в головах ребенка; горшочек сферический (табл. 10: 2) находился в головах ребенка.

8. Камера 150 [Д/Е-9] — округлая (около 150 см в диаметре), не имела обозначенного места входа, который, скорее всего, располагался в ЮВ секторе. В центре камеры обнаружены остатки погребенного — ребенка на правом боку, лицом в сторону предполагаемого места входа, головой на ЮЗ. У задней, СЗ стенки камеры найдены кости от 5 скелетов, а черепа были аккуратно поставлены вдоль стенки (табл. 10: 6).

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном расписная (табл. 10: 10), чаша сферическая круглодонная (табл. 10: 9); с минеральной примесью — горшочек сферический (табл. 10: 7); сероглиняная миска (табл. 10: 8). Чаша с вогнутым дном и серая миска находились в головах последнего погребенного.

Прочее: каменные ядра для пращи — 5.

9. Камера 152 [Д-8] — овальная (140×110 см), вытянута по линии С — Ю. Входа не зафиксировано, скорее всего он вел с З. В камере находились останки 5 погребенных, но только скелет последнего лежал в анатомическом порядке: ребенок 6-7 лет был положен в скорченном положении, на правом боку, головой на С, лицом к предполагаемому месту входа. Кости рук располагались напротив лица. Четыре черепа были аккуратно поставлены вдоль В стенки камеры, а южнее сложена куча костей (табл. 11: 1).

Находки. Керамические сосуды — 8: с растительной примесью — чаши сферические с вогнутым дном — 3 (одна расписная) (табл. 11: 8,9,11), чаша сферическая круглодонная (табл. 11: 7), сосуд тьюльпановидный расписной (табл. 11: 12); с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная (табл. 11: 6), горшочек сферический (табл. 11: 5); сероглиняная — пиала архаическая (табл. 11: 10).

Металлические изделия: кольцо из круглой проволоки в полтора оборота (табл. 11: 3).

Прочее: пряслице, изготовленное из черепка сосуда (табл. 11: 4), бусины стеатитовые — 2 (табл. 11: 2).

10. Камера 153/155 [Е-8] имеет двойной номер, так как ее ниша для костей была первоначально принята за отдельную камеру 153. Вместе с нишей овальная камера (430×210 см) вытянута по линии СЗ — ЮВ. Вход с ЮВ заполнен скоплением костей из более поздней камеры 156 периода ЮЗТ-VI, которая частично перекрывала камеру 153/155. В связи с этим входная часть камеры оказалась сильно нарушенной, скелет последнего погребенного был уничтожен. На дне камеры в анатомическом порядке сохранились 5 скелетов взрослых, скорее всего женщин. Все погребенные лежали на правом боку со слабо согнутыми ногами, лицом ко входу, головой на ЮЗ. Руки либо

вытянуты вдоль туловища, либо кисти рук лежали перед лицом или грудью (табл. 12: 1). В камере, не считая ниши, находились кости еще не менее 5 скелетов.

Находки. Керамические сосуды — 10: с растительной примесью — чаша сферическая плоскодонная расписная, обнаруженная близ третьего черепа (табл. 13: 10), ваза расписная, найденная у последнего погребенного (табл. 13: 9), горшочек сферический расписной, располагавшийся у второго черепа (табл. 13: 2); с минеральной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном (табл. 13: 8), чаша сферическая круглодонная (табл. 13: 7), горшочек сферический (табл. 13: 11); сероглиняные — горшочек сферический (табл. 13: 3), чаши с прямыми стенками — 2 (табл. 13: 5,6), одна из которых найдена у последнего погребенного, половинка двойного сосуда (табл. 13: 4), располагавшаяся близ четвертого черепа.

Металлические изделия: гвоздики — 4 (табл. 12: 4-7); колечки — 2 (табл. 12: 2,3).

Прочее: бусины, изготовленные из сердолика, стеатита, фаянса ? — 40 (табл. 13: 1) найдены у второго скелета; обломок костяной булавки — у третьего скелета.

11. Камера 164 [E-8] сохранилась очень плохо, ее контуры и место входа в нее не установлены. На полу камеры, обнаружены перепутанные кости 2 скелетов — женщины около 30 лет и ребенка около 3 лет (табл. 14: 1).

Находки. Керамические сосуды — 2: с растительной примесью — чаша сферическая плоскодонная расписная (табл. 14: 3), чаша сферическая круглодонная (табл. 14: 4).

Прочее: бусина кальцитовая коричневая прозрачная (табл. 14: 2); левая голень молодой овцы.

12. Камера 213 [Д-7] сохранилась плохо и не имела четких границ. На дне камеры лежал скелет взрослой женщины в анатомическом порядке без черепа, в скорченном положении, на правом боку, головой на Ю. Правая рука вытянута вдоль тела и кости кисти находились под коленом левой ноги. Левая рука согнута в локте и кости кисти — перед грудью (табл. 14: 5). За ее спиной найдены кости еще одного скелета в беспорядке и плохой сохранности.

Находки. Керамические сосуды — 2: с растительной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном и красным непрочным ангобом, находившаяся в головах погребенной (табл. 14: 8); с минеральной примесью — чаша сферическая плоскодонная (табл. 14: 7).

Металлические изделия: проколка длиной 80 мм с обломанным щитком (табл. 14: 6) найдена у плечевой кости правой руки.

13. Камера 214 [Д-7] расположена рядом с камерой 213 и также не имела ни контура, ни места входа. Скелет ребенка 5-6 лет лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на С (табл. 18: 1).

Находки. Керамические сосуды — 1: с растительной примесью — чаша сферическая плоскодонная со следами росписи по красному ангобу (табл. 18: 2).

14. Камера 236 [В-6/7] — округлая (115-125 см в диаметре), находилась близко от поверхности земли, что обусловило ее плохую сохранность. Вход в нее, вероятнее всего, вел с ЮВ, где сохранились остатки заклада из камней и крупных обломков сосудов. На дне камеры обнаружен скелет взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, головой на ЗЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом (табл. 15: 1).

Находки. Керамические сосуды — 1: сероглиняная чаша с вогнутым дном, следами формовки и кругового заглаживания изнутри (табл. 15: 3).

Прочее: лазуритовые бусины — 2 найдены у затылка погребенного; пронизка белая известняковая — у его таза (табл. 15: 2).

15. Камера 237 [Б/В-6] — округлая (около 120 см в диаметре) и имела вход с В, отмеченный каменной плитой. Погребение сохранилось плохо из-за близости к дневной поверхности, кости сдвинуты и засолены. В первоначальном положении остались кости ног скелета мужчины 30-35 лет, лежавшего в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу. Там же найдены разрозненные кости скелета взрослой женщины (табл. 15: 4).

Находки. Керамические сосуды — 2: с растительной примесью — чаша сферическая круглодонная с остатками росписи (табл. 15: 6); с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная (табл. 15: 5).

Прочее: ядро для пращи из обожженной глины.

16. Камера 238 [В-6/7] — овальная (220×160 см), вытянута по линии В — З. Вход с Ю отмечен большим каменным закладом, в котором найдена нижняя часть большого тюльпановидного сосуда. В камере зафиксированы останки 13 человек. Четыре скелета лежали напротив входа, в анатомическую порядке: ребенок около 6 месяцев на правом боку, лицом ко входу, скелет женщины 40-50 лет в такой же позе, скелет ребенка около 2 лет на правом боку, спиной ко входу и скелет ребенка около 6 мес. (табл. 16: 1). Остальные кости сконцентрированы в С части камеры и принадлежали 3 мужчинам, 3 женщинам и 3 детям.

Находки. Керамические сосуды — 9: с растительной примесью — чаши сферические плоскодонные с росписью — 4 (табл. 16: 7,9,11,12), чаша сферическая круглодонная с росписью (табл. 16: 4); с минеральной примесью — чаши сферические плоскодонные — 2 (табл. 16: 6,8); сероглиняные — чаши сферические плоскодонные со следами формовки — 2 (табл. 16: 5,10), у одной из них изнутри на дне нанесен знак креста.

Металлические изделия: гвоздик (табл. 16: 2).

Прочее: бусины лазуритовые — 5, сердоликовые — 2 и белая известковая — 1 (табл. 16: 3).

17. Камера 240 [Б-6] представляла собой остатки могилы с разрозненными и раздавленными костями, уничтоженной скреперной траншеей (табл. 17: 1).

Находки. Керамические сосуды — 3: с растительной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном и росписью (табл. 17: 3); сероглиняные — пиала архаическая со следами формовки и круговым сглаживанием (табл. 17: 5), горшочек сферический, оформленный в виде барана (табл. 17: 4).

Прочее: бусина коричневая (табл. 17: 2).

18. Камера 241 [Б-7] — овальная (180×120 см), вытянута по линии В — 3. Вход в нее вел с Ю, где сохранился каменный заклад. Она имела нечеткие контуры, так как была расположена близко от дневной поверхности и нарушена множеством нор. На дне ее лежали останки 2 погребенных: мужчины 50-60 лет в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на 3 и женщины 40-50 лет, кости которой находились в беспорядке (табл. 18: 3).

Находки. Керамические сосуды — 2: с растительной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном и росписью (табл. 18: 7), сосуд тюльпановидный с пятнами от обжига и росписью дугами по ангобу (табл. 18: 8).

Металлические изделия: проколка длиной 55 мм с треугольным щитком и отверстием в нем (табл. 18: 4).

Прочее: низки из 49 крупных и мелких бусин, изготовленных из сердолика — 15, лазурита — 4, известняка — 3, мрамора — 2, черного бисера — 25 (табл. 18: 5,6).

19. Камера 242 [Б-7/8] представляла собой остатки погребальной камеры, все содержимое которой было уничтожено скреперной траншеей. Осталось только 5 сосудов, которые, в свое время, были поставлены вверх дном у В стенки камеры.

Находки. Керамические сосуды — 5: с минеральной примесью — чаша сферическая плоскодонная (табл. 19: 4), чаши сферические круглодонные — 3 (табл. 19: 1-3); сероглиняный кубок архаический (табл. 19: 5).

20. Камера 245 [Г-7] — округлая (около 150 см в диаметре). Вход с ЮЮВ отмечен большими камнями и мощным керамическим завалом. Кости погребенных нарушены норами. Перед входом лежал последний погребенный — ребенок 2-3 лет в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу. У задней стенки камеры погребен мужчина 30-35 лет на левом боку, лицом ко входу (табл. 20: 1). Кроме того, в камере обнаружены останки еще 5 погребенных: 1 женщины, 4 детей и подростков.

Находки. Керамические сосуды — 10: с растительной примесью — чаша сферическая плоскодонная с росписью (табл. 20: 8), ваза с двусторонней

росписью (табл. 20: 12); с минеральной примесью — чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 20: 6,7); сероглиняные — чаша с прямыми стенками (табл. 20: 5), пиалы архаические со следами формовки — 2 (табл. 20: 10,11), кубки архаические со следами формовки — 2 (табл. 20, 3,4), половина двойного сосуда (табл. 20: 9). Сероглиняная чаша с прямыми стенками найдена в засыпи камеры.

Прочее: бусины разные — 76 штук (табл. 20: 2), включая бисер сердоликовый — 7, бисер черный — 29, бисер бирюзовый — 39, бусину бирюзовую треугольную — 1. Здесь также были обнаружены два черепа мелкого рогатого скота.

21. Камера 248 [Г-7] — овальная (150×110 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Место входа, из-за близости к дневной поверхности, установить не удалось, но, судя по расположению костей, он, вероятнее всего, вел с ЮЗ. Северо-восточная часть камеры уничтожена более поздней ямой. На дне камеры лежал скелет мужчины 50-60 лет в анатомическом порядке, на спине, головой на СЗ, череп повернут на правый висок, в сторону предполагаемого места входа. Ноги при погребении были поставлены согнутыми коленями вверх, но впоследствии распались ромбиком. Руки согнуты в локтях и кисти рук — у лица и затылка. Кости ребенка 3-4 лет сложены кучкой у черепа мужского скелета (табл. 19: 6).

Находки. Керамические сосуды — 3: сероглиняные — чаша сферическая с вогнутым дном (табл. 19: 7), ваза со сферическим резервуаром и следами формовки (табл. 19: 9), чаша с прямыми стенками, размер которых в 2,5 раза превышает размер подкоса (табл. 19: 8). Сосуды найдены у лица мужчины.

22. Камера 249 [В/Г-7] — округлая (около 200 см в диаметре), имела вход с З, где сохранился каменный заклад. Южная половина камеры уничтожена более поздней ямой. У входа находились кости последнего погребенного, мужчины 45-55 лет, но поза его не восстанавливается (табл. 21: 1). Кроме того, в костном завале у В стенки камеры лежали перемешанные кости 10 скелетов: 3 мужчин, 2 женщин, 4 детей и подростков, 1 взрослого неопределенного пола.

Находки. Керамические сосуды — 8: с растительной примесью — чаши сферические с вогнутым дном и с росписью — 2 (табл. 21: 5,7); с минеральной примесью — чаши сферические плоскодонные — 2 (табл. 21: 6,8), чаша сферическая круглодонная (табл. 21: 9); сероглиняные — чаши с прямыми стенками — 2 (табл. 21: 11,12), поильник (табл. 21: 10).

Металлические изделия: булавка (проколка ?) длиной 90 мм с уплощенным и отогнутым в сторону концом (табл. 21: 2).

К востоку от камеры 249 в дерновом слое найдены 2 сероглиняных сосуда — чаша с прямыми стенками (табл. 21: 4) и целый двойной сосуд в виде горшочков сферических с вертикальным отверстием в соединяющей их

перемычке (табл. 21: 3). Не исключено, что эти сосуды были выброшены из камеры в процессе рытья поздней ямы.

23. Камера 250 [Г-7] представляла собой бессистемное скопление костей, располагавшихся близко от дневной поверхности. Ни границ камеры, ни входа в нее не прослеживалось (табл. 17: 6).

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — чаша с вогнутым дном и росписью (табл. 17: 7); сероглиняные — чаша с прямыми стенками (табл. 17: 9), пиалы архаические — 2 (табл. 17: 8, 10).

24. Камера 252 [В-7] — овальная (220×180 см), вытянута по линии ВСВ — ЗЮЗ. Место входа восстанавливается условно с ЮВ по расположению костей. Камера расположена на краю холма, кости — близко от дневной поверхности, кроме того, ее содержимое сильно нарушено норами грызунов. В костном завале у СЗ стенки камеры обнаружены останки 24 погребенных. Одним из последних похоронен подросток в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на ЮЗ. За его затылком найдены 2 тюльпановидных сосуды и чаша (табл. 22: 1).

Находки. Керамические сосуды — 17: с растительной примесью — чаши сферические с вогнутым дном расписные — 3 (табл. 23: 4, 6, 7), чаши сферические плоскодонные расписные — 4 (табл. 22: 6, 9; 23: 2, 3), сосуды тюльпановидные — 2 (один с квадратным устьем и росписью — табл. 23: 8, другой маленький, плохого обжига — табл. 22: 5), миска (табл. 22: 12), чаша с прямыми стенками расписная (табл. 23: 5); с минеральной примесью — чаши сферические круглодонные — 3 (табл. 22: 4, 7, 10), горшочек сферический (табл. 22: 11), плошка (табл. 22: 8); сероглиняная чаша с прямыми стенками (табл. 23: 1).

Металлические изделия: обломок стержня (табл. 22: 3).

Прочее: крупная лазуритовая бусина (табл. 22: 2).

ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

Все 24 погребальные камеры периода ЮЗТ-VII расположены в западной части холма. Несмотря на их небольшое количество, все же можно выделить те, которые относятся исключительно к раннему этапу этого периода, и те, которые существовали в раннем энеолите и продолжали использоваться в начале периода ЮЗТ-VI в развитом энеолите.

На раннем этапе существовали следующие камеры: 134, 135, 148, 150, 152, 164, 213, 214, 236-238, 240-242, 248 и 250. Они имеют в своей конструкции ту особенность, что в них практически не улавливалось (кроме камер 238, 241 и 248) место бокового входа, да и контуры камеры были не всегда ясны. Возможно, в столь раннее время последовательные погребения совершали непосредственно через верх, тем более, что среднее количество погребенных в

ранних камерах не превышает четырех. Контуры же камер при раскопках во многих случаях восстанавливались по линии границы костного завала. Эти погребения характеризуются очень плохой сохранностью костей и их подавленностью. Создается впечатление, что самые древние погребальные камеры залегали близко от поверхности земли, и после того, как они прекратили функционировать, поверх них были сооружены другие склепы, преимущественно периода ЮЗТ-VI. Ранние камеры были настолько неглубоки, что погребенные в них кости были раздавлены людьми эпохи развитого энеолита, которые по ним ходили.

К позднему этапу периода ЮЗТ-VII относятся камеры 93, 117, 120, 121, 153/155, 245, 249 и 252. Все они имели четко определенное место входа, который почти всегда был закрыт вертикальной каменной плитой. Камеры 93, 117, 245, 248 и 252 являются одиночными склепами. Камера 153/155 образует пару, благодаря общему входу, с камерой 145, которая по содержащемуся в ней материалу относится к периоду ЮЗТ-VI. Камеры 120 и 121 являются одновременными склепами одной парной системы с общим входом. Очевидно, что в конце периода раннего энеолита начинает складываться обычай сооружения нескольких склепов с одним общим входом. Эти склепы имитируют полуземляночное жилище с боковым входом. В них были захоронены группы людей, которые каким-то их прижизненным состоянием были обречены на вечное совместное пребывание после смерти. В заключение интересно отметить, что все входы в склепы направлены в южную половину горизонта.

ОСТАНКИ ПОГРЕБЕННЫХ

В 21 камере (в трех камерах костных остатков не сохранилось) периода ЮЗТ-VII найдено около 206 скелетов разной сохранности, которые очень четко распределяются по камерам раннего и позднего этапов. В камерах ранней группы зафиксировано от 1 — 2 до 6 — 7 погребенных с очень плохой сохранностью костей. Исключение представляла собой камера 238, где обнаружено 13 скелетов. В среднем в ранних камерах было почти по 4 покойника. Все более или менее сохранившиеся в анатомическом порядке скелеты, очевидно вне зависимости от их пола и возраста, лежали скорченно, на правом боку, лицом ко входу. Руки их были сложены так, что кости кистей оказались у лица.

В камерах поздней группы количество погребенных возросло до 11 — 36 (в камере 245 всего 7 скелетов, но содержащийся в ней материал не позволяет считать ее ранней); в среднем насчитывается почти по 20 покойников, т. е. в 5 раз больше, чем в ранних. Тут уже видно окончательное оформление погребального обряда, при котором кости ранее похороненных людей довольно

бесцеремонно отодвигали к задней стенке склепа, освобождая место для очередного покойника. В этих камерах сохранилось гораздо больше скелетов в анатомическом порядке. Но и в данном случае оказалось, что все погребенные, независимо от их пола и возраста, были уложены при захоронении скорченно, на правый бок, лицом ко входу, иногда в затылок друг другу. Руки покойных были положены по-разному: есть случаи, когда кисти обеих рук находились перед лицом, есть случаи, когда правая рука вытянута вдоль тела, а левая согнута в локте и ее кисть лежит перед грудью.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Погребальный инвентарь из склепов периода ЮЗТ-VII делится на традиционные группы: керамические изделия, в основном — посуда с заупокойной пищей и питьем, сопровождавшая покойников в мир иной; металлические изделия — преимущественно украшения; прочее — изделия из камня, кости, глины и органические остатки.

а). Керамический комплекс раннего энеолита (табл. II).

Керамическая коллекция из погребальных камер периода ЮЗТ-VII состоит из 158 различных сосудов, что составляет 8,85 % от общего количества посуды могильника Пархай II. В описание этой коллекции включены только те сосуды, которые были в погребальных камерах, однако, при характеристике системы орнаментации будут дополнительно привлечены фрагменты расписных сосудов, найденные вне погребений. Все сосуды могут быть разделены по составу глиняного теста на 3 группы.

1. Тесто с крупной растительной примесью, которая служила отоцителем глины при изготовлении теста, а также препятствовала растрескиванию сосуда во время сушки. Посуда из этого теста покрыта двусторонним непрочным ангобом, приобретавшим в результате обжига красный тон, по которому часто нанесен орнамент бурой краской.

2. Тесто с минеральной примесью различной величины зерен, которая также служила отоцителем и создавала повышенную жаропрочность изделия, что позволило применить к сосудам из такого теста термин «кухонный». Эта посуда редко покрыта ангобом, а еще реже — росписью. Чаще всего она имеет пористую поверхность неопределенного желто-бурого или грязно-серого цвета с заметными пятнами от неравномерного обжига.

3. Сероглиняная тонкостенная керамика с мелкой органической (шерсть, волосы) и неорганической (гипс, известняк) примесью в тесте. Органическая примесь приводила к пористости стенок сосуда, что позволяло охлаждать его содержимое. Неорганическая — служила плавнем, т.е. при сравнительно низкой температуре обжига достигался более высокий результат расплавления и прокаливании теста, что повышало качество изделия.

уплотнение самого теста. Затем каждое изделие подвергали дополнительной обработке, которая придавала ему гладкую поверхность. Уже отмечалось, что изделия из теста с растительной примесью окунали (после или без предварительной подсушки?) в жидкую глину, что преследовало цель скрыть шерба-тую поверхность сосуда, из которой торчали остатки соломы. Возможно, ангобировать стали после того, как выяснилось, что солома выгорала во время обжига, а изначально гладкая поверхность сосуда становилась шерба-той и некрасивой. Ангобом покрывали и сосуды с минеральной примесью, но делали это реже и применительно только к более вычурным формам, напри-мер вазам. Вероятно, посуда с хорошо ангобированной поверхностью, по которой была нанесена роспись, считалась более высокого качества — столовой или парадной, а посуда с минеральной примесью была «второго сорта». Что касается серой посуды, то при обработке ее поверхности приме-няли другие приемы и приспособления. Так, на многих сосудах заметны следы ножа, которым состругивали лишнюю глину. Затем, часто заглаживали внутреннюю поверхность каким-то приспособлением типа щетки, от которого оставались следы в виде концентрических бороздок, напоминающих пове-рхность патефонной пластинки. Такой технологический прием был возможен потому, что в тесте этой группы посуды не было крупных включений расти-тельного и минерального происхождения, зацепив которые можно было бы безвозвратно испортить не только поверхность сосуда, но и изделие в целом.

Основным моментом в процессе изготовления посуды являлся обжиг изделия, в результате которого из глины уходила молекулярная вода и сосуд становился твердым и водонепроницаемым навсегда. Судить о режиме обжига до проведения специальных лабораторных исследований еще нельзя, однако некоторые косвенные данные все же могут помочь в реконструкции процесса обжига посуды. Тут, как и во многих других вопросах археологического исследования, событие восстанавливается по аналогии. Сочетание некоторых объективных характеристик керамики периода ЮЗТ-VII с тем, что известно о технологии обжига керамической продукции на синхронных поселениях северной подгорной равнины Копетдага, позволяет предложить альтернатив-ный вариант реконструкции этого процесса в Юго-Восточном Прикаспии, хотя там пока не найдено мест для обжига древней керамики.

Поверхность сосудов с растительной и, особенно, с минеральной при-месью в тесте имеет пятна, которые, как уже давно известно, образовались во время обжига потому, что эти места сосудов подвергались более сильному или наоборот более слабому воздействию пламени: они были или сильнее, или слабее прокалены, чем остальные места сосуда. Такое явление могло возник-нуть в двух приспособлениях для обжига посуды, которые известны на поселениях IV тыс. до н. э. В период Намазга I керамические изделия обжи-гали в кучах, обложенных топливом, преимущественно сухим навозом: место

для такого обжига было открыто на поселении Дашлыджи-тепе в Геоксюрском оазисе (Хлопин, 1964: 117). Открытое коптящее пламя уходило вверх а внутри такой кучи был равномерный и достаточно высокий жар. Однако, в Геоксюрском оазисе уже со второй половины IV тыс. до н. э. внедряется техническая новинка: специальный горн для обжига мелкой керамической продукции, развившийся из большого бытового домашнего очага. В нем топочная и обжигательная камеры располагались почти на одном уровне, но были разделены невысокой стенкой, которая не всегда предохраняла обжигаемые изделия от воздействия коптящего пламени (Хлопин, 1964: 122). Представляется более вероятным, что на поселениях раннего энеолита в долине Сумбара посуду обжигали в кучах топлива.

Дополнительным аргументом в пользу этого является технология обжига серой керамики. Известны два типа обжига посуды — окислительный и восстановительный. Окислительный происходит при достаточном присутствии кислорода, а это приводит к тому, что окислы железа, неминуемо находящиеся в глине, окрашивают все изделие в красные тона. Именно так обожжена посуда с растительной и минеральной примесью в тесте. Восстановительный обжиг протекает без доступа кислорода к обжигаемому изделию или при явной его недостаточности. Тогда и получается серый (до черного) цвет черепка и поверхности сосуда, что достигалось непросто. Можно лишь предположительно реконструировать начало, т.е. возникновение первичных условий для восстановительного обжига. Вероятнее всего, крупные сосуды, с целью более компактного размещения обжигаемой продукции, были как-то использованы в качестве своеобразных емкостей, куда были загружены более мелкие гончарные изделия. Для того, чтобы внутрь не попало топливо или продукты его сгорания, эти «контейнеры» были закрыты либо крышками, либо другими сосудами. Можно представить себе удивление людей, разбиравших после обжига кучу готовой продукции, когда в большом красном хуме (допустим это!) оказались невиданные ранее серые чаши, кубки и пиалы. Остается только продолжить мысль — эффект был настолько велик, что эмпирически полученный результат вскоре стал нормой на много веков с сохранением секрета технологического процесса производства серой посуды в Юго-Восточном Прикаспии, а серая керамика стала поэтому указателем путей и направлений передвижения населения из Юго-Восточного Прикаспия, в частности, из долины Сумбара. Все это, однако, произойдет много позже, а пока можно говорить только о рождении одного из основных признаков материальной культуры древнего населения Юго-Западного Туркменистана.

Итак, наше повествование подошло к характеристике форм керамического комплекса раннего энеолита Юго-Западного Туркменистана. В основе характеристики — название сосуда, т.е. его форма, затем следуют тесто и все остальные признаки. Всего насчитывается 11 форм.

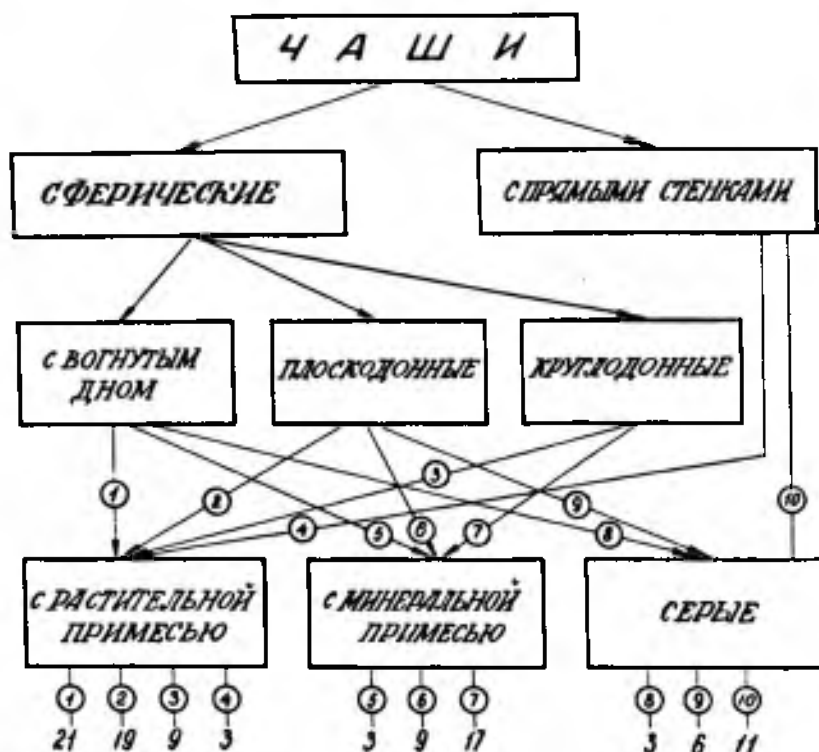

Рис. 5. Чаши раннего энеолита.

Fig. 5. Early Eneolithic bowls.

Чаши — самая большая группа сосудов — 101 штука или 64% от всей найденной керамики периода ЮЗТ-VII. Исходя из профиля, чаши можно разделить на сферические и с прямыми стенками, образованными за счет резкого перегиба. Сферические чаши имеют 3 разновидности дна, которые позволили разделить их на 3 группы: чаши с вогнутым дном, плоскодонные чаши и круглодонные. Первые две формы изготавливались из теста всех 3 сортов, круглодонных же чаш из серой глины до сих пор не найдено — они были только с растительной или минеральной примесью. Структурная схема чаш с указанием численности отдельных разновидностей, формы их дна и состава гончарного теста представлена на рис. 5.

1. Чаша сферическая с вогнутым дном (27 экз.: с растительной примесью — 21, с минеральной — 3 и серых — 3). Росписью покрыты две трети сосудов с растительной примесью (характеристику орнаментации см. ниже). Все сосуды имеют наклоненный внутрь венчик, что не дает основания считать их открытой формой. Отношение наибольшего диаметра чаши к ее высоте в

среднем равняется 1,4. По абсолютным размерам разброс довольно значительный: диаметры от 8 до 18,6 см, высота от 6 до 13,8 см. Размеры высоты и наибольшего диаметра чаш с вогнутым дном возрастают в 2,33 раза. На поверхности сосудов видны пятна от неравномерного обжига. На донцах наблюдаются следы затертости от употребления сосудов в быту.

2. Чаша сферическая плоскодонная (34 экз.: с растительной примесью — 19, с минеральной — 9, серых — 6). Орнаментировано росписью 11 чаш с растительной примесью в тесте, а красным ангобом покрыто 5. Отношение наибольшего диаметра чаши к ее высоте равняется 1,48 (причем у чаш с растительной примесью — 1,54, у чаш с минеральной — 1,46 и у серых чаш — 1,45). Диаметры колеблются от 6,6 до 17,4 см, высота — от 4,5 до 12 см. На поверхности встречены пятна от неравномерного обжига. Донца имеют следы затертости.

3. Чаша сферическая круглодонная (25 экз.: с растительной примесью — 9; с минеральной примесью — 16). Орнаментированы росписью 4 чаши с растительной примесью, красным ангобом покрыто 4 чаши (одна с минеральной примесью). Отношение наибольшего диаметра чаши к ее высоте равняется 1,42. Диаметры колеблются от 5,7 до 11,5 см, высота — от 8,6 до 13,4 см. В основном чаши не ангобированы и их поверхность — грязно-желтого или серого цвета. На многих из них наблюдается затертость дна.

4. Чаша с прямыми стенками (14 экз.: с растительной примесью — 3, причем все расписные; серые — 11). Эти чаши находятся в явном меньшинстве и четко выделяются сильной «стандартизованностью» формы. Чаш с минеральной примесью пока неизвестно. Все расписные сосуды — крупные высотой — 8,6-11,6 см, диаметр венчика — 12-15 см. Среднее отношение наибольшего диаметра к высоте составляет 1,44. Две чаши украшены фризом из заштрихованных треугольников, причем в одном случае между ними изображены биспиральные булавки. Еще одна чаша украшена наклонными отрезками линий. Серые чаши мельче: высота их колеблется от 6,7 до 12,5 см, наибольшие диаметры — от 10,5 до 16,7 см. Отношение наибольшего диаметра к высоте в среднем составляет 1,51. Появилось дополнительное соотношение между высотой стенки выше перегиба и подкосом до перегиба: наибольшее равно 2,6, наименьшее — 1,15. Здесь, как будто, можно уловить закономерность, что более древние сосуды имеют большую цифру, а менее древние, соответственно, меньшую. На серых чашах видны следы формовки сосуда, на дне отмечены следы затертости.

5. Тюльпановидный сосуд (9 экз.: с растительной примесью — 7, с минеральной — 1, серый — 1; расписных — 4, с красным ангобом — 2, без ангоба — 1). Это — диагностическая форма периода ЮЗТ-VII со сферическим вытянутым резервуаром на четко выраженном кольцевом поддоне с глубокой выемкой. Устье одного из сосудов — квадратное. Роспись состоит из шевро-

нов или арок, между которыми могут быть помещены различные изображения, в том числе солнечные круги. Высота колеблется в пределах 8-16 см, диаметр венчика — 5-15 см. Часть сосудов имеет пятна от неравномерного обжига, часть — затертость дна.

6. *Горшочек сферический* (9 экз.: с растительной примесью — 1, с минеральной примесью — 5, серых — 3). Горшочек с растительной примесью — расписной: от горизонтальной полосы на горле отходят ко дну 4 ленты, внутреннее пространство которых заполнено рисунком стилизованного дерева, между лентами — по 3 солнца (всего 12 изображений). Горшочки с минеральной примесью — грязно-желтого или коричневого цвета, с пятнами от неравномерного обжига. Дно их не всегда четко выделено. Высота зафиксирована в пределах 4,3-8,2 см, диаметры венчиков — 4-6,5 см. На серых горшочках наблюдаются следы лощения. Один из них из камеры 240 изготовлен в виде животного, скорее всего барана, о чем свидетельствуют морда с отбитыми рогами, изображенная на одной из сторон сосуда, и хвост — на другой.

7. *Ваза* (6 экз.: с растительной примесью — 2, с минеральной примесью — 1, серых — 3). Обе вазы с растительной примесью расписаны бурой краской по красному ангобу снаружи и изнутри. Ваза из камеры 155 (высота — 18 см, диаметр венчика — 26 см, глубина резервуара — 7 см) имеет снаружи роспись из 8 двойных дуг, свисающих от венчика, а изнутри — крест из широких лент с зигзагообразным заполнением. Между лучами креста нанесены 2 маленькие окружности. Ниже венчика расположены 2 сквозных отверстия. Ваза из камеры 245 (высота — 11 см, диаметр венчика — 18 см, глубина резервуара — 7,5 см) также имеет снаружи 8, но одинарных дуг, свисающих от венчика, и на ножке — 4 широкие вертикальные полосы. Роспись внутри вазы представляет собой 8 параллельных линий, изогнутых за счет сферической поверхности резервуара. Ваза, изготовленная из теста с минеральной примесью, имела кольцевой поддон, поверхность ее заглажена, обжиг хороший, у венчика проткнуто 2 отверстия.

Сероглиняные вазы представлены 2 разновидностями. Две из них — открытые, полусферические, с отверстиями у венчика, на высоком кольцевом поддоне (у одной вазы поддон утрачен). Еще одна — полусферическая, закрытая, на низком кольцевом поддоне, без отверстий, с четкими следами формовки. Ее размеры: диаметр венчика — 19,5 см, высота — 14 см, глубина резервуара — 9,2 см. Исходя из ее местонахождения, пока можно считать этот тип вазы древнейшим.

8. *Миска* (5 экз.: с растительной примесью — 2, с минеральной примесью — 2, серая — 1). От чаш они отличаются прежде всего пропорциями: отношение диаметра венчика к высоте равняется от 2 до 2,8. Миски с растительной и 1 с минеральной примесью покрыты двусторонним красным

ангобом без росписи. Вторая миска с минеральной примесью — грязно-желтого цвета. На серой миске заметны отчетливые следы формовки. Две миски имеют отверстия у венчика. У всех затерто дно от употребления в быту.

9. *Плошка* (3 экз.: с минеральной примесью — 1, серых — 2). Маленькие плоские сосуды, напоминающие современные блюбочки для варенья. Не исключено, что их следует считать детской посудой.

10. *Пиала архаическая* (12 экз.) известна только в сероглиняном исполнении и является диагностической формой периода ЮЗТ-VII. Все сосуды — плоскодонные, открытой формы, их венчик приострен и всегда слегка отогнут наружу. Почти все они имеют следы формовки. Снаружи наблюдаются следы от вытягивания сосуда при помощи наковальни и лопаточки, изнутри — глубокие концентрические бороздки от заглаживания. Получилась своеобразная поверхность с игрой света и тени. Дно некоторых пиал затерто от употребления в быту. Высота от 6,6 до 11 см, диаметры венчиков — 8,3-17 см.

11. *Кубок архаический* (8 экз.) известен только в сероглиняном исполнении — также диагностическая форма периода ЮЗТ-VII. Все сосуды — плоскодонные и отличаются от «классического» кубка эпохи бронзы (периоды ЮЗТ-IV и ЮЗТ-III) следующими особенностями: более широким дном, выпуклой придонной частью до срединного ребра (у «классического» кубка она — вогнутая) и неравномерным прогибом стенок в верхней части сосуда. Элемент стандартизации отсутствует. На дне некоторых сосудов наблюдаются следы затертости. На донце одного кубка нанесен знак по сырой глине еще до обжига. Высота — 7,5-10,5 см, диаметры венчиков — 9,1-11,3 см.

Следующие 2 формы посуды без номеров относятся к сосудам со сквозными признаками. В эти рубрики объединены сосуды разных форм, но с одним и тем же признаком, который переходит из периода в период.

Двойной сосуд (3 экз.), все — сероглиняные. Они представлены половинами: цилиндрический сосуд с остатками перемычки и сточенным венчиком — 1 (камера 120), сферические горшочки с отогнутым венчиком и остатками перемычки — 2 (камеры 155 и 245). Вне камер, поблизости от камеры 249, нарушенной поздней ямой, был найден целый двойной сероглиняный сосуд в виде двух спаренных горшочков, возможно происходящий из этой камеры. В перемычке между горшочками было сделано сквозное вертикальное отверстие. Все сосуды найдены в поздних камерах периода ЮЗТ-VII.

Поильник (2 экз.) представлял собой сероглиняный сферический сосуд с коротким трубчатым носиком. У одного из них носик был обломан и в отверстие вставлен медный стержень. На наружной поверхности наблюдаются четкие следы формовки и затертость дна. Оба поильника найдены в поздних камерах.

Орнаментом, нанесенным на ангобированную поверхность бурой краской, украшены 36 сосудов, что составляет 22,8% от всего количества керамики, найденной в склепах этого периода, и 35% от светлоглиняной (т.е. с растительной и минеральной примесью в тесте). Если эти сосуды и их орнаменты рассмотреть по двум последовательным группам склепов, то окажется, что к ранней группе относится 16 расписных сосудов, а к поздней — 21. Ранними мотивами орнамента можно считать следующие: горизонтальные полосы вдоль венчика; свисающие дуги, иногда двойные, иногда пересекающиеся; свисающие от венчика треугольные шевроны или плавные арки, иногда с точками, кругами или иным заполнением внутри; пучки линий, идущие от дна к венчику. В поздних склепах мотивы росписи посуды становятся более разнообразными. Продолжают существовать пучки линий, идущих от дна к венчику. Используются также наклонные линии от венчика, группы косых линий, которые иногда сливались в вытянутые петли, прямоугольные сетки. Особенно выделяются своей орнаментацией ваза и сферический горшочек из камеры 153/155 и ваза из камеры 245 (см. выше).

Вазы украшены с двух сторон: снаружи на резервуар нанесены свисающие двоянные или одинарные дуги, изнутри в одном случае — параллельные линии, в другом — крест из широких полос, заполненных волнистыми линиями. К этому можно добавить, что многие фрагменты керамики, найденные вне закрытых комплексов погребальных камер, украшены такими же мотивами. Тесто их настолько грубое, что их ранняя дата не вызывает сомнений. Следовательно, нахождение в более ранних камерах сосудов, украшенных подобным образом, является вполне возможным. На тюльпановидных сосудах и на сферических горшочках есть изображение солнца. Не исключено, что эти сюжеты росписи зародились также в более раннее время. Что касается горизонтальных рядов треугольников с линейным заполнением, иногда с вертикальной полосой или рисунком биспиральной булавки между ними, то этот мотив представляется нам достаточно поздним, расцвет которого приходится на период ЮЗТ-VI.

Любой керамический комплекс состоит из четырех групп посуды, которые отражают совокупное историческое развитие данного комплекса.

1. Формы посуды, вышедшие из употребления, но продолжающие существовать в качестве пережитка — их уже не делают, а пользуются старыми.

2. Формы посуды, переходящие из периода в период без изменений и свидетельствующие о том, что найденная форма лучшим образом соответствовала ее назначению.

3. Формы посуды, которые видоизменяются от периода к периоду, но их принципиальное решение сохраняется, являя собой естественную эволюцию во времени.

4. Формы посуды, возникающие только в данном периоде без видимых корней в предыдущем, как результат воздействия со стороны или появления новых направлений в хозяйственной деятельности.

В силу объективных причин, к периоду ЮЗТ-VII эта дифференциация форм применима не полностью, т.к. пока остаются неизвестными предшествующие культурно-исторические периоды и, соответственно, их керамические комплексы. Однако, все же есть археологические материалы, которые позволяют поставить ряд вопросов и решить их гипотетически. Так, например, облик керамического комплекса ЮЗТ-VII позволяет с уверенностью говорить о том, что его нельзя считать изначальным. И действительно, отдельные находки на могильнике Пархай II приводят к некоторым предположениям. Речь идет о фрагментах керамики из заполнения ряда погребальных камер, которые часто относятся к более раннему времени, чем керамика из погребального комплекса. Объясняется это тем, что при сооружении этих камер были нарушены более ранние могилы; обломки их инвентаря были выброшены из глубины холма, а затем попали в земляное покрытие крыши склепа. Следовательно, можно предположить, что керамике типа ЮЗТ-VII предшествовало, по крайней мере, еще 2 комплекса, которые можно попытаться реконструировать в самых общих чертах.

Наиболее древний, который можно было бы назвать комплексом ЮЗТ-IX, существовал в период неолита, когда большой регион юго-западной части Средней Азии перешел к производящему хозяйству. На северной подгорной равнине Копетдага он представлен Джейтунской культурой (Массон, 1971), на северной подгорной равнине Эльбурса были обнаружены черепки аналогичной керамики в более поздних слоях поселения Тюренг-тепе в перемещенном состоянии (Deshayes, 1967). В долине Гургана такая керамика найдена при раскопках поселения Ярым-тепе у Гумбед-и-Кабуса (Сарианиди, 1970) и на могильнике Пархай II, где в заполнении некоторых камер эпохи бронзы были найдены черепки очень грубой посуды с примесью самана в тесте, покрытые обрывками струйчатой и скобчатой росписи. Некоторые черепки принадлежали прямоугольным, вернее овальным, сосудам, которые достаточно характерны для местного неолита и условно названы «салатницами». Последние несут в себе черты докерамических корытообразных деревянных емкостей.

За ним должен был бы следовать керамический комплекс, в котором ведущее место занимала бы красноангобированная посуда из светлого и красного глиняного теста с крупной растительной примесью — комплекс ЮЗТ-VIII. Серой керамики, которая только зарождалась в период ЮЗТ-VII, тогда, по всей видимости, еще не было. Можно предположить, что ведущими формами в том периоде были тюльпановидные сосуды и чаши, как с вогнутым дном, так и плоскодонные (такие известны в Джейтунской культуре), а также, вероятно, и круглодонные. Возможно, что тогда уже могли существовать

сферические горшки. Можно далее предположить отсутствие в то время посуды с минеральным отощителем глины (кроме кухонной), поскольку ее появление и достаточно широкое присутствие в комплексе ЮЗТ-VII следует, по-видимому, связывать с поисками нового состава теста для изготовления сероглиняной посуды.

Рассматривая керамический комплекс ЮЗТ-VII с учетом высказанных предположений, можно попытаться выделить с некоторым основанием те группы керамики, о которых говорилось выше. Форм, вышедших из употребления, вероятнее всего, не было из-за малого ассортимента посуды того времени. Из предыдущего периода в этот перешли, вероятнее всего, тюльпановидные сосуды и сферические чаши. Также, как трудно указать вышедшие из употребления формы, трудно выделить и те, которые эволюционируют от периода к периоду. Зато с достаточной уверенностью можно говорить о тех сосудах, которые появились впервые в раннем энеолите без видимых корней. Это — все сероглиняные сосуды: пиалы архаические, кубки архаические и чаши с прямыми стенками, хотя последние известны и в светлоглиняном, расписном варианте. Также, видимо, только тогда появились и вазы. Можно предположить, что первоначально, будучи светлоглиняными красноангобированными, они имели сплошные ножки, поскольку глиняная масса такого состава не позволяла сделать полые. Последние стали делать при изготовлении сосудов из серой глины. Процентное соотношение светлоглиняной и сероглиняной посуды говорит о том, что в период ЮЗТ-VII серая керамика была в новинку и еще ни в коем случае не претендовала на ведущую роль в керамическом комплексе. В период ЮЗТ-VII производство серой посуды стало известно, но еще не вытеснило прежние навыки. Керамический комплекс этого времени отражает истоки сероглиняной керамики.

Одинаковая технология обжига позволяет объединить изделия с минеральной и растительной примесью в тесте и противопоставить их сероглиняной посуде. В совокупности это — 103 сосуда или 65,2% от всего количества керамики из погребальных камер периода ЮЗТ-VII. Сероглиняные 55 сосудов, соответственно, составляют 34,8%, причем в это число включены 5 сосудов с так называемыми сквозными признаками.

Количественное соотношение между светлоглиняной и сероглиняной посудой станет ясным, если распределить ее по тем последовательным хронологическим группам камер, о которых речь шла выше. Оказалось, что 16 более ранних камер содержали 59 сосудов (в среднем менее 4 сосудов в камере), из которых светлоглиняных — 42, а серых — 17 (в 2,5 раза меньше). В 8 более поздних камерах было 99 сосудов (в среднем более 12 сосудов в камере), из которых светлоглиняных — 62, а серых — 37 (почти в 1,5 раза меньше).

Как можно видеть, разница в наборах посуды между группами камер достаточно выразительная.

б). Металлические изделия.

Сравнительно небольшая коллекция металлических изделий из склепов раннего энеолита вряд ли отражает действительное положение с металлом в то время.

Ранние погребальные комплексы являются и самыми бедными, т. к. там почти нет металлических вещей. В камере 213 найдена только одна проколка с расплюснутой полукруглой (треугольной ?) головкой, а в камере 152 — круглый в сечении браслет в полтора оборота. Основное количество металлических предметов происходит из более поздних камер. Все они, согласно определениям В. А. Галибина, изготовлены из чистой меди. Это — острия с треугольным щитком и отверстием в нем — 3 экз. (камеры 117, 134 и 241); булавки со щитковым навершием в виде двух круглых лопастей — 2 экз. (к. 117), гвоздик со шляпкой (к. 155), похожий на те, которые в камерах следующего периода будут найдены во рту погребенных там женщин.

Названные выше острия с треугольным щитком были первоначально приняты за булавки (Хлопин, Хлопина, 1989). Однако их расположение на груди скелетов, особенно, в камере 241 среди нанизанных бус, позволили отказаться от первоначального функционального определения. Скорее всего, это было какое-то шило и употреблялось женщинами в каком-то специфическом ремесле. Треугольный щиток служил ручкой, которая не давала произвольно поворачиваться инструменту во время работы.

в). Украшения из камня и других материалов.

Украшения из камня в основном представлены бусами. Мелких бусин найдено 303 штуки. Они располагались на кистях рук в виде низок и, по-видимому, использовались в качестве браслетов. Бусы изготовлены из кальцита, лазурита, сердолика, стеатита, агата, гематита и гипса. Кроме того, найдены крупные бусины — 4 гипсовых, 1 кальцитовая, 1 трапецевидная из коричневого сердолика, 1 боченовидная бирюзовая и 1 плоская из гематита (кровоавика). Последние, скорее всего, служили амулетами.

В камерах 120, 121, 237, 245 и 252 найдены сферические ядра для пращей.

г). Органические остатки.

Из органических остатков особенно следует отметить панцири сухопутных черепах из камеры 120, а также левую голень молодой овцы.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

На основании совокупных материалов периода ЮЗТ-VII может быть восстановлен обряд погребения самого раннего периода истории и культуры населения Юго-Восточного Прикаспия, обитавшего, в частности, в долине Сумбара. Ранняя группа камер показывает, что умерших хоронили в коллективных погребальных склепах последовательно. Члены какого-то реально

существовавшего коллектива, по мнению живых, должны были и после смерти оставаться вместе навсегда. Коллективные же погребения, как нам удалось показать на материале погребальных камер Геооксюрского оазиса в древней дельте реки Теджен рубежа IV и III тыс. до н. э. (Chlorin, 1977), появились в среде древних земледельцев при становлении в их обществе патриархальных отношений: в них хоронили кровных родственников одного поколения, т. е. родных братьев и сестер. Первоначально эта группа была сравнительно небольшой и не превышала, очевидно, 10 человек (чаще — 2-6 человек). Осталось не совсем ясным имела ли в раннем периоде погребальная камера боковой вход или для совершения очередного захоронения достаточно было вскрыть не очень глубокую камеру сверху. Каждому умершему ставили заупокойную пищу в сосуде, взятом из домашнего имущества.

Дальнейшее развитие показывает тенденцию к увеличению числа покойников в склепе. Это позволяет ретроспективно предположить, что в периоды ЮЗТ-VIII и ЮЗТ-IX, которые еще ждут своего открытия, скорее всего, практиковали одиночные захоронения в индивидуальные могилы и ставили туда заупокойную пищу и питье в крупных сосудах. Более поздние камеры периода ЮЗТ-VII уже имеют четко обозначенный боковой вход, заложенный каменной плитой, сохранившейся до нашего времени. Только при такой конструкции погребального сооружения можно было, не разрушая его, поместить туда два — три десятка покойников. Количество найденных там сосудов меньше количества погребенных, что может указывать на появление имущественной или половой дифференциации в обществе.

К сожалению, антропологические определения столь раннего материала не всегда были возможны из-за его плохой сохранности, а также из-за нерегулярного присутствия антропологов в процессе раскопок. Как бы то ни было, получается, что те погребенные, чьи скелеты сохранились в анатомическом или достаточном для определения позы порядке, были уложены вне зависимости от их пола и возраста на правый бок, лицом ко входу в камеру, с более или менее сильно согнутыми ногами. Руки были уложены по-разному, но надо помнить, что покойник лежал в пустом пространстве склепа и был подвержен естественному поворачиванию и нарушению первоначальной позы. Зафиксированы следующие положения рук: обе вытянуты вдоль тела; левая согнута в локте, а правая вытянута вдоль тела; кисти обеих рук — перед лицом.

По всей вероятности, покойников хоронили одетыми, а женщин — с принадлежавшими им лично украшениями и амулетами. Покойникам обоего пола ставили сосуды с каким-то содержимым, остатки которого не сохранились. Возможно, это была вода, однако не исключено, что некоторые сосуды были пустыми, поскольку их нашли вставленными один в другой. Отмеченная затертость донцев сосудов говорит о том, что для погребальной церемонии

употреблялась бытовая посуда, а не специально изготовленная. Небольшие размеры чаш и горшочков могут объясняться тем, что это были предметы индивидуального пользования.

При совершении очередного захоронения кости предыдущего покойника и положенные вместе с ним вещи довольно небрежно отодвигали к дальней от входа стенке камеры. Похоже, что по представлениям древних людей, душа уже покинула бранные останки и с ними можно было не церемониться.

Сказать что-либо о надмогильных сооружениях не представляется возможным, однако, судя по тому, что одновременные камеры никогда не нарушали друг друга, какие-то внешние признаки у склепов были. Возможно, что население совершало на кладбище какие-то поминальные обряды, поскольку вне могил были найдены обломки сосудов того же времени, но более крупных, чем те, которые ставили покойникам. Случаи использования огня во время погребальной церемонии не отмечены, что, возможно, находит объяснение в изначальной святости этой стихии и запрете на соприкосновение огня с мертвым телом.

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Определение культурной принадлежности и решение вопросов хронологии являются завершающим этапом археологического исследования памятников любой культуры и любого времени. Ответить на эти вопросы исчерпывающим образом невозможно, если тот или иной памятник не с чем сравнить, ибо метод сравнения и аналогий — единственный пока инструмент археологии. В случае с могильником Пархай II дело обстоит непросто, особенно в культурном отношении, поскольку этот памятник является в значительной степени уникальным, причем, чем древнее могилы, тем сложнее представляется решение вопроса. Территория распространения этой культуры довольно ограничена — Юго-Восточный Прикаспий, куда входят не только долины рек Каспийского бассейна, но и северная подгорная равнина Эльбурса, на которой расположены всемирно известные поселения Шах-тепе и Тюренг-тепе, а также многие десятки еще не раскопанных. Ближайшими соседями являются поселения древних земледельцев северной подгорной равнины Копетдага, которые развивались параллельно. Таков круг памятников, которыми можно оперировать, рассматривая наиболее древние этапы культурного развития населения Юго-Восточного Прикаспия, а точнее — долины среднего течения реки Сумбар.

Расписная керамика периода ЮЗТ-VII должна быть сопоставлена с аналогичной посудой, распространенной на северной подгорной равнине Копетдага, что, прежде всего, касается теста и фактуры черепка, поскольку

орнаментация и, частично, формы могут не совпадать. Керамика с такими характеристиками существовала на поселениях названной территории в период Намазга I, который принято относить к раннему энеолиту. У нее было рыхлое светлое или красное тесто с сильной растительной примесью, двусторонний ангоб для придания сосуду гладкой поверхности, который одновременно служил грунтом под расписной орнамент. Позднее такое тесто практически не использовалось из-за перехода к обжигу гончарной продукции в специальных горнах с другим температурным режимом. Следовательно, дата периода может быть определена как первая половина IV тыс. до н.э.

Предшествовавшая ей неолитическая керамика джейтунского типа принадлежала не только населению северной подгорной равнины Копетдага, а была распространена значительно шире — по всему Юго-Западно-Азиатскому региону. Она найдена в нижних слоях Тюренг-тепе на северной подгорной равнине Эльбурса, в нижних слоях Ярым-тепе, расположенного в верхнем течении реки Горган. Следовательно, эта керамика в V тыс. до н.э. была общим субстратом древнеземледельческих культур на огромном пространстве. Возникшая на ее основе расписная керамика типа Намазга I или ЮЗТ-VII была распространена также широко, хотя в каждом естественно-географическом районе были свои палеозтнографические особенности, выразившиеся, в частности, в манере начертания сходных мотивов орнаментации керамики.

Следовательно, культура периода ЮЗТ-VII может быть датирована первой половиной и серединой IV тыс. до н.э. (с возможным заглублением в конец V тыс. до н.э.). Носители культуры этого периода населяли большую культурную провинцию, расположенную к востоку от Каспийского моря, в долинах рек его бассейна, а также в Туркмено-Хорасанских горах. Тогда население этой области еще не было расчленено на отдельные этнические общности и представляло собой единый пласт, унаследовавший свое единство от эпохи перехода к производящему хозяйству. Это событие в указанной провинции произошло, скорее всего, одновременно. Население обоих регионов, как можно предполагать, было не только родственным изначально, но и говорившим на диалектах одного языка, что облегчало межплеменные контакты. Правда, к раннему энеолиту уже появляются тенденции, которые в недалеком будущем приведут естественные географические районы к культурной и этнической обособленности. В частности, северные предгорья Колетдага обособятся от Юго-Восточного Прикаспия. Впервые эта тенденция отчетливо проявится в следующем культурно-историческом периоде ЮЗТ-VI.

II. РАЗВИТОЙ ЭНЕОЛИТ (период ЮЗТ-VI)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

К периоду развитого энеолита ЮЗТ-VI относится 31 погребальная камера. Они также расположены в западной части холма, но наблюдается тенденция их смещения к центру холма, к востоку (см. рис. 3, 4).

ГРУППОВЫЕ КАМЕРЫ

Представлены 5 камерами, объединенными в 2 группы.

Группа I. Камеры 81, 94, 96 [Е/Ж-5] (табл. 27).

1. Камера 81 — овальная (160×130 см), вытянута по линии СВ — ЮЗ. Эта камера является верхним ярусом погребения, которое было совершено в камере 93 (см. табл. 4: 1), относящейся по материалу к раннему энеолиту ЮЗТ-VII. Вход в нее вел с СЗ, но был разрушен более поздней камерой 84. Скелеты обеих погребенных сохранились в анатомическом порядке. Они лежали на правом боку, в скорченном положении, лицом ко входу, в затылок одна другой. У последней погребенной — женщины 35-40 лет кисть правой руки находилась перед грудью, левой — у лица. У второго скелета — девушки 14-15 лет кисти обеих рук располагались перед лицом (табл. 24: 1).

Находки. Керамические сосуды — 3: с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная (табл. 24: 4), найденная в головах у старшей женщины; серые — ваза на полой ножке с отверстием у венчика (табл. 24: 6), обнаруженная в головах у женщины; чаша с прямыми стенками (табл. 24: 5) находилась в головах у девушки.

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 24: 3) найдена в головах у женщины.

Прочее: резервуар вазообразного сероглиняного жертвенника с отверстием в центре (табл. 24: 7), обнаруженный в головах у девушки; крупная цилиндрическая костяная бусина белого цвета (табл. 24: 2) лежала перед лицом женщины.

2. Камера 94 — овальная (165×130 см), имела спрямленные стенки. Вход с ЮВ фиксировался по мощному закладу из камней и больших черепков от крупных сосудов. В камере расчищено 6 скелетов: 4 женских и 2 детских. Три скелета лежали в одинаковой позе: в скорченном положении, на левом боку,

лицом ко входу, головами на В. Их руки согнуты в локтях так, что кисти, чаще всего, находились перед грудью. Четвертый скелет (17-18 лет) лежал на ногах трех предыдущих в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на Ю. Рядом с ним находились остатки детских скелетов. Все вещи обнаружены у взрослых погребенных (табл. 25: 1).

Находки. Керамические сосуды — 4: с минеральной примесью — миска без ангоба (табл. 25: 8), лежавшая перед грудью ближнего ко входу скелета; серые — ваза на полой ножке (табл. 25: 7), найденная в головах второго скелета, чаши с прямыми стенками — 2 (табл. 25: 5,6), располагавшиеся за спиной дальнего от входа погребенного и напротив лица четвертого из них.

Металлические изделия: булавка со шитковым навершием (табл. 25: 3) обнаружена у черепа дальнего от входа скелета; стержень длиной 180 мм (табл. 25: 4) найден близ черепа среднего скелета; булавка с биспиральным навершием (табл. 25: 2) лежала у нижней челюсти ближнего ко входу скелета.

3. Камера 96 — овальная (240×205 см), вытянута по линии В — З и имела вход с З, заложженный каменной плитой и крупными черепками от больших сосудов. В камере обнаружены останки 20 человек: 4 мужчины, 5 женщин, 6 детей и 5 взрослых неопределенного пола. В анатомическом порядке сохранились скелеты 2 последних погребенных. Последним захоронен мужчина 45-50 лет в слабо скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на С. Кисть левой руки находилась перед грудью, кисть правой — под нижней челюстью. За его спиной в такой же позе, но с вытянутой правой рукой, лежал скелет женщины 30-35 лет (табл. 26: 1).

Находки. Керамические сосуды — 7: с растительной примесью — чаша сферическая плоскодонная красноангобированная (табл. 26: 4) обнаружена у затылка мужчины; с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная без ангоба (табл. 26: 3), миска без ангоба (табл. 26: 5); серые — чаши с прямыми стенками — 2 (табл. 26: 6,7), вазы на полой ножке — 2 (табл. 26: 8,9).

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 26: 2) найдена у затылка женщины.

Группа II. Камеры 142, 154 [Д-8/9].

4. Камера 142 — овальная (250×180 см), вытянута по линии С — Ю и имела вход с З. Она была перекрыта и частично нарушена камерой 140/141. В восточной части камеры, в ее задней стенке была устроена ниша для складывания костей ранее погребенных. На полу камеры расчищены 6 скелетов взрослых и 1 — ребенка. Все взрослые погребенные были уложены один за другим, в затылок друг другу, на правом боку, головами на В. Ноги были согнуты в коленях, кисти рук находились перед грудью. У трех последних погребенных отсутствовали черепа (табл. 28: 1).

Находки. Керамические сосуды — 4: с минеральной примесью — чаши

сферические круглодонные без ангоба — 2 (табл. 28: 7,8); серые — чаша сферическая плоскодонная (табл. 28: 6), поильник с трубчатым носиком (табл. 28: 5). Все сосуды найдены у затылка четвертого от входа скелета.

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 28: 3) обнаружена у темени скелета 6; колечко в 3 оборота (табл. 28: 4).

Прочее: бусины, изготовленные из перламутра и сердолика — 4 (табл. 28: 2).

5. Камера 154 — овальная (260×200 см), вытянута по линии С — Ю. Вход с юга заложено каменной плитой. В камере обнаружены останки не менее 16 погребенных. У входа лежал последний погребенный — взрослый в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на 3. Кисти рук находились у тазовых костей (табл. 29: 1).

Находки. Керамические сосуды — 11: с растительной примесью — чаша сферическая круглодонная красноангобированная (табл. 29: 15); с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная без ангоба (табл. 30: 3); серые — кубок архаический (табл. 30: 1), чаша с прямыми стенками (табл. 30: 2), ваза на полой ножке (табл. 30: 8), чаша сферическая плоскодонная (табл. 30: 7), чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 30: 5,6), горшочек сферический (табл. 30: 4), вазы с резко отогнутым венчиком — 2 (табл. 30: 9,10). Ваза на полой ножке, кубок архаический и 3 чаши (2 светлоглиняных и 1 сероглиняная) найдены в завале костей. Остальные сосуды двумя группами располагались в ногах и в головах последнего погребенного.

Металлические изделия: булавка с гвоздевидным навершием (табл. 29: 14); гвоздики — 7 (табл. 29: 7-13); колечки из проволоки в 1,5 оборота — 4 (табл. 29: 3-6), обломок пластины (табл. 29: 2).

ОДИНОЧНЫЕ КАМЕРЫ

Составляют большинство и представлены 21 камерой.

6. Камера 11 [E-3] — округлая (ок. 130 см в диаметре), расположена близко от поверхности земли, вследствие чего плохо сохранилась. Ее контуры и место входа не прослежены, хотя, возможно, вход был с СВ, где найдено скопление камней и сырцовых кирпичей. Характерной позы последнего погребенного в данном случае не зафиксировано. В южной половине камеры находилось скопление костей, принадлежавших 6 погребенным: 4 взрослым, 2 детям (табл. 31: 1).

Находки. Керамические сосуды — 3: с минеральной примесью — горшочек сферический (табл. 31: 5), плошка мелкая овальная (табл. 31: 4); серый сосуд с трубчатым носиком — поильник (табл. 31: 6).

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (самые большие спирали каждая — 6 см в диаметре) (табл. 31: 3); гвоздик (табл. 31: 2).

7. Камера 23/24 [Е-3] — округлая (ок. 240 см. в диаметре), имела вход с С (табл. 32: 1). В Ю стенке, напротив входа устроена ниша для костей, которая первоначально была принята за отдельную погребальную камеру и получила номер 23. Сверху камера была перекрыта более поздними склепами — 22 (период ЮЗТ-IV) и 20 (период ЮЗТ-I). В камере обнаружены останки 17 человек: 4 скелета лежали в анатомическом порядке, а кости 13 остальных находились у задней стенки камеры. Кроме того, в нише найдены останки еще 8 погребенных разного пола и возраста. Последней погребена женщина 23-25 лет в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой на З. Кисть правой руки находилась на ребрах, кисть левой — на тазовых костях. За ее спиной лежал ребенок 8-9 лет в скорченном положении, на правом боку, головой на З. Правая рука вытянута вперед, кисть левой руки располагалась под нижней челюстью. Перед лицом этого погребенного и на его правой голени обнаружены 2 скелета новорожденных младенцев, лежавших на левом боку, лицом ко входу, головой на З.

Находки. Керамические сосуды — 10: с растительной примесью — чаша сферическая плоскодонная расписная (табл. 32: 13), горшочки сферические расписные — 2 (табл. 32: 8,9) (1 — с двумя ручками); серые — чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 32: 10,11), одна из которых найдена у последней погребенной, чаши сферические плоскодонные — 2 (табл. 32: 14,17), чаша с прямыми стенками (табл. 32: 12), горшочки сферические — 2 (табл. 32: 15,16), один обнаружен у последней погребенной.

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 32: 7) найдена у последней погребенной; височные колечки — 2 (табл. 32: 5,6) обнаружены на черепе ребенка; гвоздики — 3 (табл. 32: 2-4).

Прочее: бусина цилиндрическая лазуритовая; панцирь сухопутной черепахи найден у правой кисти второго скелета.

8. Камера 27 [Д-2] — овальная (240×200 см), имела вход с С, заложённый камнями и сырцовыми кирпичами. Дно ее находилось на глубине 120 см от уровня дневной поверхности (табл. 33: 1). В задней стенке камеры устроена ниша глубиной до 1 м, заполненная давленными костями от 10 скелетов. Уровень дна ниши — на 20 см выше дна камеры. На дне камеры лежали 5 скелетов в анатомическом порядке, на левом боку, лицом ко входу, головой на З. Ближе всех ко входу лежал скелет новорожденного младенца. За ним лежал скелет ребенка 5-6 лет на спине, ноги его развалились ромбиком, руки вытянуты вдоль тела. Не исключено, что при разложении мягких тканей тела он развернулся в пустом пространстве камеры. Следующий скелет принадлежал подростку, левая рука которого была вытянута вдоль тела. Кисть правой руки находилась на груди. Под ним располагался скелет взрослого человека, лежавший на спине с вытянутыми вдоль тела руками (черепа отсутствовал). Поза пятого, последнего скелета во всем повторяет позу предыдущих. В ногах

погребенных лежал почти целый скелет взрослой овцы без головы, на левом боку.

Находки. Керамические сосуды — 5: с минеральной примесью — горшочек сферический без ангоба (табл. 33: 3); сероглиняные — чаша сферическая круглодонная (табл. 33: 5) найдена в головах второго скелета, горшочек сферический (табл. 33: 4), чаша сферическая плоскодонная с горизонтальными каннелюрами (табл. 33: 7) лежала близ скелета овцы, половина двойного сосуда (табл. 33: 6).

Прочее: четырехногая керамическая сероглиняная поделка неизвестного назначения (табл. 33: 2) обнаружена в головах третьего скелета; круглый серый вазообразный керамический жертвенник с отверстием (табл. 33: 8) находился у скелета овцы; сердоликовые бусины — 2, а также 2 панциря сухопутных черепах найдены близ скелетов младенца и ребенка.

9. Камера 30 [Д-2/3] — овальная (210×150 см), вытянута по линии С — Ю. Вход располагался с З. Обычного положения последнего погребенного а данном случае не зафиксировано. В камере обнаружены останки 15 человек разного пола и возраста. Все кости сильно подавлены (табл. 34: 1).

Находки. Керамические сосуды — 5: с растительной примесью — чаша сферическая круглодонная без ангоба (табл. 34: 3); с минеральной примесью — горшочек сферический без ангоба (табл. 34: 4); серые — чаша сферическая круглодонная (табл. 34: 5), чаши с прямыми стенками (?) — 2 (утрачены).

Металлические изделия: булавка длиной 200 мм с треугольным навершием, (табл. 34: 2); гвоздик.

Камера 49 [Д-2] имела 2 яруса погребений в одних и тех же границах, разделенных прослойкой земли толщиной 15-20 см.

10. Камера 49 (нижний ярус) — овальная (270×250 см), вытянутая по линии СЗ — ЮВ. Вход с СЗ отмечен большим скоплением камней от заклада (табл. 35: 1). Обычного положения последнего погребенного здесь также не зафиксировано. Скопление костей принадлежало не менее 18 — 20 погребенным.

Находки. Керамические сосуды — 3: с растительной примесью — чаша сферическая с вогнутым дном расписная (табл. 35: 6), красноангобированная ваза на сплошной ножке (табл. 35: 8); серая чаша с прямыми стенками (табл. 35: 7).

Металлические изделия: гвоздики — 4 (табл. 35: 4,5), 2 из которых не сохранились; колечко проволочное (табл. 35: 3).

Прочее: бусины — 3 (табл. 35: 2).

11. Камера 49 (верхний ярус) — округлая (ок. 220 см в диаметре), имела вход на том же месте (табл. 36: 1). В камере обнаружены останки около 20

погребенных. Сильно нарушенный скелет последнего из них лежал на правом боку, лицом ко входу, головой на ЮЗ. Среди завала костей найдены длинные кости и обломки черепов с пятнами красной охры.

Находки. Керамические сосуды — 3: сероглиняные — кубок архаический (табл. 36: 6), чаша сферическая круглодонная (табл. 36: 7), горшочек сферический (табл. 36: 5).

Металлические изделия: гвоздики — 3 (табл. 36: 2–4).

Прочее: панцирь сухопутной черепахи лежал на бедре последнего погребенного.

12. Камера 53 [Г-2] — овальная (220×140 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Место входа не обнаружено, а над камерой располагалась большая куча камней. Сильно раздавленный развал костей в южной части камеры принадлежал не менее 6 погребенным (табл. 37: 1).

Находки. Керамические сосуды — 3: с растительной примесью — чаша сферическая круглодонная красноангобированная (табл. 37: 4), ваза красноангобированная на сплошной ножке (табл. 37: 5); сероглиняный — горшочек сферический (табл. 37: 3).

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 37: 2).

13. Камера 58 [Г-1/2], границы которой не установлены, возможно, представляла собой яму, куда сбрасывали кости и посуду из вычищаемых склепов (табл. 38: 1).

Находки. Керамические сосуды — 2: сероглиняные — чаша сферическая круглодонная глубокая (табл. 38: 7), горшочек сферический (табл. 38: 8).

Металлические изделия: бусины — 37 (табл. 38: 2); сердоликовые бусины на проволоке — 18 (табл. 38: 4).

Прочее: резервуар круглого вазообразного жертвенника с отверстием в центре, украшенного двусторонней росписью (табл. 38: 6); обломок резервуара круглого сероглиняного вазообразного жертвенника (табл. 38: 5), бусины сердоликовые — 62 (табл. 38: 3).

14. Камера 99 [Ж-5] — овальная (200×165 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Вход с СЗ был закрыт каменной плитой (табл. 39: 1). В камере обнаружены останки 15 погребенных. Скелет последнего погребенного — ребенка 5-6 лет лежал в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой на СВ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте и лежала поперек живота. За его спиной расчищен скелет взрослой женщины на правом боку, лицом ко входу, головой на СВ.

Находки. Керамические сосуды — 4: сероглиняные — чаша сферическая круглодонная (табл. 39: 6), чаша сферическая плоскодонная (табл. 39: 5) находилась перед лицом женского скелета, горшочек сферический (табл. 39: 4), горшочек сферический орнаментированный (табл. 39: 3) найден у черепа детского скелета.

Прочее: черная плоская круглая пронизка также найдена у детского скелета (табл. 39: 2).

Камера 132 [Д/Е-7/8] — овальная (250×200 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Вход с ЮЗ закрыт вертикальной каменной плитой. Четкая входная яма слегка нарушена более поздней камерой 133, относящейся к тому же культурно-историческому периоду. В камере зафиксировано 2 яруса погребений одного периода, разделенные стерильной прослойкой земли толщиной 20 см.

15. Камера 132 (нижний ярус) содержала кости 35 погребенных: 7 мужчин, 16 женщин, 12 детей (табл. 40: 1). Скелет последнего погребенного, женщины (?), сохранился в анатомическом порядке, на правом боку с почти прямыми ногами, лицом ко входу, головой на СЗ. Руки согнуты в локтях и кисти их находились на ребрах.

Находки. Керамические сосуды — 6: с растительной примесью — чаши с прямыми стенками расписные — 2 (табл. 40: 6,9); с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная без ангоба (табл. 40: 8), сосуд биконический архаический без ангоба (табл. 40: 4); сероглиняные — чаша сферическая плоскодонная (табл. 40: 7), чаша с прямыми стенками (табл. 40: 5).

Металлические изделия: стержень (обломок булавки ?) (табл. 40: 3); тонкие прутки.

Прочее: мелкие кальцитовые или фаянсовые (?) бусины — 62 (табл. 40: 2).

16. Камера 132 (верхний ярус) содержала кости 6 погребенных: 3 взрослых женщин, 3 детей (табл. 41: 1). В анатомическом порядке сохранились скелеты 1 женщины и 2 детей. Женский скелет лежал на правом боку со слегка согнутыми ногами, лицом ко входу, головой на СЗ. Руки согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом. Оба детских скелета помещены между женским скелетом и входом. Они лежали на левом боку, спиной ко входу, головой на СЗ. Ноги слегка согнуты, руки согнуты в локтях, кисти рук располагались перед лицом. У одного из погребенных ноги распались ромбиком.

Находки. Керамические сосуды — 3: с растительной примесью — чаша нерасписная сферическая плоскодонная (табл. 41: 3); сероглиняные — ваза на сплошной ножке (табл. 41: 4); чаша с прямыми стенками (табл. 41: 5). Все найдены в головах женского погребения.

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 41: 2) обнаружена у затылка женского скелета.

Прочее: бусины стеатитовые — 3.

17. Камера 133 [Д/Е-7] — овальная (240×210 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Место входа с достоверностью установить не удалось, так как вокруг камеры было много других, частично ее нарушивших. В камере 133 зафиксированы следы верхнего яруса погребений, совершенно разрушенного, от которого осталось 3 разбитых подростковых черепа без вещей. В нижнем

ярус (табл. 42: 1), на полу камеры обнаружено 5 скелетов. Последней погребена женщина 18-20 лет, лежавшая на левом боку со слабо согнутыми ногами, спиной к предполагаемому месту входа, головой на СВ. Кисти рук находились перед лицом. Второй и третий скелеты также принадлежали женщинам 20-25 и 30-40 лет и лежали в затылок друг другу, на правом боку, лицом ко входу, головой на СВ. Их ноги сильно согнуты в коленях. У второго скелета кисти рук находились перед лицом, а у третьего — правая рука вытянута вдоль тела. Четвертый скелет ребенка 6-7 лет располагался на ногах второго скелета. Пятый скелет взрослой женщины был сложен в виде кучи костей у задней стенки камеры.

Находки. Керамические сосуды — 2: сероглиняные сосуды — чаша с прямыми стенками (табл. 42: 2), чаша сферическая круглодонная (табл. 42: 3). Обе стояли близ головы второго скелета.

Металлические изделия: игла (табл. 43: 4); массивный браслет в 1,5 оборота (табл. 43: 8); булавки с биспиральными навершиями — 3 (табл. 43: 5-7); колечки — 2 (табл. 43: 2,3). Две булавки лежали в головах третьего скелета, все остальное — в головах первого скелета.

Прочее: пронизки цилиндрические стеатитовые — 3, бусины мелкие из лазурита и сердолика — 25 (табл. 43: 1).

18. Камера 139 [Д-8] — очень плохой сохранности. Ее контуры и место входа проследить не удалось. В ней обнаружены остатки скелетов взрослого и ребенка. Взрослый лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на СЗ (табл. 44: 1).

Находки. Керамические сосуды — 4: чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 44: 5,6), горшочек сферический (табл. 44: 4), коническая чашечка с двумя налепами на венчике (двойной сосуд ?) (табл. 44: 7).

Металлические изделия: треугольная пластинка неизвестного назначения (табл. 44: 2).

Прочее: белые известняковые бусины — 5, костяная бусина (табл. 44: 3).

19. Камера 140/141 [Д-8] сохранилась плохо, находясь близко от дневной поверхности, и первоначально была принята за две разные камеры. Ее контуры не установлены, но место входа определяется с С по куче камней заклада. В камере находились останки 16-18 погребенных, но обычного, характерного положения последнего не зафиксировано (табл. 45: 1).

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — чаша сферическая круглодонная расписная (табл. 45: 3); с минеральной примесью — сосуд биконический архаический без ангоба (табл. 45: 5); сероглиняные — чаша сферическая круглодонная (табл. 45: 4); чаша с прямыми стенками (табл. 45: 6).

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 45: 2).

Прочее: сероглиняный вазообразный жертвенник с плоским резервуаром и отверстием в центре (табл. 45: 7) был найден целым в засыпи могилы.

20. Камера 145 [Е/Ж-8] — овальная (300×220 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Вход с СЗ заложен каменными плитами, его уровень выше дна камеры на 80 см. Данная камера как бы образует парную систему с камерой 155, с которой имела общий вход, однако керамические комплексы обеих камер относятся к разным периодам. Очевидно, при сооружении камеры 145 использован вход в уже заброшенную к тому времени камеру 155. Южная сторона камеры 145 сильно нарушена более поздней камерой 143. Восточная часть камеры заполнена тонким слоем давленных костей, настолько давленных, как будто по ним многократно ходили. В СЗ части камеры находились 2 нарушенных скелета — подростка и ребенка. Подросток был уложен на спину, головой на З, ноги согнуты в коленях и поставлены вертикально. Впоследствии они распались ромбиком. Скелет ребенка ориентирован головой в ту же сторону, но сильно потревожен (табл. 46: 1).

Находки. Керамические сосуды — 6: с растительной примесью — миска нерасписная (табл. 47: 5); с минеральной примесью — сосуд биконический архаический без ангоба (табл. 47: 1), горшочек сферический без ангоба (табл. 47: 4) найден в головах подростка; сероглиняные — чаша сферическая круглодонная (табл. 47: 6) находилась в головах подростка, чаши с прямыми стенками — 2 (табл. 47: 2,3).

Металлические изделия: булавка с 2 навершиями — биспиральным и щитковым (табл. 46: 2); проволочный браслет.

21. Камера 156 [Е-8] была сооружена поверх камеры 155 и частично нарушила ее. Сама также сохранилась очень плохо, невозможно было установить ни ее размеров, ни места входа. Сохранились останки не менее 7 погребенных в полном беспорядке.

Находки. Керамические сосуды — 2: сероглиняные — кубок архаический (табл. 47: 8), ваза на полый ножке (табл. 47: 9).

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 47: 7).

22. Камера 163 [Ж-7] — овальная (225×170 см), вытянута по линии СВ — ЮЗ (табл. 48: 1). По ситуации внутри камеры можно предполагать, что вход располагался с СЗ, но был, по-видимому, уничтожен при сооружении более поздней камеры 162. В камере 163 обнаружены останки 18 погребенных: 4 мужчин, 5 женщин, 9 детей. Шесть скелетов находились в анатомическом порядке. Пять скелетов в С половине камеры лежали одинаково в затылок друг другу (нумерация от входа), на правом боку, лицом ко входу, головами на С. Ноги их слабо или довольно сильно согнуты в коленях, руки, преимущественно, согнуты в локтях, их кисти находились перед грудью. Шестой покойник был, в свое время, сдвинут с первоначального места и его скелет

лежал на левом боку, лицом ко входу, кисти рук располагались перед лицом. Их половозрастная характеристика: ск. 1 — ребенок 8 лет; ск. 2 — ребенок 7 лет; ск. 3 — девочка около 13 лет; ск. 4 — ребенок около 5 лет; ск. 5 — женщина 25-27 лет; ск. 6 — женщина 45-55 лет.

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — ваза на сплошной ножке красноангобированная (табл. 48: 9); с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная без ангоба (табл. 48: 7), причем оба вышеупомянутые сосуда найдены в головах скелета 6; сероглиняные — чаша с прямыми стенками (табл. 48: 8) обнаружена в головах скелета 1, ваза на полую ножку (табл. 48: 10) лежала перед лицом скелета 2.

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием, спирали которого выломаны в древности (табл. 48: 2), найдена у затылка скелета 2; гвоздики — 3, 2 из которых обнаружены во рту скелета 3 и 1 — скелета 5; колечки — 2 (табл. 48: 3,4) находились у скелета 3; бусина — 1 найдена у скелета 5.

Прочее: плоские лепестковые стеатитовые бусины — 12, цилиндрические известняковые бусины — 8, подтреугольный плоский амулет-подвеска из естественной гальки — 1 (табл. 48: 6). Все вещи найдены у скелета 2. Подвеска из ручки кухонного сосуда (табл. 48: 5) обнаружена у скелета 4.

23. Камера 167 [Ж/З-8] — округлая (около 210 см в диаметре). Точное место входа установить не удалось. На дне камеры обнаружено 4 скелета в анатомическом порядке, причем их взаиморасположение говорит о том, что погребение покойников совершено одновременно (табл. 49: 1). Все скелеты лежали параллельно друг другу, головами на СЗ. Скелет 1 (южный) — ребенка 7 лет лежал на левом боку с подогнутыми ногами, кисти рук находились перед лицом. Скелет 2 — женщины старше 60 лет также лежал на левом боку с почти прямыми ногами. Правая рука согнута в локте и лежала поперек живота. Кисть левой руки располагалась перед лицом. Скелет 3 — ребенка 8-9 лет был положен на правый бок со слабо согнутыми ногами. Кисти рук помещены перед лицом. Локтевые кости правой руки скелета 3 лежали поверх локтевых костей левой руки скелета 2. Скелет 4 (северный) — женщины 25-30 лет располагался на правом боку с вытянутыми ногами. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и лежала поперек груди. Первоначально покойная, вероятно, была положена на правый бок, но, из-за вытянутых ног, нижнюю половину тела развернуло в положение «на спину» при разложении мягких тканей в пустом пространстве камеры.

Находки. Керамические сосуды — 7: сероглиняные — чаши с прямыми стенками — 3 (табл. 50: 1,3,4), вазы с прямыми венчиками на полых ножках — 2 (табл. 50: 2,5), ваза с загнутым венчиком (без ножки) (табл. 50: 7), горшочек сферический (табл. 50: 6). Все сосуды сконцентрированы в головах первых двух скелетов.

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 49: 4); булавка со щитковым навершием (табл. 49: 3); стержень (игла?) (табл. 49: 2); массивные круглые в сечении «браслеты» с петельками на несомкнутых концах — 2 (табл. 49: 14,15) (все вышеперечисленные предметы найдены в головах скелета 2); гвоздики — 5 (между челюстями скелета 2) (табл. 49: 5-9); браслет из 29 бусин на левой руке и браслет из 29 бусин на правой руке скелета 4; колечко (табл. 49: 10).

Прочее: сероглиняный вазообразный круглый жертвенник с плоским резервуаром и отверстием в центре, слабого обжига (табл. 50: 8) обнаружен у затылка скелета 1; амулет из стенки кухонного сосуда с петельчатой ручкой (табл. 49: 13) найден на груди скелета 1; браслет из 52 мелких бусин из сердолика и прокаленного стеатита (фаянса?) и браслет из 52 таких же бусин находились на левой (табл. 49: 11) и правой руках (табл. 49: 12) погребенного 4.

24. Камера 168 [Ж-8] — вытянутая с неясными краями, скорее всего, является ямой, куда сбрасывали останки погребенных при чистке склепов (табл. 51: 1). В ней находились кости от 10 скелетов: 3 мужчин, 4 женщин, 3 детей.

Находки. Керамические сосуды — 5: с минеральной примесью — чаша сферическая круглодонная без ангоба (табл. 51: 3), красноангобированная ваза на сплошной ножке (табл. 51: 5); сероглиняные — чаши с прямым венчиком — 2 (табл. 51: 4,6), сосуд с трубчатым носиком — поильник (табл. 51: 2).

25. Камера 169 [Д-9] — овальная (230×165 см), вытянута по линии СВ — ЮЗ. Вход, судя по ситуации в камере, вероятно располагался с С, либо с З (табл. 52: 1). В южной половине камеры зафиксирован развал костей от 10 скелетов. В северной части камеры лежала последняя погребенная — женщина 30-35 лет в скорченном положении, на правом боку, лицом на запад, головой на С. Кисти рук находились перед лицом.

Находки. Керамические сосуды — 2: с минеральной примесью — горшочек сферический без ангоба (табл. 52: 5), сероглиняная чаша с прямыми стенками (табл. 52: 6).

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 52: 4); обломок колечка (табл. 52: 3).

Прочее: бисер из сердолика — 1 (табл. 52: 2).

26. Камера 182 [Ж-7] — овальная (230×190 см), вытянута по линии С — Ю. Вход с С заложен каменными плитами (табл. 53: 1). Она образует тройной склеп с одним входом с камерами 180 и 184, однако, последние, согласно найденным в них керамическим комплексам, были сооружены позднее камеры 182 в следующем периоде ЮЗТ-V. Камера содержала останки 19 погребенных, но в анатомическом порядке сохранился только скелет последней погребен-

ной — женщины 55-60 лет, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, лицом ко входу, головой на 3. Остальные кости принадлежали 1 мужчине, 9 женщинам, 5 детям и 1 взрослому неопределенного пола.

Находки. Керамические сосуды — 8: с минеральной примесью — горшочек сферический без ангоба (табл. 53: 8); сероглиняные — чаши сферические круглодонные — 3 (табл. 53: 5-7), причем одна из них найдена у последней погребенной, чаши с прямыми стенками — 4 (табл. 53: 9-12), из них одна также находилась у последней погребенной.

Металлические изделия: булавка с треугольным щитком (табл. 53: 4); булавка со щитковым навершием (табл. 53: 2); стержень с утолщением и петелькой на концах (подвеска?) (табл. 53: 3); обломки пластинчатого браслета (?).

Прочее: гипсовая бусина; панцирь сухопутной черепахи обнаружен у последней погребенной.

27. Камера 239 [Б/В-7] представляла собой остатки бессистемного скопления костей. Ни контура камеры, ни места входа, из-за близости к дневной поверхности, обнаружить не удалось (табл. 54: 1).

Находки. Керамических сосудов нет.

Металлические изделия: большие медные браслеты из круглой толстой проволоки с петельками на концах — 2 (табл. 54: 2,3) найдены вставленными один в другой; гвоздик (табл. 54: 4); обломок стержня (табл. 54: 5).

Прочее: боченковидные белые бусины — 2 (табл. 54: 6).

28. Камера 246 [А-7] — овальная (145×110 см), вытянута по линии СВ — ЮЗ. Вход с ЮВ заложен камнями и черепками от крупных сосудов. На полу, перед входом лежали 2 скелета, сильно нарушенные норами, вследствие близости к дневной поверхности. Они принадлежали двум женщинам 25-30 и 40-50 лет, уложенным в скорченном положении, на левый бок, лицом ко входу. Кроме них, в камере обнаружены останки не менее 6 покойников, в том числе 1 взрослый и 4 детей (табл. 55: 1).

Находки. Керамические сосуды — 2: сероглиняные сосуды — ваза на полый ножке с загнутым венчиком и двумя отверстиями в нем (табл. 55: 4), чаша с прямыми стенками (табл. 55: 3). Оба сосуда обнаружены в головах второго скелета.

Металлические изделия: стержень длиной 113 мм с одним сплюсненным концом (скорее всего игла?) (табл. 55: 2).

29. Камера 247 [А/Б-7] представляла собой остатки погребальной камеры, почти полностью разрушенной скреперной траншеей. В ней обнаружены длинные кости не менее 4 взрослых и 1 ребенка (табл. 55: 5).

Находки. Керамических сосудов нет.

Металлические изделия: обломок иглы с ушком (табл. 55: 6); гвоздики — 6 (табл. 55: 7-12).

30. Камера 251 [Г-7] — округлая (ок. 220 см в диаметре), имела вход с ЮЗ, отмеченный большими камнями и крупными фрагментами керамики (табл. 56: 1). На полу камеры зафиксирован толстый слой тлена, поверх которого обнаружено всего 5 скелетов, лежавших в один слой и почти все в анатомическом порядке. Однако, черепа были безжалостно раздавлены еще в древности. Скелеты лежали на правом боку, лицом ко входу, ноги их были слабо согнуты или вовсе вытянуты. Руки у всех были согнуты в локтях и только у последнего скелета правая рука вытянута вдоль тела. Скелеты принадлежали мужчине 50-60 лет, 3 — подросткам и 1 — ребенку. Находки при скелетах позволяют уточнить их пол: скелеты 1 и 4 — девочки, а скелет 3 — мальчик.

Находки. Керамические сосуды — 3: сероглиняные сосуды — ваза с загнутым венчиком и отверстием в нем на высокой прямой ножке высотой 27 см (табл. 56: 5); крупная чаша с прямыми стенками (табл. 56: 6), причем оба сосуда найдены у черепа скелета 2; ваза на низкой ножке со сферическим резервуаром и отверстием у венчика (табл. 56: 4) стояла у плеча скелета 3.

Металлические изделия: булавка длиной 141 мм с биспиральным навершием, причем в спирали — 7 витков (табл. 56: 2).

Прочее: бусины белые известняковые — 12, сердоликовые — 8 (табл. 56: 3).

31. Камера 253 [Г/Д-7] — овальная (230×180 см), вытянута по линии В — З. Вход не сохранился, но, скорее всего, вел с ЮЗ. В камере (табл. 57: 1) находились останки 10 человек, 4 из которых располагались на дне, а не менее 5 в костище у В стенки камеры. Перед входом лежал скелет ребенка до 1 года в скорченном положении, на правом боку, спиной ко входу. За ним — скелет взрослого мужчины, почти полностью уничтоженный норой. Далее к С стене камеры лежал скелет женщины 30-35 лет в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой на ЮВ. Кисти рук находились перед лицом. В западном углу камеры обнаружен скелет младенца в возрасте до 1 месяца.

Находки. Керамические сосуды — 4: с растительной примесью — ваза на ножке красноангобированная с отверстием у венчика (табл. 57: 12); с минеральной примесью — красноангобированная ваза на высоком поддоне с двумя отверстиями у венчика (табл. 57: 13), чаша сферическая круглодонная (табл. 57: 14); сероглиняная — чаша с прямыми стенками (табл. 57: 15). Первый и последний сосуды находились там, где должен был находиться череп второго скелета. Остальные два сосуда обнаружены в головах скелета 3.

Металлические изделия: булавка с биспиральным навершием (табл. 57: 11); гвоздики — 9 (табл. 57: 3-10) найдены в одних челюстях — 2, в других — 7, причем 1 из них утрачен.

Прочее: бусы сердоликовые двух форм — 7 (табл. 57: 2).

ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

Погребальные камеры периода ЮЗТ-VI расположены в основном в западной и центральной частях могильника Пархай II, иногда образуя скопления. Камеры этого периода по конструкции практически не отличается от камер раннего энеолита. Удалось определить размеры 24 камер из 31; 5 камер из 24 были округлыми, а 19 — овальными. Длинные оси овальных камер в среднем в 1,5 раза больше, чем короткие, т.е. их отношение близко 3:2. Камеры, размеры которых не поддаются определению, не всегда относятся к погребальным сооружениям и могли быть ямами, куда сбрасывалось содержимое камер в процессе их очистки (например, камеры 58 и 168).

Большинство камер — одиночные, т.е. от одной входной ямы отходит одна камера. Наряду с ними встречены тройной (81/93, 94 и 96) и двойной (142 и 154) склепы. Кроме того, три камеры 27, 145 и 182 вошли в состав систем, хотя первоначально и не были для этого предназначены. Камера 145 была пристроена к входной яме камеры 155, относящейся к концу периода ЮЗТ-VII. К камерам 27 и 182, после прекращения их функционирования в периоде ЮЗТ-V, были пристроены камеры того же времени: в первом случае камеры — 19 и 29, во втором — 180 и 184. Таким образом, некоторые системы из двух или трех склепов на самом деле изначально таковыми не являлись. Похоже, что это касается камер 142 и 154. Вторая стала функционировать после того, как первая была заброшена о чем свидетельствует последний погребенный камеры 154, относящийся по материалу к началу периода ЮЗТ-V.

Некоторые конструктивные детали камер повторяются. Так, из 31 камеры место входа не установлено у 12. Зато те, в которых вход сохранился, имели его в 8 случаях в короткой стенке и в 6 случаях — в длинной. Сохранившиеся входы заложены либо камнями с крупными фрагментами больших сосудов (7 случаев), либо специально приготовленными каменными плитами округлой формы до 60-70 см в диаметре и 10-14 см толщиной (6 случаев). Входы, расположение которых определяется точно, ориентированы преимущественно в западную половину горизонта: на С — 5 раз, на СЗ — 5 раз, на З — 4 раза, на ЮЗ — 3 раза, на Ю — 2 раза. Только камера 246 ориентирована входом на ЮВ. По сравнению с предыдущим периодом выросла высота ступеньки между уровнем пола камеры и уровнем пола входной ямы. Видимо, этим обстоятельством объясняется невозможность в ряде случаев установить место входа, особенно, когда по какой-то причине отсутствовали камни, отмечавшие его.

ОСТАНКИ ПОГРЕБЕННЫХ

В 31 погребальной камере было расчищено и извлечено человеческих костей не менее 350 погребенных. Большинство скелетов было в перемешанном виде, тем не менее, 52 из них, разного пола и возраста, сохранились

в анатомическом порядке, что составляет почти 15% от числа всех найденных скелетов. В камерах находилось разное количество погребенных: в 13 камерах от 2 до 9, в 11 камерах от 10 до 19, в 3 камерах по 20, в 1 камере — 25 и в 1 камере — 35.

Все сохранившиеся в анатомическом порядке скелеты лежали в скорченном положении, на правом или левом боку. Один случай положения на спине следует считать случайным и объяснять его естественным разворачиванием трупа в пустом пространстве склепа в процессе разложения мягких тканей. Никакой закономерности в ориентировке покойных по странам света в склепах этого периода не наблюдается. Ориентировка производилась только относительно камеры, ее входа и сторон. Четко выделяются оппозиционные пары: лицом или спиной ко входу и вправо или влево головой по отношению ко входу. Положение погребенных в зависимости от их пола и возраста, а также от пока неуловимых социальных различий, было возможно по одному из четырех вариантов: 1) на правом боку лицом ко входу; 2) на правом боку спиной ко входу; 3) на левом боку лицом ко входу и 4) на левом боку спиной ко входу. К сожалению, многие скелеты по разным обстоятельствам не были уверенно отнесены к определенному полу, что обусловило появление графы неопределенных взрослых людей. Если сюда ввести еще показатель направления покойника головой вправо или влево от входа, то количество скелетов, в которых сочетаются все перечисленные показатели, будет равно 31. Оказалось, что: 1) на правом боку, лицом ко входу и головой влево от входа — 28 погребенных (3 мужчины, 15 женщин, 2 ребенка и 8 взрослых людей неопределенного пола); 2) на левом боку, лицом ко входу и головой вправо от входа — 8 погребенных (3 женщины, 3 ребенка, 2 взрослых человека неопределенного пола); 3) на левом боку, спиной ко входу, головой влево от входа — 1 (женщина).

Если к перечисленным погребениям прибавить те, что находились в камерах 94 (4 женщины) и 167 (2 женщины, 2 ребенка), в которых не установлено место входа, то окажется, что погребения мужчин были совершены на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа; женские же погребения осуществлялись, по крайней мере, в трех позициях. Больше всего женщин было положено на правый бок (15 случаев), лицом ко входу и головой влево от входа. Пять женщин были уложены на левый бок, из них 3 — лицом ко входу, головой вправо от входа. Наконец, 1 женщина погребена на левом боку, спиной ко входу, головой влево от входа. Следовательно, обычными были первая и вторая позиции, поскольку, независимо от бока и направления головой, сохранялось положение лицом ко входу. Что касается последней позиции, то она представляется экстраординарной.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

К погребальному инвентарю относятся предметы, найденные в закрытых погребальных комплексах и представленные керамической посудой, украшениями из различных материалов и остатками органического происхождения.

а). Керамический комплекс развитого энеолита (табл. III).

Керамический комплекс развитого энеолита, как и предыдущего периода ЮЗТ-VII, состоит из 3 групп сосудов, причем в основу разделения положен состав теста. Всего в склепах периода ЮЗТ-VI найдено 127 сосудов (7,1 % от общего числа), из которых к светлоглиняной посуде с растительным и минеральным отощителем относятся 40 сосудов (31,5%), а к сероглиняной, соответственно 87 сосудов (68,5%). Как можно видеть, сероглиняной посуды в этом периоде почти вдвое больше, чем светлоглиняной. Светлоглиняная, в свою очередь, делится на 2 группы: с растительной примесью — 17 сосудов (из них 6 расписных) и с минеральной примесью — 23 сосуда.

Приемы формовки посуды из всех сортов теста остались такими же, как в предыдущем периоде. Способы обработки поверхности также практически не изменились. Надо отметить, что у серой посуды исчезли концентрические круги на внутренней поверхности — ее стали обрабатывать тщательнее. Не наблюдается и каких-либо заметных изменений в технологии обжига изделий. Главное отличие керамических комплексов раннего и развитого энеолита заключается в изменении пропорции между группами керамики, в существенном возрастании количества сероглиняной посуды и в появлении новых керамических форм.

Чаши — по-прежнему самая большая группа сосудов — 70 штук, или 55,1% от всей керамики периода. Как и в периоде ЮЗТ-VII, чаши подразделяются на те же группы, но их количественные соотношения уже другие.

1. *Чаша сферическая с вогнутым дном* известна всего в одном экземпляре. Она изготовлена из теста с растительной примесью и покрыта двусторонним красным ангобом. Сосуд полностью входит в группу чаш периода ЮЗТ-VII и может считаться пережитком в керамическом комплексе ЮЗТ-VI.

2. *Чаша сферическая плоскодонная* (9 экз.: с растительной примесью — 3, сероглиняных — 6). Одна из чаш с растительной примесью украшена расписными дугами, свисающими от венчика. Эти сосуды не отличаются от плоскодонных чаш периода ЮЗТ-VII, что позволяет их также рассматривать в качестве пережитка.

3. *Чаша сферическая круглодонная* (30 экз.: с растительной примесью — 4, с минеральной примесью — 9, сероглиняных — 17). Одна чаша с растительной примесью покрыта росписью горизонтальными линиями. Они также мало чем отличаются от подобных чаш предыдущего периода, однако их количество говорит о том, что их изготовление, особенно в сероглиняном исполнении, про-

ментом. Все характеристики чаш — такие же, как в предыдущем периоде. Однако, в периоде ЮЗТ-VI эта чаша, особенно в сероглиняном исполнении, может считаться диагностической формой. Можно отметить и другую тенденцию: соотношение высоты стенки от перегиба до венчика и высоты подкоса не превышает 1,5:1,0, иногда даже равно 1:1. Кроме того, часть чаш имеют уже не вертикальные, а наклоненные внутрь стенки. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать именно эту форму чаш, как исходную для биконических сосудов, которые станут диагностической формой в периоде ЮЗТ-V.

6. *Горшочек сферический* (19 экз.: с растительной примесью расписных — 2, с минеральной примесью — 6, сероглиняных — 11). Диаметры венчиков — 3,5-6,5 см, высота — 3,5-6,8 см. Надо отметить, что в целом большие диаметры имеют горшочки с растительной и минеральной примесью, а большие высоты — сероглиняные. Первые имеют округленное дно со следами затертости и пятна от неравномерного обжига. Вторые имеют уже частично плоское дно, но только на 1 видны следы затертости. Примерно в нижней трети всех горшочков наблюдается более или менее отчетливое ребро. Нижняя их часть — либо выпуклая, либо прямая. На дно одного горшочка до обжига нанесен знак.

7. *Ваза* (17 экз.: с растительной примесью — 4, с минеральной примесью — 2, сероглиняных — 11). Вазы с растительной примесью в тесте имеют сплошную ножку, лишь одна из них — на высоком поддоне. Вазы с минеральной примесью, как правило, делались на высоком поддоне. Сероглиняные вазы, кроме одной, изготавливались с полыми ножками. Все вазы (за исключением 3 сероглиняных) имеют по два сквозных отверстия, располагавшиеся в 2-3 см ниже края венчика, что является диагностическим признаком ваз периода ЮЗТ-VI. На некоторых вазах, независимо от их теста, можно уловить следы формовки, а также пятна от неравномерного обжига. На многих из них наблюдаются следы сильной затертости на поддоне. Размеры светлоглиняных ваз: диаметры венчиков — 13,3-21 см, высота — 15,7-17,3 см; размеры сероглиняных ваз: диаметры венчиков — 16,8-29 см, высота — 12,5-21 см.

8. *Миска* (3 экз.: 1 из теста с растительной примесью, 2 — с минеральной). Они имеют конические стенки и напоминают резервуары ваз. У двух под венчиком — парные просверленные отверстия. Диаметры их венчиков более, чем вдвое превосходят их высоту. Миски с минеральной примесью крупнее: диаметры венчиков — 19 и 24 см, высота — 6,5 и 10,5 см; миска с растительной примесью имеет размеры: диаметр венчика — 12,5 см, высота — 5 см. Поскольку пока не найдено серых мисок и, кроме того, эта форма встретилась всего 3 раза, можно считать ее нетипичной и пережиточной для керамического комплекса периода ЮЗТ-VI.

9. *Плюшка* (1 экз.) сделана из теста с минеральной примесью и представляет собой маленький, овальный в плане сосуд, более всего напоминающий

современные блюдечки для варенья. Не исключено, что это — детская посуда.

11. *Кубок архаический* (3 экз.) известен только в сероглиняном исполнении. Два сосуда — крупные: диаметр венчика — 11-11,5 см, высота — 8,5-10 см; третий — очень маленький, диаметр его венчика и высота по 5 см. Один из крупных сосудов орнаментирован острым предметом. Волнистые линии нанесены снаружи и изнутри венчика, а также по срединному ребру. На дне виден знак, нанесенный до обжига, а также пятна от неравномерного обжига. Донца 2 кубков затерты. Эти сосуды можно считать пережиточными из периода ЮЗТ-VII, где они были ведущими среди сероглиняной посуды.

12. *Сосуд биконический архаический* (3 экз.), все изготовлены из глиняного теста с минеральной примесью и покрыты ангобом. Они — примерно одного размера (высоты — 7,5; 8,6; 8,7 см, диаметры венчиков — 8,8; 11; 12 см) и имеют четкое ребро перегиба. Нижняя часть сосуда — сферическая со скругленным дном, верхняя его часть загнута внутрь. Именно здесь можно видеть зарождение биконического сосуда, который станет одной из ведущих форм в последующих культурно-исторических периодах.

Следующие формы сосудов известны только в сероглиняном исполнении.

13. *Ваза с загнутым венчиком* (3 экз.). Две из них сохранились целиком, у одной отбита ножка. У сохранившихся ваз ножка — полая, под венчиком есть сквозные отверстия. Диаметры венчиков — 18, 24,5 и 26,5 см, высота — 15,5 и 26,5 см. Полая ножка и 2 отверстия у венчика — признаки ваз периода ЮЗТ-VI, а загнутый венчик и выделка сосуда — признаки керамического комплекса ЮЗТ-V. Таким образом, эти сосуды представляют собой образцы переходной керамики. Содержавшие их погребальные камеры 167, 246, 251 можно считать также переходными.

14. *Ваза с резким перегибом венчика* (2 экз.). Ножки обоих сосудов еще не монолитные, но, уже и не полые. Снаружи они украшены горизонтальными валиками, выдавленными при формовке сосуда. Размеры их весьма близки: диаметр венчика — 15,5 и 17,8 см, высота — 15 и 16,3 см, глубина резервуара — 4,8 и 5,2 см. Они найдены с последним погребенным в камере 154, что позволяет считать, что эксплуатация этой камеры началась в период ЮЗТ-VI, а закончилась в период ЮЗТ-V.

15. *Горшочек сферический орнаментированный* (1 экз.). Орнамент состоит из 2 горизонтальных валиков, выдавленных при формовке сосуда. Этот прием характерен для керамики из склепов периода ЮЗТ-V, что позволяет отнести камеру 99, где был найден этот сосуд, к переходному периоду между развитым и поздним энеолитом.

16. *Чаша сферическая плоскодонная орнаментированная* (1 экз.). Орнамент состоит из 3 горизонтальных каннелюр, оформленных при изготовлении сосуда. В сочетании с этими признаками совершенно черный цвет поверхности сосуда дает основание отнести его уже к позднему энеолиту, что позволяет

и саму погребальную камеру 27, где он был найден, отнести к самому концу периода ЮЗТ-VI.

Сквозные детали на сосудах разных форм.

Двойной сосуд (2 экз.). Оба представляют собой конические чашечки с остатками перемычки, к которой прикреплялся такой же второй сосуд. У одного, из камеры 139, перемычка — двойная, но обломы у нее сточены с помощью абразива.

Поильник (3 экз.). Все представляют собой чаши сферические круглодонные, у которых трубчатый носик приделан к верхней части. Они изготовлены из теста с минеральным отощителем. Один покрыт красным ангобом снаружи и изнутри. На поверхности наблюдаются пятна от неравномерного обжига. Диаметр венчика — 6-6,5 см, высота — около 5 см.

Сосуд с двумя ручками (1 экз.). Горшочек сферический изготовлен из теста с минеральным отощителем. На плечиках его прикреплены 2 ручки с горизонтальными отверстиями, а на поверхности нанесена роспись в виде вертикальных полос, пересеченных горизонтальной полосой в середине тулова. Диаметр венчика — 4,2 см, высота — 5,4 см.

Теперь можно сравнить керамическую коллекцию периода ЮЗТ-VI, состоящую из 3 неразрывно связанных групп — с растительной примесью, с минеральной и сероглиняной посуды с предшествующим комплексом раннего энеолита ЮЗТ-VII (рис. 6, 7).

Поскольку в каждом комплексе обнаружено разное количество сосудов, количественные показатели можно сравнивать только на уровне процентных отношений. Эти отношения и показывают объективную динамику в названных группах. Так, по сравнению с периодом ЮЗТ-VII, в периоде ЮЗТ-VI количество посуды из теста с растительной примесью уменьшилось в 3 раза (с 40,5% до 13,4%). Также уменьшилось количество посуды с минеральной примесью в тесте — в 1,4 раза (с 24,7% до 18,1%). Зато резко увеличилось количество сероглиняной посуды в керамическом комплексе ЮЗТ-VI — в 2 раза (с 34,8% до 68,5%).

Ассортимент форм также изменился. Полностью исчезли тюльпано-видные сосуды — диагностическая форма предыдущего периода. Также почти полностью исчезли чаши сферические с вогнутым дном — найден всего 1 сосуд в камере 43 (нижний ярус), являвшиеся диагностической формой периода ЮЗТ-VII. Резко сократилось количество чаш плоскодонных — известно всего 9 экз., причем их тоже надо считать пережитком. Что касается круглодонных чаш, то их количество, особенно в сероглиняном исполнении, достаточно представительно. Эта форма продолжает существовать в периоде ЮЗТ-VI. Почти втрое возросло количество сероглиняных чаш с прямыми стенками, являющихся диагностической формой керамического комплекса ЮЗТ-VI. То же следует сказать и о вазе со сферическим резервуаром и двумя

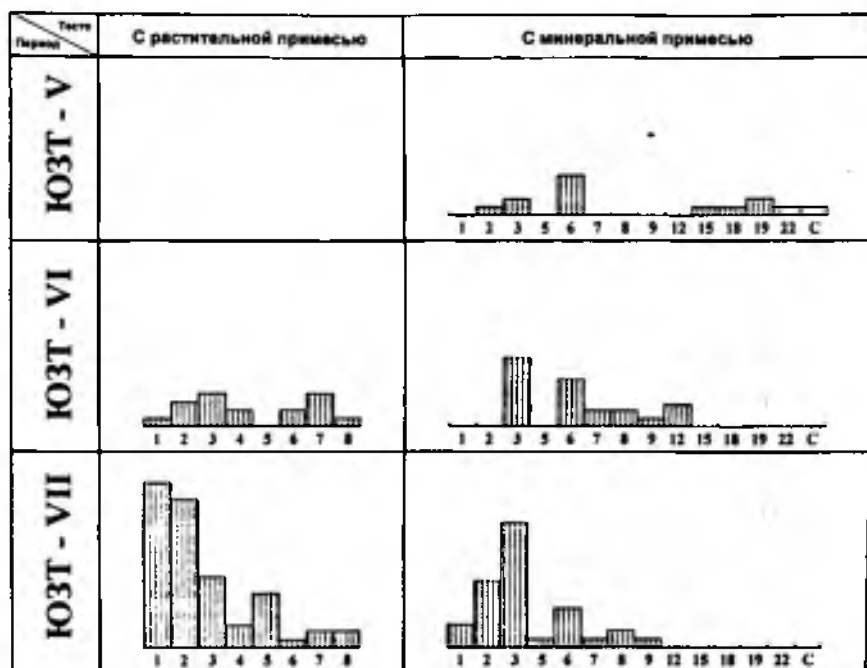

Рис. 6. Сравнительный анализ керамических комплексов раннего, развитого и позднего энеолита (керамика с растительной и минеральной примесью).

Здесь и на рис. 7: 1 — чаша сферическая с вогнутым дном, 2 — чаша сферическая плоскодонная, 3 — чаша сферическая круглодонная, 4 — чаша с прямыми стенками 5 — тюльпановидный сосуд, 6 — горшочек сферический, 7 — ваза, 8 — миска, 9 — плошка, 10 — пиала архаическая, 11 — кубок архаический, 12 — сосуд биконический архаический, 13 — ваза с загнутым венчиком, 14 — ваза с резким перегибом венчика, 15 — горшочек сферический орнаментированный, 16 — чаша сферическая плоскодонная орнаментированная, 17 — ваза с прямым венчиком и сферическим резервуаром, 18 — чаша раструбом архаическая, 19 — сосуд биконический, 20 — пиала орнаментированная, 21 — сосуд цилиндрический, 22 — чаша коническая, Д — двойной сосуд, П — поильник, С — сосуд со сливом, 2Р — сосуд с двумя ручками. Высота столбиков пропорциональна количеству сосудов, масштаб одинаковый.

Fig. 6. Comparative analysis of the Early, Middle and Late Eneolithic ceramic assemblages (pottery with organic and mineral inclusions).

1 — Globular cups with a concave base, 2 — Globular cups with a flat base, 3 — Globular cups with a round base, 4 — Cups with straight walls, 5 — Tulip-shaped vessels, 6 — Small globular pots, 7 — Deep bowls, 8 — Shallow bowls, 9 — Small cups, 10 — Archaic pialas, 11 — Archaic beakers, 12 — Biconical archaic vessels, 13 — Deep bowls with rims turned inwards, 14 — Deep bowls with sharply angled rims, 15 — Small globular decorated pots, 16 — Globular decorated cups with a flat base, 17 — Deep bowls with a straight rim and a globular body, 18 — Archaic Cups with a Funnel, 19 — Biconical Vessels, 20 — Decorated pialas, 21 — Cylindrical vessels, 22 — Conical cups of various sizes, Д — Double vessels, П — Spouted vessels, С — Vessel with a cut-away spout, 2Р — Vessel with two handles. The same on fig. 7.

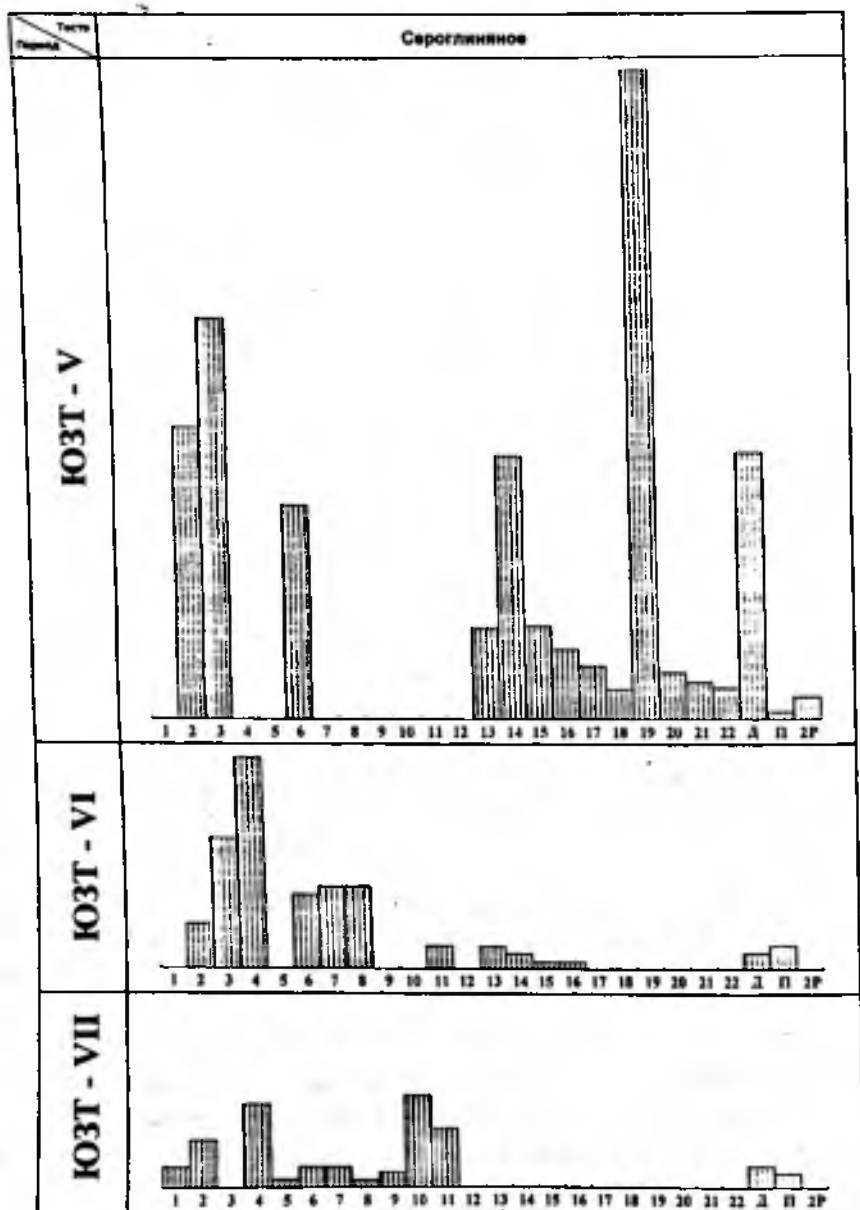

Рис. 7. Сравнительный анализ керамических комплексов раннего, развитого и позднего энеолита (серо-глиняная керамика).

Fig. 7. Comparative analysis of the Early, Middle and Late Eneolithic ceramic assemblages (greyware vessels).

обязательными отверстиями у венчика — формы, характерной только для развитого энеолита. Сферические горшочки и миски присутствуют в обоих комплексах в тех же пропорциях.

В развитом энеолите появились новые формы, которые станут ведущими в позднем энеолите. К ним относятся: сосуд биконический из теста с минеральной примесью, который можно рассматривать как дальнейшее развитие чаши с прямыми стенками, ваза с загнутым венчиком и ваза с резким перегибом венчика. Помимо этого, появился орнамент на сферическом горшочке и на плоскодонной чаше.

Некоторые признаки светлоглиняной посуды комплекса ЮЗТ-VI представляют определенный интерес. Так, на многих расписных и красноангобированных сосудах видны следы их формовки, что было совершенно неизвестно для аналогичных сосудов предыдущего периода. Это в полной мере относится и к пятнам от неравномерного обжига на поверхности сосудов. По-видимому, такие следы следует рассматривать как свидетельства упадка в производстве посуды этой группы, что и естественно, поскольку основное внимание в этот период переключилось на производство сероглиняной посуды, на которой таких следов значительно меньше. В этот период было принято покрывать ангобом посуду из теста с минеральным отощителем, что не практиковалось ранее. Частая затертость дна сосудов от употребления их в быту и один случай починки сосуда связыванием черепков через ряд сквозных отверстий по краям излома, свидетельствуют о том, что специальной погребальной посуды тогда не изготавливали.

В керамическом комплексе погребальных камер этого периода найдено всего 6 расписных сосудов, причем украшено всего 4 формы.

Кроме того, вне погребальных камер найдено большое число фрагментов (часть из них — археологически целые сосуды) красноангобированной посуды (табл. 62: 4,6,7; 66: 2,3; 67: 6-10). Во многих случаях это были крупные сосуды и их нахождение вне могил может быть объяснено двояко: или это остатки поминальных приношений, или они использовались для укрепления каменных закладов входов в погребальные камеры. Как бы то ни было, они существенно расширяют наши знания об орнаментации посуды периода ЮЗТ-VI (табл. 58-66). Однако, орнаментация на посуде двух ранних периодов культуры древних земледельцев Юго-Западного Туркменистана трудно различима и здесь могут оказаться сведения, относящиеся к периоду ЮЗТ-VII. Ниже можно попытаться установить относительную датировку мотивов росписи.

К более ранним мотивам орнамента, явно находящим соответствия в периоде ЮЗТ-VII, относятся свисающие дуги, украшавшие сосуды снаружи, и перекрещивающиеся ленты, заполненные зигзагами, наносившиеся изнутри. К этому же времени следует относить струйчатые вертикальные линии на обеих поверхностях сосуда. Именно они могут указывать на связь с неолитическими

традициями. В раннем и развитом энеолите свисающие дуги, в ряде случаев двойные и даже тройные, опускаются чуть ли не до дна сосудов, хотя встречаются дуги и меньшего размера.

Только к периоду ЮЗТ-VI относятся узоры, нанесенные на диагностическую форму периода — чаши с прямыми стенками. Сама форма сосуда способствовала большей геометричности узоров, а дуги и ленты наносились преимущественно на сферические круглодонные чаши. Чаши же с прямыми стенками состоят из двух частей: цилиндрической верхней и конической нижней, причем орнамент всегда располагался только на верхней части. В большинстве случаев орнамент состоял из 1 или 2 рядов заштрихованных треугольников, близких к равнобедренным или прямоугольным. Они либо шли непрерывной чередой, либо прерывались фигурами, причем в качестве разделителей использовались рисунки биспиральных булавок и вертикальных лестниц. Залитых краской силуэтных треугольников, характерных для времени Намазга I северной подгорной равнины Копетдага, не встречено. К числу узоров, все же имеющих соответствия на памятниках Геоксюрского оазиса (Дашлыджинский период), относится широкий контурный треугольник, внутреннее пространство которого заполнено пучками пересекающихся линий, идущих от горизонтальной полосы основания треугольника к венчику сосуда (Хлопин, 1963, табл. XVIII: 12-15). На отдельных фрагментах встречены линии и точки, которые пока невозможно с чем-то связать. В заключение, надо отметить горшковидные сосуды с отогнутым венчиком, которые имеют полосу на горле и спускающиеся от нее волнистые линии и широкие ленты, заполненные зигзагами. Такая орнаментация повторяется на маленьких горшочках, на которых, из-за их величины, можно нарисовать только тонкие сплошные линии или волны.

Среди сероглиняной посуды ведущими диагностическими формами периода ЮЗТ-VI являются чаша с прямыми стенками, ваза на полой ножке, чаша сферическая круглодонная и горшочек сферический, что особенно касается 2 первых форм. Все формы сероглиняной посуды можно без всякого усилия вывести из форм светлоглиняной посуды. Это полностью доказывает местное происхождение серой керамики, которая стала определяющей для огромного региона Среднего Востока на ближайшие три тысячелетия.

На серой посуде почти не отмечается пятен от неравномерного обжига (есть всего 4 сосуда с пятнами). Их и не должно быть из-за специфической технологии ее обжига без доступа кислорода или с его ограниченным допуском. А вот следы формовки наблюдаются почти на трети сосудов. Как и на светлоглиняной посуде, на серой отмечается затертость дна, свидетельствующая о широком использовании в быту. Не все сосуды имеют поверхностное лощение. В склепах этого периода найдено 10 сосудов со знаками, нанесенными на них до обжига. Они обнаружены на следующих формах сосудов:

чаша с прямыми стенками — 5 знаков, чаша сферическая круглодонная — 2 знака, чаша сферическая плоскодонная — 1 знак, горшочек сферический — 1 знак, кубок архаический — 1 знак. Основное количество знаков — 7 нанесено на сосуды, типичные для периода развитого энеолита ЮЗТ-VI. Начертание знаков очень простое — прямой крест, косой крест, восьмиконечный крест, спираль и гребенка. На сосуде пережиточной формы — кубке архаическом встречена орнаментация, состоявшая из волнистых линий, процарапанных острым тонким орудием. Этот способ будет характерен для более позднего периода ЮЗТ-V. Есть еще несколько орнаментированных сосудов, но все они относятся уже к следующему периоду ЮЗТ-V. Они оказались в камерах этого периода потому, что данные конкретные камеры закончили свое функционирование в начале периода ЮЗТ-V. Эти орнаментальные мотивы и сюжеты будут рассмотрены ниже.

Наконец, предстоит проанализировать динамику керамического комплекса эпохи развитого энеолита Юго-Западного Туркменистана по тем же четырем группам, как и в предыдущем периоде. Поскольку для периода ЮЗТ-VI имеется предшествующий керамический комплекс, это будет более показательно.

1. К формам, вышедшим из употребления, но тем не менее, найденным в склепах периода ЮЗТ-VI, относятся сероглиняные кубки архаические.

2. Из периода ЮЗТ-VII в период ЮЗТ-VI перешли без изменений чаши сферические круглодонные и плоскодонные, а также горшочки сферические.

3. К формам, которые возникли и существовали только в периоде ЮЗТ-VI, относятся чаши с прямыми стенками и вазы со сферическим резервуаром, прямым венчиком и двумя отверстиями у венчика, несмотря на то, что их единичные экземпляры были найдены в погребальных камерах периода ЮЗТ-VII. Как уже говорилось, между периодами существовал плавный культурный переход без резкого обрыва старых традиций, появление таких сосудов и показывает этот момент, когда некоторые камеры, выкопанные и использованные в период ЮЗТ-VII, закончили свое существование уже в следующем периоде ЮЗТ-VI. Также точно в последних камерах периода ЮЗТ-VI найдены сосуды, не характерные для этого керамического комплекса. Это — ваза с загнутым венчиком, ваза с резко отогнутым венчиком, орнаментированные горшочек сферический и чаша сферическая, а также биконический сосуд архаический. Перечисленные формы являются определяющими для керамического комплекса следующего периода ЮЗТ-V в позднем энеолите. Они не зародились в керамическом комплексе ЮЗТ-VI, просто погребальные камеры этого периода прекратили свое существование в начале периода ЮЗТ-V, что свидетельствует о неразрывной культурной цепочке.

Пока нет возможности представить последнюю группу керамики, изменяющуюся от периода к периоду, сохраняя принципиальное решение, что можно

объяснить малым ассортиментом форм. На последующих этапах развития керамического комплекса культуры древних земледельцев Юго-Западного Туркменистана и этот момент будет отчетливо виден.

И последнее — о тех изделиях из керамики, которые не являются посудой. Прежде всего, это вазообразные жертвенники с уплощенным резервуаром, высокой полой ножкой и отверстием в середине этого резервуара. Такие предметы были найдены в камерах у головы погребенного (камеры 27, 167), вместе с выброшенными костями (камера 58), среди закладных камней (камеры следующего периода — 201, 224-нижний ярус) и в подъемном материале (табл. 67). К категории керамических изделий не бытового, неизвестного назначения можно отнести предмет на четырех ножках с сильно изогнутой наподобие седла поверхностью (камера 27).

б). Металлические изделия.

Количество металлических изделий, представленных в основном украшениями, возросло почти в 10 раз в погребальных камерах периода ЮЗТ-VI по сравнению с периодом ЮЗТ-VII, значительно увеличился и их ассортимент. Больше всего найдено головных булавок с навершиями двух типов, затем идут гвоздики, колечки, иглы (стержни), браслеты. К этому надо добавить большое количество металлических бусин, обломки пластинок, куски проволоки. Все металлические изделия раннего и развитого энеолита изготовлены практически из чистой меди (см. Приложение).

Булавки с биспиральными навершиями (18 экз.) характерны тем, что количество витков в их спиралях колеблется от 4 до 8. Всего 2 булавки имеют по одному витку в волоте. В непо потревоженных погребениях эти предметы всегда находились у черепа, что позволяет видеть в них головные украшения. Они, вероятно, изготовлялись следующим образом: сперва отковывалась длинная медная полоса, которая на одном из концов разрубалась вдоль на два стержня. Каждый из них был откован для придания ему круглого сечения. После этого стержни скручивали в спирали в разные стороны до места их соединения. Булавка с 1 витком позволила предложить расшифровку семантики этого предмета, модного не менее полутора тысячелетий. Это было стилизованное изображение рогов барана, сохранившее значение оберега вплоть до современности.

Головные булавки со щитковым навершием (3 экз.) также найдены в головах скелетов. По сути дела, они имеют тот же силуэт, что и булавки с биспиральными навершиями. Представляется, что вместо закручивания спиралей разрубленные части стержней не вытягивали, а расковывали в плоские округлые щитки по обе стороны стержня.

Одна булавка имеет своеобразное навершие: стержень завершается обычными щитками, но выше их стержень продолжается еще на несколько санти-

метров и, в свою очередь, заканчивается биспиральным навершием, что доказывает одновременное существование наверший двух типов.

Булавки с треугольным щитком (2 экз.) являются пережитком металлического комплекса периода ЮЗТ-VII. Одна из них, найденная в камере 30, имеет вытянутый щиток, на углах которого заметны небольшие отростки. Не исключено, что первоначально там были небольшие спиральки и, если это так, то такая булавка могла бы рассматриваться как типологический предшественник булавок с биспиральным или щитковым навершием.

Гвоздики (32 экз.) имеют четко выраженную шляпку, а на остром конце как будто что-то намотано, благодаря чему там образовалось утолщение. Некоторые гвоздики найдены в завале костей, другие обнаружены в челюстях погребенных женщин за плотно сжатыми зубами.

Колечки проволочные (7 экз.) найдены в костных завалах и пока неизвестно для чего они предназначались. Скорее всего, они служили серьгами или волосяными кольцами-подвесками, если учесть, что они имели 1,5-3 оборота.

«Браслеты» массивные (5 экз.) представляли собой круглые в сечении предметы до 8 см в диаметре, концы которых близко подходят друг к другу. К концам, иногда заканчивающимся петельками, они становятся заметно тоньше. Эти предметы найдены в головах женских скелетов и, возможно, браслетами не служили, а могли использоваться в качестве обручей на головном уборе.

Проволочный браслет (1 экз.) был, к сожалению, обломан, что не позволяет охарактеризовать его в полной мере.

Бусины (более 100 экз.) обычно входили в состав низки, иногда вместе с каменными бусинами. Их носили в качестве браслетов, т.к. все они были найдены на запястьях женских скелетов, реже среди костей.

в). Украшения из камня и других материалов.

Бусины (более 350 экз.) найдены только в 17 погребальных камерах, как у скелетов, сохранивших свое первоначальное положение, так и среди костей, сдвинутых к задней стенке камеры. Крупные одиночные бусины служили, вероятнее всего, амулетами. Цилиндрические одиночные бусины изготавливались из стеатита. Одна плоская круглая пронизка сделана из гематита. В качестве амулета один раз был использован естественный плоский камень подтреугольной формы, в одном из концов которого просверлили отверстие. Второй амулет был сделан из обточенной ручки кухонного сосуда. Большинство бусин мелких цилиндрических и иногда лепестковых зафиксированы либо на запястьях, либо около шейных позвонков. Материалом для их изготовления служили: гипс, сердолик, лазурит, кальцит, известняк, стеатит и перламутр. Плоские круглые сердоликовые бусины (18 экз.) были найдены нанизанными на медную проволоку. Две крупные цилиндрические бусины были сделаны из кости.

г). Органические остатки.

Последняя категория находок представлена только 5 панцирями сухопутных черепах. Обычай помещения их в могилу только с женщинами и детьми известен уже в самом раннем периоде ЮЗТ-VII и является очень существенным признаком культуры.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Синтезируя приведенный археологический материал и результаты его анализа по категориям, а также привлекая некоторые наблюдения во время полевых работ, можно попытаться восстановить погребальный обряд эпохи развитого энеолита. Поскольку этот период культуры является закономерным продолжением предыдущего, постольку в погребальном обряде нет принципиально новых черт. Увеличиваются только количественные показатели, начиная с простого увеличения количества погребальных камер. Умерших по-прежнему хоронили в коллективных погребальных склепах последовательно, каждый раз сдвигая к задней стенке останки предыдущего погребенного. Обычно склеп закрывали вертикально поставленной каменной плитой или закладом из камней и сырцовых кирпичей. Есть случаи, когда в склеп помещали сразу несколько покойников и больше туда никого не подхоранивали. Например, в камере 167 были расчищены два женских и два детских скелета.

Для периода ЮЗТ-VI получено больше сведений о половозрастном составе погребенных, чем для предыдущего. Поэтому можно говорить о том, что женщины хоронили двойко: на правом боку, лицом ко входу и головой направо от входа и на левом боку, лицом ко входу, головой налево от входа. Поскольку вторая позиция встречается в 4-5 раз реже, можно предположить, что таким образом хоронили женщин с более редким социальным статусом, вернее тех, которые в этом статусе умирали реже. Погребение спиной ко входу представляется нам показателем отрицательного отношения соплеменников к умершей женщине, однако ее вину или причину такого отношения сейчас установить невозможно.

Многим умершим ставили заупокойную пищу в сосудах, изъятых из домашнего обихода. Скорее всего, это была какая-то жидкая пища. Количество сосудов в некоторых камерах превышает количество погребенных там людей (камеры 81, 139, 167). В остальных камерах оно намного меньше. Следовательно, не каждого покойника сопровождала заупокойная пища. Судя по расположению украшений, можно предполагать, что с женщинами хоронили их личную собственность. Можно также предположить, что умерших хоронили одетыми в их повседневное платье. Вне могил найдено много фрагментов керамики периода ЮЗТ-VI, в том числе и расписных сосудов, которые можно рассматривать как остатки поминальных церемоний на кладбище.

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Территория распространения культуры древних земледельцев Юго-Восточного Прикаспия в периоде ЮЗТ-VI осталась той же, что и в предшествующий период. Возможность сравнения памятников материальной культуры остается на том же уровне. Поскольку в керамическом комплексе ЮЗТ-VI содержится достаточное количество аргументов, показывающих, что он развился на основе комплекса ЮЗТ-VII без временного перерыва, комплекс ЮЗТ-VI можно с достаточной уверенностью поместить в середину и вторую половину IV тыс. до н. э. По отношению к земледельческой культуре северной подгорной равнины Копетдага, исследуемый период местной культуры можно синхронизировать с концом периода Намазга I — началом периода Намазга II. Прямых связей в это время между двумя культурными провинциями не наблюдается, однако, треугольные мотивы в росписи светлоглиняной посуды, восходящие к общему источнику, могут подтвердить указанное соответствие.

Как известно, на поселениях северной подгорной равнины Копетдага в период Намазга II перешли к изготовлению керамики с полихромной орнаментацией, обожженной в специальных горнах. Это подтверждается многими объективными показателями, такими как состав теста, примеси к нему, степень прокаленности черепка, лощением поверхности и применением разных по составу красок. Синхронные изменения отмечаются и на материалах могильника Пархай II: в периоде ЮЗТ-VI набирает силу производство сероглиняной керамики, что было связано с изменением технологии изготовления посуды. Следовательно, оба процесса можно считать стадийными и в тоже время синхронными, вернее — это был один и тот же процесс в двух соседних культурных провинциях.

Следует еще раз подчеркнуть, что впредь надо отбросить все варианты мнений о происхождении сероглиняной посуды на Переднем Востоке, которые фигурируют до сих пор. Единственным археологически доказанным вариантом была замена старой технологии изготовления посуды — изменение состава глиняного теста и ее обжига. Искать прародину этой керамики нечего, поскольку именно из Юго-Восточного Прикаспия она распространилась во все стороны в результате, как будет показано в дальнейшем, естественного расселения ее носителей. Тем самым проблема происхождения серой керамики, с которой различные исследователи связывают решение многих исторических и этногенетических вопросов, может в настоящее время считаться решенной.

Непрерывность культурного развития на территории долины Сумбара подтверждает традиция погребальных сооружений — полуподземных склепов для коллективных погребений умерших родственников. Степень родства

погребенных сейчас трудно установить, но не приходится сомневаться в том, что оно было.

Особенно ярким показателем наличия своеобразного культурного очага в Юго-Восточном Прикаспии являются медные головные булавки с биспиральными навершиями, которых вместе со щитковыми насчитывается 22 экз., почти вчетверо больше того, что было известно во всей Средней Азии до начала раскопок могильника Пархай II. Интенсивность их находок и сочное многовитковое исполнение спиралей не оставляют сомнения в том, что они возникли именно на территории их обнаружения. Их нельзя считать привезенными в эти места откуда-то, так как они представлены монолитным комплексом, имеющим свое начало и свое развитие во времени. Как и серая керамика, именно отсюда эти металлические изделия распространились по более широкой территории Переднего Востока. В процессе своего распространения эти изделия утратили первоначальную «полнокровность» и постепенно выродились. Сочетание разнохарактерных изделий в едином процессе делает объективной реальностью предположение о новом культурном и, вместе с тем, металлургическом центре эпохи энеолита. Конечно все, о чем было сказано выше, в период ЮЗТ-VI только начало складываться и не проявлялось столь заметно как в более поздние времена. Сформулировать это стало возможным только потому, что были раскопаны материалы следующих культурно-исторических периодов, где многие явления были настолько отработаны, что не заметить их было невозможно.

III. ПОЗДНИЙ ЭНЕОЛИТ (период ЮЗТ-V)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

К периоду ЮЗТ-V относятся 89 погребальных камер, из которых 43 объединены одним входом в системы из двух или трех склепов, а 46 представляют собой одиночные склепы.

ГРУППОВЫЕ КАМЕРЫ

Подразделены на 16 групп, 7 из которых содержали по 3 камеры, остальные — по 2.

Группа 1. Камеры 19, 29, (27) [Д-2/3]. Камера 27 была сооружена и функционировала в конце периода ЮЗТ-VI (см. выше).

1. Камера 19 (нижний ярус) — овальная (290×170 см), вытянута по линии СЗ — ЮВ. Вход с СЗ заложен каменной плитой (табл. 68: 1). В камере зафиксированы останки 21 погребенного, но только скелеты двух последних лежали в анатомическом порядке. Женщина 18 лет и новорожденный младенец были уложены перед входом и отделены от костяка своеобразным барьером из длинных костей ранее погребенных особей. Скелет женщины лежал в скорченном положении, на левом боку с согнутыми в коленях ногами, лицом ко входу, головой вправо от входа, на ЮЗ. Скелет младенца располагался на левом предплечье женщины в той же позе, причем пальцы рук женщины находились на его черепе.

Находки. Керамические сосуды — 12: чаша сферическая плоскодонная (табл. 68: 14), чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 68: 15,16), горшочек сферический (табл. 68: 17), ваза с загнутым венчиком (табл. 68: 18), горшочек сферический орнаментированный (табл. 68: 19), чаша коническая с минеральной примесью в тесте (табл. 68: 20), двойные сосуды — 2 (табл. 68: 21,22), горшочек с двумя ручками (табл. 68: 23); сосуд биконический орнаментированный (табл. 68: 24); сосуд биконический (табл. 68: 25). Ваза, горшочек сферический, двойные сосуды и горшочек с двумя ручками найдены в головах последней погребенной.

Металлические изделия: стержень с петелькой (табл. 68: 3) найден у последней погребенной; гвоздики — 8 (табл. 68: 5-12), 4 из которых находи-

лись в зубах последней погребенной; колечко (табл. 68: 4) обнаружено на ее левом виске.

Прочее: сосудик алебастровый конический (табл. 68: 2) найден в головах последней погребенной; бусины сердоликовые — 7 (табл. 68: 13); панцирь сухопутной черепахи; зубы овцы.

2. Камера 29 — овальная (250×170 см), вытянута с С на Ю с небольшим отклонением. Вход с Ю заложен камнями (табл. 69: 1). В камере обнаружены останки 26 человек: 2 мужчин, 8 женщин, 4 детей и 12 неопределенных взрослых. Перед входом лежал скелет последней погребенной — взрослой женщины в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте и кисть ее — перед лицом.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая круглодонная (табл. 69: 3), горшочек сферический (табл. 69: 4), ваза с резким перегибом венчика (самая высокая — 40 см в высоту) (табл. 69: 5), сосуд со сливом (табл. 69: 6). Три первых сосуда вставлены один в другой и находились за спиной последней погребенной.

Прочее: бусины стеатитовые — 2 и сердоликовая — 1 (табл. 69: 2).

Группа II. Камеры 34-36 [Ж-4]. Все они сооружены в период ЮЗТ-V.

3. Камера 34 — округлая (ок. 180 см в диаметре), имела вход с С, закрытый вертикальной каменной плитой (табл. 70: 1). Скелет взрослой женщины лежал на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на В. Ноги согнуты в коленях, руки вытянуты вперед. Создалось впечатление, что покойная была просто сброшена в могилу. Под этим скелетом, ниже слоя стерильной земли толщиной 25-30 см, находился основной слой погребений с останками 15 человек. Последней погребена женщина 30-35 лет в скорченном положении, на правом боку, спиной ко входу, головой вправо от входа.

Находки. Керамические сосуды — 5: чаша сферическая круглодонная (табл. 70: 2), чаша сферическая плоскодонная орнаментированная (табл. 70: 3), чаша раструбом архаическая (табл. 70: 4), чаша коническая, сделанная из поддона вазы с резким перегибом венчика (табл. 70: 6), сосуд биконический орнаментированный (табл. 70: 5).

4. Камера 35 — овальная (130×100 см), вытянута с С на Ю. Вход с ЮВ заложен вертикальной каменной плитой (табл. 70: 7). В ней найдены останки 14 погребенных, из которых определимы 5 мужчин, 5 женщин, 3 детей. Обычного положения последнего погребенного в данном случае не зафиксировано.

Находки. Керамические сосуды — 1: нижняя часть ножки вазы.

5. Камера 36 — овальная (200×150 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с ЮЗ заложен вертикальной каменной плитой (табл. 70: 8). В камере обнаружены

останки пяти погребенных: 4 женщин и 1 ребенка. Три скелета взрослых женщин лежали на слое человеческих костей, в затылок друг другу, на левом боку, в скорченном положении, спиной ко входу, головой влево от входа, на СЗ. Их ноги согнуты в коленях. Кисти рук — перед грудью.

Находки. Керамические сосуды — 2: чаша сферическая круглодонная, без орнамента (табл. 70: 9), двойной сосуд (табл. 70: 10).

Группа III. Камеры 111, 116, 119 [Е-6].

6. Камера 111 — овальная (300×150 см), вытянута с небольшим отклонением с В на З. Вход с З заложен каменной плитой (табл. 71: 1). В камере находились останки 35 погребенных, из которых определимы 5 мужчин, 14 женщин и 10 детей. Последней погребена женщина 40-45 лет в скорченном положении, на левом боку. Ее скелет вытянут вдоль длинной стенки камеры, лицом к ней и затылком ко входу. Необычное положение погребенной может быть объяснено тем, что покойную должны были положить спиной ко входу и головой влево от входа, на С. Однако, из-за того, что на том месте, где должны были находиться ее ноги, лежали останки другого покойника с неразложившимися мягкими тканями, ее ноги были резко заведены на север.

Находки. Керамические сосуды — 22: светлоглиняная с минеральной примесью чаша сферическая круглодонная (табл. 72: 10), чаши сферические плоскодонные — 6 (табл. 72: 6,9,11,12,14,15), чаши сферические круглодонные — 4 (табл. 72: 5,7,8,13), горшочки сферические — 2 (табл. 72: 17,18), горшочек сферический орнаментированный (табл. 72: 16), ваза с загнутым венчиком (табл. 72: 20), ваза с резким перегибом венчика (табл. 72: 22), ваза с прямым венчиком (табл. 72: 21), сосуды биконические — 3 (табл. 72: 1-3), сосуд биконический орнаментированный (табл. 72: 19), двойной сосуд (табл. 72: 4).

Металлические изделия: гвоздики — 2 (табл. 71: 2,3); колючко (табл. 71: 4).

Прочее: бусы — амулеты кальцитовые разные — 3 (табл. 71: 5).

7. Камера 116 — овальная (200×170 см), вытянута с С на Ю. Вход с Ю заложен каменной плитой (табл. 73: 1). В камере зафиксировано 2 яруса погребений, но верхний сохранился плохо из-за близости к дневной поверхности. В верхнем ярусе найдены разрозненные кости ребенка и обломки 2 маленьких сосудов. Нижний — основной горизонт костей был отделен от верхнего слоем земли толщиной около 50 см. В камере были обнаружены останки 12 погребенных: 5 мужчин, 3 женщин и 4 детей. Скелет последнего погребенного — подростка лежал в скорченном положении, спиной ко входу, головой влево от входа, на ЮЗ. Лучше сохранился скелет предпоследнего погребенного — мужчины 25-30 лет, лежавший в скорченном положении, на левом боку, спиной ко входу, головой влево от входа, на З. Кисти рук располагались перед лицом. В пустом пространстве склепа труп по естественным причинам повернулся на спину.

Находки. Керамические сосуды — 1: горшочек сферический (табл. 73: 3).

Прочее: трапециевидная бусина из сердолика (табл. 73: 2)

Камера 119 — овальная (185×160 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с СВ заложён камнями. В камере прослежено 2 яруса погребений, разделённых прослойкой земли.

8. Камера 119 (нижний ярус) содержала останки 22 погребённых: 2 мужчин, 6 женщин, 14 детей. Установить положение скелетов можно было только у 4 из них. У входа лежал скелет женщины 30-40 лет на левом боку, спиной ко входу, головой влево от входа, на ЮВ. Ноги согнуты в коленях. Кисти рук — перед лицом. Скелеты 2 детей положены в таком же положении. Скелет мужчины располагался на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа. Кисти рук — перед лицом (табл. 73: 4).

Находки. Керамические сосуды — 2: чаша сферическая круглодонная (табл. 73: 11), горшочек сферический (табл. 73: 10).

Металлические изделия: височные спиральные кольца — 2 (табл. 73: 5, 6); колечко (табл. 73: 7); гвоздик найден в челюстях мужского (?) черепа (табл. 73: 8).

Прочее: бусины из кальцита, сердолика и кости — 6 (табл. 73: 9); панцирь сухопутной черепахи.

9. Камера 119 (верхний ярус) содержала останки 9 погребённых. Три из них лежали в анатомическом порядке (табл. 74: 1). Последним погребён подросток мужского пола на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на СЗ. Ноги сильно согнуты в коленях, кисти рук — на тазовых костях. За его спиной находился скелет женщины 50-55 лет в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на ЮВ. Кисть правой руки — под нижней челюстью, левая рука, согнутая в локте и предплечье, лежала поперек живота. За спиной женщины находился скелет девочки на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на ЮВ.

Находки. Керамические сосуды — 9: чаша сферическая плоскодонная (табл. 74: 11), чаша сферическая круглодонная (табл. 74: 10), горшочки сферические — 2 (табл. 74: 7,8), один из них с минеральной примесью в тесте, ваза с резким перегибом венчика (табл. 74: 13), чаша сферическая плоскодонная орнаментированная (табл. 74: 12), сосуд биконический (табл. 74: 9), двойные сосуды — 2 (табл. 74: 5,6).

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 74: 2); гвоздик (табл. 74: 3); бусины — 2.

Прочее: низка бус из красных и серых черепков — 39, белых пронизок — 6 (все найдены на шее у девочки), пронизки сердоликовые — 3 (табл. 74: 4).

Группа IV. Камеры 180 (верхний и нижний ярусы), 182, 184 [Ж-7]. Камера 182 сооружена и функционировала в конце периода ЮЗТ-VI (см. выше).

Камера 180 содержала 2 яруса погребений, относящихся к одному периоду, но разделенных стерильной прослойкой земли. Вход в обоих ярусах был на одном и том же месте, но размеры камеры в верхнем ярусе значительно уменьшились.

10. Камера 180 (нижний ярус) — овальная (230×210 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с ЮЗ заложен каменной плитой (табл. 75: 1). В камере обнаружены останки 15 погребенных: 3 скелета находились непосредственно в камере, а кости остальных — в нише глубиной 70 см, располагавшейся напротив входа и отделенной от камеры ступенькой. Ближе ко входу лежал скелет взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на 3. Скелет располагался вдоль С стенки камеры, спиной к ней. Второй, сильно потревоженный скелет принадлежал также взрослому человеку. Третий скелет принадлежал младенцу.

Находки. Керамические сосуды — 6: чаши сферические круглодонные — 3 (табл. 75: 3-5) находились по одной в головах взрослых скелетов; горшочки сферические — 2 (табл. 75: 6,7); ваза с резким перегибом венчика — 1 (табл. 75: 8), а также вышеупомянутые горшочки сферические обнаружены в головах второго взрослого скелета.

Прочее: ядра для пращи — 2; бусина лазуритовая (табл. 75: 2).

11. Камера 180 (верхний ярус) — округлая (ок. 150 см в диаметре), находилась к В от закладной плиты (табл. 75: 9). Нижний ярус камеры был основательно засыпан землей прежде, чем похоронить одного покойника. На дне камеры лежал скелет мужчины 40-45 лет в анатомическом порядке, на левом боку с поджатыми ногами, лицом ко входу, головой вправо от входа, на Ю. Левая рука вытянута, кисть ее касалась колена. Правая рука согнута в локте и кисть — перед грудью.

Находки. Керамические сосуды — 1: чаша сферическая плоскодонная (табл. 75: 11).

Прочее: бусина сердоликовая (табл. 75: 10).

12. Камера 184 — овальная (215×175 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Вход с СЗ заложен каменной плитой (табл. 76: 1). Камера имела 2 спрямленных угла, дальних от входа, и была перекрыта более поздними камерами 181 и 188 (период ЮЗТ-IV). У ее задней стенки обнаружены останки 3 человек.

Находки. Керамические сосуды — 3: горшочки сферические — 2 (табл. 76: 7,8), ваза с прямым венчиком (табл. 76: 9).

Металлические изделия: гвоздики — 6 (табл. 76: 2-5), 2 из них не сохранились. Два гвоздика найдены в нижней челюсти.

Прочее: бусина сердоликовая мелкая (табл. 76: 6); бусина лазуритовая; панцири сухопутных черепах — 3; кости овцы, в том числе череп.

Группа V. Камеры 189-191 [Ж/3-6/7].

13. Камера 189 — овальная (ок. 240×190 см) вытянута с СЗ на ЮВ. Вход не найден, но, судя по расположению костей, возможно располагался с СВ (табл. 77: 1). На дне камеры обнаружены останки не менее 12 погребенных. Обычного положения скелета последнего погребенного не зафиксировано. Костище сильно нарушено средневековыми могилами.

Находки. Керамических находок нет.

Прочее: круглая кварцитовая пронизка диаметром 26 мм (табл. 77: 2).

14. Камера 190 — округлая (ок. 170 см в диаметре), вход с Ю заложен каменной плитой (табл. 78: 1). В камере находились останки не менее 40 погребенных, из них определено: 6 мужчин, 10 женщин, 8 детей. От последнего погребенного сохранился череп и некоторые кости верхней половины туловища, на основании чего можно предполагать, что он лежал на правом боку, спиной ко входу, головой вправо от входа, на В. Предпоследний погребенный положен на левый бок, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Ноги не сохранились, кисти рук — под нижней челюстью.

Находки. Керамические сосуды — 11: чаши сферические плоскодонные — 2 (табл. 78: 7,8), чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 78: 5,6), ваза с резким перегибом венчика (табл. 78: 15), ваза с прямым венчиком (табл. 78: 14), горшочек сферический орнаментированный (табл. 78: 9), двойной сосуд (табл. 78: 12), сосуды биконические плоскодонные орнаментированные — 2 (табл. 78: 10,11), сосуд биконический неорнаментированный с двумя отверстиями под венчиком (табл. 78: 13).

Металлические изделия: головная булавка со щитковым навершием (табл. 78: 3); гвоздик.

Прочее: костяная булавка с шаровидным навершием (табл. 78: 4); бусина белая цилиндрическая стеатитовая (табл. 78: 2).

15. Камера 191 — овальная (255×180 см), вытянута с С на Ю (табл. 77: 3). Вход не обнаружен, но, судя по расположению костей, возможно располагался с З. Скопление костей находилось в правой Ю части камеры, а не в задней, как обычно. В камере обнаружены останки 17 погребенных, из которых определимы 2 мужчин, 4 женщин, 9 детей. В анатомическом порядке лежали 3 скелета. Ближе к предполагаемому входу находился скелет женщины 45 лет на левом боку с поворотом в положение «ничком», спиной ко входу, головой влево от входа, на С. Второй скелет принадлежал мальчику в возрасте около 13 лет, положенному на правый бок, лицом ко входу, головой влево от входа. Третий скелет — женщины 55-60 лет также был положен на правый бок, лицом ко входу, головой влево от входа.

Находки. Керамические сосуды — 5: ваза с резким перегибом венчика (табл. 77: 4); чаша сферическая круглодонная (табл. 77: 5); двойной сосуд (табл. 77: 6) (все три найдены у черепа первого скелета); чаша сферическая

плоскодонная орнаментированная (табл. 77: 7) обнаружена у скелета 3; цилиндрический сосуд (табл. 77: 8).

Группа VI. Камеры 192, 195, 202 [3/И-6/7].

16. Камера 192 — округлая (ок. 220 см в диаметре), вход — с В. В камере находились останки 23 погребенных: 7 мужчин, 7 женщин, 9 детей. В северной части камеры обнаружено 4 нарушенных скелета, первоначальное положение которых можно восстановить: все они лежали скорченно, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на С. Положение рук не всегда можно было определить (табл. 79: 1).

Находки. Керамические сосуды — 3: ваза с резким перегибом венчика (табл. 79: 4), сосуд биконический орнаментированный (табл. 79: 2), двойной сосуд (табл. 79: 3).

Прочее: бусина стеатитовая не сохранилась.

17. Камера 195 — округлая (ок. 230 см в диаметре), вход с З. Завалы костей сконцентрированы у В и Ю стенок камеры и отгорожены от ее передней части стенками из поставленных на ребро сырцовых кирпичей (возможно, для поддержки крыши склепа). Можно восстановить позу лишь одного скелета — подростка, лежавшего на правом боку, лицом ко входу головой влево от входа, на С (табл. 79: 5).

Находки. Керамические сосуды — 2: чаша сферическая плоскодонная (табл. 79: 7), ваза с резким перегибом венчика (табл. 79: 8).

Прочее: кремневый наконечник стрелы (табл. 79: 6); белая стеатитовая бусина.

Камера 202 — овальная (280×220 см), вытянута с Ю на С, вход — с Ю. В ней зафиксировано 2 яруса захоронений, разделенных небольшой прослойкой земли. Почти вся В треть камеры снесена более поздней ямой.

18. Камера 202 (нижний ярус) содержала остатки детского захоронения и скопление костей у задней стенки (табл. 80: 1). Скелет ребенка лежал на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на З. В костном завале найдены остатки не менее 20 скелетов: 7 взрослых, в том числе 2 мужчин и 1 женщины, и 12 детей разного возраста.

Находки. Керамические сосуды — 1: чаша сферическая плоскодонная (табл. 80: 2).

19. Камера 202 (верхний ярус) содержала 4 скелета, лежавших совершенно одинаково, в затылок один другому, на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на З. Кисти рук — перед лицом или грудью. Под черепа положены большие куски от крупных сосудов (табл. 80: 3). Первый скелет принадлежал мужчине 45–55 лет, три остальные — женщинам 50–55, 45–55 и 40–50 лет.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 80: 8,9), ваза с загнутым венчиком (табл. 80: 11), цилиндрический сосуд (табл. 80: 10). Ваза и чаша находились перед лицом скелета 1, цилиндрический сосуд и чаша — перед лицом скелета 2.

Металлические изделия: колечко (табл. 80: 4).

Прочее: крупная кальцитовая бусина (табл. 80: 7); бисер из сердолика и стеатита — 2 (табл. 80: 5,6).

Группа VII. Камеры 199-201 [З/И-6] (табл. 81).

20. Камера 199 — овальная (270×160 см), вытянута с В на З. Вход с З заложен каменной плитой, укрепленной крупными кусками керамики (табл. 81: 82: 9,10). Камера заполнена до самого верха костями не менее 79 погребенных, из которых определено: 17 мужчин, 20 женщин, 16 детей. Скелет последнего погребенного принадлежал мужчине, который уложен поверх костей скорченно, на левый бок, спиной ко входу, головой влево от входа, на С.

Находки. Керамические сосуды — 8: чаши сферические плоскодонные — 3 (табл. 82: 1-3), ваза с резким перегибом венчика (табл. 82: 4), горшочек сферический с минеральной примесью в тесте (табл. 82: 5), сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 82: 6,7), сосуд двойной (табл. 82: 8). Разбитое дно одного из биконических сосудов отремонтировано гипсом.

21. Камера 200 — овальная (250×220 см), вытянута с ССЗ на ЮЮВ. Вход с ЮЮВ заложен каменной плитой и сырцовыми кирпичами (табл. 81). На дне камеры обнаружены 3 потревоженных скелета взрослых людей. Все они лежали скорченно, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В.

Находок нет.

22. Камера 201 — овальная (190×160 см), вытянута с СВ на ЮЗ, вход с СВ заложен каменной плитой, укрепленной в вертикальном положении большими черепками от крупных сосудов (табл. 81). В камере обнаружены останки погребенных, сложенных у задней стенки камеры. Последний погребенный — мужчина лежал на правом боку с сильно поджатыми ногами, лицом ко входу, головой влево от входа, на ЮВ. Правая рука вытянута и ее кисть — под коленом, левая — согнута в локте под прямым углом и кости предплечья лежали поперек живота.

Находки. Керамические сосуды — 11: горшочек сферический (табл. 82: 15), чаша сферическая плоскодонная орнаментированная (табл. 82: 12), верхняя часть вазы с прямым венчиком (табл. 82: 13), сосуды биконические — 2 (табл. 82: 11,14), сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 82: 16,17), чаша коническая (табл. 82: 18), сосуд типа стакана орнаментированный (табл. 82: 19), двойные сосуды — 2 (табл. 82: 20,21). Кроме того, в кистище найден поддон вазы (табл. 82: 22).

Итак, первые две группы тройных камер имели по одному склепу, сооруженному в период ЮЗТ-VI. Остальные 5 тройных групп возникли и закончили свое существование в период ЮЗТ-V.

Ниже следует описание материалов этого же времени из двойных склепов с общим входом, объединенных в 9 групп.

Группа VIII. Камеры 42, 43 [Ж/3-3].

Камера 42 содержала 2 яруса погребений, разделенных прослойкой стерильной земли. Вход в обе камеры был на одном и том же месте, но контуры камер слегка не совпадали.

23. Камера 42 (нижний ярус) — овальная (235×155 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с ЮЗ заложен каменной плитой (табл. 83: 1). В камере обнаружены останки 7 человек. Последний погребенный — мужчина 50-55 лет лежал на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на СЗ. Ноги согнуты в коленях, кисть левой руки находилась перед лицом, правой — перед грудью. Череп лежал на большом фрагменте крупного хозяйственного сосуда.

Находки. Керамические сосуды — 4: ваза с резким перегибом венчика (венчик отбит и место облома заточено) (табл. 83: 5), горшочек сферический орнаментированный (табл. 83: 2), горшочек сферический (табл. 83: 3), сосуд биконический орнаментированный (табл. 83: 4). Два первых сосуда находились перед лицом последнего погребенного.

24. Камера 42 (верхний ярус) — овальная (160×140 см), вытянута с СВ на ЮЗ (табл. 83: 6). В камере найдены останки 4 человек. Последняя погребенная — взрослая женщина лежала в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на СЗ. Руки вытянуты, кисти рук — у колен. У задней стенки камеры обнаружены отдельные кости 3 скелетов: 1 женщины и 2 детей.

Находки. Керамические сосуды — 2: сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 83: 8,9). Один найден у затылка последней погребенной.

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием обнаружена у затылка последней погребенной (табл. 83: 7).

Камера 43 — овальная (210×150 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Вход с ЮВ заложен каменной плитой (табл. 84: 1). В камере в тех же границах зафиксировано 2 яруса погребений, разделенных толстым слоем стерильной земли.

25. Камера 43 (нижний ярус) содержала останки 7 погребенных: 6 мужчин и 1 женщины (табл. 84: 2). Последний погребенный — мужчина лежал на левом боку, в скорченном положении, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Обе руки вытянуты перед грудью. Под черепом находились обломки крупных сосудов (табл. 84: 3).

Находки. Керамические сосуды — 3: ваза с резким перегибом венчика

(табл. 84: 4), сосуд биконический орнаментированный (табл. 84: 5), двойной сосуд (табл. 84: 6). Первые два сосуда обнаружены перед лицом последнего погребенного. Кроме того, в костице найден фрагмент венчика хумчи (табл. 84: 3).

26. Камера 43 (верхний ярус) содержала останки 5 человек: 4 женщин и 1 ребенка. В анатомическом порядке перед входом в камеру сохранились два скелета, лежавшие в затылок друг другу. Женщины 30-35 и 40-45 лет были уложены на правый бок, лицом ко входу, головами влево от входа, на 3. Руки вытянуты, кисти — у тазовых костей (табл. 84: 1).

Находок нет.

Группа IX. Камеры 67, 77 [Е/Ж-4/5].

27. Камера 67 — овальная (200×180 см), вытянута с С на Ю. Вход с С заложен каменной плитой, упавшей впоследствии в камеру (табл. 85: 1). У задней стенки камеры находилось скопление костей, принадлежавших 21 погребенному.

Находок нет.

28. Камера 77 — округлая (ок. 215 см в диаметре) со спрямленной задней стенкой, вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с ЮЗ заложен каменной плитой, поставленной на каменный порог. Плита закреплена в вертикальном положении большими черепками от крупных сосудов (табл. 86). В камере обнаружены останки 15 погребенных, кости которых сильно раздавлены. Скелеты двух последних лежали в анатомическом порядке, на левом боку, в затылок друг другу, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Ноги сильно согнуты в коленях, кисти рук — перед лицом.

Находки. Керамические сосуды — 7: чаша сферическая круглодонная (табл. 85: 2), сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 85: 3,4), чаша растробом архаическая с минеральной примесью в тесте (табл. 85: 5), пиала орнаментированная (табл. 85: 6), двойной сосуд (табл. 85: 7), горшочек сферический с двумя ручками (табл. 85: 8).

Группа X. Камеры 97, 98 [Е/Ж-5/6].

29. Камера 97 — округлая (ок. 250 см в диаметре), вход с С заложен каменной плитой (табл. 87: 1). В камере найдены останки 26 погребенных. В анатомическом порядке лежали 2 скелета: ребенок 5-6 лет в скорченном положении, на правом боку, спиной ко входу, головой вправо от входа, на 3 и женщина 30-35 лет на левом боку, в скорченном положении, лицом ко входу, головой вправо от входа, на 3. Руки согнуты в локтях и кисти рук — у лица.

Находки. Керамические сосуды — 2: чаша коническая, сделанная из нижней части ножки вазы (табл. 87: 4), сосуд биконический орнаментированный (табл. 87: 5).

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 87: 2); серьга в виде кольца с сомкнутыми концами (табл. 87: 3).

30. Камера 98 — округлая (ок. 250 см в диаметре). Вход с 3 заложен вертикальной каменной плитой (табл. 88: 1). В камере обнаружены останки около 40 погребенных. Последний погребенный лежал перед входом, поверх костей, в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на Ю. Левая рука вытянута вдоль тела, правая — согнута в локте и лежала поперек груди.

Находки. Керамические сосуды — 13: чаша сферическая плоскодонная орнаментированная (табл. 88: 6), горшочки сферические орнаментированные — 2 (табл. 88: 7,8), чаша растробом арханская (табл. 88: 9), ваза с резким перегибом венчика (табл. 88: 10), сосуд биконический (табл. 88: 11), сосуды биконические орнаментированные — 5 (табл. 88: 12-16), лиалы орнаментированные — 2 (табл. 88: 17,18). Ваза и один из сосудов биконических орнаментированных найдены в головах последнего погребенного.

Металлические изделия: игла с ушком (табл. 88: 2); гвоздики — 5 (табл. 88: 3,4), 3 из которых не сохранились.

Прочее: бусина лазуритовая (табл. 88: 5).

Группа XI. Камеры 110, 114 [Е/Ж-6/7].

Камера 110 — овальная (210×160 см), вытянута с В на З. Вход с 3 заложен каменной плитой. В камере зафиксировано 2 яруса погребений, разделенных слоем земли толщиной до 60 см.

31. Камера 110 (нижний ярус) содержала останки 7 погребенных. Последний погребенный — мужчина 45-50 лет лежал на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на Ю. Ноги согнуты в коленях, кисти рук — перед лицом. За его спиной располагались еще 3 скелета, лежавших подобным образом (табл. 89: 1).

Находки. Керамические сосуды — 1: чаша сферическая плоскодонная орнаментированная найдена у рук последнего погребенного (табл. 89: 2).

32. Камера 110 (верхний ярус) содержала останки 4 погребенных. Несмотря на плохую сохранность костей, установлено, что в камере захоронены 3 мужчин и 1 женщина, погребенная последней. Ее скелет лежал на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на Ю. Мужские скелеты лежали по-разному: один — ничком, головой вправо от входа; другой — в скорченном положении, на правом боку, спиной ко входу, головой в ту же сторону (табл. 89: 3).

Находки. Керамические сосуды — 1: чаша сферическая плоскодонная орнаментированная найдена перед лицом последней погребенной (табл. 89: 4).

33. Камера 114 — овально-треугольных очертаний с нечеткими контурами. Вход с С заложен каменной плитой. На дне камеры обнаружены

останки 2 погребенных. Мужчина 45-50 лет уложен вдоль задней стенки камеры на левый бок с согнутыми ногами, спиной ко входу, головой влево от входа, на В. Руки опущены вниз, а предплечья перекрещены (возможно, были связаны?). Рядом лежали разрозненные кости подростка (табл. 87: 6).

Находок нет.

Группа XII. Камеры 128, 129 [Е/Ж-7].

34. Камера 128 — овальная (230×200 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с ЮЗ заложен каменной плитой (табл. 90: 1) Необычна тем, что в большинстве камер перемещенные кости возвышаются по направлению от входа к задней стенке, а в данной камере они наоборот возвышаются от задней стенки ко входу. Ни входа в задней стенке, ни обычного положения последнего погребенного близ низкого уровня костыща не отмечено. Все черепа у задней стенки раздавлены так, словно по ним ходили. В камере обнаружены останки 55 человек: 16 мужчин, 23 женщины, 16 детей. Не исключено, что все эти кости были сброшены сюда при вычищении другой камеры.

Находки. Керамические сосуды — 5: чаша сферическая круглодонная (табл. 90: 2), сосуд цилиндрический (табл. 90: 3), сосуд биконический (табл. 90: 4), сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 90: 5,6).

35. Камера 129 — овальная (210×150 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с СВ заложен каменной плитой (табл. 90: 7). В камере находились останки 4 взрослых и 2 детей. Скелеты детей и одного мужчины сохранились в анатомическом порядке, кости остальных сложены у задней стенки камеры. Скелет мужчины лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, лицом ко входу, головой вправо от входа, на С. Кисть левой руки — перед лицом, предплечье правой — поперек живота. Перед ним, в таких же позах обнаружены скелеты 2 детей в возрасте до 1 года. Головы покойных были положены на большие черепки от крупных сосудов.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая плоскодонная орнаментированная (табл. 90: 9), сосуд биконический орнаментированный (табл. 90: 10), чаша коническая толстостенная (табл. 90: 11), чаша сферическая плоскодонная неорнаментированная (табл. 90: 12). Все сосуды обнаружены близ головы детского скелета, лежавшего между скелетами мужчины и другого ребенка.

Прочее: костяное шило с отверстием для шнура (табл. 90: 8) найдено на груди мужского погребения.

Группа XIII. Камеры 174 (нижний ярус), 185 [З-7/8].

36. Камера 174 (нижний ярус) — округлая (ок. 170 см в диаметре). Вход с Ю заложен каменной плитой (табл. 91: 1). В камере обнаружены останки 21 погребенного: 4 мужчин, 2 женщины, 1 взрослого, 14 детей. Обычного

положения последнего погребенного не зафиксировано. Черепа у задней стенки камеры сильно раздавлены, из-за того, что там находился вход в камеру 174 верхнего яруса. Отнесение верхнего яруса камеры 174 к данному периоду является проблематичным, вследствие полного отсутствия находок.

Находки. Керамические сосуды — 3: чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 91: 2,3), сосуд биконический (табл. 91: 4).

37. Камера 185 — овальная (250×100 см), вытянута с С на Ю. Вход с С обозначен каменным закладом (табл. 91: 5). В камере находились останки 38 погребенных, в том числе 8 мужчин, 9 женщин, 14 детей и 1 эмбриона. В анатомическом порядке сохранился скелет женщины, лежавшей в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на В. Левая рука согнута в локте, кисть — перед грудью, правая — вытянута вдоль тела. За спиной женского скелета находились 4 детских скелета: ск. 1 — на правом боку, лицом ко входу, ск. 2 — на левом боку, спиной ко входу, ск. 3 — на правом боку, лицом ко входу, ск. 4 — череп младенца, лежавший у лопатки женского скелета.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая плоскодонная (табл. 91: 14) найдена у черепа женского скелета; чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 91: 15,16) обнаружены у детских скелетов 2 и 3; ваза с загнутым венчиком (табл. 91: 17) стояла у детского скелета 2.

Металлические изделия: головная булавка с раздвоенным навершием (возможно, заготовка для булавки с биспиральным навершием ?) (табл. 91: 6) находилась за спиной женского скелета; колечко из тонкой проволоки (табл. 91: 7); колечко из толстой проволоки (табл. 91: 8); гвоздик (табл. 91: 9).

Прочее: лавролистные наконечники стрел из яшмы и яшмовидного кремня с небольшой выемкой у основания — 2 (табл. 91: 10,11); низка бус, выточенных из красных и серых черепков — 45 (табл. 91: 12), найдена на шейных позвонках детского скелета 1; бирюзовая бусина-амулет (табл. 91: 13) лежала между ребер детского скелета 3. Панцирь сухопутной черепахи находился у тазовых костей женского скелета.

Группа XIV. Камеры 198, 205 [З/И-7].

38. Камера 198 — овальная (240×160 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Вход с СВ заложен камнями и сырцовыми кирпичами (табл. 92: 1). В западной части камеры, в 20 см выше уровня пола сделана ниша, заполненная костями и черепами 12 человек: 6 взрослых и 6 детей. На дне камеры обнаружены останки не менее 11 человек, причем многие скелеты сохранились в анатомическом порядке. В северной половине камеры находились скелеты — женщины около 40 лет и 2 детей 7-8 лет на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на СЗ. Левая рука женщины была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте так, что кости кисти оказались перед грудью. В центре камеры, на

тонком слое подсыпанной земли лежал скелет еще 1 женщины на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на В. В пустом пространстве камеры в процессе разложения мягких тканей погребенную развернуло верхней частью туловища на грудь. Под женским черепом обнаружены 2 скелета грудных детей. За спиной этого женского скелета находились еще 2 погребения: на дне камеры лежал скелет взрослого человека, а поверх него — ребенка. Оба скелета — на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на В.

Находки. Керамические сосуды — 11: чаша сферическая плоскодонная (табл. 92: 8), чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 92: 15,16); горшочек сферический (табл. 92: 11), вазы с резко отогнутым венчиком — 2 (табл. 92: 17,18), сосуды биконические — 3, один из них с минеральной примесью (табл. 92: 12-14); сосуд биконический орнаментированный (табл. 92: 10); двойной сосуд (табл. 92: 9). У одной из ваз обломана ножка и облом зашлифован.

Прочее: костяные булавки с шаровидными головками — 3 (табл. 92: 3-5); костяная булавка с плоской треугольной головкой (табл. 92: 2); керамические бусины — 16 (табл. 92: 6); заготовки для керамических бус — 2 (табл. 92: 7), бисер сердоликовый — 2, панцирь сухопутной черепахи.

39. Камера 205 — овальная (310×200 см), вытянута с В на З с небольшим отклонением. Вход с Ю заложен камнями и сырцовыми кирпичами (табл. 93: 1). В задней стенке камеры сделана ниша глубиной 60 см, в которую помещены черепа и длинные кости. В камере останки не менее 27 погребенных, из которых определено: 4 мужчин, 12 женщин, 9 детей. В анатомическом порядке сохранился скелет женщины, погребенной последней в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа. Левая ее рука вытянута вдоль тела, правая — согнута в локте и лежала поперек груди.

Находки. Керамические сосуды — 6: чаша сферическая плоскодонная (табл. 93: 13), чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 93: 14,15), горшочек сферический с минеральной примесью в тесте (табл. 93: 17), горшочек сферический орнаментированный (табл. 93: 16), сосуд биконический (табл. 93: 18).

Металлические изделия: стержень (игла, булавка ?) (табл. 93: 2); колечки — 2 (табл. 93: 3,4), гвоздики — 3 (табл. 93: 5-7), кусок пластинки (табл. 93: 8).

Прочее: бусины сердоликовые — 3 (табл. 93: 10-12); бисер белый гипсовый (табл. 93: 9); панцирь сухопутной черепахи найден у лица последней погребенной.

Группа XV. Камеры 203, 204 [Ж/3-7/8].

40. Камера 203 — овальная (230×190 см), подтреугольных очертаний, вытянута с ССЗ на ЮЮВ. Вход с ССЗ закрыт каменной плитой (табл. 94: 1). В задней стенке камеры сооружена ниша для костей, располагавшаяся на 40 см выше уровня пола. В нише находились разрозненные кости 4 взрослых и 1

ребенка. На полу камеры в анатомическом порядке лежали 3 скелета в одинаковых позах: в скорченном положении, в затылок друг другу, на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на СВ. Левые руки у скелетов 1 и 2 согнуты в локте. У скелета 3 левая рука вытянута вдоль тела, правая — согнута в локте. Первый от входа скелет принадлежал ребенку 5-6 лет, второй — женщине 20-25 лет, третий — девочке около 13 лет.

Находки. Керамические сосуды — 5: чаша сферическая плоскодонная (табл. 94: 10), чаша сферическая круглодонная орнаментированная (табл. 94: 11), горшочек сферический орнаментированный (табл. 94: 12), горшочек сферический (табл. 94: 13), сосуд биконический с минеральной примесью в тесте (табл. 94: 14). Два последних сосуда найдены близ скелета 1. Три первых — близ скелета 3.

Металлические изделия: обломок проволоки (табл. 94: 2); гвоздики — 3 (табл. 94: 3-5); бусина (табл. 94: 6).

Прочее: бусины сердоликовые разных оттенков — 3 (табл. 94: 7-9).

41. Камера 204 — овальная (205×165 см), вытянута с С на Ю. Вход с Ю отмечен каменной плитой (табл. 95: 1). На дне камеры обнаружены в анатомическом порядке 3 скелета: у входа — мужчины 60-70 лет, за ним — женщины 40-45 лет и ребенка около 8 лет. В ногах женского скелета находились кости новорожденного младенца. Все скелеты лежали в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Левая рука мужчины вытянута, правая — согнута в локте, у остальных обе руки согнуты в локтях и лежали на животе.

Находки. Керамические сосуды — 6: горшочек сферический (табл. 95: 2), ваза с загнутым венчиком (табл. 95: 7), сосуд биконический (табл. 95: 3), сосуд биконический орнаментированный (табл. 95: 4); цилиндрический сосуд (табл. 95: 6); двойной сосуд (табл. 95: 5). Первые три сосуда найдены перед лицевой частью черепа мужского погребения, а четвертый — у его затылка.

Группа XVI. Камеры 215, 216 [В/Г-7/8].

42. Камера 215 — округлая (ок. 200 см в диаметре). Вход с ССВ заложен каменной плитой (табл. 96: 1). На дне камеры лежали в анатомическом порядке 4 скелета, а в нише, располагавшейся напротив входа, обнаружены останки 4 детей, 3 из которых в возрасте до 1 года и 1 — от 1 до 2 лет. Находившиеся ближе ко входу первый и второй скелеты — мужчины 45-60 лет и неопределенного взрослого лежали в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу. Левая рука согнута в локте, причем кости предплечья и кисти лежали поперек живота. Правая рука согнута в локте так, что кисти находились перед лицом или под нижней челюстью. Кисть второго скелета перекрыта левой лопаткой первого скелета. Третий и четвертый скелеты — взрослого мужчины и ребенка около 2 лет лежали в скорченном положении, на левом

боку, спиной ко входу. Правая рука третьего скелета вытянута вдоль тела и перекрыта тазовыми костями второго скелета. Его левая рука также вытянута вдоль тела.

Находки. Керамические сосуды — 3: чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 96: 3,4), сосуд биконический (табл. 96: 5). Все сосуды найдены в головах третьего скелета.

Прочее: бусины из керамики — 3 (табл. 96: 2); бусина костяная не сохранилась.

43. Камера 216 — овальная (190×160 см), вытянута с В на З. Вход с Ю заложен вертикальной каменной плитой (табл. 97: 1). На полу камеры обнаружены в анатомическом порядке 4 скелета: первый от входа — ребенка около 7 лет, второй — взрослой особи, третий — взрослого мужчины, четвертый — взрослой женщины. Все скелеты лежали в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу. Левая рука вытянута вдоль тела, правая — согнута в локте и лежала поперек скелета.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 97: 2,3), ваза с резким перегибом венчика (табл. 97: 5); сосуд биконический (табл. 97: 4). Все сосуды располагались в головах взрослого мужчины.

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием, от которой сохранились лишь фрагменты.

ОДИНОЧНЫЕ КАМЕРЫ

Помимо вышеперечисленных 16 групп, включавших в себя 43 погребальные камеры с учетом верхних и нижних ярусов погребений, могильник Пархай II содержал еще 46 одиночных камер. Эти камеры не представляли собой каких-либо компактных групп и были довольно равномерно распределены по территории кладбища.

44. Камера 2 [Ж-3] — округлая (ок. 150 см в диаметре). Вход с В закрыт вертикальной каменной плитой, поставленной на крупный сырцовый кирпич длиной — 45 см, толщиной — 15 см (табл. 98: 1). В камере находились останки 17 погребенных. Обычного положения последнего погребенного не зафиксировано.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая круглодонная (табл. 98: 2), вазы с резким перегибом венчика — 2 (табл. 98: 4,5), сосуд биконический орнаментированный (табл. 98: 3).

45. Камера 7 [Е-3] — скорее всего, овальная, хотя ее контуры не были найдены, т.к. она была сооружена поверх камеры 25. Не исключено, что камера 7 является верхним ярусом погребений камеры 25, но в настоящее время проверить это невозможно. Она вытянута с СВ на ЮЗ. Место входа не установлено (табл. 98: 6). В камере обнаружены 3 скелета. Первым был

погребен мужчина 30-35 лет в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮВ. Второй скелет — женщины 20-23 лет лежал в скорченном положении, на левом боку. Третий скелет — женщины 18-20 лет лежал на левом боку. Ноги поджаты коленями к животу, кисти рук располагались у лица.

Находки. Керамические сосуды — 2: ваза с резким перегибом венчика (табл. 98: 8), сосуд биконический орнаментированный (табл. 98: 7). Оба сосуда находились у черепа второго скелета.

46. Камера 9 [Е/Ж-2/3] — округлая (ок. 220 см в диаметре), располагавшаяся на краю холма. Вход, по всей вероятности, смыт и располагался с Ю стороны (табл. 99: 1). В камере обнаружено 16 погребенных. Последний погребенный — мужчина 20-22 лет лежал на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на 3. Вся нижняя половина скелета уничтожена норой.

Находки. Керамические сосуды — 2: пиала орнаментированная (табл. 99: 8) найдена перед лицом последнего погребенного; двойной сосуд (табл. 99: 9).

Металлические изделия: массивный браслет в 2 оборота (табл. 99: 2); гвоздик (табл. 99: 3).

Прочее: яйцевидное полированное навершие булавы из зеленого камня (окремненная глинистая порода) с бронзовым гвоздиком для крепления его на древке, пропущенным через известняковую шайбу (табл. 99: 4-6); сердоликовая бусина (табл. 99: 7); панцирь сухопутной черепахи, найденный в пиале; зубы овцы.

47. Камера 16 [Ж-3] — овальная (220×150 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Вход, очевидно, располагался с СЗ (табл. 100: 1). В середине ее СВ стенки сохранилась ямка от столбовой конструкции. В камере обнаружено 4 скелета, принадлежавшие женщинам разного возраста. Все они лежали на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на СВ. Первой погребенной (дальней от входа) было 16-17 лет, второй — 30-35 лет, третьей — 40-45 лет и последней — 20-22 года.

Находки. Керамических сосудов нет.

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 100: 2).

48. Камера 17 [Д/Е-3] — овальная в нижнем ярусе (200×180 см), вытянута с С на Ю. Вход с Ю заложен каменной плитой (табл. 100: 3). В камере обнаружены останки 15 человек. Все кости, находившиеся у задней стенки камеры, раздавлены, поскольку там располагался вход в камеру 17 верхнего уровня, относящуюся к периоду развитой бронзы ЮЗТ-III. Последний покойник — ребенок 9-10 лет лежал в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Кисть левой руки находилась под нижней челюстью, правой — на груди.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая плоскодонная орнаментированная (табл. 100: 4), ваза с резким перегибом венчика (табл. 100: 5), сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 100: 6,7).

49. Камера 25 [Е-3] — овальная (245×195 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход, скорее всего, располагался с З (табл. 101: 1). Она была перекрыта камерой 7 того же периода, залегавшей на 40 см выше. Не исключено, что это была одна камера с 2 ярусами погребений. В камере 25 обнаружены останки 15 человек, из которых 13 взрослых и 2 детей. В анатомическом порядке сохранилось только 2 скелета. Расположенный южнее скелет женщины старческого возраста лежал на левом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на Ю. Ноги согнуты в коленях, кисти рук — перед лицом. Скелет взрослого мужчины у С стенки камеры передвинут, а изначально должен был лежать на правом боку, спиной ко входу, головой влево от входа, на Ю. Левая рука вытянута вдоль тела, лучевая и локтевая ее кости лежали на тазовых костях, кисть левой руки находилась перед лицом.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая круглодонная с минеральной примесью в тесте (табл. 101: 5) найдена у черепа северного скелета; горшочек сферический (табл. 101: 6); биконический сосуд (табл. 101: 7) обнаружен у черепа южного скелета; поильник (табл. 101: 8).

Металлические изделия: головные булавки со щитковым навершием — 2 (табл. 101: 2,3).

Прочее: бусина сердоликовая (табл. 101: 4).

50. Камера 37 [Ж-4] — овальная (150×110 см), вытянута с С на Ю. Вход располагался с З, но уничтожен более поздней камерой 33 периода ЮЗТ-III, а сама камера 37 нарушила камеру 35 того же периода ЮЗТ-V. В камере обнаружены 2 скелета в анатомическом порядке (табл. 102: 1). Верхний — мужской лежал на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на С. Нижний скелет, возможно также мужской, лежал на правом боку, спиной ко входу, головой вправо от входа, на Ю.

Находки. Керамические сосуды — 2: чаша сферическая плоскодонная (табл. 102: 2) найдена у ноги верхнего погребенного; двойной сосуд (табл. 102: 3) обнаружен у затылка нижнего погребенного.

51. Камера 55 [Д-1] — овальная (200×170 см), вытянута с С на Ю, расположена на краю холма. Вход в нее смыт, но мог находиться с южной стороны (табл. 102: 4). В камере обнаружены останки не менее 12 погребенных, 2 из них в относительном анатомическом порядке. Последний погребенный лежал на спине с подогнутыми под тазовые кости стопами, головой вправо от входа, на В. Верхняя часть скелета не сохранилась, так как покойный, скорее всего, был помещен в склеп в сидячем положении и все кости верхней части туловища при истлевании мягких тканей осыпались вниз.

Второй скелет лежал дальше от входа, в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Кисть левой руки погребенного располагалась у лица. Правая рука согнута в локте и лежала поперек живота.

Находки. Керамические сосуды — 2: сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 102: 5,6), один из которых найден в головах предпоследнего погребенного.

52. Камера 57 [Г-1/2] — представляла собой развал битых костей, лежавших на овальной (230×120 см) площадке, вытянутой с СВ на ЮЗ (табл. 103: 1). Вероятнее всего, это — яма с перехороненными костями.

Находки. Керамические сосуды — 7: чаши сферические круглодонные — 3 (табл. 103: 3-5), вазы с резко отогнутым венчиком — 2 (табл. 103: 6,7), ваза с прямым венчиком (табл. 103: 8), сосуд биконический (табл. 103: 9).

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 103: 2).

53. Камера 60 [Г-2] — округлой формы (ок. 130 см в диаметре). Вход, вероятно, располагался с СЗ, но был уничтожен более поздней камерой 61 периода ЮЗТ-II. В камере обнаружены останки не менее 12 человек. Обычного положения последнего погребенного не зафиксировано (табл. 103: 10).

Находки. Керамические сосуды — 2: сосуд биконический орнаментированный (табл. 103: 11), двойной сосуд (табл. 103: 12).

54. Камера 62 [Е-3/4] — овальная (190×170 см), вытянута с В на З. Сохранилась круглая входная яма входа с В, закрытого каменной плитой (табл. 104:1). Северо-западная часть камеры уничтожена. В камере было не менее 15-18 погребенных, но в анатомическом порядке сохранились только 2 скелета взрослых людей, лежавших перед входом друг за другом, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на С. Ноги сильно согнуты в коленях. Левая рука вытянута вдоль тела и касается колен, правая — согнута в локте и ее кисть — перед грудью. В тазовых костях второго скелета найдены останки эмбриона.

Находки. Керамические сосуды — 2: горшочек сферический (табл. 104: 2), ваза с загнутым венчиком (табл. 104: 3). Оба сосуда найдены в головах последнего погребенного.

Прочее: панцирь сухопутной черепахи обнаружен за тазовыми костями второго скелета.

55. Камера 63 [Г-2] — овальная (230×170 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход располагался с СВ. В камере обнаружены останки не менее 45 погребенных, причем обычного положения последнего погребенного не зафиксировано (табл. 105: 1).

Находки. Керамические сосуды — 15: чаша сферическая круглодонная

(табл. 105: 2), горшочек сферический (табл. 105: 3), горшочки сферические орнаментированные — 2 (табл. 105: 4,5), ваза с резким перегибом венчика (табл. 105: 6), ваза с прямым венчиком (табл. 105: 7), сосуд биконический (табл. 105: 8), сосуды орнаментированные биконические — 6 (табл. 105: 9-14), пиалы орнаментированные — 2 (табл. 105: 15,16).

56. Камера 75 [Ж-4] — овальная (220×170 см), вытянута с ССЗ на ЮЮВ. Вход с С отмечен крупными камнями (табл. 104: 4). В камере находились останки 30 погребенных: 8 мужчин, 7 женщин, 13 неопределенных взрослых, 2 детей. Последний взрослый погребенный лежал на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на В. Обе руки согнуты в локтях, их кисти — перед грудью.

Находки. Керамические сосуды — 3: ваза с резким перегибом венчика (табл. 104: 5), горшочек сферический орнаментированный с минеральной примесью в тесте (табл. 104: 6), сосуд биконический (табл. 104: 7). Мелкие сосуды были помещены в вазу, стоявшую близ головы последнего погребенного.

57. Камера 78 [Ж-5] — овальная (230×180 см), вытянута с С на Ю. Вход располагался с Ю (табл. 106: 1). В камере обнаружены останки 30 покойников: 6 мужчин, 9 женщин, 10 взрослых неопределенного пола, 5 детей. Обычного положения последнего погребенного не зафиксировано.

Находки. Керамические сосуды — 1: двойной сосуд (табл. 106: 5). Кроме того, здесь была обнаружена ножка от вазы (табл. 106: 4),

Прочее: сферическая головка костяной булавки (табл. 106: 2); лазуритовые бусины — 3 (табл. 106: 3).

58. Камера 102 [Ж-5/6] — овальная (300×170 см), вытянута с С на Ю. Вход с Ю заложен двумя каменными плитами, провалившимися в могилу (табл. 107: 1). В камере находились останки 16 покойников: 6 мужчин, 6 женщин, 3 детей. Четыре скелета обнаружены перед входом в анатомическом порядке. У входа лежал скелет женщины на правом боку, спиной ко входу, головой вправо от входа, на В. Кисть правой руки — перед лицом, левая рука согнута в локте и лежала поперек живота. В процессе истлевания скелет частично развернуло на спину. Далее от входа находился скелет другой взрослой женщины на правом боку, спиной ко входу, головой в ту же сторону. Руки вытянуты под прямым углом к позвоночнику. Третий и четвертый — мужские скелеты лежали на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В. Положение рук, из-за нарушения скелетов, осталось не ясным.

Находки. Керамические сосуды — 1: сосуд биконический (табл. 107: 5) обнаружен близ кистей рук второго скелета.

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 107: 2); височное кольцо (табл. 107: 3); гвоздик (табл. 107: 4) обнаружен в одной из нижних челюстей.

59. Камера 109 [Е/Ж-7] — овальная (около 185×140?см), вытянута с В на З. Вход, вероятнее всего, находился с С, но северная часть камеры уничтожена при сооружении камер 112 и 115 (табл. 108: 1). У задней стенки камеры обнаружен костный завал с останками 19 человек: 6 мужчин, 6 женщин, 5 взрослых, 2 детей. Обычного положения последнего погребенного не зафиксировано.

Находки. Керамические сосуды — 4: ваза с загнутым венчиком (табл. 108: 3), сосуд биконический орнаментированный (табл. 108: 4), двойные сосуды — 2 (табл. 108: 5,6).

Прочее: бусина лазуритовая (табл. 108: 2).

60. Камера 122 [Г-7] — овальная (240×140 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Вход с С заложен каменными плитами (табл. 109: 1). В камере обнаружены останки 14 человек. Последней была погребена женщина 40-45 лет в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу, головой влево от входа, на СВ. Левая рука согнута в локте и лежала на груди, правая — вытянута. У ее ног найдены остатки скелета ребенка 5-6 лет. За ее спиной лежал скелет второй взрослой женщины в той же позе, с той же ориентировкой. Кисти рук располагались перед лицом.

Находки. Керамические сосуды — 3: чаши сферические плоскодонные — 2 (табл. 109: 3,4), ваза с резким перегибом венчика (табл. 109: 5). Сосуды обнаружены на груди второй погребенной женщины, хотя изначально, видимо, находились у ее затылка.

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 109: 2) найдена у затылка второй погребенной.

Прочее: бусины сердоликовые — 2.

61. Камера 125 [Е-7] — овальная (220×185 см), вытянута почти с В на З. Вход располагался с В (табл. 110: 1). Скелеты последних погребенных, скорее всего, были удалены при сооружении камеры 126. В скоплении костей у задней стенки камеры обнаружены останки 58 человек, в том числе 14 мужчин и 19 женщин.

Находки. Керамические сосуды — 2: ваза с резким перегибом венчика (табл. 110: 2), сосуд биконический (табл. 110: 3).

62. Камера 138 [Д-7]. Контуры погребальной камеры и место входа определить не удалось, поскольку она была нарушена работой дорожных машин (табл. 111: 1). В остатках костяка обнаружены останки около 20 погребенных.

Находки. Керамические сосуды — 8: вазы с резким перегибом венчика — 3 (табл. 111: 6-8), горшочек сферический орнаментированный (табл. 111: 9), сосуды биконические орнаментированные — 3 (табл. 111: 10-12), нижняя часть чаши растробом архаической (табл. 111: 13).

Металлические изделия: головные булавки с биспиральным навершием — 3 (табл. 111: 2,3), одна из которых не сохранилась.

Прочее: булавка (проколка ?) костяная с отверстием (табл. 111: 4); бусина каменная белая боченковидная, бусины известняковые — 2 (табл. 111: 5).

63. Камера 159 [Ж-8] — овальная, но сохранилась плохо и не имела ни четких контуров, ни места входа, разрушенного при сооружении камеры 172 периода ЮЗТ-III. Тем не менее, в ней зафиксировано 2 яруса погребений. В верхнем, очень плохой сохранности, обнаружено 8 погребенных, причем ни одного в анатомическом порядке (табл. 112: 1).

Находки. Керамические сосуды — 1: сосуд биконический (табл. 112: 3).

Прочее: плоская подвеска, выточенная из обломка керамики (табл. 112: 2); бусина стеатитовая не сохранилась.

В нижнем ярусе камеры 159 (табл. 112: 4), вход в которую устанавливается по развалу камней с 3, зафиксированы останки 10 человек: 2 мужчин, 6 женщин, 2 детей. В анатомическом порядке находились 2 скелета. Один из них — женский лежал в скорченном положении, на левом боку, спиной ко входу, головой влево от входа, на С. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте и располагалась поперек живота. На локтевых костях левой руки погребенной обнаружен скелет младенца. Другой скелет принадлежал мужчине 45-50 лет, лежал на правом боку (с завалом на спину), лицом ко входу, головой влево от входа, на С. Руки вытянуты вдоль тела. Нижняя часть скелета не сохранилась.

Находки. Керамические сосуды — 6: чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 112: 6,7), горшочек сферический (табл. 112: 8), ваза с загнутым венчиком (табл. 112: 9), двойной сосуд (табл. 112: 10), горшочек сферический орнаментированный с двумя ручками (табл. 112: 11). Ваза, горшочек сферический и одна из чаш стояли в головах мужского погребения.

Металлические изделия: непонятная поделка из тонкого листа.

Прочее: бусина сердоликовая (табл. 112: 5) найдена у младенца; панцирь сухопутной черепахи обнаружен в головах мужского погребения.

64. Камера 166 [Ж-8]. Ее контуры и место входа в нее не установлены. По-видимому, это или остатки погребальной камеры, у которой было уничтожено все, кроме последнего погребенного, или индивидуальное захоронение в яме (табл. 106: 6). Скелет мужчины 55-60 лет лежал на левом боку, головой на ЮВ. Ноги согнуты в коленях, кисти рук — перед лицом.

Находки. Керамические сосуды — 2: чаша сферическая круглодонная

(табл. 106: 7), ваза с резким перегибом венчика (табл. 106 :8). Оба сосуда найдены на костях стоп скелета.

65. Камера 179 [3-8] — овальная (220×170 см), вытянута почти с В на З. Вход располагался с Ю (табл. 113: 1). В камере погребено 15 человек, в числе которых 4 мужчин, 5 женщин, 1 ребенок. Последним был погребен мужчина 60-70 лет в скорченном положении, на левом боку, лицом ко входу, головой вправо от входа, на В.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая круглодонная с налепами на венчике (табл. 113: 4), горшочек сферический (табл. 113: 5), сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 113: 6,7).

Металлические изделия: гвоздики — 5 (табл. 113: 2,3), три из которых не сохранились.

66. Камера 186 [3/И-8] — овальная (220×170 см), вытянута с С на Ю. Вход располагался с В (табл. 113: 8). В камере обнаружены останки 20 человек: 18 взрослых и 2 детей. Обычного положения последнего погребенного не зафиксировано.

Находки. Керамические сосуды — 4: ваза с резко отогнутым венчиком (табл. 113: 12), сосуд биконический орнаментированный (табл. 113: 11), двойные сосуды — 2 (табл. 113: 9,10).

67. Камера 206 [3-6] — овальная (ок. 260×200 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Место входа не установлено (табл. 114: 1). В камере обнаружены останки 6 погребенных: 1 мужчины, 1 женщины, 1 неопределенного взрослого и 3 детей, причем каждый скелет несколько нарушен. Лишь скелет мужчины 70–75 лет лежал у СВ стенки камеры в анатомическом порядке, на правом боку с согнутыми ногами, головой на СЗ. Кисти рук находились перед лицом.

Находки. Керамические сосуды — 2: ваза с резко отогнутым венчиком (табл. 114: 3), сосуд биконический (табл. 114: 2).

68. Камера 207 [3-6] — овальная (250×135 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Низкая сохранность стенок склепа не позволила определить место входа (табл. 115: 1). На полу, в ЮВ части камеры в анатомическом порядке лежали 2 скелета в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Левая рука каждого из них вытянута, правая — согнута в локте и лежала поперек ребер. В СЗ части камеры лежали еще 2 скелета в скорченном положении, на правом боку, головой также на ЮЗ. В северо-восточном конце камеры располагалась, по-видимому, ниша для костей, куда были сложены останки 8 погребенных.

Находки. Керамические сосуды — 8: чаша сферическая плоскодонная (табл. 115: 6), чаша сферическая круглодонная неорнаментированная (табл. 115: 5), горшочки сферические — 2 (табл. 115: 7,8), ваза с загнутым венчиком (табл. 115: 9), чаша сферическая круглодонная орнаментированная (табл. 115: 10), сосуд биконический (табл. 115: 11), двойной сосуд (табл. 115: 12),

коническая крышка для сосуда с двумя парами отверстий для привязывания (табл. 115: 13).

Прочее: сердоликовая бусина (табл. 115: 2); кальцитовая бусина (табл. 115: 3); керамический кружок — заготовка для бусины (табл. 115: 4); панцири сухопутных черепах — 2.

69. Камера 208 [З-6] — овальная (250×180 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Из-за низкой сохранности стенок склепа и вследствие того, что камера сильно испорчена средневековым погребением, место входа определить не удалось (табл. 114: 4). В камере обнаружены останки 9 погребенных: 1 мужчины около 50 лет, 1 женщины 50-55 лет, 7 детей в возрасте от 2,5 до 13 лет. Женский скелет лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на Ю. Левая рука вытянута вперед, правая — согнута в локте. Четыре детских скелета лежали скорченно, на правом боку, 3 — на левом. Ориентировка их различна.

Находки. Керамические сосуды — 3: чаша сферическая плоскодонная (табл. 114: 6), ваза с прямым венчиком (табл. 114: 8), двойной сосуд (табл. 114: 7).

Прочее: сегментовидная кальцитовая бусина (табл. 114: 5).

70. Камера 209 [И-7] — овальная (240×140 см), вытянута с В на З. Вход, судя по расположению костей, мог располагаться с В. Камера сильно нарушена средневековым погребением (табл. 116: 1). На полу камеры в анатомическом порядке обнаружены 3 скелета: ребенок 4-5 лет, женщина 30-35 лет и женщина около 40 лет. Все они лежали с подогнутыми ногами, на правом боку, спиной ко входу, головой вправо от входа, на С. Руки второго и третьего скелетов согнуты в локтях, кисти их — перед грудью. В костном завале, у задней стенки камеры найдены останки не менее 28 человек, кости которых сильно раздавлены.

Находки. Керамические сосуды — 3: чаша сферическая круглодонная (табл. 116: 2), ваза с резко отогнутым венчиком (табл. 116: 3), чаша раструбом архаическая (табл. 116: 4).

71. Камера 210 [З/И-8] — неправильно округлая (ок. 220 см в диаметре). Вход с ЮЗ отмечен каменной плитой (табл. 116: 5). В камере найдены останки 2 мужчин 35-40 лет и старше 50 лет. Один из них обнаружен в виде кучки костей, другой скелет лежал ничком, головой ко входу.

Находки. Керамические сосуды — 1: двойной сосуд (табл. 116: 6).

72. Камера 218 [Д-3] была разрушена какими-то земляными работами. Разрозненные кости скелета и разрушенный череп взрослого человека находились в кирпичном завале. Контуры могильной камеры не прослежено.

Находки. Керамические сосуды — 1: чаша круглодонная сферическая орнаментированная (табл. 116: 7).

Металлические изделия: гвоздики — 2 найдены в костях черепа.

73. Камера 219 [Д-3] — овальная (220×175 см), вытянута с С на Ю (табл. 117: 1). Вход с В заложен вертикальной каменной плитой, закрепленной большими черепками крупных сосудов. В камере находились останки не менее 27 погребенных, но лишь скелет последнего — женщины 45-55 лет лежал в анатомическом порядке, на спине, лицом ко входу. Череп — на левом виске. Обе руки согнуты в локтях и фаланги пальцев лежали под ребрами. Ноги были поставлены коленями вверх, но впоследствии упали в сторону входа, а пяточные кости оказались под тазовыми. В мощном костном завале у задней стенки камеры обнаружены останки не менее 19 взрослых людей, подростка 16-18 лет и не менее 6 детей в возрасте 2-10 лет.

Находки. Керамические сосуды — 5: ваза с резким перегибом венчика (табл. 117: 7), сосуды биконические — 3 (табл. 117: 3-5), чаша сферическая круглодонная с гофрированным орнаментом (табл. 117: 6). Ваза и два из трех сосудов биконических располагались близ последней погребенной.

Металлические изделия: головная булава с биспиральным навершием (табл. 117: 2) найдена в головах последней погребенной.

Камеру использовали еще раз о чем свидетельствует стенка из сырцовых кирпичей, возведенная, возможно для укрепления свода, прямо на костях нижнего яруса (табл. 117: 8). Затем, внутрь этого пространства были брошены переженные человеческие кости, вероятно жертв, погибших при каком-то сильном пожаре. После этого камера была заброшена окончательно.

Камера 221 [Д-3] — овальная (230×200 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход, судя по расположению костных остатков, располагался с СВ. В камере зафиксировано 2 яруса погребений, разделенных небольшой земляной прослойкой.

74. Камера 221 (нижний ярус) сохранилась плохо, из-за того, что ее центральная часть была вычищена для погребений верхнего яруса. Однако, до ее вторичного использования, прошло какое-то время, в течение которого стенки камеры стали разрушаться и оплывать. Продукты разрушения закрыли черепа и сосуды у стенок камеры и сохранили их (табл. 118: 1). На полу камеры обнаружено не менее 4 скелетов в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу. У самого входа лежал скелет ребенка 6-7 лет с сильно сжатыми ногами. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте. За его спиной, скорее всего, в той же позе, находился второй скелет — мужчины, от которого сохранились лишь череп и кости правой руки. Далее лежали третий и четвертый скелеты: женщины 17-18 лет и еще одного взрослого человека. У задней стенки камеры обнаружены останки не менее 10 взрослых и не менее 8 подростков и детей.

Находки. Керамические сосуды — 6: сосуды биконические орнаментированные — 2 (табл. 118: 8,9); горшочки сферические — 2 (табл. 118: 6,7), в том числе 1 орнаментированный; вазы с загнутым венчиком орнаменти-

рованные — 2 (табл. 118: 10,11). Один из сосудов биконических орнаментированных, горшочки сферические и одна из ваз найдены в головах второго погребенного. Остальные сосуды — в головах четвертого.

Прочее: бусины керамические — 2 (табл. 118: 2) обнаружены на шейных позвонках первого скелета; кремневые наконечники стрел с плоским или слабо вогнутым основанием — 3 (табл. 118: 3-5) находились в костном завале.

75. Камера 221 (верхний ярус). На расчищенное место в камере, поверх черепов нижнего яруса, были положены 4 покойника (табл. 118: 12). Два ближних ко входу скелета — взрослого человека и мужчины 35-50 лет были положены на левом боку, спиной ко входу. Ноги слабо согнуты в коленях, руки согнуты в локтях. Два следующих скелета — ребенка 3-4 лет и мужчины (?) около 25 лет лежали на правом боку, в слабо скорченном положении, лицом ко входу. Их руки были также согнуты в локтях, кисти рук — перед лицом.

Находки. Керамических сосудов нет.

Металлические изделия: головная булава с биспиральным навершием (табл. 118: 13); спиральное кольцо в 2 оборота (табл. 118: 14). Оба предмета найдены у черепа второго скелета.

69. Камера 224 [Д/Е-4] использовалась 4 раза. Нижний ярус погребений относится к периоду ЮЗТ-V, 2 последующих яруса не содержали сосудов и их хронологическое определение затруднено, верхний ярус содержит сосуды периода ЮЗТ-IV. В настоящем выпуске речь пойдет только о нижнем ярусе, поскольку там есть датирующий материал. Верхний ярус камеры 224 будет рассмотрен в выпуске, посвященном эпохе ранней бронзы (ЮЗТ-IV).

Камера 224 (нижнем ярус) — овальная (215×155 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Вход располагался с ЮЗ. В северо-восточной стенке камеры сооружена ниша для костей глубиной около 50 см (табл. 119: 1). В камере обнаружены останки 23 человек, причем 5 из них в анатомическом порядке на дне камеры. Останки 13 взрослых и 5 детей найдены в завале костей у стенки напротив входа. Скелеты взрослой женщины и подростка 10-11 лет лежали в ЮВ углу камеры друг за другом, на левом боку с сильно поджатыми ногами, что позволяет видеть в них последних погребенных. Их руки согнуты в локтях. Кисти рук — перед лицом. У СЗ стенки сохранился скелет взрослой женщины на правом боку, лицом ко входу, положение рук и ног нарушено. В центре камеры обнаружено еще 2 скелета: взрослого человека и мужчины 40-50 лет. Первый — лежал на правом боку, лицом ко входу, со слабо согнутыми ногами. Кисти рук — перед лицом. Второй — ничком, затылком ко входу. Череп — на левом виске. Кисть левой руки первого скелета лежала на позвоночнике второго.

Находки. Керамические сосуды — 4: половинки двойных сосудов — 3

(табл. 119: 2-4), два из них располагались у последнего из вышеописанных скелетов; сероглиняная ваза прекрасной выделки с центральным отверстием (табл. 119: 5).

77. Камера 226 [Г/Д-6] — овальная (230×180 см), вытянута с В на З. Место входа прослеживается с З, где сохранилась каменная плита и обломки сырцовых кирпичей (табл. 120: 1). По центральной линии камеры лежал ничком скелет взрослой женщины с черепом на левом виске и поджатыми ногами, обращенными ко входу. Кисти рук — у подбородка. В камере найдены останки еще 6 человек, среди которых взрослый, подросток и дети, расположенные разрозненно двумя кучками.

Находки. Керамические сосуды — 2: сосуды биконические — 2 (табл. 120: 2,3).

78. Камера 227 [Д/Е-3] — округлая (диаметр ок. 150 см). Вход с З отмечен мощным закладом из сырцовых кирпичей и крупных кусков сероглиняных сосудов (табл. 121: 1). Последняя погребенная — женщина 50-60 лет лежала по линии В — З, на левом боку, головой во входе. Кроме нее, в камере зафиксирован толстый слой костей с останками 38 взрослых, 2 молодых людей и не менее 13 детей разного возраста.

Находки. Керамические сосуды — 1: чаша плоскодонная с гофрированным орнаментом и минеральной примесью в тесте (табл. 121: 4).

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 121: 2).

Прочее: бусина мелкая из лазурита (табл. 121: 3).

79. Камера 228 [Д/Е-3] — овальная (215×170 см), вытянута с В на З. Вход располагался в западной стенке и был сильно нарушен при сооружении камеры 227 (табл. 121: 1). В камере обнаружены останки не менее 26 человек, в числе которых 16 взрослых и 10 детей. Только 3 скелета сохранились в относительном анатомическом порядке. Слева от входа лежал скелет мужчины (?) 40-50 лет в скорченном положении, на левом боку. Кисти рук — перед лицом. Близ него обнаружен нарушенный скелет женщины в возрасте около 20 лет, скорее всего, на правом боку. Скелет второй женщины 40-50 лет находился у самого костяка, но не в первоначальном положении.

Находки. Керамические сосуды — 5: чаши сферические круглодонные — 4 (табл. 121: 8-11), горшочек из кухонного теста (табл. 121: 12).

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 121: 5); колечко в 1,5 оборота (табл. 121: 6) Оба предмета найдены у черепа второго скелета.

Прочее: бусины керамические — 4 (табл. 121: 7).

80. Камера 231 [Е-5] — овальная (230×300 см), вытянута с СВ на ЮЗ. Вход с СЗ закрыт каменной плитой, сползшей внутрь камеры и перекрытой

камерой 230 (табл. 120: 4). В камере найдены останки 27 погребенных: 16 взрослых и 11 детей, причем 4 из них в анатомическом порядке. Скелеты двух — ребенка в возрасте около 2 лет и взрослого мужчины лежали друг за другом, на правом боку, в скорченном положении, лицом ко входу. Два других скелета — ребенка около 6 месяцев и взрослой женщины лежали «валетом» по отношению к предыдущим, но по-разному: женщина — на левом боку, лицом ко входу, ребенок — на правом боку, спиной ко входу.

Находки. Керамические сосуды — 3: двойные сосуды — 3, представленные половинками, украшенными гофрировкой по венчику (табл. 120: 6-8).

Металлические изделия: головная булавка с биспиральным навершием (табл. 120: 5), гвоздики — 3 (не сохранились).

81. Камера 233 [И-8] — овальная (200×130 см), вытянута с С на В. Вход, из-за плохой сохранности, не установлен (табл. 122: 1). На полу лежали в 1 слой останки 9 погребенных, почти все ориентированные головами на В. Позы 2 из них можно было определить. Мужчина 40-50 лет был похоронен скорченно, на правом боку. Кисти рук — перед лицом. Рядом с ним лежал ребенок около 7 лет на левом боку. Остальные кости принадлежали 5 взрослым, в том числе 2 мужчинам и 1 женщине, а также 2 детям.

Находки. Керамических сосудов нет.

Металлические изделия: обломки головной булавки с биспиральным навершием (табл. 122: 2); гвоздики — 6 (табл. 122: 3-8), один из них найден в челюстях женского скелета.

Прочее: бусина (табл. 122: 9).

82. Камера 234 [Ж-9] — овальная (190×160 см), вытянута с СЗ на ЮВ. Сохранилась округлая яма входа с СВ, заложенного большими камнями (табл. 122: 10). На дне камеры обнаружены 3 скелета. Первым погребен мужчина старше 60 лет в скорченном положении, на правом боку, спиной ко входу, головой на СЗ. У него за спиной лежал скелет женщины 40-50 лет в такой же позе. У них в ногах располагался скелет женщины 50-60 лет на правом боку, лицом ко входу, ноги согнуты в коленях и перекрывали кости ног предыдущего скелета. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте и лежала поперек живота.

Находки. Керамические сосуды — 1: чаша сферическая плоскодонная найдена в головах третьего из вышеописанных погребенных (табл. 122: 11).

Металлические изделия: гвоздик находился в челюстях третьего скелета.

Прочее: панцирь сухопутной черепахи располагался у плеча третьего скелета.

83. Камера 243 [В-7] — большая, неправильных подтреугольных очертаний из-за того, что частично была нарушена бульдозерной траншеей. Судя по расположению костей и скелетов, вход мог располагаться с Ю

(табл. 123: 1). На дне камеры лежала последняя погребенная — женщина 40-50 лет в анатомическом порядке, в скорченном положении, на левом боку, лицом на Ю, головой на В. Руки согнуты так, что кости обеих кистей — на лонном сочленении. В сильно нарушенном норами завале костей обнаружены останки не менее 22 человек, в числе которых 9 мужчин, 5 женщин, 5 детей и подростков.

Находки. Керамические сосуды — 5: чаша сферическая плоскодонная (табл. 123: 6), чаши сферические круглодонные — 2 (табл. 123: 7,8), горшочек сферический (табл. 123: 9), ваза с загнутым венчиком (табл. 123: 10). Ваза и одна из чаш сферических круглодонных находились в головах последней погребенной.

Металлические изделия: гвоздики — 3 (табл. 123: 2-4).

Прочее: бусы сердоликовые — 3 (табл. 123: 5); кости мелкого рогатого скота, представленные 4 черепами, 1 челюстью, 3 голеньями.

84. Камера 244 [В-8] представляла собой впускное погребение в край камеры 243, не имевшее видимых контуров могильной ямы (табл. 124: 1). Скелет ребенка 5-6 лет лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на СВ.

Находки. Керамические сосуды — 2: чаша сферическая плоскодонная (табл. 124: 2), сосуд цилиндрический (табл. 124: 3). Оба сосуда найдены у затылка погребенного.

85. Камера 254 [Г/Д-6] располагалась близко к дневной поверхности, вследствие чего ее контуры не установлены (табл. 124: 4). Судя по положению скелета, вход, скорее всего, располагался с ЮВ. Погребенный — мужчина (?) 30-40 лет лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на СВ. Кисти рук находились в области живота.

Находки. Керамические сосуды — 3: горшочек сферический (табл. 124: 5), чаша сферическая круглодонная (табл. 124: 6), сосуд биконический (табл. 124: 7). Все сосуды найдены перед лицом погребенного.

86. Камера 256 [Д-6] — овальная (200×175 см) со спрямленными сторонами, вытянута с С на Ю. Вход с З отмечен камнями (табл. 125: 1). В анатомическом порядке сохранились скелеты последнего и частично предпоследнего погребенного. Первый скелет — женщины старше 60 лет лежал вдоль Ю стенки камеры скорченно, на левом боку, головой на З, лицом на С, ко входу. Правая рука согнута в локте и лежала поперек живота, левая — вытянута вдоль тела. Вторым, сильно нарушенный скелет женщины 35-45 лет, располагался на правом боку, в скорченном положении, головой на З, лицом на Ю. Руки согнуты в локтях, кисти их — перед лицом. В куче костей обнаружены останки еще 5 человек: мужчины 30-35 лет, 2 женщин старше 50 лет, взрослого человека и ребенка около 6 лет.

Находки. Керамические сосуды — 4: чаша сферическая плоскодонная (табл. 125: 4); сосуд биконический (табл. 125: 5) располагался у черепа второго скелета; двойной сосуд (табл. 125: 6) найден перед лицом последнего погребенного; круглодонный сосуд с ребром и сточенным венчиком (табл. 125: 7) обнаружен в костном завале.

Металлические изделия: гвоздик (табл. 125: 2).

Прочее: головная костяная булавка со сферическим навершием (табл. 125: 3) найдена у затылка первого скелета.

87. Камера 260 [E-5] — овальная (225×140 см), вытянута с В на З. Вход не обнаружен, но, скорее всего, располагался с З. Обычного положения последнего погребенного не зафиксировано. В камере находились останки не менее 40 человек (табл. 126: 1).

Находки. Керамические сосуды — 5: чаши сферические плоскодонные — 3 (табл. 126: 2-4), горшочек сферический (табл. 126: 5), пиала архаическая (табл. 126: 6)

Металлические изделия: гвоздики — 2 (не сохранились).

Прочее: обломки круглого жертвенника.

88. Камера 266 [E-5] расположена под камерой 260, которая ее практически разрушила, врезавшись в ее середину. Она — овальная (ок. 220×170 см), вытянута с С на Ю. Вход находился с З (табл. 126: 1). Сохранилась часть задней половины камеры с 6-7 черепами и передняя часть камеры с кое-какими костями двух последних погребенных. Можно предполагать, что последний погребенный лежал на правом боку, в сильно скорченном положении, спиной ко входу.

Находки. Керамические сосуды — 3: чаша сферическая светлоглиняная со следами красного ангоба (табл. 126: 9) найдена у черепа последнего погребенного; сосуд биконический (табл. 126: 10); горшочек сферический круглодонный (табл. 126: 11).

Металлические изделия: гвоздик (табл. 126: 7); кольцо из проволоки в 1,5 оборота (табл. 126: 8). Оба обнаружены близ черепа последнего погребенного.

89. Камера 268 [3-5] — овальная (ок. 120×90 см), вытянута с С на Ю. Ее контуры и место входа не сохранились (табл. 125: 8). На дне камеры находились останки 5 человек. Мужчина 30-40 лет лежал на спине, ноги согнуты в коленях, череп — на левом виске. Правая рука вытянута, левая — согнута в локте. Скелет женщины 35-45 лет располагался в скорченном положении, на правом боку, лицом на В, головой на ЮЗ. Кисти рук — перед лицом. Скелет ребенка 7-8 лет лежал на левом боку, лицом на З, головой на ЮЗ. Кисти рук — перед лицом. Кроме того, обнаружены скелет ребенка 1-2 лет и младенца в возрасте до 1 года.

Находки. Керамические сосуды — 3: чаши сферические круглодонные — 2, горшочек сферический (сосуды и их рисунки утрачены).

Прочее: бусы костяные цилиндрические — 4 (табл. 125: 9).

ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

К периоду ЮЗТ-V позднего энеолита относятся 89 погребальных камер или почти 35% от всего количества раскопанных в могильнике Пархай II. К этому можно было бы добавить те 5, которые были сооружены в предшествовавший период ЮЗТ-VI и в которых среди сопровождающего обычно последнего погребенного инвентаря находились сосуды периода ЮЗТ-V. Однако, учитывая что весь остальной комплекс погребального инвентаря из этих камер относится к периоду ЮЗТ-VI, они и были рассмотрены в том периоде.

В отличие от предыдущих периодов, где групповые склепы появлялись как исключение, в периоде ЮЗТ-V их значительно больше. В семь тройных групп объединены 22 камеры, в девять двойных групп — 20 камер, что составляет 42 камеры, или чуть больше 47%. Остальные 46 камер имели индивидуальные входы.

В конструктивном отношении погребальные камеры разных групп не отличаются друг от друга. Все они представляют собой полуподземные склепы с боковым входом из специальной ямы. Вход в камеру, как правило, закрыт вертикальной каменной плитой, которая в ряде случаев сохранилась в изначальном положении. Во входном проеме иногда делался порог из сырцовых кирпичей или каменных блоков. Каменная плита обычно укреплялась в вертикальном положении большими кусками крупных сосудов, вставленных в качестве клиньев между плитой и землей. Уровень дна входа обычно находился выше пола камеры о чем в ряде случаев свидетельствует сохранившаяся ступенька.

Ориентация входа относительно стран света — самая разнообразная. Некоторое преимущество отдавалось все же Ю (15 случаев), ЮЗ (9 случаев) и З (14 случаев). На С обращено 8 входов, на СВ тоже — 8, на В — 7 и на ЮВ — всего 2.

Размеры камер практически не отличаются от камер предыдущего периода. Пятнадцать камер из 75 (20%) — округлых очертаний, их минимальный диаметр равен 130 см, максимальный — 250 см. Остальные камеры были овальными, пропорции их осей стремятся к отношению 3:2. Разброс размеров большой, но чаще употреблялись следующие: длина — 190-260 см, ширина — 140-220 см.

ОСТАНКИ ПОГРЕБЕННЫХ

В 89 погребальных камерах периода ЮЗТ-V были найдены останки более 1400 человек, из которых только 112 сохранилось в анатомическом порядке или можно было восстановить их изначальное положение, что составляет около 7,7% от общего количества. В 73 погребальных камерах находилось разное количество погребенных: от 1 до 10 скелетов было в 31 камере (в среднем по 5 в 42,5% камер), от 11 до 20 — в 20 камерах (в среднем по 15 в 27% камер), от 21 до 30 — в 16 камерах (в среднем по 25 покойников в 22% камер), от 31 до 40 — в 3 камерах, от 41 до 50 — в 1 камере и от 50 до 60 — в 2 камерах.

В большинстве случаев установлено, что в камерах были погребены как мужчины, так и женщины. Кроме того, выделяются 2 пары жестких оппозиций: лицом или спиной ко входу и на левом или на правом боку. Положения скелета на спине или на животе не наблюдается. Если в такой позе и находили иногда скелет, то, почти всегда, можно было установить, что в это положение он перевернулся в пустом пространстве камеры при истлевании мышц и связок тела. Существует еще пара оппозиционных признаков: вправо или влево головой по отношению ко входу в камеру. Однако эти признаки, хотя и четко видимые, не являются определяющими, поскольку зависят от сочетаний первых двух оппозиций.

Выяснилось, что мужчины и женщины могли быть положены в могилу одинаково, причем выделяются четыре основных варианта:

1. Лицом ко входу на правом боку — мужчин 14, женщин 25.
2. Лицом ко входу на левом боку — мужчин 10, женщин 12.
3. Спиной ко входу на правом боку — мужчин 5, женщин 6.
4. Спиной ко входу на левом боку — мужчин 5, женщин 8.

Как можно видеть, в расчет были приняты 93 погребенных. Остальные 19 из 112 скелетов принадлежали детям и взрослым людям, пол которых определить не удалось.

При дальнейших расчетах и анализе надо исходить из того, что мужчина и женщина в то время могли мыслиться как противоположные сущности. К примеру, женщина, погребенная на правом боку лицом ко входу, и мужчина, погребенный на левом боку, лицом ко входу, могли быть одного социального порядка. А все, погребенные лицом ко входу, своими антиподами имели всех погребенных, уложенных спиной ко входу.

В камерах найдено достаточное количество детских скелетов в анатомическом порядке. Поскольку определение по костям пола ребенка невозможно, остается только отметить, что и среди детей отмечаются те же группы, что и среди взрослых: лицом или спиной ко входу, на левом или на правом боку. Никакого особого положения для детей не существовало.

Рассматривая ориентировку скелетов, можно сделать вывод о том, что в то время не существовало положения покойника в могилу относительно стран света, или небесных светил. Ориентировка покойников выдерживалась только в пределах погребальной камеры и зависела от бока, на который он был положен, и от обращения лицом или спиной ко входу.

Если в предыдущем культурно-историческом периоде положение покойника спиной ко входу было единичным, то в периоде ЮЗТ-V спиной ко входу на разных боках лежало 24 человека, только в 2,8 раза меньше, чем лицом ко входу. Такое положение уже не выглядит необычным. Допустимо, что со временем менялся смысл и символика, связанные с положением тела умершего по отношению ко входу. Например, мог найти отражение тот факт, что в общине стало больше чужаков.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Погребальным инвентарем являются все предметы, найденные в закрытых комплексах погребальных камер. К нему относятся сосуды, предназначавшиеся, по-видимому, для заупокойной пищи. Затем, в его состав входили различные украшения, независимо от материала, из которого они изготавливались. Далее, в него входят все остальные предметы, не относящиеся к костным человеческим остаткам, изготовленные из кости, металла, камня и керамики, а также кости животных.

а). Керамический комплекс позднего энеолита (табл. IV).

К периоду ЮЗТ-V относится 89 погребальных камер, но в сводную керамическую таблицу включены лишь 75, в которых было найдено 348 сосудов.

Керамический комплекс этого периода отличается от предыдущих прежде всего тем, что вся посуда сделана из глиняного теста, которое после обжига стало серого цвета разной интенсивности — от черного до светло-серого. Однако, 14 сосудов, изготовленных из так называемого «кухонного» теста с большой примесью минерального отощителя, имеют желтоватый или коричневатый цвет поверхности. Такой посуды — лишь 4,0 % от всего количества.

При описании сосудов сохраняется сквозная нумерация форм, принятая для предыдущих периодов. Это делается для того чтобы читатель с самого начала почувствовал неразрывную слитность периодов, единую линию развития местной культуры. Эта же нумерация сохраняется в сводных таблицах.

2. Чаша сферическая плоскодонная (39 экз., 1 из которых с минеральной примесью в тесте) возникла и была распространена в предыдущих периодах ЮЗТ-VII и ЮЗТ-VI. Встречены 2 варианта этой формы: реже с прямым венчиком и чаще с загнутым венчиком. На 2 сосудах заметны следы формовки. На половине сосудов наблюдается затертость дна от употребления

сосудов нанесены до обжига знаки (камеры 122 — 2 экз., 185 и 198). Диаметры венчиков колеблются между 5,4 см и 11,5 см; высота — от 3 до 6,5 см.

3. *Чаша сферическая круглодонная* (54 экз., 2 из них с минеральной примесью в тесте) тоже возникла в период ЮЗТ-VII, распространилась в период ЮЗТ-VI и подразделяется на 2 варианта: чаши с прямым венчиком (их меньшинство) и с загнутым венчиком. Среди последних встречены 2 оригинальных сосуда, имевших у венчика по 2 обломанных выступа пока не ясного назначения (камеры 139, 179). У двух чаш по венчику нанесен гофрированный орнамент (камеры 203, 207). На 1 чаше заметны пятна неравномерного обжига, на 4 — следы формовки сосуда. Примерно на половине чаш наблюдается затертость дна, а на 1 — следы починки и знак на донце (камера 57). Диаметры венчиков — 5,2-12,6 см, высота — 3-7,2 см.

6. *Горшочек сферический* (33 экз., 5 из которых с минеральной примесью в тесте) появился в период ЮЗТ-VII в светлоглиняном расписном варианте, существовал в период ЮЗТ-VI в сероглиняном исполнении и подразделяется на 2 разновидности: с округлым дном (меньшинство) и с плоским дном. Многие из плоскодонных горшочков имеют в средней части тулова ребро, выраженное разной степенью четкости. На одном сосуде видны следы формовки, а на другом — отверстия у венчика для привязывания крышки. Не на всех горшочках отмечается лощение поверхности. Примерно у половины их дно затерто от употребления в быту. Диаметры венчиков — 3,4-9 см, высота — 3,5-8 см.

13. *Ваза с загнутым венчиком* (12 экз.) является диагностической формой периода ЮЗТ-V. Пять из них имеют монолитные ножки, остальные — полые. Десять ваз украшены орнаментом. У 4 из них, найденных в камерах 62, 204, 207, 243, на ножке нанесено по 3 параллельных валика. Ножка вазы из камеры 159 (нижний ярус) украшена желобками, а ножка вазы из камеры 185 — гофрировкой. Две вазы из камер 202, 221 имеют гофрировку на верхней части резервуара. Ножка вазы из камеры 19 (нижний ярус), резервуар которой с гофрировкой, дополнительно украшена валиками. У вазы из камеры 221 резервуар орнаментирован желобками, а ножка — тремя валиками. У половины всех ваз видна затертость на ножке. Диаметры венчиков — 9,6-13,6 см, высота — 10,2-13 см.

14. *Ваза с резким перегибом венчика* (34 экз.) также является диагностической формой периода ЮЗТ-V. У 5 ваз ножки — полые, а у 29 — монолитные. Одна ваза представлена только резервуаром, отбитым в древности, причем место облома подшлифовано. От 3 ваз сохранились лишь поддоны. Поверхность 1 вазы — не лощеная. На внутренней поверхности поддона 13 ваз имеются знаки, нанесенные до обжига. Из них 9 — целые, обнаруженные в камерах 57 — 2 шт., 63, 98, 138 (нижний ярус), 190, 191, 195, 199, а четыре из камер 34, 78, 97, 101 представлены только поддонами. Знаки встречены лишь

на вазах этого типа, что позволило и поддоны со знаками отнести к этим вазам. На поддоне 1 вазы из камеры 138 (нижний ярус) нанесено снаружи и изнутри 2 знака. На 12 поддонах заметна затертость от употребления сосуда в быту. Двадцать восемь vaz украшены орнаментом, который наносили либо на резко отогнутый венчик (15 шт.), либо только на ножку (6 шт.), либо на венчик и ножку (5 шт.). В подавляющем большинстве вазы украшены гофрировкой (29 шт.), желобками (5 шт.) и тремя валиками (4 шт.). Одна украшена по венчику гофрировкой, а по ножке — валиками. Другая ваза из камеры 209 орнаментирована по венчику 2 рядами наклепных шишечек диаметром до 2 мм с углубленной точкой в центре каждой шишечки. Диаметры венчиков — 7,5-23,6 см, высота — 7,5-29,5 см.

15. *Горшочек сферический орнаментированный* (13 экз.) тоже является диагностической формой периода ЮЗТ-V. Один из них изготовлен из теста с минеральной примесью и имеет светлую поверхность. Затертость дна от употребления в быту наблюдается только у 4 сосудов, а у 4 горшочков — округлое дно. У одного горшочка из камеры 190 на дне виден нанесенный до обжига знак. Орнаментация — разнообразна: 2 валика — в широкой части тулова горшочка из камеры 99; желобки — на плечиках сосуда из камеры 19 (нижний ярус); гофрировка от 2 до 12 полос — на горшочках из камер 43 (нижний ярус), 63, 98, 111, 221; гофрировка и насечки иглой с внутренней стороны венчика — на сосуде из камеры 98; горизонтальные линии, нанесенные иглой, с насечками — на внутренней стороне венчика горшочка из камеры 138 (нижний ярус); горизонтальные линии, нанесенные иглой, — на сосуде из камеры 75; сочетание прямых линий и зигзагов, нанесенных иглой, — на горшочке из камеры 190; горизонтальные лощеные полосы — на сосуде из камеры 203. Диаметры венчиков — 2,3-5,6 см, высота — 3,8-8,4 см.

16. *Чаша сферическая плоскодонная орнаментированная* (9 экз.) также относится к диагностическим формам комплекса ЮЗТ-V. Все они, кроме одной, имеют прямой венчик, причем диаметр венчика больше диаметра тулова. Затертость дна заметна практически на всех чашах. На донцах 2 чаш из камер 129, 191 видны нанесенные до обжига знаки. Одна чаша имеет отчетливые следы реставрации в древности — ряды отверстий вдоль линии поломки. У другой чаши наблюдаются пятна неравномерного обжига. Орнамент: валики, выдавленные при формовке, — на сосудах из камер 119 (верхний ярус), 201, гофрировка — на чашах из камер 17 (нижний ярус), 34, 98, 129, 191, 218, 219, 227. Диаметры венчиков — 5-18 см, высота — 2,6-10 см.

17. *Ваза с прямым венчиком и сферическим резервуаром* (7 экз.) принадлежит к диагностическим формам периода ЮЗТ-V. Пять vaz имели монолитные ножки, одна — поддон. Орнаментация зафиксирована у 5 vaz: желобки — на вазе из камеры 63, гофрировка — на ножке вазы из камеры 111, желобки на резервуаре и 2 валика — на поддоне вазы из камеры 57, гофрировка — на

разервуаре и ножке у вазы из камеры 19, два валика — на ножке вазы из камеры 184. Диаметры венчика — 9,5-13,6 см, высота — 10,2-13 см.

18. *Чаша раструбом архаическая* (5 экз.) возникла только в периоде ЮЗТ-V. Одна из них изготовлена из теста с минеральной примесью. Чаши характеризуются широким плоским дном, почти цилиндрической или слегка вогнутой нижней третью или половиной сосуда и плавным отгибом стенок наружу. Венчик — слегка заострен у чаши из камеры 77 или резко отогнут наружу и даже вниз у чаш из камер 34, 98, 209. На дне 1 чаши виден нанесенный до обжига знак. Орнаментация представлена желобками на чаше из камеры 34 или гофрировкой на сосуде из камеры 209. Диаметры венчиков — 8,4-11,4 см, высота — 4,5-8 см.

19. *Сосуд биконический* (84 экз.) появился только в этом периоде, имея своим прототипом чашу с прямыми стенками периода ЮЗТ-VI, которую и заменил в быту и погребальном инвентаре. Стенки чаши с прямыми стенками стали делать с наклоном внутрь, а сам сосуд уменьшился в размерах. Сосуды биконические из периода ЮЗТ-V перешли в период ЮЗТ-IV, относящийся уже к эпохе ранней бронзы. Два сосуда биконических изготовлены из теста с минеральной примесью и имеют светлый цвет поверхности. Орнамент нанесен на 49 сосудах, 26 — неорнаментированы. На донцах тех и других встречены нанесенные до обжига знаки. В обеих подгруппах есть сосуды, отреставрированные в древности и сосуды, употреблявшиеся в быту, прежде чем попасть в могилу. Орнамент большинства из них представлен гофрировкой. Три сосуда украшены валиками, 1 — желобками, 1 — горизонтальными линиями, еще 1 — волнистыми линиями, проведенными острым предметом. Диаметры венчиков — 4,1-10 см, высота — 3,5-9,5 см.

20. *Пиала орнаментированная* (6 экз.) встречалась редко и представлена в керамических комплексах ЮЗТ-V и ЮЗТ-IV. На донца 2 сосудов из камер 9, 63 до обжига нанесены знаки. Один сосуд отреставрирован в древности. Затертость дна отмечена у 1 пиалы. Пять из них украшены гофрировкой, 1 — тремя волнистыми линиями вдоль венчика, сделанными острым предметом, ниже которых — лощеные горизонтальные полосы. Диаметры венчиков — 8,6-11,2 см, высота — 5,4-7,1 см.

21. *Сосуд цилиндрический* (5 экз) появляется в периоде ЮЗТ-V, но будет более характерен для периода ЮЗТ-IV ранней бронзы. На донцах 2 сосудов из камер 202, 204 нанесены до обжига знаки. Два сосуда украшены гофрировкой. Донца 2 сосудов затерты от употребления их в быту. Диаметры венчиков — 6,8-8 см, высота — 3,5-6 см.

22. *Чаша коническая* разных размеров (5 экз.) является довольно аморфной, редкой формой, которая станет распространенной в керамическом комплексе ЮЗТ-IV. Одна, изготовленная из теста с минеральной примесью, имеет светлую поверхность.

Сквозные детали на сосудах разных форм.

Двойной сосуд (35 экз., из которых 7 не вошли в таблицу) представляет собой емкость из двух одинаковых сосудов, соединенных перемычкой. Только 1 экземпляр из камеры 191 сохранился целиком, остальные представлены лишь половинками. Большинство сосудов орнаментировано. На донцах 6 сосудов наблюдаются следы затертости. Нанесенные до обжига знаки обнаружены на 2 сосудах.

Сдвоенными оказались 6 форм, известных в одиночном варианте:

1. *Цилиндрический сосуд* (26 экз., из которых только 6 не орнаментированы). Девятнадцать сосудов украшены гофрировкой, 1 — горизонтальными линиями, нанесенными острым предметом.

2. *Чаша сферическая круглодонная* (3 экз.), причем на донце 1 сосуда из камеры 109 заметен знак.

3. *Чаша сферическая плоскодонная* (1 экз.) украшена гофрировкой.

4. *Чаша коническая* (1 экз.) украшена желобками.

5. *Чаша раструбом архаическая* (2 экз.) украшена гофрировкой.

6. *Горшочек сферический* (2 экз.).

Единственный целый экземпляр двойного сосуда состоит из 2 горшочков, соединенных перемычкой. На противоположных наружных сторонах прилеплены петельчатые ручки с горизонтальным отверстием. Один из горшочков украшен вертикальными процарапанными линиями, другой — горизонтальными чередующимися прямыми и волнистыми линиями. Второй двойной сосуд также украшен тонкими линиями, образующими рисунки нескольких деревьев ветвями вверх.

Сосуд со сливом (1 экз.) — конической формы, светлоглиняный, из теста с минеральной примесью. Диаметр венчика — 6,1 см, высота — 4,7 см.

Поильник (1 экз.) по форме является горшочком сферическим серого цвета с округлым дном, однако имел, по-видимому, трубчатый, не сохранившийся носик, отходивший от самой широкой части тулова. Диаметр венчика — 3,6 см, высота — 6,5 см.

Сосуд с двумя ручками (3 экз.) представляет собой горшочек сферический с маленькими петельчатыми ручками, имевшими горизонтальные отверстия на плечиках. Два сосуда украшены по плечикам гофрировкой, 1 — лощением. Диаметры венчиков — 3,2-5,2 см, высота — 4-6 см.

Итак, керамическая коллекция позднего энеолита Юго-Западного Туркменистана насчитывает 348 сосудов разных форм, размещавшихся в 75 погребальных камерах (см. рис. 6, 7). В большинстве из них найдено до 5 сосудов, часто сопровождавших скелет последнего погребенного. Максимальное количество сосудов в камере 111 доходит до 22. Больше 10 сосудов встречено только в 4 камерах 63, 19 (нижний ярус), 98 и 198. В период ЮЗТ-V наблюдается определенное сочетание форм — ваза, чаша сферическая плоскодонная

или круглодонная и горшочек сферический, находившихся не только в непосредственной близости друг от друга, но и вставленными один в другой. Иногда чаша заменялась на сосуд биконический.

Все сосуды, несмотря на то, что уменьшились в размерах по сравнению с предыдущим периодом, специально для погребального обряда не изготавливались. Перед тем, как их ставили в могилу и, тем самым, выводили из бытового употребления, ими достаточно долго пользовались в повседневной жизни о чем говорят и случаи реставрации посуды, и затертость дна примерно у половины всех найденных сосудов.

На 59 сосудах разных форм (около 17% от всего количества) обнаружены различные знаки, нанесенные на поверхность просушенного изделия до его обжига палочкой или острием. Обычно эти знаки наносились на дне сосуда снаружи и реже — изнутри. Больше всего знаков отмечено с внутренней стороны поддона ваз с резким перегибом венчика и на конических сосудах, что объясняется многочисленностью данных групп посуды. Знаки эти — следующие: прямой или косой крест — 17 сосудов, отрезки прямых линий — 12, круг или спираль — 12, буквоподобная фигура — 3, прямая или косая решетка — 2, антропоморфная фигура — 5, две полуокружности — 3, отрезки зигзага — 2, индивидуальные знаки — 3.

Орнаментация керамики росписью зафиксирована с раннего энеолита — узоры разного характера наносились бурой краской на красный фон ангоба. К позднему энеолиту роспись поверхности посуды уже не существует. Практически половина найденных сероглиняных сосудов (49%) украшены принципиально новыми узорами, характеризующимися иной техникой исполнения. В количественном отношении первое место занимает горизонтальная гофрировка, нанесенная на 72,5% орнаментированной посуды. Затем следует желобчатый орнамент (17 сосудов) и валик (14 сосудов), образованные при формовке сосуда. Различные линии, нанесенные на изделие острием или лощением, редки. Один раз встречен оригинальный способ украшения, когда венчик вазы имел два ряда наклепных вдавленных шишечек.

Позднеэнеолитический керамический комплекс периода ЮЗТ-V следует рассматривать в динамике, как и предыдущие, для чего он подразделен на уже известные группы посуды:

1. К формам посуды, вышедшим из употребления, но продолжающим использоваться в быту в качестве пережитка, нельзя отнести ни одной. Однако, среди массы серо-черной посуды попадаются экземпляры, изготовленные из так называемого «кухонного» теста с минеральной примесью, которые можно выделить из общего количества и отнести к пережиточным. Форма этих сосудов и, особенно, материал, из которого они изготовлены, явно архаичны и к этому времени вышли из употребления. Таких сосудов — всего 17, или 5% от всего количества.

2. Чаша сферическая плоскодонная, чаша сферическая круглодонная и горшочек сферический (все они не орнаментированы) перешли без изменения из керамического комплекса ЮЗТ-VI в комплекс ЮЗТ-V. Они крепко связывают два названных культурно-исторических периода. В керамическом комплексе ЮЗТ-V эти сосуды составляют почти 33%.

3. К формам посуды, которые возникли в позднем энеолите и являются диагностическими для керамического комплекса ЮЗТ-V, относятся 3 разновидности ваз, составляющие почти 17% от всего комплекса. Весьма характерно для этого периода появление орнаментации на серо-черной керамике, в частности, на чашах сферических плоскодонных и горшочках сферических, что дает еще почти 8%. Биконические сосуды, трансформировавшиеся из серо-черных чаш с прямыми стенками, также появились только в позднем энеолите, причем в большом количестве. Их, орнаментированных и неорнаментированных, насчитывается 76 штук, или 22,5% от всей керамики периода. Две редкие формы — чаша раструбом архаическая (4 экз.) и пиала орнаментированная (6 экз.) появляются также только в этом периоде. Таким образом, в позднем энеолите возникли 6 новых форм, что составляет 50% его керамического комплекса.

4. Забегая вперед, можно сказать, что в период позднего энеолита зарождаются несколько форм, характерных для периода ЮЗТ-IV эпохи ранней бронзы. Туда переходят в большом количестве сосуды биконические, чаши раструбом архаические и пиалы орнаментированные. Кроме того, в могилах позднего энеолита встречено несколько форм, типичных для эпохи ранней бронзы, — сосуд цилиндрический и чаша коническая.

б). Металлические изделия.

Коллекция металлических изделий из погребальных камер периода ЮЗТ-V значительно беднее, чем из камер развитого энеолита. Она включает в себя в основном украшения и некоторые другие предметы.

Головные булавки с бистиральным навершием (18 экз.), продолжая линию развития, начатую в развитом энеолите, уже демонстрируют тенденцию к деградации. Они становятся короче, тоньше, количество витков в спиралах не превышает трех. Большинство их найдено в перемещенном состоянии в завалах костей, но сохранившие свое изначальное положение, у затылка погребенного, по-прежнему использовались в качестве головного украшения.

Булавки головные со щитковым навершием (3 экз.) также продолжают более раннюю традицию, используясь как украшения женских причесок. Их, как и в предыдущем периоде, в позднем энеолите значительно меньше, чем бистиральных.

Гвоздики (51 экз.) имеют крупную шляпку и утолщение на конце. Многие из них найдены в нижней челюсти погребенных. При захоронении их клали в рот покойнику, что безусловно являлось частью погребального обряда. Быть

погребенной с гвоздиками во рту было привилегией женщин. Остальные гвоздики найдены среди костей в завале у задней стенки камеры.

Браслет (1 экз.) представлял собой крупный предмет из круглой толстой проволоки в 1,5 оборота и найден в перемещенном состоянии.

Колечки-серьги (10 экз.) сделаны из проволоки. Некоторые изготовлены в виде лунницы с тонкими соприкасающимися концами и сильно утолщенной серединой. В основном они найдены в костных завалах, реже — у черепа целых скелетов.

Височные кольца для волос (2 экз.) выполнены из проволоки, скрученной спиралью в два оборота. Вероятнее всего, они украшали пряди волос, пропускавшиеся через витки спирали.

Бусины (3 экз.) изготовлены из раскованной пластинки, свернутой в трубочку для того, чтобы можно было продеть нитку.

Иглы (2 экз.) представляли собой длинные стержни с острым концом и с ушком на другом конце. Ушко делалось следующим образом: конец стержня расковывали, сгибали в обратном направлении и охватывали им стержень иглы.

Стержень с петлей и утолщением на другом конце (1 экз.), назначение которого пока не совсем ясно, возможно, использовался в качестве подвески.

в). Изделия из камня, кости, глины, органические остатки.

Изделия из камня. Крупных изделий из камня мало, что объясняется спецификой погребальных памятников, которые не адекватно отражали быт населения.

Булава яйцевидная полированная изготовлена из зеленой окремненной глинистой породы. Высота — 48 мм, диаметр — 55 мм. Она найдена в костище камеры 9. В древности булава имела древко, закрепленное в верхней части бронзовым гвоздиком длиной 35 мм с большой полукруглой шляпкой, пропущенным через шайбу из белого кальцита. Если бы шайба была найдена отдельно, то ее сочли бы бусиной.

Сосуд алебастровый конической формы, напоминающий ритон, был обнаружен в камере 19 (нижний ярус). Высота — 70 мм, диаметр — 32 мм. Резервуар в разрезе имеет форму усеченного конуса.

Наконечники стрел из яшмы и яшмовидного кремня прекрасной выделки изготовлены при помощи тонкой струйчатой отжимной ретуши. Их форма напоминает лавровый лист с выемкой в основании. Они найдены в костных завалах 3 погребальных камер. Два наконечника длиной 74 мм и шириной 18 мм обнаружены в камере 185; еще 1 длиной 44 мм и шириной 15 мм — в камере 195; три других длиной 55 мм и шириной 16 мм, длиной 48 мм и шириной 14 мм, длиной 38 мм и шириной 15 мм — в камере 221 (нижний ярус). Такие предметы вряд ли изготовляли в позднем энеолите. Вероятнее

всего, они относятся к более раннему времени, были случайно найдены и использованы как украшения или амулеты.

Бусины и пронизки разной величины и формы — 62 экз. Они изготовлены из сердолика (26 экз.), стеатита (9 экз.), лазурита (6 экз.), бирюзы (1 экз.) и из кальцита-гипса-известняка (15 экз.). Бусины и пронизки употреблялись в качестве украшений, часть их могла служить амулетами.

Изделия из кости — редки в погребальных камерах периода ЮЗТ-V и представлены только 3 типами вещей.

Во-первых, это — *головные булавки*, относящиеся к 2 разновидностям. Первая разновидность (5 экз.) имеет острый стержень длиной 6-8 см в и сферическое навершие. Вторая разновидность (3 экз.) характеризуется столь же длинным стержнем и навершием в виде плоских треугольников с горизонтальными насечками.

Во-вторых, — *проколки-подвески* с острием и отверстием на противоположном конце. Таких изделий найдено 2, причем 1 находилось в верхней части грудной клетки скелета из камеры 129. Это обстоятельство предполагает, что оно было повешено на шею про помощи какого-то шнура.

В-третьих, — *цилиндрические бусы* (около 20 экз.), изготовленные из трубчатых костей животных.

Изделия их обожженной глины.

Из слегка обожженной глины изготовлены 2 *ядра для пращи*, которые можно считать пережиточными, т. к. значительно больше их найдено в погребальных камерах предшествующего времени.

Особыми предметами, вошедшими в период ЮЗТ-V из предыдущей эпохи, являются *круглые вазообразные керамические жертвенники*, обнаруженные в засыпи погребальных камер. Они представлены в основном фрагментами, но особенно хорош почти целый экземпляр с четким отогнутым венчиком и гофрированной ножкой из камеры 224 (нижний ярус), изготовленный из великолепно лощеной черной глины. Он разбит в древности и тогда же отреставрирован, о чем говорят отверстия вдоль линии излома.

Черепки разбитой посуды не выбрасывали, а иногда использовали вторично как исходный материал для изготовления бус, которые, как правило, сопровождали детские и подростковые скелеты. Эти черепки, серо-черного или красного цвета, обтачивались на абразиве в кружки, которые затем про-сверливали.

Использовали и другие части разбитых сосудов, например ручки, которые, после подправки на абразиве, использовали в качестве подвесок.

Из остатков органического происхождения следует отметить панцири сухопутных черепах примерно одного размера — 10-12 см. Их найдено немногим более десятка. Если они не переотложены, то находились близ женских

скелетов. Традиция класть в могилу панцирь черепахи восходит к более древнему погребальному обряду и сохраняется в позднем энеолите.

Среди человеческих костей найдены кости овцы, в которых, вероятнее всего, надо видеть остатки мясной заупокойной пищи, положенной с покойником. Если это так, то приходится удивляться редкости подобных находок.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА

Погребальный обряд позднего энеолита можно справедливо рассматривать в качестве продолжения погребального обряда предыдущих периодов ЮЗТ-VII и ЮЗТ-VI. Принципиально новых черт обряда не наблюдается, кроме чисто количественных изменений в ряде моментов. Заметно увеличилось количество сдвоенных и строенных погребальных камер и количество погребенных в каждой камере, что является не отражением изменения обряда погребения, а следствием общего возрастания численности населения долины Сумбара. Принцип погребения в коллективных полуподземных склепах оставался прежним — живые сородичи и соплеменники должны были твердо знать о существовании крепких и незримых уз, которые и после смерти должны были их объединять. Попытка реконструировать эти узлы не является нашей задачей в данной работе. Каждого умершего хоронили в заранее предназначенном ему склепе вместе с теми людьми, которые при жизни состояли с ним в какой-то общности. Для совершения погребения вскрывали склеп, то есть вынимали землю из входной ямы и отодвигали в сторону каменную плиту, закрывавшую вход. Кто-то, возможно, старший из принимавших участие в церемонии или ближайший родственник, спускался вниз и входил в склеп через узкий лаз высотой 60-70 см. Он отодвигал останки последнего погребенного в направлении «от себя» и готовил место для очередного покойника.

Умершего нужно было положить строго определенным образом, согласно его социальному и гражданскому статусу и с учетом пола умершего. Первой оппозиционной парой признаков было обращение покойника ко входу лицом или спиной. Так могли быть положены и мужчины, и женщины. Скелетов, лежавших спиной ко входу меньше, чем лежавших лицом ко входу, причем они почти не имели сопровождающего инвентаря.

Следующей оппозиционной парой признаков погребенного является бок, на который он был положен. Независимо от пола, умершего могли положить как на правый, так и на левый бок. Однако, одинаковое положение мужчины и женщины, видимо, имело противоположное значение. Большинство женщин положено в склеп лицом ко входу, на правый бок. Им должны были соответствовать мужские погребения, захороненные также лицом ко входу, на левом боку. Эти люди при жизни находились в одинаковом гражданском

состоянии. В равной степени это касается положения женщин на левом боку и мужчин на правом. Сейчас затруднительно решать, какое общественное положение занимали при жизни те или иные люди, но отрицать наличие в их обществе каких-то социальных различий также нельзя.

О детских скелетах трудно сказать что-то определенное, из-за невозможности установить пол ребенка. Похоже, что в отношении детей не было столь строгой системы, как в отношении взрослых. Их скелеты найдены в самом разнообразном положении и ориентировке по отношению ко входу.

На более, чем 1450 погребенных в склепах позднего энеолита приходится 348 сосудов, в среднем 1 сосуд на 4 человек. Однако, это соотношение надо резко изменить, поскольку в ряде случаев 3-4 сосуда были вставлены один в другой и предназначались одному покойнику. Иными словами, какие-то керамические емкости были не более, чем у 10% погребенных. Примерно каждому десятому погребенному ставили определенный набор посуды, причем именно набор, а не ассортимент чего-то, что было положено в сосуды. В таком случае наполненные сосуды не стали бы ставить один в другой. Набор был действительно определенным: ваза, чаша сферическая или сосуд биконический, и горшочек сферический. В целом сосуды были более мелкими, чем в камерах предыдущего периода, что связано с увеличением количества погребенных. Сосуды должны были иметь меньший объем, чтобы занимать меньше места в камерах.

Специально для погребальной церемонии сосуды не изготавливали, а использовали употреблявшиеся в семье о чем в ряде случаев красноречиво свидетельствуют реставрированные или дефектные сосуды и следы затертости дна.

Как женщинам, так и мужчинам в могилы клали вещи, им лично принадлежавшие. Особенно это показательно для женщин, которых сопровождали в основном украшения: металлические и костяные головные булавки, серьги и височные кольца для волос, амулеты и бусы. Особое значение имеют гвоздики, не являвшиеся украшениями. Поскольку они найдены во рту погребенных женщин, их надо рассматривать как свидетельство определенной церемонии, понять которую полностью пока не представляется возможным. Допустима мысль о том, что таким образом могли препятствовать распространению среди предков нежелательной информации — язык покойной как бы прибавали гвоздями, чтобы она не проговорилась о том, чего не должны были знать предки или, вернее, их души.

Единственный раз с мужским скелетом была найдена каменная полированная булава. Безусловно, это был предмет вооружения, но уже в то время она могла служить показателем престижности, что хорошо известно для более позднего времени в странах Ближнего Востока и Средней Азии. Кремневые

наконечники стрел, выполненные с величайшим искусством, вероятнее всего, служили магическими предметами или украшениями.

Следует отметить, что в позднем энеолите продолжалась традиция помещать в могилу панцирь сухопутной черепахи, зародившаяся в раннем энеолите. Отмечая этот факт, следует признать, что пока у нас нет достаточных данных для его интерпретации. Возможно, панцирь был как-то связан с достижением душой покойного конечного пункта ее странствий, но клали его отнюдь не с каждым погребенным.

Наконец, среди могил, правда без всякой системы, было найдено большое количество фрагментов крупных сосудов, которые своей формой соответствовали более мелким сосудам, найденным в погребальных комплексах ЮЗТ-V. Не исключено, что во время похорон или позднее было принято устраивать тризны для поминовения покойного и успокоения его души.

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Территория распространения памятников с серо-черной керамикой периода ЮЗТ-V остается прежней — от северной подгорной равнины Эльбурса до среднего течения рек Каспийского бассейна. Культурный комплекс ЮЗТ-V закономерно вырастает из комплекса развитого энеолита ЮЗТ-VI. Никаких чужеродных включений в комплексе ЮЗТ-V не наблюдается. Более того, в это время из Юго-Восточного Прикаспия, в частности, из долины среднего течения Сумбара, началось распространение серо-черной керамики на СВ, на поселения центрального района северной подгорной равнины Копетдага. При раскопках верхнего строительного горизонта поселения Кара-тепе у Артыка найдено довольно большое количество черепков и даже целых сосудов из серой глины, причем некоторые из них украшены процарапанным орнаментом. Керамика этого типа найдена и культурном слое поселения, и в погребениях, впущенных в него, более поздних по отношению к нему.

Среди найденной посуды есть вазы с прямым венчиком, биконические сосуды, кубковидные сосуды и поильники, не имеющие ни прототипов, ни аналогий в местном керамическом комплексе. Все свидетельствует о привозном характере этой посуды. Поскольку серые сосуды найдены в могилах, естественно предположить, что они происходят из Юго-Западного Туркменистана вместе с людьми расселявшимися оттуда.

Существенные следы сильного воздействия пришельцев с серо-черной керамикой позднего энеолита Юго-Западного Туркменистана прослеживаются также на поселениях долины и дельты Теджена (Ария античных источников). В Геоксюрских толосах и в одном из погребений, подстилающих эти

толосы, были найдены сферические горшочки серо-черного цвета, один из которых украшен желобчатым орнаментом, характерным только для периода ЮЗТ-V. Но самое интересное свидетельство прихода населения из долины Сумбара было обнаружено в толосе А, первом из раскопанных в 1957 г., где в зубах женского черепа была найдена «миниатюрная медная булавка». Как стало ясно спустя четверть века, это был медный гвоздик — характерный элемент погребального обряда развитого и позднего неолита, зафиксированный в погребальных камерах могильника Пархай II.

Перечисленные находки позволяют синхронизировать погребальные камеры периода ЮЗТ-V с концом периода Намазга II — самым началом периода Намазга III. Учитывая находки в слоях этого времени редких черепков с полихромной росписью типа Джемдет-Насар (Месопотамия), а также распространение среди расписных орнаментов Намазга III изображений барсов, типичных для памятников Центрального Ирана (Сиалк), последний период можно отнести ко времени, близкому рубежу IV и III тыс. до н. э. Это значит, что камеры периода ЮЗТ-V были сооружены и функционировали во второй половине IV тыс. до н. э.

Других памятников на юге Средней Азии, где были бы найдены типичные для Юго-Западного Туркменистана серо-черные сосуды, пока нет. Скорее всего их и не было, поскольку расселение с территории Древней Гиркании носителей серо-черной керамики только началось и не проникло далеко на восток и на север. Однако, и его оказалось достаточным для того, чтобы привести в движение население соседних с Гирканией областей, в частности, северной подгорной равнины Копетдага. Пока это движение было малозаметным, оно проявится в полную силу в эпоху ранней бронзы, в период ЮЗТ-IV, но начался этот процесс на рубеже IV и III тыс. до н. э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После предъявления всего материала эпохи энеолита и анализа его археологическими методами, он превратился в исторический источник. Хотя эта книга и посвящена только этому процессу, т.е. превращению множества артефактов в исторические источники, все же в Заключении следует наметить основные вехи древнейшей истории населения Юго-Западного Туркменистана, а конкретнее — долины среднего течения реки Сумбар.

Исследования могильника Пархай II со всей очевидностью показали, что население этой области перешло к производящему хозяйству одновременно с населением северной подгорной равнины Копетдага. Более того, население обеих историко-культурных областей было родственным на территории всего Закаспийского края, где присутствовал единый культурный субстрат, представленный неолитической джейтунской керамикой и раннеэнеолитической типа Намазга I и ЮЗТ-VII. Для столь раннего времени это может свидетельствовать и о едином языковом субстрате.

Расхождение этих областей в культурном отношении фиксируется в период Намазга II и ЮЗТ-VI. В предметах материальной культуры это проявляется интенсивным появлением полихромной росписи посуды в северной подгорной равнине Копетдага и переходом к изготовлению серо-черной посуды в Юго-Западном Туркменистане. Оба эти процесса тесно связаны между собой, поскольку в их основе лежит одинаковое явление — изменение технологии изготовления керамической посуды. Поскольку в данный момент нас больше интересует культурное развитие населения Юго-Западного Туркменистана, основное внимание будет уделено технологии изготовления сероглиняной посуды. Полихромная роспись стала возможной только после того, как стали употреблять специализированные печи для керамического обжига, причем самые ранние и относятся ко временам Намазга II.

Теперь о серо-черной керамике. До сих пор нет ответа на три основных вопроса: когда?, где?, почему?, т.е. время возникновения, место возникновения и причины ее появления. После раскопок могильника Пархай II можно попытаться ответить на эти вопросы.

Во-первых, серая керамика появилась в погребальных камерах раннего энеолита ЮЗТ-VII. Более ранней серо-черной керамики не встречено нигде в Средней Азии и на Переднем Востоке. Следовательно утверждение о том, что серо-черная посуда возникла в Юго-Восточном Прикаспии на рубеже V и IV тыс. до н. э., имеет все основания.

Во-вторых, в закрытых комплексах погребальных камер развитого энеолита (ЮЗТ-VI) встречены керамические наборы, состоящие из старых расписных и новых серо-черных сосудов. Новые сосуды полностью повторяли особенности старых форм, среди которых вазы, чаши с прямым венчиком, горшочки сферические. Например, 2 отверстия на венчиках расписных ваз повторены на серых, так же, как и петельчатые ручки на сферических горшочках. Этот момент позволил прийти к выводу, что, именно Юго-Восточный Прикаспий является тем местом, где возникла и откуда распространилась по всему Переднему Востоку и Средней Азии серо-черная посуда.

В-третьих, ответ на вопрос, что же послужило причиной появления серо-черной керамики, также содержался в материалах могильника Пархай II. Существуют 2 режима обжига керамической продукции — окислительный и восстановительный. Первый осуществляется при большом доступе кислорода, что достигалось в кучах топлива, а затем в специальных горнах с открытым пламенем. В результате такого обжига тесто сосуда приобретало розовый или красный цвет за счет обязательного присутствия в глине окислов железа. Восстановительный обжиг осуществляется без доступа или при малом доступе кислорода, а его результатом стала серо-черная керамическая продукция, т.к. в глине не происходило окисления железа.

Можно попытаться восстановить картину первоначального появления серо-черной посуды. Во время обжига обычной керамической продукции в куче топлива кто-то решил уменьшить суммарный объем обжигаемой продукции. Для этого мелкие сосуды — чаши, горшочки были вложены внутрь больших хумов, которые закрыли керамическими или каменными крышками, чтобы внутрь не попало топливо. Каково же было удивление людей, проводивших обжиг, когда при разборке готовых изделий из закрытых хумов были извлечены необычные серые сосуды. Сработал, как это часто бывает, Его Величество Случай и положил начало первому «гирканскому секрету» — производству серо-черной посуды. Не следует думать, что первоначальная посуда сразу стала красивой и изящной. До этого было еще далеко, поскольку глиняное тесто с растительным отощителем не годилось для такой керамики. Начались многолетние эксперименты по выработке оптимального состава гончарного теста. Очевидно этим, можно объяснить появление серых сосудов с разнообразной минеральной примесью, которые во многих случаях были очень непрочными. К концу развитого энеолита такое тесто было выработано и в позднем энеолите почти нет серой посуды с минеральной примесью. Население Юго-Восточного Прикаспия, по-видимому, оберегало секреты технологии и распространение серой керамики в соседние области происходило только вместе с людьми, ее изготовлявшими.

К столь же характерным изделиям следует отнести медные головные булавки с биспиральным и щитковым навершием. До начала раскопок мо-

гильника Пархай II таких булавок на всем Востоке было известно не более 10 экземпляров. В погребальных камерах развитого и позднего энеолита их найдено 42 разной величины и качества выработки. Есть все основания видеть в этих изделиях сугубо местную продукцию и считать, что их распространение по соседним территориям отражало распространение населения из долины Сумбара и северных предгорий Эльбурса.

Интересен вопрос о погребальном сооружении эпохи энеолита, причем не столько его происхождение, сколько его дальнейшая судьба. В эпоху энеолита полуподземный склеп с искусственной дерево-земляной кровлей не претерпевает конструктивных изменений. К сожалению, остаются неизвестными погребальные памятники неолитического времени, и мы вынуждены не строить никаких предположений об их облике. Можно сказать только, что в эпоху энеолита увеличивается количество погребенных в склепах, связанное, с общим ростом народонаселения и с ростом численности семей, каждая из которых имела свой погребальный склеп в течение нескольких поколений. Семья не имела установленной численности, также было неизвестно, сколько поколений она могла просуществовать не пресекаясь. Также точно наблюдается тенденция в развитии керамики, найденной в погребальных камерах: в более ранних могилах, в раннем и развитом энеолите, найденные сосуды не имели нарочитой миниатюризаци. Тенденция к этому стала заметной в позднем энеолите. Этот процесс будет особенно явным в погребальных камерах эпохи ранней бронзы в период ЮЗТ-IV.

Таким образом, идя обратным ходом к истокам погребального обряда древнего населения долины Сумбара, можно предположить, что в основе обычного энеолитического склепа могло быть одиночное захоронение в могильной яме, которую не надо было вскрывать для последующего погребения.

Судьба же этих склепов выяснена до мельчайших подробностей и этому вопросу посвящены специальные работы. Поэтому, отсылая к ним, не приводя уже известной аргументации, можно сказать, что именно здесь следует видеть истоки катакомбы, как периодов ЮЗТ-II и Сумбарской культуры поздней бронзы, так и Великого Пояса Степей юга России и Украины. Это, конечно, особый вопрос, но он уже был освещен в литературе. Юго-Восточный Прикаспий — единственное место, где есть археологически доказанные истоки катакомбы, как специфического погребального сооружения развитой и поздней бронзы Евразийского материка (Хлопин, 1990).

Даже в наше время долина среднего течения реки Сумбар по своим природным данным является благодатным краем. А уж в те времена ресурсы долины были таковы, что обеспечивали оптимальные условия существования местного населения. По-видимому, эту характеристику природных условий можно распространить на весь Юго-Восточный Прикаспий, на территорию серо-черной лощеной керамики. Комплекс этих условий способствовал непре-

рывному и постепенному увеличению численности населения этих мест, еще более усилившемуся в позднем энеолите.

В археологических материалах это отразилось в том, что стало увеличиваться количество погребальных камер периода ЮЗТ-V, одновременно с этим увеличилось количество погребенных в каждой камере, что может говорить о возрастании количества семей родового поселка и численности населения. С другой стороны это свидетельствует о нарастании относительной перенаселенности, т.к. наряду с увеличением потребления продуктов питания их количество оставалось практически на том же уровне, что и прежде. Единственным выходом из сложившейся ситуации было естественное расселение, что и произошло.

Восстанавливать реальный процесс этого расселения пока нет надобности, но восстановить при помощи археологии его результаты вполне возможно. На рубеже IV и III тыс. до н. э. на поселениях северной подгорной равнины Копетдага и древней дельты Теджена (в Геоксюрском оазисе) в незначительном количестве появляется серо-черная посуда, не имеющая корней в местной культуре, представленной расписной керамикой. Эта посуда, представленная на Кара-тепе у Артыка вазами с загнутым венчиком, биконическими сосудами и поильниками, без всякого сомнения была привезена из долины Сумбара — наиболее близкого места, где ее изготовляли. Пути ее проникновения на северную подгорную равнину Копетдага и механизм этого процесса прослеживаются археологически совершенно четко. Вместе с переселенцами она прошла через горы и спустилась по долине Арваз-сая на равнину. Наличие переселенцев подтверждается тем, что серая керамика найдена в погребениях, впущенных в верхний строительный горизонт Кара-депе и принадлежавших, скорее всего, пришельцам.

Неожиданное подтверждение этому дали знаменитые толосы Геоксюра — коллективные погребальные камеры, раскопанные В. И. Сарияниди 30 лет назад. Наряду с обнаруженными там серыми горшочками, в челюсти женского скелета в толосе «А» был найден медный гвоздик, что является одной из характерных черт погребального обряда эпохи энеолита в долине Сумбара, в могильнике Пархай II. Тогда разумеется, о погребениях могильника Пархай II и о таком элементе погребального обряда даже не догадывались. Сейчас допустить самостоятельное формирование этого элемента в столь удаленных друг от друга местах — в древней дельте Теджена и в долине Сумбара — не представляется возможным и обнаружение его должно откорректировать прежние представления о Геоксюрских толосах.

В эпоху раннего и развитого энеолита на северной подгорной равнине Копетдага и в дельте Теджена практиковали единственный способ погребения — одиночную могилу, впущенную в культурный слой поселения, который в момент совершения захоронения был свободен от жилой застройки.

Появление в позднем Намазга II — раннем Намазга III коллективных погребальных камер, как специально построенных, так и в заброшенных помещениях, воспринималось тогда как отражение каких-то изменений в социальной организации общества. Однако, не все население стало хоронить своих покойников в указанных камерах — наряду с ними продолжалась исконная традиция индивидуальных погребений. Вот и получилось, что кто-то социально переорганизовался, а кто-то нет, и продолжали они совместное проживание в рамках одного поселения, совместную производственную деятельность.

Сравнение между собой материалов Геоксюра и Пархая II, полученных с интервалом в 21 год, касающихся гвоздиков в челюстях там и там, позволяет по-новому посмотреть на археологические артефакты и по-новому их оценить и интерпретировать. Сейчас можно настаивать на том, что геоксюрские топосы не только появились под воздействием населения из Юго-Западного Туркменистана, они являются свидетельством прихода нового населения, созданием этого населения. Пришельцы, очевидно, пришедшие не индивидуально, а семьями или какими-то другими социальными ячейками, продолжали сохранять в быту ряд привычных элементов, в частности, погребальный обряд, самый, пожалуй, консервативный элемент культуры. Однако, соорудить полуподземный склеп для семейных захоронений они не могли, из-за непрочности грунта искусственного холма, на котором стояло поселение. Поскольку камеру все равно следовало построить, была применена смекалка: выкопан котлован, в котором сооружена многосводчатая купольная постройка, куда можно было неоднократно подхоранивать. Вход сделали сверху, хотя, как будто, есть пример привычного бокового входа.

На подгорной равнине Копетдага, по-видимому, сохранялись традиционные связи с более восточными районами в частности, с поселениями Геоксюрского оазиса, куда время от времени уходило избыточное население. Что же касается самого Геоксюрского оазиса, то там, в связи с его усыханием, сложилось неустойчивое равновесие населения и экологии. Приход на северную подгорную равнину Копетдага и в древнюю дельту Теджена носителей серо-черной керамики нарушил это равновесие. Значительное количество коренного населения двинулось на восток, да так далеко, что характерная геоксюрская керамика была найдена в верховьях Зерафшана, на древнем поселении Саразм.

Таким образом, основным событием позднего энеолита Юго-Западного Туркменистана является возникновение большого движения населения по просторам Средней Азии, которое началось сравнительно скромно и незаметно, а потом, в эпоху ранней и частично развитой бронзы, приобрело глобальный размах. Именно тогда были заложены основы многих современных народов Евразийского материка.

Igor N. Khlopin

**Eneolithic period
of South-Western Turkmenistan**
(Summary)

INTRODUCTION

A mere 20 years ago it was generally assumed in specialist archaeological literature that the valleys of the rivers in the Caspian Basin — the Gorgan, Atrek and Sumbar rivers — and also the whole of South-western Turkmenistan were settled by people with a productive economy very late at the end of the 2nd millennium BC (Kes, Kostjutchenko, Lisitsyna, 1980: 43). This opinion appeared after the first archaeological excavations of Iron-Age settlements had been carried out in the Meshkhed-Misrian plain in the early 1950s (Masson, 1956). It is possible that this was apt in relation to the plain zones of that region, in which cereals could only be grown on land irrigated with the help of canals drawing water from the Atrek river no earlier than the beginning of the 1st millennium BC. Natural conditions of the mountain valleys of South-west Turkmenistan did not point to such late settlement, particularly since to the North-east of them lay the northern plain in the piedmont zone of the Kopet Dagh range, on which man made the transition to a productive economy no later than the 6th millennium BC. The valley of the middle reaches of the River Sumbar, a tributary of the Atrek river, is something of a special case. Shielded from the direct impact of the Kara-Kum desert by two mountain ranges while exposed towards the Caspian Sea, from which moist monsoon winds blow in, the valleys of the Sumbar and Atrek rivers constitute a small dry sub-tropical zone. Summer in the Sumbar valley is hot, but not oppressively so, while the winters are warm. The average temperatures for January and July are +4 and +28.7 degrees respectively. Average annual precipitation is 300 mm and most of this occurs in the winter and spring. The vegetation of the Sumbar Basin — which has much in common with the flora from the Hyrcania region — consists mostly of plant species requiring warm temperatures that also grow in Northern Iran: the valley represents the northern edge of the distribution zone for this flora (Babaev et al., 1969: 155-156).

In the autumn of 1972 a burial-ground of subterranean catacomb-like graves — Sumbar I — was discovered in the Sumbar Valley on the outskirts of the village Kara-

Kala (in the Balkanskii region of Turkmenistan). Following this initial discovery other burial-grounds of the same culture were discovered, namely Sumbar II and Parkhai I. Investigations of these continued up until 1977. The excavated remains of the material culture stem from the already well-known Grey Ware Culture of Northern Iran, which is unanimously associated with the «Iron Age I» Phase (IA-I) and dated to the 11th-14th centuries BC. The range of finds, despite the high percentage of plundered graves, proved to be so informative that it enabled us to carry out a complete historical analysis of the material obtained and to form a picture of this Late Bronze Age society from South-west Turkmenistan in such a way as to make it seem almost tangible, bordering on an ethnographic study (Khlopin, 1983). This made it possible to refute ideas regarding the late settlement of this area. What was next required was to embark upon a systematic and thorough search for earlier sites. It was possible to predict what their material culture would be like on the basis of sites already excavated long before in Northern Iran — albeit inadequately from a modern standpoint — on the northern plain in the piedmont zone of Elburz (Shah-tepe, Tureng-tepe), namely in the same the Hyrcanian cultural-historical region, of which the Sumbar Valley also formed a part (Fig.1).

In 1977 the Parkhai II burial-ground was discovered on the western edge of the village of Kara-Kala (Fig. 2). It occupied a natural hill, the end of a row of elevations leading down from the mountains into the valley from North to South. The hill consisted entirely of loess and its height reached a maximum of 10 metres in the centre. In ancient times it had been used as a cemetery, then it had been entirely abandoned and it was only in the Middle Ages that it had again come to be used as a cemetery by the local population. On top of it there were about 30 graves, marked out on the ground surface by rectangular patches of stones. In one of these graves half a silver dirham from the reign of Caliph Harun ar-Rashid was found which dated from the year 170 AH or 792/3 AD.

Excavations of the Parkhai II burial-mound were completed in 1991. In the course of 14 field seasons 292 burial chambers had been unearthed over an area of over 4,500 square metres (Fig. 3, 4). For a variety of reasons they were not all particularly informative: useful data were gleaned from materials in 255 graves, or from 85.9% of all graves excavated. A total of approximately 1,800 complete pottery vessels were obtained from the burial chambers, plus dozens of metal, stone and bone objects. The contents of each grave represents a complete range of the original objects used. Many of the burial chambers had destroyed or buried others, and some of them had been used a second time after only a short interval. This made it possible to establish a relative chronology for the burial complexes. The ceramic assemblages of each group, consisting of a sequence, can on the one hand be regarded as independent and separate and, on the other, as links in the single evolutionary chain of the local culture.

In order to study the material obtained more thoroughly it was divided up into consecutive cultural-historical groups on the basis of objective features. These groups were referred to with the abbreviation SWT (standing for South-west Turkmenistan) and then given a Roman numeral that served to denote the particular period concerned. The numbers of the periods on this chronological scale follow on from each other in a descending scale: i.e. the period SWT-I corresponds to the Late Bronze Age, that is represented by the Sumbar Culture. The earliest period discovered so far is SWT-VII corresponding to the Early Eneolithic. It emerged that deep inside the hill there had existed a cemetery which had functioned without a discernible gap over a period of almost three millennia. This meant that the history of the population of South-west Turkmenistan could be traced back at least 3,000 years further than assumed before and that it could be compared to the history of the population settling the plain in the piedmont zone to the North of the Kopet Dagh mountains.

The burial chambers are distributed between the designated historical periods as illustrated in the plate I (p. 10).

Throughout the whole of the period during which excavation was going on at the Parkhai II burial-ground this work was given considerable press coverage. Initially these were general reports about the original discovery and the first steps taken in the study of the site (Khlopin, Khlopina, 1978; 1980; 1983a; 1983b. Khlopin, Khlopina, Kurochkin, 1979 and 1985. Khlopin, 1980; 1981; 1986a; 1987a; 1991). Later, when an appropriate archaeological foundation for this investigation had been provided, it became possible to put forward the first conclusions to be drawn on the basis of information obtained to date and to analyse the materials in accordance with the periods that had been defined (Khlopin, Khlopina, 1983b; 1984; 1985; 1986; 1987. Khlopin, 1985). By the end of the investigation of the burial-ground historical conclusions with wider implications could be drawn (Khlopin, 1987b; 1987c; 1987d; 1989a; 1989b; 1990; 1992). Information on the excavations at this unique site during 1977-1978 was published in the USA (Khlopin, 1981) and a general survey was published in France (Khlopin, 1993).

The present volume publishes in full the materials relating to the Eneolithic (Periods SWT-VII, SWT-VI and SWT-V) obtained on the Parkhai II hill in the course of 1977-1991 and it is of purely archaeological interest. It contains a description and archaeological analysis of the material (a total of 140 burial chambers or 55.9% of the total number of graves producing information) and it concludes with a definition of the co-ordinates — both spatial and temporal — for each group of burials classified as belonging to a specific period. In other words the groups of burials are defined as belonging to a particular culture against a background of synchronous cultures of the Gorgan region and as dating from the particular time, when they had already become the object of archaeological interest. After specifically archaeological procedures have been completed the range of artefacts is transformed into a historical source in its turn

and on that basis questions of a quite different level need to be resolved: the socio-economic nature of the society concerned, its ideology and all the questions bound up with that, the ethnic and language groups to which the culture concerned belonged. In a word the earliest history of the society in question is reconstructed. Questions of this second type are hardly touched upon or discussed in this book. By way of conclusion a description of the main cultural-historical achievements of the Eneolithic Age is provided.

I. THE EARLY CHALCOLITHIC (ENEOLITHIC) PERIOD

BURIAL CONSTRUCTION

All 24 burial chambers that relate to the Early Eneolithic (period SWT-VII) are located in the western part of the mound. Despite the fact that there are not very many of them, it is still possible to separate out those which relate exclusively to this period, to its early stage, and those which existed during the Early Eneolithic and continued to be used at the beginning of the SWT-VI period, that of the Middle Eneolithic.

At the early stage the following graves existed: 134, 135, 148, 150, 152, 164, 213, 214, 236-238, 240-242, 248 and 250. Their construction has a distinctive feature in that it is virtually impossible (except in chambers 238, 241 and 248) to distinguish the position of the side entrance: indeed, the shapes of the graves themselves are not always clearly discernible. It is possible that at this very early point in time, when subsequent burials were being enacted, the bodies were let into the graves straight through the top, particularly since the average number of burials in each of these early graves does not exceed four. The shapes of the graves could in many cases be worked out on the basis of the edges of the bone piles inside them. These burials are distinguished by the fact that the state of preservation of bones in them is very poor and they are crushed. It would seem that the earliest burial chambers had lain near the earth's surface and that after they had ceased to function, other tombs were erected above them, most of which belong to the period SWT-VI. The early graves appear to have been so shallow that the bones buried in them were crushed by the people living in the Middle Eneolithic period as they walked over them.

Graves 93,117,120, 121, 153/155, 245, 249 and 252 belong to the late stage of period SWT-VII. In all of them there is a clearly definable entrance, which was almost always covered over with a vertical stone slab. Chambers 93, 117, 245, 248 and 252 are single chambers. Grave 153/155 is a pair of graves, since they share a common entrance with Grave 145, which on the basis of the material found inside it relates to the period SWT-VI. Graves 120 and 121 are tombs made at one and the same time and they form a pair with a single shared entrance. The tombs echo the shape of semi-

subterranean dwellings with a side entrance. In them groups of people have been buried, who as a result of some situation that occurred in their life-time were fated to remain together for ever after their death. By way of conclusion it is interesting to note that all the entrances into the tombs face south.

REMAINS OF THE DECEASED

Approximately 206 skeletons in varying states of preservation were found in 21 graves (in three graves the bone remains had not survived) of the period SWT-VII. These had been clearly distributed between the graves of the early and late stages. In the chambers of the early group between 1-2 and 6-7 skeletons were recorded with bones in a very poor state of preservation. The exception was Grave 28 in which 13 skeletons were found. On average almost all the early chambers contained four skeletons. Most of the skeletons were still articulated and, evidently regardless of sex or age at the moment of burial, the deceased lay in a flexed position on their right sides with their faces turned towards the entrance. Their arms were laid out in such a way that the bones of their hands were positioned near their face.

In the graves of the late group the number of deceased increased to 11-36 (in Grave 245 there were only 7 skeletons, but the material that was found in that grave does not make it possible for it to be regarded as an early one); on average there were nearly 20 deceased in each grave, i.e. five times more than in the early graves. In the graves of the late group it is already possible to discern details of the advanced stage of the funeral rite, during which the bones of the individuals buried earlier were simply moved over towards the back wall of the tomb in rather casual fashion in order to free space for the next a burial. In these graves there were far more skeletons laid out in anatomical order. In this case too, however, it emerged that all the deceased, regardless of their sex and age, were laid out for burial in a flexed position and on their right side with their faces towards the entrance of the gravechamber, sometimes close up behind each other with the head of one of the deceased up against the nape of the neck of the one in front of him. The arms of the deceased were laid out in a variety of ways: there were cases when both hands of the deceased were stretched out beside the body and others where the left arm was flexed at the elbow and the left hand lay in front of the face.

GRAVE GOODS

The grave-goods from the tombs of period SWT-VII can be divided into the traditional groups: pottery articles — mainly vessels containing food and drink provided so as to accompany the deceased on their way to the next world, metal articles — mainly of a decorative nature and other miscellaneous articles made of stone, bone, clay and organic remains as well.

a). **The Ceramic Assemblage in the Early Eneolithic Period (Pl. II, p. 25).**

The ceramic assemblage from the graves of the SWT-VII period consists of 158 diverse vessels, which constitute 8.85% of the total quantity of vessels found in the Parkhai II burial-ground. The description of this assemblage includes only those vessels, which were in the graves: however, when the system of decoration is described, fragments of painted vessels will also be referred to which were found outside the burials. All the vessels can be divided up into three groups depending upon the clay from which they were made.

1. Clay with large organic inclusions, which served to temper it and also prevented the vessels from cracking while they were drying. Vessels made from this clay were covered inside and out with a fugitive slip, which acquired a red shade as a result of firing and on to which decoration in brown paint was often applied.

2. Clay containing poorly sorted mineral inclusions, which also served to temper it and make it more heat-resistant: this made it possible to refer to vessels made from such clay as «cooking-ware». These vessels were rarely covered with slip and still more rarely were they painted. More often than not they had a porous surface of a yellowish-brown colour that was difficult to define or a dirty grey colour with conspicuous patches in it resulting from uneven firing.

3. Clay used for making thin-walled grey ware vessels which contained small organic (wool or hair) inclusions or non-organic ones (gypsum, limestone). The organic inclusions made the walls of the vessels porous, and this in its turn meant that their contents could be kept cool. The non-organic inclusions on the other hand served to improve thermal qualities, thus enhancing the quality of the items concerned.

Techniques used to shape the items made from clay of each sort described above varied, although in each case no potter's wheel was used, or indeed any other turning device. Sherds from the vessels are fairly thick. Virtually all the vessels are lopsided although this is not always visible to the naked eye. On some vessels of the first and second group signs of the clay coils or bands used can be seen, but the junctions between them have been carefully smoothed over. The junctions were so good that cracks between one coil and another were virtually non-existent. As for the grey ware, some vessels appear to have been moulded from a single piece of clay — the paddle and anvil method was used. The vessels were elongated with the help of precise, carefully aimed strokes and this technique served to make the clay much denser.

Each article was worked over again in order to give it a smooth surface. The plant tempered wares were dipped (after or without preliminary partial drying ?) into liquid clay in order to conceal the rough surface of the vessel, from which pieces of chaff protruded. It is possible that this slip began to be used after it had been established that chaff burns during firing and that the initially smooth surface of vessels became rough and unattractive. Vessels with mineral inclusions were also covered with slip, but this was done less frequently and only for vessels with more elegant shapes, such as vases, for instance. It is probable that vessels with well slipped surfaces, on to which

painted decoration had been applied, were regarded as being of higher quality — as table-ware or vessels for special occasions, while vessels with mineral inclusions would be seen as «second-class» vessels. As far as greyware vessels were concerned, when their surfaces were worked, other techniques and tools were used. On many vessels traces can be seen that were left behind by knives, that would have been used for shaving surplus clay. In addition, the inner surface of vessels was often smoothed with some kind of tool like a brush, which left behind it traces in the form of concentric grooves reminiscent of those on a gramophone record. This method was only possible because in the clay used to make such vessels there were no large inclusions of either organic or mineral origin, up against which a tool might have become caught and then have irrevocably spoilt not only the surface of the vessel but the vessel as a whole.

The key stage in the process of making a pottery vessel is the firing stage, after which the clay no longer contained any molecular water and the vessel became hard and water-proof indefinitely. It is impossible to judge how these vessels were fired until special laboratory analysis of the vessels has been carried out. However indirect data can help us to piece together the nature of the particular firing process used here. If we combine certain established characteristics of the pottery from period SWT-VII with what we know about techniques for firing ceramic production at settlements of similar date in the piedmont plain of the Kopet Dagh mountains, we can then propose an alternative version for the «reconstruction» of that process in the region to the South-east of the Caspian, although so far no site has been found there where ancient pottery was fired.

On the surface of the vessels made of clay with organic inclusions, and in particular with mineral inclusions, patches can be seen and these, as has long been known, took shape during firing, because those parts of the vessels were exposed to either more or less powerful flames: this meant that those parts of the vessels had been heated either more or less than the others. This could have taken place in the course of two firing techniques used for firing pottery that were known to have been used in settlements dating from the 4th millennium BC. During the Namazga I period pottery items were fired in bonfire kilns in which the pottery was stacked and surrounded by dry dung fuel: a kiln where this firing technique was used was discovered, at Dashlyjitepe, a settlement in the Geoksyur Oasis (Khlopin 1964: 117). The open soot-bearing flames rose upwards and out and inside the pile the pottery was subjected to constant and high heat. Yet in the Geoksyur Oasis by the second half of the 4th millennium BC a technical innovation had appeared on the scene: namely a special kiln that was used for firing small pottery items, which was a variant of the large domestic hearth. Inside such a kiln the fire-pit and the firing chamber were almost on the same level, but they were separated by a low baffle wall, which did not always adequately shield the items being fired from the soot-bearing flames (Khlopin 1964: 122). It is probable that in settlements of the Early Eneolithic period in the Sumbar Valley pottery vessels were fired in piles of fuel, as described above.

An additional argument in support of the above suggestion is provided by the technology for firing greyware vessels. We know of two types of firing for these vessels — oxidation and reduction firing. The first method ensues when there is enough oxygen present, which results in the iron oxides, that are without fail present in the clay staining the whole item red. That is how the vessels made of clay with organic and mineral inclusions are fired. Reduction firing takes place when there is little or no access to oxygen. In that case, the grey (sometimes even bordering on black) shade of the pottery vessels (fabric and surfaces) was achieved — something that was far from simple. It is only possible to conjecture at what the early stages of this process consisted of, i.e. at the emergence of the initial conditions for reduction firing. Most likely large vessels — in order to arrange the items to be fired as compactly as possible — were used as «containers» in which smaller pottery items were stacked. In order to ensure that fuel did not land inside the large vessels, or by-products of the fuel as it burned, these «containers» were covered over, with either lids or other vessels. We can picture people's amazement, when — once they had begun sorting out the finished products after firing — they came across inside a large red storage vessel, cups, bowls and pialas of a grey colour they had never seen before. To continue our conjecturing we can imagine that the effect would have been so great that the result achieved empirically soon became the norm for many centuries, during which the secret of the technological process for producing greyware vessels was preserved in the region to the South-east of the Caspian. This grey ware was later to provide an indicator marking out the routes and directions in which populations moved out of the region to the South-east of the Caspian, in particular out of the Sumbar Valley. All this, however, would be occurring far later: at this stage let us merely mention the birth of one of the main features of the material culture of the ancient population of South-west Turkmenistan.

Our account has now reached the point where we need to describe the characteristic shapes of the ceramic assemblage of the Early Neolithic period in South-west Turkmenistan. First we shall discuss the name of each vessel type, then its shape and finally the sort of clay used and all its other features. Nine shapes in total have been classified.

Cups make up the largest group of vessels. There are 101 altogether and they constitute 64% of all the pottery found which relate to the SWT-VII period. If we start with the profiles of the cups found, then they can be divided into globular and straight-walled cups: the straight sides were achieved by incorporating a sharp angle at the midpoint. The globular cups have 3 different kinds of bases, thus making it possible for us to divide them into three groups: there are cups with a concave base, cups with flat bases and cups with round bases. Cups of the first two shapes have been found made from clay of all three sorts, but no greyware cups with round bases have so far been found — they were made of clay with either organic or mineral inclusions. Diagrams showing the structural composition of the cups with indication as to the

numbers of the variants, the shapes of their bases and the composition of the clay used are provided in Fig. 5.

1. *Globular cups with a concave base* — 27 items: 21 were made of play with organic inclusions, 3 from clay with mineral inclusions and 3 from grey clay. Two thirds of the vessels made from clay with organic inclusions were covered with painted decoration. All the vessels had a rim that turned inwards so they cannot be regarded as vessels of open shape. The vessels' maximum diameter was on average 1.4 times their height. As regards the vessels' absolute measurements the range was quite interesting: diameters ranged from 8 to 18.6 cm and heights from 6 to 13.8 cm. The measurements of the heights and maximum diameters for the largest cups with a convex base were 2.33 times those for the smallest ones. Patches could be seen on the surface of these vessels resulting from uneven firing. Traces of wear stemming from household use could be seen on the bases of these vessels.

2. *Globular cups with a flat base* — 34 items: 19 were made of clay with organic inclusions, 9 from clay with mineral inclusions and 6 from grey clay. Eleven of the cups made from clay with organic inclusions bore painted decoration and 5 were covered with a red slip. The maximum diameter of these vessels was on average 1.48 times the height (1.54 times for cups made from clay with organic inclusions, 1.46 for cups made from clay with mineral inclusions and 1.45 for greyware cups). The diameters ranged from 6.6 to 17.4 cm and heights from 4.5 to 12 cm. On the surface of these vessels patches resulting from uneven firing could be seen. The bases bore traces of wear.

3. *Globular cups with a round base* — 25 items: 9 were made from clay with organic inclusions and 16 from clay with mineral inclusions. Four cups made from clay with organic inclusions bore painted decoration and four were covered with a red slip (one of these was made of clay with mineral inclusions). The ratio of the maximum diameter of a vessel to its height was 1.42:1.0. Diameters ranged from 5.7 to 11.5 cm and heights from 8.6 to 13.4 cm. In the main these cups were not slipped and their surface was a dirty yellow or grey colour. Many of them had worn bases.

4. *Cups with straight walls* — 14 items: 3 were made of clay with organic inclusions (all complete with painted decoration) and 11 of grey clay. These cups are clearly in a minority and they differ conspicuously from the «standard» shape. So far no such cups made of clay with mineral inclusions have been found. All the decorated vessels in this category are large in height — between 8.6 and 11.6 cm and the diameter of their rims is between 12 and 15 cm. On average the maximum diameter of such cups is 1.44 times their height. Two cups are decorated with a frieze of triangles consisting of painted strokes and in one case double-spiral pins are depicted between them. A further cup is decorated with sections of sloping lines. The greyware cups are smaller: their heights range between 6.7 and 12.5 cm and the maximum diameters between 10.5 and 16.7 cm. On average maximum diameters of such vessels are 1.51 times their height. Another correlation has been calculated — that between the vertical wall

above the angle and the sloping edge between the base and the vertical wall. In vessels where the difference is greatest the upper part of the vessel wall is 2.6 times higher than the lower sloping part and the smallest difference noted is in vessels where the upper part of the wall is 1.15 times higher than the lower sloping part. Here it would seem possible to detect a pattern: the difference between the height of the two parts is greater in the earlier vessels and in the case of the later vessels it is smaller.

5. *Tulip-shaped vessels* — 9 items: 7 are made from clay with organic inclusions, 1 from clay with mineral inclusions and 1 from grey clay. Four of the 9 vessels bear painted decoration, 2 have a red slip and 1 has no slip. This is a diagnostic shape of the SWT-VII period: the vessels have an ovoid body on a clearly distinct high-ring foot. One of these vessels has a square mouth. The painted decoration consists of chevrons or arcs, between which various motifs are sometimes inserted, including solar discs. The heights of these vessels vary between 8 and 16 cm and the rim diameters between 5 and 15 cm. Some of the vessels have patches on their surface because of uneven firing and some have worn bases.

6. *Small globular pots* — 9 items: 1 is made from clay with organic inclusions, 5 from clay with mineral inclusions and 3 from grey clay. The small pot made of clay with organic inclusions bears painted decoration: from a horizontal band round the neck of the vessel there extend downwards 4 bands and the space inside these is filled with a drawing of a stylised tree and between the stripes there are three solar motifs (a total of 12 such depictions altogether). The small pots made from clay with mineral inclusions are dirty-yellow or brown in colour and there are patches on them resulting from uneven firing. The bases of these pots are not always clearly marked off. Their heights have been recorded as varying between 4.3 and 8.2 cm and the rim diameters are between 4 and 6.5 cm. Traces of burnishing can be observed on the grey pots. One of them from Grave 240 was made in the shape of an animal, probably a ram, to judge by the face with broken-off horns depicted on one side of the vessel and the tail on the other.

7. *Deep bowls* — 6 items: 2 are made of clay with organic inclusions, 1 from clay with mineral inclusions and one from grey clay. Both deep bowls made from clay with organic inclusions are decorated with brown paint applied onto a red slip both inside and out. The deep bowl from Grave 155 — height — 18 cm, rim diameter — 26 cm and depth of body (7 cm) has painted decoration on the outside which consists of 8 double semi-circles hanging down as it were from the rim and inside there is a cross made up of broad bands, the inner space of which is filled with a zig-zag pattern. Between the arms of the cross two small circles have been painted. Below the rim there are two holes going right through the wall of the vessel. The deep bowl from Grave 245 — height — 11 cm, rim diameter — 18 cm and depth of body (7.5 cm) also has on its outer surface 8 pendant semi-circles, but this time single ones suspended from the rim and on its foot 4 vertical stripes. The painting inside the deep bowl consists of 8 parallel lines that are curved because of the spherical surface of the vessel's body.

The deep bowl, made from clay with mineral inclusions had a high-ring foot, its surface was smoothed, it was well fired and near the rim two holes had been made through its walls.

Greyware deep bowls were represented by items of two kinds. Two of them were open and semi-spherical with holes near the rim and with a high-ring foot, while another of them was semi-spherical and closed: this second deep bowl had a low-ring foot and no holes near its rim and it bore clear traces of modelling. Its measurements were as follows: rim diameter — 19.5 cm, height — 14 cm, depth of body — 9.2 cm. On the basis of its find-spot, it can be assumed that this type of deep bowl was extremely early.

8. *Shallow bowls* — 5 items: 2 made of clay with organic inclusions, 2 from clay with mineral inclusions and one from grey clay. They differ from the cups described earlier first and foremost because of their proportions: the rim diameters were 2 or 2.8 times as large as the height measurements. The shallow bowls made from clay with organic or mineral inclusions were covered on both sides with red slip on which there was no painted decoration. The second shallow bowl made from clay with mineral inclusions was of a dirty yellow colour. On the greyware shallow bowl there were clear signs of modelling to be seen. Two of these shallow bowls had holes near the rim. All of them had bases that were worn as a result of household use.

9. *Small cups* — 3 items: 1 made of clay with mineral inclusions and 2 from grey clay. These small shallow vessels are reminiscent of saucers. It is possible that they should be regarded as bowls for children.

10. *Archaic pialas*: the 12 recorded items have all been made of grey clay. These vessels constitute a diagnostic shape for the SWT-VII period. All the vessels are of open shape and have flat bases: the rims taper to a sharp edge and they are always slightly everted. Almost all of them bear traces of modelling. On the outside there are traces of the «paddle and anvil» technique having been used to extend the walls of the vessels and on the inside there are deep concentric grooves resulting from efforts to smooth the vessels' surfaces. The resulting surfaces are unusual because of the play of light and shade to be seen. The base of some of the pialas has been worn from household use. The heights of these archaic pialas vary from 6.6 to 11 cm and the rim diameters from 8.3 to 17 cm.

11. *Archaic beakers* — 8 items, which have also only been recorded in grey clay. These vessels constitute a diagnostic shape for the SWT-VII period. All the vessels have flat bases and can be distinguished from the «classic» Bronze Age beaker (SWT-IV and SWT-III periods) due to their wider bases, convex lower walls (in the case of the «classical» beaker these are concave) and lopsided upper profiles. There is no attempt at standardisation. Traces of wear can be seen on some vessel bases. On the base of one of the beakers there is a sign that was clearly incised into the damp clay before firing. The height of the beakers varies from 7.5 cm to 10.5 cm and the rim diameters from 9.1 to 11.3 cm.

The next two vessel shapes do not have numbers and are vessels with continuous features. Under these headings vessels have been brought together which are of different shapes but which have a common feature that carries through from period to period.

Double vessels — 3 items: they are all made of grey clay. They are represented by half-vessels: one is a cylindrical vessel with remains of a bridge and an abraded rim (Grave 120) and 2 are globular pots with everted rims and remains of a bridge (Graves 155 and 245). Outside the graves at close to Grave 249 — a late disturbed pit — a whole greyware double vessel was found in the form of two paired pots, possibly originating from Grave 249. In the bridge between the two pots there was a vertical hole that went through it. All such vessels were found in late graves of the SWT-VII period.

Spouted vessels — 2 items: these were both made of grey clay. They were globular vessels with a short tubular spout. The spout of one was broken and a copper tube had been inserted into the resulting hole. On the outer surface clear traces of modelling could be seen and also traces of wear on the base. Both of the spouted vessels had been found in late graves.

Decoration in brown paint applied to the slipped surface was to be found in the case of 36 vessels totalling 22.8% of the pottery items found in the graves of this period and 35% of the buffware vessels (i.e. those made of clay with organic or mineral inclusions). If we analyse these vessels and their decoration as belonging to the two consecutive groups of graves, then it emerges that 16 of the painted vessels came from the early group of graves and 21 from the later one. The following decorative motifs can be regarded as the early ones: horizontal stripes along the rim; pendant semi-circles — sometimes double ones and sometimes intersecting ones; triangular pendant chevrons or smooth arcs — sometimes with dots, circles or other motifs inside them; groups of lines leading from the base to the rim. In the painting on vessels from the late graves the decorative motifs were more varied. Groups of lines leading from base to rim were still to be found. Lines sloping down from rims were also used, groups of sloping lines, which sometimes merged together in long loops, or rectangular criss-cross patterns. A deep bowl and a small globular pot from Grave 153/155 and a vase from Grave 245 (see above) stand out in particular on account of their decoration.

The deep bowls were decorated on both sides: on the outside of the body pendant semi-circles (single and double) were used and inside there were parallel lines in one case and a cross made up of broad bands filled with wavy lines in the second. It is worth adding that many fragments of pottery found outside the closed complexes of burial chambers were decorated with similar motifs. The clay was so coarse that there was no need at all to doubt that they were of early date. Consequently it is perfectly possible for vessels decorated in this way to have been found in the earlier graves. Depictions of the sun are found on tulip-shaped vessels and on small globular pots. It

is possible that these motifs found in painted decoration had also come into being during an earlier period. As for the horizontal rows of triangles filled with lines, sometimes with a vertical stripe or picture of a double-spiral pin between the rows, this motif we are inclined to view as rather late: it was particularly widespread in the period SWT-VI.

Any ceramic assemblage consists of four groups of vessels, which reflect the overall historical development of the given assemblage.

1. Vessel shapes which were no longer in use but continued to exist as vestiges of what had gone before: they would no longer be being made but were still being used although old;

2. Vessel shapes which transfer from one period to another without change and testify to the fact that the particular shape in question corresponded best of all to the function for which it had been designed;

3. Vessel shapes which were modified from one period to the next but, while their main characteristics are retained, they reflected natural evolution in time;

4. Vessel shapes which were only just coming into use in the period in question: they would not possess any visible roots in the period that had gone before but would be the result of the impact of outside factors or the appearance of new trends in economic activity.

For the period SWT-VII this differentiation between vessel shapes could not really be applied, because so far we do not have information relating to the previous cultural-historical periods and, consequently, to their ceramic assemblages. Yet there are archaeological materials which make it possible to raise a number of questions and to put forward hypothetical solutions for them. The appearance of the ceramic assemblage for the period SWT-VII, for instance, enables us to say with confidence that it cannot be regarded as the initial one. Indeed, certain finds at the Parkhai II burial-ground provide grounds for a number of assumptions. To be more precise, fragments of pottery from the contents of a number of burial chambers are often associated with an earlier period than that of the pottery from the burial complex itself. This can be explained by the fact that when these chambers were made earlier graves were destroyed in the process: fragments of grave goods were thrown out from the depths of the mound and then made their way into the earth cover over the tombs. This means that we can assume that at least another two ceramic assemblages preceded pottery of the SWT-VII type and these we shall now attempt to «reconstruct» in the most general of terms.

The most ancient assemblage, which we shall refer to as SWT-IX, existed during the Neolithic period, when the population of a large part of the south-western region of Central Asia made the transition to a agricultural economy. In the southern plain at the foot of the Kopet Dagh Mountains it is represented by the Jeitun Culture (Masson, 1971) and in the northern plain at the foot of the Elburz Mountains fragments of similar pottery were found in later levels of the Tureng-tepe settlement in

a redeposited state (Deshayes, 1967). In the Gorgan Valley pottery of this type was found when excavations were carried out at the Yarim-tepe settlement near Gumbed-i-Kabus (Sarianidi, 1970) and at the Parkhai II burial-ground, where in the contents of certain burial chambers of the Bronze Age fragments of very coarse pottery made from chaff-tempered clay were found that were covered with areas of wavy-line painted decoration and also with painted rows of crescent motifs. Some sherds came from rectangular, or to be more precise oval vessels, which were fairly typical for the local Neolithic and were loosely known as «salad-bowls». The latter possess certain features of pre-pottery trough-type wooden containers.

After that there must have followed a pottery assemblage in which the predominant place would have been occupied by red-slipped vessels made of pale and red clay with large organic inclusions — the SWT-VIII assemblage. There was at that time no grey ware, which only came into being in the SWT-VII period. It can be assumed that the predominant shapes of that period were tulip-shaped vessels and cups with both concave and flat bases (such as are known from the Jeitun Culture), and also probably with round bases as well. It is possible that at that time globular pots could also have existed. It can also be assumed that in that period there were no vessels made of clay with mineral inclusions (apart from «cooking ware»), given that it was to appear and become fairly widespread in the assemblage of the SWT-VII period, and therefore its absence should be seen as associated with attempts to make clay of a different composition from which greyware vessels would be manufactured.

When we consider the ceramic assemblage of the SWT-VII period in the light of the assumptions outlined above, it becomes possible to find justification for identifying those groups of pottery vessels listed as Nos. 1-4 above. The shapes that were becoming obsolete were most likely missing because of the small range of vessels in use at that time. The shapes that made the transition from the previous period to that one were probably tulip-shaped vessels and globular cups. Just as it is difficult to say which shapes were becoming obsolete, so it is difficult to identify those which were evolving from one period to the next. It is, however, possible with some confidence to pick out those vessels which appeared then for the first time in the Early Eneolithic period but which did not have any obvious roots. These were all the greyware vessels: the archaic pialas, the archaic beakers and the straight-walled cups, although the latter are also found in their buffware decorated version. It would also seem that deep bowls appeared at that time as well. It can be assumed that initially, being made of pale clay and red-slipped they had solid feet, since the clay used for them would have been of a kind that ruled out the use of hollow feet. Deep bowls began to be made at the time when vessels were manufactured from grey clay. The proportions of buffware and greyware vessels would point to the fact that in the SWT-VII period greyware was an innovation and could not yet in any way claim to occupy a leading place in the ceramic assemblage. In the SWT-VII period the production of grey ware became

known, despite the use of older technologies. The ceramic assemblage of that time is the starting-point for the subsequent emergence of greyware pottery.

Identical firing technology makes it possible to link together articles from clay with mineral and organic inclusions on the one hand and contrast these with greyware vessels on the other. Altogether there is a total of 103 vessels from the first two groups which account for 65.2% of the whole number from the burial chambers of the SWT-VII period. Meanwhile there are 55 vessels made from grey clay, which therefore account for 34.8% of the whole assemblage. Furthermore that latter number includes 5 vessels with so-called shared characteristics.

The numerical correlation regarding buffware and greyware vessels becomes clear if we divide up all the vessels according to the chronologically consecutive groups of burial chambers, to which we referred earlier. It emerged that 16 of the earlier burial chambers contained 59 of the vessels (on average 4 vessels per grave) and of these 42 were buffware vessels and 17 greyware ones (i.e. 2.5 times fewer). In 8 of the later graves there were 99 vessels altogether (on average more than 12 vessels per grave) and of these 62 were made of pale clay and 37 of grey clay (almost 1.5 times fewer). As can be seen from these figures, the difference in the collections of vessels between the groups of burial chambers is quite striking.

b). Metal Items

The comparatively small collection of metal items from the tombs of the Early Neolithic period hardly reflects the actual position with regard to metal for this period.

The early burial complexes are the poorest as far as metal is concerned, because they contained hardly any metal items at all. In Grave 213 only one pin with a flattened semi-circular (triangular ?) head was found and in Grave 152 there was a bracelet (round in section) with one and a half turns. The bulk of the metal objects came from later graves. According to the definitions used by V.A. Galibin they were made from pure copper. These were pointed objects with a triangular disc in which there was a hole — 3 items (Graves 117, 134 and 241); hair-pins with double terminals in the shape of two round discs — 2 items (Grave 117), a small nail complete with head (Grave 155) similar to those which had been found in graves from the following period in the mouths of the woman buried there.

The above-mentioned pointed objects with the triangular discs were originally thought to be pins (Khlopin, Khlopina 1989). Yet, their position on the chest of the skeletons, particularly in Grave 241 among strung beads led to the original definition of their function being abandoned in favour of the interpretation that they were probably some kind of awl used by women for a particular kind of craft.

c). Jewellery made of Stones and Other Materials

Jewellery made of stones is represented in the main by beads. A total of 303 small beads have been found. They were found strung together on the hands of the deceased

and would appear to have been used as bracelets. The beads were made of calcite, lapis lazuli, cornelian, steatite, agate, haematite and plaster. In addition large beads were found — 4 of plaster, 1 of calcite and 1 of brown cornelian that was trapezoidal in shape, one barrel-shaped turquoise bead and one flat one made of haematite (or blood-stone). These last two were probably used as amulets.

Spherical missiles for slings were found in five graves (Nos. 120, 121, 237, 245 and 252).

d). Organic Remains

Regarding organic remains attention should be drawn in particular to the shells of terrestrial tortoises from Grave 120 and also to the left shin of a sheep.

THE BURIAL RITE

On the basis of all the materials from the SWT-VII period it is possible to piece together the details of the funeral rite for the earliest period in the history and culture of the population of the region to the South-east of the Caspian Sea, which was settled, in particular, in the Sumbar Valley. The early group of graves shows that the dead were buried in group graves one after the other. Members of any actually existing group needed, in the opinion of the living, to remain together after death for ever. These group burials, as we have managed to show with reference to the materials from the burial chambers in the Geoksyur Oasis in the ancient delta of the Tedzhen River at the very end of the IV and the beginning of the 3rd millennium BC (Chlopin, 1977), appeared among the early farmers at the time when patriarchal relations were taking shape in their society: they used to bury blood relatives from one and the same generation in them, i.e. brothers and sisters. Initially such a group would be fairly small and appears not to have exceeded 10 people (more frequently 2-6 people). What is still not really clear is whether at that early period the graves had a side entrance or, when the next burial was required, it was sufficient to open up a shallow burial chamber from above. For every deceased individual food and drink to accompany them into the next world were provided in vessels taken from an ordinary domestic range.

Further developments show that there was a trend to increase the number of deceased in a tomb. This enables us to assume retrospectively that during the periods SWT-VIII and SWT-IX which still have to be discovered, single burials in individual graves would have been the common practice and that food and drink for the deceased would have been provided in large vessels. Later graves of the SWT-VII period already have clearly defined side entrances closed off with stone slabs that have survived until the present day. Only with burial chambers constructed in that way was it possible without destroying the graves to inter up to 20 or 30 deceased inside. The number of vessels found in such graves was less than that of the skeletons, and this possibly indicates the emergence of differentiation in society based on property or sex.

Unfortunately anthropological definitions of such early material were not always possible because of the poor state of its preservation and also because anthropologists were not always to hand on a regular basis during the excavations. Nevertheless what did emerge was that the deceased, whose skeletons were still articulated or at least still undisturbed enough for it to be possible to define the pose they had been laid out in, were lying on their right sides with their faces turned towards the entrances into their graves, with their legs bent up quite far regardless of their sex or age. Their arms were laid out in a variety of ways: it should however be borne in mind that the deceased lay in the empty space inside the grave and skeletons might shift position of their own accord after the disintegration of soft tissue. The following arm positions have been recorded: both arms stretched down the sides of the body; the left arm bent at the elbow and the right stretched down the side of the body; arms bent so that both hands were in front of the face.

In all probability the deceased were buried in clothes and women also with their personal jewellery and amulets. Vessels presumably containing something (although it has not been possible to confirm this as there are no remains available) were placed in the graves of the deceased of both sexes. It is possible that there was water in the vessels: nor is it out of the question, however, that some of the vessels were empty, because they have been found stacked inside one another. The recorded wear on the base of these vessels makes it clear that ordinary household vessels were used for the burial ceremony and the vessels were not made specially. The small size of the cups and the pots can be explained by the fact that these were articles for individual use. When each new burial was completed the bones of the previous deceased person and the objects that had been buried with him were moved further back from the entrance of the grave in a rather haphazard way. It would appear that the population of this ancient settlement considered that by the time the next burial was due the soul of the earlier deceased had already abandoned its mortal remains and that there was no longer any need to stand on ceremony.

It is not possible to say anything about any structures above the graves: however, to judge by the fact that graves built at one and the same time never damaged each other, it can be assumed that there was some kind of external indication as to where the graves are located. It is possible that the inhabitants of the settlement held some kind of wake, since outside the graves fragments of vessels of the same date as those inside have been found: the fragments outside are, however, from vessels larger in size than those which were placed in the graves with the deceased. No cases of fire having been used during burial ceremonies have been noted and this can, possibly, be explained by the fact that the place as such was sacred and that it was forbidden for fire to touch the bodies of the dead.

CULTURAL AFFILIATIONS AND QUESTIONS OF CHRONOLOGY

Defining cultural affiliations and resolving questions of chronology constitute the final stage in the archaeological investigation of sites from any culture and any period. It is impossible to provide exhaustive answers to such questions if there is nothing a particular site can be compared with, for the method of comparison and analogies is so far the only tool available to the archaeologist for this. With regard to the burial-ground Parkhai II this question is not a simple one, particularly when it comes to cultural affiliations, since this site is to a considerable degree a unique one and moreover, the earlier graves are, the more difficult it is to resolve these questions. The territory in which this culture is to be found is fairly limited — the region to the South-east of the Caspian, which includes not only the valleys of the Caspian Basin, but also the northern piedmont plain of the Elburz Mountains, in which the well known Shah-tepe and Tureng-tepe settlements are located and also tens of others that have not yet been excavated. The nearest neighbours are the settlements of early farmers in the northern piedmont plain of the Kopet Dagh Mountains which developed on a parallel basis. Such is the range of sites, to which we can refer, when considering the earliest stages of the cultural development of the region to the South-east of the Caspian Sea, or to be more precise the valleys of the middle reaches of the Sumbar River.

The painted pottery of the SWT-VII period needs to be compared with analogous vessels widespread in the northern piedmont plain of the Kopet Dagh Mountains, particularly as regards the clay used and the texture of the sherds, because the decoration and shapes used may well not coincide. Pottery with the same characteristics existed in the settlements of the above-named territory in the Namazga I period, which is usually regarded as Early Eneolithic. That pottery was often made of friable pale or red clay with considerable organic inclusions: it was slipped on both sides in order to give the vessels smooth surfaces and to provide a background for painted decoration. Later such clay was hardly used because of the transition to the firing of wheel-turned ware in special kilns using different temperature ranges. As a result the date of the period can be determined as the first half of the 4th millennium BC.

Neolithic pottery of the Jeitun type which preceded the Namazga-I pottery was found not merely among the population of the northern piedmont plain of the Kopet Dagh Mountains, but it was distributed far more extensively — throughout the whole of the South-West-Asian region. It has been found in the lower levels at Tureng-tepe in the northern piedmont plain of the Elburz Mountains, and in the lower level of Yarim-tepe located in the upper reaches of the Gorgan River. Consequently in the 5th millennium this pottery constituted the common substratum for the Early Farming cultures over an enormous area. The painted pottery of the Namazga-I or SWT-VII type that developed from the pottery of the Jeitun type was also spread over a wide area, although in each natural-geographic area there were particular palaeo-

ethnographic features that found expression, among other things, in the way similar decorative motifs on pottery were depicted.

In view of the above the culture of the SWT-VII period can be dated to the first half and middle of the 4th millennium (with a possible extension as early as the 5th millennium BC as well). That culture at this period developed within a large cultural province to the East of the Caspian Sea, in the valleys of the rivers in the Caspian Basin and also in the Turkmeno-Khorasan or Kopet Dagh Mountains. At that time the population of this region had not divided up into separate ethnic communities and constituted a single stratum that had inherited its unity from the period of the transition to a productive or agricultural economy. This event probably took place throughout the province under discussion at one and the same time. We can assume that populations of the two regions had not only originally been related but also spoke dialects of one and the same language which would have simplified inter-tribal contacts. By the Early Eneolithic, however, trends had already emerged which in the not very distant future would bring about the cultural and ethnic separateness of natural geographic areas. In particular the northern foothills of the Kopet Dagh Mountains would «separate off» from the region to the South-east of the Caspian Sea. This trend will clearly emerge in the next cultural-historical period SWT-VI.

II. MIDDLE ENEOLITHIC PERIOD

BURIAL CHAMBERS

The burial chambers from the SWT-VI period were arranged mainly in the western and southern parts of the Parkhai II burial-ground, sometimes in concentrated clusters. The construction of the burial chambers from that period was virtually identical with that of the construction of those from the preceding period. It proved possible to determine the measurements of 24 of the 31 graves: 5 graves of the 24 were round and 19 oval. The long axes of the oval graves were on average 1.5 times greater than the short ones, i.e. the ratio of the long axes to the short ones was approximately 3:2. The chambers, for which it was impossible to determine the measurements, were not always designed for burials: they could also have been pits into which the contents of various chambers were discarded after the latter had been cleared (for example, in the cases of Graves Nos. 58 and 168).

Most of the graves were single ones, i.e. one entrance pit led into one burial chamber. Together with these, however, some triple burials were found (81/93, 94 and 96) and some double ones as well (142 and 154). In addition three graves (Nos. 27, 145 and 182) were parts of systems, although originally they had not been designed as such. Grave No. 145 was built up against the entrance pit of Grave No. 155 that

relates to the end of the SWT-VII period. Graves of the period SWT-V were built up against graves Nos. 27 and 182 — after they had ceased to function in the period SWT-V: Graves Nos. 180 and 184 had been built up against Graves Nos. 19 and 29. This meant that some systems consisting of 2 or 3 graves had not constituted graves initially. It would appear that the same applies to Graves Nos. 142 and 154. The second of the latter pair was being used after the first had been neglected, as can be seen from the last burial in Grave No. 154, which on the basis of the material in it dated from the beginning of the SWT-V period.

It is interesting to note that some of the construction details of the burial chambers repeat themselves. The entry point in 12 of the 31 graves has not been established. Moreover, those in which the entrance has survived, had their entrance in the short wall and in 6 cases it was in the long wall. The surviving entrances had been blocked up either with stones together with large fragments of big storage vessels (in 7 cases), or by specially prepared stone slabs round in shape — up to 60-70 cm in diameter and 10-14 cm thick (in 6 cases). In the majority of cases the entrances, for which the entrances could be clearly defined, were mainly orientated towards the western half of the level: 5 towards the North, 5 towards the North-west, 4 towards the West and 2 towards the South. Only Grave 246 had an entrance orientated towards the South-east. In comparison with the graves of the preceding period the steps between the level of the burial-chamber floor and the floor level of the entrance-pit were higher. It would appear that precisely this fact explains why it was impossible in a number of cases to establish where the entrance had been, particularly in those cases where, for one reason or another, the stones marking the entrance to a burial chamber were missing.

REMAINS OF THE DECEASED

From Grave 31 the human bones of no fewer than 350 deceased were cleared and removed. Most of the skeletons were disturbed, but nevertheless 52 of them — of both sexes and various ages, were still articulated: this figure constituted about 15% of the total number of skeletons found. The graves contained varying quantities of skeletons: in 13 graves there were between 2 and 9 deceased; in 11 graves between 10 and 19 deceased; in 3 graves there were 20; in 1 grave 25 and in another 35. All the skeletons that were still articulated were arranged in a flexed position and lying on their right or left side. One example of a supine skeleton should be regarded as coincidental and can be explained by the natural turning of the corpse within the empty space of the grave vault during the process of the disintegration of the soft tissues. No regular patterns of orientation of the deceased in relation to the points of the compass are to be observed in the graves of this period, regular orientation practices were only to be found regarding the orientation of the graves themselves, their entrances and sides. Opposite arrangements are clearly to be observed. The deceased either face the entrance to their

graves or lie with their back to the entrance: they sometimes lie with their head to the right of the entrance and sometimes with their head to the left of the entrance. The arrangement of the deceased to reflect their sex and age and also the, as yet elusive, social distinctions could give rise to any one of the following four positions: 1) on the right side facing the entrance; 2) on the right side with back to the entrance; 3) on the left side facing the entrance; 4) on the left side with back to the entrance. Unfortunately many of the skeletons, for a variety of reasons, were not confidently classified according to sex, which has meant inclusion of a group of adults of unspecified sex. If to the above list we introduce another feature — namely whether or not the head of the deceased was to the right or the left of the entrance, then the number of skeletons in which all the other above-mentioned features can be determined is 31. It emerged that:

1. 28 of the deceased (3 men, 15 women, 2 children and 8 unspecified persons) were lying on their right side facing the entrance to the grave and with their heads to the left of it;

2. 8 of the deceased (3 women, 3 children and 2 unspecified persons) were lying on their left side facing the entrance and with their head to the right of it entrance;

3. a single skeleton (that of a woman) was arranged on its left side with its back to the entrance and its head to the left of it.

If we add to the burials listed above those of the deceased found in Graves 94 (4 women) and Grave 167 (2 women and 2 children) in which the site of the entrance has not been established, then it emerges that the deceased men were laid out on their right side facing the entrance to the grave with their heads to the left of it. In female burials, on the other hand, the deceased were laid out in at least three different positions. Most of the skeletons belonging to women were arranged on their right side (15 cases) facing the entrance to the grave and with their head to the left of it. Another 5 female skeletons were laid out on their left side and of these 3 were facing the entrance with their heads to the left of it. Finally, one woman had been buried on her left side with her back to the entrance and her head to the left of it. Consequently the first and second positions were the customary ones, insofar as, regardless of the side on which the deceased were lying or the orientation of the head, they were facing the grave entrance. As regards the latter position it appears to us to be an exception.

GRAVE GOODS

These can be divided into the groups already singled out in relation to the period SWT-VII.

a). Ceramic Assemblage of the Middle Eneolithic Period (Pl. III, p. 55).

In the graves relating to the period SWT-VI 127 vessels were found which represented 7.1% of the total: of these 40 vessels (31.5%) were made of pale clay with

organic and mineral inclusions, while 87 vessels (68.5%) were made of grey clay. In the period under discussion there were twice as many greyware vessels as those made of pale clay. The buffware vessels can be divided into two groups: those with organic inclusions — 17 vessels (of which 6 are decorated) and those with mineral inclusions (23 vessels).

The methods used for moulding the vessels of all varieties were the same as those described in connection with the previous period. Methods for working the surfaces of vessels had also remained virtually unchanged. It should be pointed out that concentric circles were no longer to be found on the inner surface of vessels by this time: they were being worked with more care. Nor were there any conspicuous changes to be observed in the techniques used for firing the pottery items. The main differences between the ceramic assemblages of the Early and Middle Eneolithic lay in the balance between the two groups of vessels, as there had been a significant increase in the quantity of greyware vessels over buffware ones. Some new vessel shapes had also appeared.

Cups — as before these constituted the largest group of vessels, 70 in all or 55.1% of the ceramic assemblage of this period — SWT-VI. The cups can be divided up into the same groups as for the period SWT-VII, but the relative sizes of the groups are different.

1. *Globular cups with a concave base*: only one of these has been found. It is made of clay with organic inclusions and covered with a red slip on both sides. The vessel resembles in every way those of the equivalent group from the SWT-VII period and can be regarded as left over from the SWT-VII ceramic assemblage.

2. *Globular cups with a flat base* — 9 items (3 made from clay with organic inclusions and 6 from grey clay). One of the cups made from clay with organic inclusions was decorated with arches suspended from the rim. These vessels do not differ from the flat-based vessels of the SWT-VII period, so they too can be regarded as left over from that period.

3. *Globular cups with a round base* — 30 items (4 made from clay with organic inclusions, 9 from clay with mineral inclusions and 17 from grey clay). One cup made from clay with organic inclusions was covered with painted decoration consisting of horizontal lines. These vessels also differed only very slightly from similar cups of the preceding period: their quantity, however, points to the fact that they continued to be manufactured in the SWT-VI period as well, particularly those made of grey clay. It is worth recalling that in the SWT-VII period round-based greyware vessels had not been manufactured. They had been made from clay with mineral inclusions.

4. *Cups with straight walls* — 30 items (two made from clay with organic inclusions and 28 from grey clay). The cups made from clay with organic inclusions were covered with painted decoration. All the features of these cups were similar to those of the preceding period. Yet, in the SWT-VI period cups of this kind — particularly those made of grey clay — can be regarded as vessels of a diagnostic

shape. Another trend can also be noted: the correlation between the vertical wall above the angle and the sloping edge between the base and the vertical wall is no more than 1.5:1.0 and sometimes as little as 1.0:1.0. In addition some vessels have walls that are not strictly vertical but slope inwards. This particular feature allows us to regard vessels of this particular shape as the starting point for biconical vessels, which were to become a diagnostic shape in the Late Eneolithic period (SWT-V).

6. *Small globular pots* — 19 items (2 made from clay with organic inclusions and painted, 6 made from clay with mineral inclusions and 11 from grey clay). The rim diameters are between 3.5 and 6.5 cm and their heights range from 3.5 to 6.8 cm. It should be noted that small pots made from clay with organic and mineral inclusions are on the whole larger in diameter, while the heights of the greyware small pots are greater. The former have curved bases with traces of wear and patches resulting from uneven firing, while the latter can by this period sometimes be found with flat bases, but only one of them shows signs of wear. A more or less clear rib can be discerned in roughly the lower third of all the pots. The lower part of the pots below the rib can be either rounded or straight. One pot bears a sign on its base that was applied before firing.

7. *Deep bowls* — 17 items (4 from clay with organic inclusions, 2 from clay with mineral inclusions and 11 from grey clay). Deep bowls made from clay with organic inclusions have a solid base: only one had a high-ring foot. Deep bowls made from clay with mineral inclusions were as a rule made with a high-ring foot. The deep greyware bowls have hollow feet. Two to three centimetres below the rims of all the deep bowls (apart from 3 of those made from grey clay) there are two holes going right through the wall of the vessel, which makes this a distinctive feature of deep bowls from the SWT-VI period. Traces of moulding can be made out on some of these deep bowls regardless of the clay from which they are made and patches resulting from uneven firing can also be seen. Traces of heavy wear are to be observed on the base in many cases. The measurements of the buffware deep bowls are as follows: rim diameters — 13.3 to 21 cm; heights — 15.7 to 17.3 cm. The measurements of the greyware deep bowls are as follows: rim diameters — 16.8 to 29 cm; heights — 12.5 to 21 cm.

8. *Shallow bowls* — 3 items (1 from clay with organic inclusions, 2 from clay with mineral inclusions). They have conical walls and in shape are reminiscent of the bodies of the deep bowls: two of them have pairs of holes drilled through the walls beneath their rims. Their rim diameters are more than twice their height. The shallow bowls made from clay with mineral inclusions are larger: the rim diameters are 19 and 24 centimetres respectively and their heights are 6.5 and 10.5 cm. The shallow bowl made from clay with organic inclusions has a rim diameter of 12.5 cm and it is 5 cm high. Given that so far no greyware shallow bowls have been found and that only 3 of these vessels have been found in total, this vessel shape can be regarded as atypical and one left over from the ceramic assemblage of the SWT-VII period.

9. *Small cups* — 1 item (made from clay with mineral inclusions). It is a small vessel oval in plan, which resembles a modern jam dish. It is possible that they were vessels intended for children.

11. *Archaic beakers*: the 3 recorded items have all been made of grey clay. Two are large vessels with rim diameters measuring 11 and 11.5 cm respectively and their heights are 8.5 and 10 cm. The third vessel is very small: its rim diameter and height are both 5 cm. One of the large vessels was decorated with a pointed object. Wavy lines have been used to decorate the outer and inner surface of the rim and these also decorate the rib at the angle. On the base there is a sign worked before the vessel was fired and there are also patches to be seen that resulted from uneven firing. The bases of two of the beakers are worn. These vessels can be regarded as left over from the SWT-VII period, during which they were predominant among greyware vessels.

12. *Biconical archaic vessels* — 3 items, all made from clay with mineral inclusions and covered with slip. They are all similar in size: heights — 7.5, 8.6 and 8.7 cm; rim diameters — 8.8, 11 and 12 cm. The angles in their walls are all marked with a clear rib. The lower part of the vessels is globular with a curved base and above the angle their walls slope inwards. What we have here are the beginnings of the biconical vessel, which will emerge as one of the predominant shapes in subsequent historical cultural periods.

Vessels of the shapes described below are only found worked in grey clay.

13. *Deep bowls with rims turned inwards* — 3 items. Two of these are preserved intact, while one has lost its foot. The intact deep bowls have a hollow foot and beneath their rims holes have been made right through the vessel walls. The rim diameters are 18, 24.5 and 26.5 cm and they are 15.5 and 26.5 cm high. The hollow foot and the two holes beneath the rim are features characteristic of the deep bowls of the SWT-VI period, while rims turned inwards and the vessels' finish are characteristic of the ceramic assemblage of the SWT-V period. This means that these vessels constitute examples of transitional pottery. The graves in which the bowls were found (Nos. 167, 246 and 251) can also be regarded as relating to the transition between the two above named periods.

14. *Deep bowls with sharply angled rims* — 2 items. The feet of both these vessels are not yet solid but they can definitely not be classified as hollow. On the outside they have been decorated with horizontal ridges that were pushed out when the vessels were being moulded. The measurements of the two deep bowls are very similar: the rim diameters are 15.5 and 17.8 cm, their heights 15 and 16.3 cm and their bodies are 4.8 and 5.2 cm deep. They were found together with the last skeleton in Grave No. 154, which enables us to assume that this grave began to be used in the SWT-VI period and was still being used well into the SWT-V period.

15. *Small globular decorated pots* — 1 item. The decoration consists of two horizontal ridges pushed outwards at the time when the vessel was being moulded. This technique is typical for pottery from the SWT-V period graves, which enables us

to date Grave 99, where this vessel was found, to the transitional period between the Middle and Late Eneolithic.

16. *Globular decorated cups with a flat base* — 1 item. The decoration consists of three horizontal flutes fashioned while the vessel was being made. In conjunction with these features the dense black colour of the vessel's surface gives us grounds for dating it to the Late Eneolithic. This in turn makes it possible to date Grave 27 itself, where the vessel was found, to the very end of the SWT-VI period.

Vessels with continuous features.

Double vessels — 2 items. Both consist of two small identical conical cups with the remains of bridges connecting them. The double vessel from Grave 139 has a double bridge, but the remains of this have been worked to a point with the help of an abrasive.

Spouted vessels — 3 items. Each of these is a globular vessel with a round base, to the upper part of which a short tubular spout has been attached. The vessels are made of clay with mineral inclusions. One is covered with a red slip inside and out. On the surface patches resulting from uneven firing can be observed. The rim diameters are between 6 and 6.5 cm and the vessels are approximately 5 cm high.

Vessels with two handles — 1 item. The small globular pot is made of clay with mineral inclusions. Two handles with a horizontal space in the middle of them that can be grasped in order to move the vessel have been attached to the shoulders. On the surface of the vessel painted decoration can be seen: this consists of vertical bands intersected by a horizontal band in the middle of the body. The rim diameter is 4.2 cm and the vessel is 5.4 cm high.

The quantitative indices for the ceramic assemblages of the periods SWT-VII and SWT-VI can only be compared with regard to percentages: for instance, in comparison with the period SWT-VII, the number of vessels made from clay with organic inclusions dropped sharply in comparison with the SWT-VII period — three times over (from 40.5% to 13.4%). There was also a drop in the number of vessels made of clay with mineral inclusions from 24.7% to 18.1%. On the other hand there was a marked increase in the quantity of greyware vessels in the ceramic assemblage of the SWT-VI period: their number doubled and they made up 68.5% of the vessels in the ceramic assemblage of SWT-VI as opposed to only 34.8% of the vessels relating to the period SWT-VII (Fig. 6, 7).

The range of shapes also changed. Tulip-shaped vessels, which had constituted a diagnostic shape for the preceding period — had disappeared completely. Globular cups with a concave base had also disappeared almost completely — only 1 vessel was found in Grave 43 (lower part). These too had been a diagnostic shape for the period SWT-VII. There had been a sharp drop in the number of cups with round bases: only 9 examples were found and they also should be regarded as a vessel-type left over from the preceding period. As for cups with round bases these were found in fairly substantial numbers, particularly those made of grey clay. This shape still exists in the

SWT-VI period. The number of greyware cups with straight walls — which are a diagnostic shape for the ceramic assemblage of the SWT-VI period — almost tripled. This also applies to deep bowls with a globular body and the essential holes beneath the rim — a vessel shape typical only for the Middle Eneolithic. Small globular pots and shallow bowls are to be found in both assemblages in similar proportions.

In addition new shapes appeared in the Middle Eneolithic period which were to become dominant in the Late Eneolithic. These include: the bioconical vessel made of clay with mineral inclusions, which can be regarded as the next stage in the evolution of the cup with straight walls, the deep bowls with rims turned inwards and the deep bowls with sharply angled rims. Furthermore decoration appeared on the small globular pots and the cups with flat bases.

Certain characteristics of the buffware vessels from the SWT-VI ceramic assemblage are of particular interest. On many painted and red-slipped vessels traces of their moulding can be seen which was never the case with regard to similar vessels from the preceding period. This also applies to the patches on the surface of the vessels resulting from uneven firing. These traces of moulding and uneven firing should evidently be regarded as signs of decline in the manufacture of clay vessels of this group, which is indeed natural, given that attention at that period was concentrated on the manufacture of greyware vessels, on which significantly fewer traces of wear are to be seen. It should also be noted that during this period it was common practice to cover vessels made from clay with mineral inclusions with slip, which had not been the case earlier. The fact that the vessels in the graves often had worn bases resulting from their domestic use and the discovery of a vessel that had been repaired by joining fragments together with the help of a number of holes made right through the vessel walls along the edges of the crack make it clear that no special vessels were made at that time for burials. In the ceramic assemblage from the graves of this period only 6 painted vessels were found and among them only four vessel shapes were represented.

Apart from the details outlined above a large number of fragments of red-slipped vessels was found outside the burial chambers. In many cases these were fragments of large vessels and the fact that the fragments were found outside the vessels can be explained in one of two ways: either they were associated with offerings for a funeral feast, or they had been used to strengthen the cap-stones at the entrances to the burial chambers. They serve to extend considerably our knowledge about the decoration of vessels from the SWT-VI period (Plates 61-69). Yet it is difficult to distinguish the decoration on the vessels from the two early periods of the culture the early farmers of South-western Turkmenistan and for this reason there may well be information at this spot that relates to the SWT-VII period. There now follows an attempt to establish relative dates for the motifs found in the painted decoration.

Among the earlier decorative motifs which clearly echo motifs in the SWT-VII period are the suspended arcs used to decorate the outside surfaces of vessels and the intersecting bands used to decorate inner surfaces and executed in a series of zigzags.

The wavy vertical lines on both surfaces of vessels should also be associated with the SWT-VII period. Precisely this latter motif can point to the link with neolithic traditions. In both the Early and Middle Eneolithic suspended arcs are used: in a number of instances double or even triple arcs of this type are found which extend almost as far down as the base, although arcs of smaller dimensions are also found.

Patterns that stem only from the SWT-VI period are those which are used to decorate the diagnostic shape of the period, namely cups with straight walls. The actual shape of the vessel would have given rise to more geometric patterns and arcs and bands were mainly applied to globular cups with a round base. Cups with straight walls consist of two parts: a cylindrical upper part and a conical lower part and the decoration was always applied only to the upper part. In most cases the decoration consisted of one or two rows of hatched triangles that were more or less equilateral or right-angle triangles. They were applied either in uninterrupted rows or were interspersed with other figures — either bispiral pins or straight «ladders». No triangles consisting of an outline filled in with paint — typical of the Namazga-I period in the northern piedmont plain of the Kopet Dagh mountains — were found. A pattern which did however have links with those found in the monuments of the Geoksyur Oasis (Dashlydzhinskii Period) was the broad outlined triangle, the inside of which was filled with clusters of intersecting lines extending from the horizontal base of the triangle to the rim of the vessel (Khlopin, 1963: Plate XVIII, 12-15). On some of the fragments lines and dots have been found which it has not proved possible to link with anything else as yet. In conclusion, attention should be drawn to the pot-shaped vessels with rims turned outwards that have a band round their neck and, descending from that, wavy lines and broad ribbons, the inner space of which is filled with zigzags. Decoration of this kind is also to be found on small pots, on which it is only possible to draw thin straight or wavy lines without any pattern inside them, because of the vessels' size.

Among greyware vessels the predominant diagnostic shapes of the SWT-VI period are cups with straight walls, deep bowls with a ring-foot, globular cups with a round base and small globular pots. The first two of these shapes are the most significant. All the greyware vessel shapes can, with no trouble at all, be linked with shapes of buffware vessels.

On greyware vessels hardly any patches resulting from uneven firing are to be found (a total of only 4). Indeed, they should not appear given the specific techniques used for their firing. Yet traces of moulding are to be found on almost a third of the vessels. As in the case of the buffware vessels worn bases are to be found, which indicates that greyware vessels were also widely used for household purposes. Not all vessels have a burnished surface. In the graves of this period ten vessels were found bearing signs that had been applied to them prior to firing. They were found on vessels of the following shapes: 5 signs on cups with straight walls, 2 signs on globular cups with a round base, 1 sign on a globular cup with a flat base, 1 sign on a small globular

pot and I sign on an archaic beaker. The majority of these signs (7 out of the ten) had been executed on vessels that were typical for the Middle Eneolithic period — SWT-VI. The signs were very simple: a straight cross, a diagonal cross, an asterisk, a spiral and a comb. On a vessel which was of a shape left over from the preceding period — namely the archaic beaker — decoration was found consisting of wavy lines scratched on with a sharp pointed tool. This type of decoration was characteristic of a later period — SWT-V. There were several other decorated vessels as well, but they all relate to the next cultural-historical period — SWT-V. They were in graves of that period because those specific graves had ceased to function as such at the beginning of the SWT-V period. These decorative motifs and subjects are discussed below. Finally it is necessary to analyse the development or dynamics of the ceramic assemblage of the Middle Eneolithic in South-western Turkmenistan in accordance with the four groups of vessels discussed in connection with the preceding period. Insofar as there is a ceramic assemblage predating the SWY-VI period this analysis will reveal more.

1. Greyware archaic beakers are the vessel shapes which were no longer in use but which were nevertheless found in the graves of the SWT-VI period.

2. Vessel shapes which transferred from the SWT-VII period to the SWT-VI period without change were the globular cups with round and flat bases and also the small globular pots.

3. Shapes, which emerged and existed only in the SWT-VI period are the cups with straight walls and deep bowls with a globular body, straight rim and two holes beneath the rim, despite the fact that isolated examples of these were found in graves from the SWT-VII period. As already pointed out there was a smooth cultural transition between the two periods without any sharp break with old traditions: the appearance of these vessels indicates that some graves which had been dug and used in the SWT-VII period ceased to function as graves at some point during the next period — SWT-VI. In exactly the same way certain vessels have been found in the last graves of the SWT-VI period which were not typical of that ceramic assemblage — namely deep bowls with rims turning inwards, decorated small globular pots and globular cups and also an archaic biconical vessel. The above vessel shapes serve to characterize the ceramic assemblage of the next cultural-historical period — SWT-V, the Late Eneolithic. They did not come into being in the ceramic assemblage of the SWT-VI period: the graves of that period simply stopped being used at the beginning of the SWT-V period, which serves to underline the uninterrupted chain of cultural development. It is not yet possible to name any vessel shapes applicable to the fourth group defined above, namely those which evolve from one period to the next while retaining their essential characteristics. This can probably be explained by the small range of shapes: however, in subsequent stages of development in the ceramic assemblage of the culture of South-west Turkmenistan's early farmers there will be clear examples of vessel shapes relating to the fourth group.

Lastly, reference should be made to those pottery items which are not vessels. First and foremost are the bowl-shaped sacrificial altars with a flattened body, a high ring-foot and a hole in the middle of the body. Objects of this kind were found in graves near the head of the deceased (Graves 27 and 167), together with discarded bones (Grave 58), among entrance cap-stones — graves of the following period (Nos. 201 and 224) and among surface finds (Plate 70). Another object of indeterminate function with four legs and a surface with a deep curve in it reminiscent of a saddle should be included among the ceramic items not for domestic use (Grave 27).

b). Metal Items

The number of metal items, consisting for the most part of jewellery, increased almost tenfold in the burial chambers of the SWT-VI period in comparison with those of the SWT-VII period and a significant increase in the range of items was also to be observed. Virtually all metal items of the Early and Middle Eneolithic periods were made of copper (See: Appendix I). Hairpins with bispiral terminals — 18 items. A characteristic feature of these is that the number of coils in their spirals varies from 4 to 8. Only two hairpins had only one coil in each volute. In undisturbed graves these articles were always found near the skull, which enables us to assume that they were worn in the hair. They were probably made in the following way: first a long copper strip would be hammered out and one end of this strip would be cut down the middle partway to form two narrower strips, each of which would then be forged to make it round in section. After that the narrow strips would be coiled round to form spirals one to each side of the point down as far as which the original strip had been branched. A hairpin with one-coil spirals enabled us to attempt to decipher the meaning behind this object, which was in fashion no less than 1,500 years. It was a stylized depiction of rams' horns, an image that has retained its significance as a protective talisman up to the present day.

Hairpins with disc-shaped terminals (3 items) were also found near the heads of skeletons. For all intents and purposes they had the same silhouette as the hairpins with bispiral terminals. It would appear that instead of twisting the narrow strips into spirals, the strips branching out from the original one were hammered out to form a flat round disc on each side of the original strip of copper.

One hairpin had a terminal of an unusual shape: there were discs at the end of the strip of copper but above that there was a further «extension» as it were of the copper strip for a few more centimetres and this extension of the strip ended in a bispiral terminal. This shows that two types of terminal existed simultaneously.

Hairpins with a triangular disc (2 items) were vestiges from the metal assemblage of the SWT-VII period. One of these — found in Grave 30 — had an elongated disc on the end, on the corners of which small «branches» could be seen. It is possible that originally there had been small spirals at the corners: if that were indeed the case then such a pin could be viewed as the typological predecessor of hairpins with bispiral or disc-shaped terminals.

Small nails (32 items) have a clearly distinguishable head and they look as if something had been wound round their sharp end, which makes their ends look flatter. Some of the small nails were found in piles of bones, but others were found in the jaws of buried women behind tightly clenched teeth.

Small wire rings (7 items) were found in piles of bones and so far it is not known what they were intended for. Probably they were used for earrings or as rings or pendants to wear in the hair. This appears particularly likely if we bear in mind that the rings consisted of 1.5 to 3 turns.

Massive «bracelets» (5 items) were objects that were round in section and measured up to 8 cm in diameter. The ends were positioned so that the gap between them was only very small. They tapered considerably towards the ends, which sometimes took the form of small loops. These objects were found in the heads of female skeletons and perhaps they were not used as bracelets after all. They could have been used as hoops for parts of a head-dress, for instance.

A wire bracelet (1 item) was unfortunately broken, so it is not possible to describe it in detail.

Beads (more than 100 examples) were usually parts of strung jewellery and sometimes they were found in conjunction with stones. They would appear to have been worn as bracelets, because they were found on the wrists of female skeletons and less often among bones.

c). Jewellery made of stones and other materials

Beads (over 350 examples) were found only in 17 burial chambers — both near skeletons arranged as they had originally been laid out and also in piles of bones that had been moved over towards the back walls of graves. Large single beads were probably amulets. Single cylindrical beads were fashioned from steatite. One flat round spacer-bead was made from haematite. A natural flat stone approximately triangular in shape had been used as an amulet and a hole had been made through one end of it. A second amulet was made from a tapered handle of a cooking pot. Most of the small cylindrical and occasionally petal-shaped beads were recorded as found near wrists or near the vertebrae of the neck. They were made from the following materials: plaster, cornelian, lapis lazuli, calcite, limestone, steatite and mother-of-pearl. Flat round beads of cornelian (18 examples) were found threaded on to copper wire. Two large cylindrical beads were made of bone.

d). Organic remains

This last category of finds included only 5 shells of terrestrial tortoises. The custom of placing these in graves of only women and children is known from the very beginnings of the SWT-VII period and it is a highly significant feature of that culture.

THE BURIAL RITE

Given that this period of the culture under discussion is a logical continuation of the period that went before, there are virtually no fundamentally new features in the burial rite. Only quantitative indices have increased — to start with as regards the actual number of graves. The deceased were buried as before in group burials one after the other and each time the remains of the previous deceased would be moved over to the back wall of the grave. Usually there would be a stone slab positioned vertically to close the grave: sometimes graves would be marked out by a covering of stones and mud bricks. There are cases when several bodies were placed in a grave all at once and then no-one else would be buried in it afterwards, as for example in Grave 167, in which the skeletons of two women and two children were identified.

For the period SWT-VI more information has been obtained regarding the sex and age of the deceased than was the case for the previous period. It is possible to say that women were buried in two ways: lying on their right side, facing the entrance to the grave and with their head to the right of the entrance or lying on their left side, facing the entrance to the grave and with their head to left of the entrance. Since the second position has been recorded 4-5 times less frequently, we can assume that women of less common social status were buried in this way. We had the impression that if women were buried with their back to the entrance of the grave this showed that the attitude to the deceased women among other members of their tribe was negative: it is impossible, however, to establish now what such a woman's guilt might have been or the reason for such an attitude towards her. Food in vessels formerly in domestic use had often been provided for the deceased. It was probably some kind of liquid sustenance. The number of vessels in some graves, however, was greater than the number of persons buried there (Graves 81, 139 and 167). In the rest of the graves it was far less. This means that food to accompany the deceased into the next life was not provided for all the dead. To judge from the arrangement of jewellery, it can be assumed that women were buried with their personal belongings. It can also be assumed that the dead were buried dressed in their everyday clothes. Many fragments of pottery from the SWT-VI period have been found outside the graves, including fragments of painted vessels, which might be regarded as remains of memorial ceremonies within the confines of the burial-ground.

CULTURAL AFFILIATIONS AND QUESTIONS OF CHRONOLOGY

The area, within which the culture of the early farmers of the region to the South-east of the Caspian Sea during the SWT-VI period were found the same as it had been during the preceding period. Given that there is an adequate number of features of the ceramic assemblage for the period SWT-VI to show that it evolved on the basis of the ceramic assemblage for the SWT-VII period without any break between the two, it can be asserted with a good deal of confidence that the SWT-VI ceramic assemblage

can be dated to the middle and second half of the 4th millennium BC. As regards the farming culture of the northern piedmont plain of the Kopet Dagh, the period under discussion for the local culture can be regarded as coinciding in time with the end of the Namazga-I period and the beginning of the Namazga-II period. Direct links between the two cultural provinces at that time have not been observed, yet triangular motifs in the decoration of buffware pottery that probably evolved from a common source can be used to underline correspondences.

In the settlements of the northern piedmont plain of the Kopet Dagh mountains the transition to the manufacture of pottery with polychrome decoration that was fired in special kilns took place in the Namazga-II period. This is borne out by a good deal of objective evidence — the composition of the clay, the inclusions used, the degree to which the sherds had been fired, the burnishing on the surface of the pottery and the use of paints made of different ingredients. Synchronous changes are to be noted in the materials from the Parkhai II burial-ground as well: in the SWT-VI period the production of greyware pottery was on the increase. These two processes can therefore be regarded as consisting of various stages and also as synchronous: in short this was one and the same process taking place in two neighbouring cultural provinces.

It should be underlined once again that from now on we need to discard all the different versions regarding the origin of greyware vessels in the Near East, which have been put forward so far. The only idea for which there is archaeological evidence is the substitution of a new technology for the old one for the manufacture of vessels — starting from the composition of the clay and up to the firing stage. There is no need to search for the original home of that pottery, since it was precisely from the region to the South-east of the Caspian that the technology spread out in all directions. We can therefore regard the question as to the origins of grey ware, with which various scholars link the solution of many historical and ethnogenetic questions, as resolved once and for all.

The tradition of grave construction — graves made partly beneath the ground and partly above it that were used for several related persons — confirms the uninterrupted process of cultural development in the territory of the Sumbar Valley. A particularly striking pointer to the presence of a distinctive culture in the region to the South-east of the Caspian Sea is provided by the copper hairpins with bispiral terminals, of which there are 22 examples (if we count the hairpins with disc-shaped terminals as well): this number is almost four times as great as the total number found in the whole of Central Asia before excavation work began at the Parkhai II burial-ground. The concentration of these finds and the numerous tight coils making up the spirals leave no room for doubt with regard to the fact that they were produced precisely in the area where they were found. They cannot be regarded as having been imported from somewhere outside the region, because they form a monolithic assemblage which has a definite beginning and can be seen to evolve in time. Like the

greyware pottery, these metal articles spread out from this particular area through wider territories of the Near East. As they spread further afield these items lost their original «robustness» and gradually degenerated. The combination of items of various kinds in the context of a single process gives ample grounds for assuming that this area was a new cultural and, at the same time, metallurgical centre of the Eneolithic period.

III. LATE ENEOLITHIC PERIOD

BURIAL CHAMBERS

There are 89 burial chambers (or almost 35% of the whole number of graves excavated in the Parkhai II burial-ground) which relate to the SWT-V period. To this number can also be added those 5 which were made in the previous period (SWT-VI) and in which among the usual grave goods supplied for the last of the deceased there were vessels from the SWT-V period. Yet, given that the whole of the rest of the range of grave goods from those graves stemmed from the SWT-VI period they were discussed in the previous section of this summary.

While group graves were the exception in previous periods, in the SWT-V period there were considerably more of such graves. Seven groups of burial chambers with three entrances contained a total of 22 graves and 9 groups of burial chambers with two entrances contained a total of 20 graves — 42 altogether which meant just over 47%. The remaining 46 graves had individual entrances.

As regards their construction the burial chambers in the various groups did not differ from one another. They were all partly submerged graves with a side entrance leading out of a special pit. The entrance into the burial chamber usually had a vertical stone slab covering it. In the space of the actual entrance a threshold was sometimes made and this consisted of mud bricks or stone blocks. The stone slab was usually fixed in its vertical position by sizeable pieces of large vessels inserted as wedges between the slab and the surrounding earth. The level of the base of the entrance was usually higher than the floor of the grave: this is borne out in a number of cases by the presence of a still intact step.

The orientation of the entrance in relation to points of the compass varies considerably. More common however were orientations to the North (15 cases), to the SW (9 cases) and the West (14 cases). Seven of the entrances were orientated to the North, another 9 to the North-east, 7 to the East and only 2 to the South-east.

The dimensions of the graves were virtually no different from the graves of the previous period. Fifteen of the 75 chambers (20%) were round in shape: their minimum diameter was 130 cm and maximum diameter 250 cm. The remaining graves were oval in shape and the ratio of their axes was 3:2. The range of dimensions for the graves was large but the most common were as follows: length 190-260 cm and width 140-220 cm.

REMAINS OF THE DECEASED

In the 89 graves of the SWT-V period the remains of over 1,400 persons were found and of these 112 of the skeletons (i.e. 7.7% of the total) were still articulated or at least sufficiently so to make it possible to establish the position in which the deceased had originally been laid out. In 73 graves there were various numbers of deceased: from 1 to 10 in 31 graves (on average 5 persons in 42.5% of the graves), from 11 to 20 in 20 graves (on average 15 persons in 27% of the graves), from 21 to 30 in 16 graves (on average 25 persons in 22% of the graves), from 31 to 40 persons in 3 graves, from 41 to 50 in one grave and from 50 to 60 in 2 graves.

In most cases it was established that both men and women were buried in the graves. In addition two clear criteria were identified for distinguishing the positions in which the deceased had been arranged in the graves: firstly with either their face or back to the entrance and secondly on their left or right side. There is another pair of contrasting characteristics which could be recorded: whether the head of the deceased was to the right or left of the entrance into the chamber. Yet these last characteristics, although they are clear to the beholder, are not of decisive significance, since they depend on combinations of the first two criteria.

It emerged that men and women could be placed in the graves in identical positions and four main positions were identified:

1. On their right side facing the entrance — 14 men and 25 women.
2. On their left side facing the entrance — 10 men and 12 women.
3. On their right side with their back to the entrance — 5 men and 6 women.
4. On their left side with their back to the entrance — 5 men and 8 women.

As can be seen from the above list the positions of 93 deceased persons were analysed. The remaining 19 of the 112 skeletons were either those of adults, whose sex was impossible to identify, or children.

In further calculations or analysis it is important to start out from the assumption that men and women at that time could be regarded as beings in essence diametrically opposed to each other: for example, a woman buried on her left side facing the entrance of her grave and a man buried on his left side facing the entrance of his grave could well be of identical social origin. All those buried facing the entrance of their grave possessed status totally different to that of all the deceased buried with their back to the entrance of their grave.

The skeletons of children could be divided up into the same groups as those of the adults: no special position for children's skeletons was used.

The orientation of the deceased depended upon that of the grave itself and upon the side on which the body was laid out in the grave and on whether it had its face or back to the entrance.

While in the previous cultural-historical period the position of the deceased with his back to the entrance would always be identical, in the SWT-V period there were 24 skeletons lying with their back to the entrance of their grave on their side (right or

left): this total was 2.8 times less than that for skeletons lying on their side but with their face to the entrance of their grave. It is possible that over time the significance and symbolic overtones bound up with the position of the body in relation to the grave entrance underwent change. A factor which could have been influential is that more outsiders were being accepted into the community.

GRAVE GOODS

These are divided up into the same groups as those discussed in connection with the preceding periods.

a). Ceramic Assemblage of the Late Eneolithic Period (Pl. IV, p. 102, 103).

Eighty-nine of the graves in the burial-ground relate to the period SWT-V but only 75 have been included in the general ceramic table. This means that the graves of the SWT-V period contained 348 vessels. The ceramic assemblage of this period differs from the previous ones above all in connection with the fact that all the vessels are made of clay which assumed grey shades of varying intensity after firing, which ranged from black to pale grey. Fourteen vessels, however, made of clay with numerous metal inclusions had a surface that was yellowish or brownish in colour. This latter type of pottery constituted only 4.0 % of the total quantity.

The description of the vessels will as before consist of a numbered list of shapes that was used in discussion of the two earlier periods. This approach has been used to ensure that the reader should have, right from the beginning, a sense of the smooth continuity from each period to the next that makes for the uninterrupted development of the local culture. These numbers are also retained in the summary tables.

2. *Globular cups with a flat base (undecorated)* — 39 items (one of which has mineral inclusions in the clay). This shape came into being and was widespread in the previous periods SWT-VII and SWT-VI. Two versions of this shape are encountered: less frequently cups with a straight rim and more often cups with a rim that turns inwards. Traces of mouldings can be seen in the case of 2 vessels. Wear on the base resulting from long household use can be seen in half the vessels. Three cups had been repaired in ancient times by the customary method, i.e. they had been «sewn» together through holes drilled along the edges of the cracks. On the bases of 4 vessels signs were found that had been applied prior to firing (2 such vessels in Grave 122 and one each in Graves 185 and 198). The rim diameters varied between 5.4 cm and 11.5 cm and the heights between 3 and 6.5 cm.

3. *Globular cups with a round base (undecorated)* — 54 items (two of which have mineral inclusions in the clay). This vessel shape also first appeared in the SWT-VII period and was widespread in the SWT-VI period. It subdivides into two versions: cups with straight rims (the minority) and cups with rims turned inwards. Among the vessels of the latter type there were two distinctive vessels which at rim level had two broken-off ridges, the function of which has not yet been determined (Graves 139 and

179). Two cups had corrugated decoration round the rim (Graves 203 and 207). On one cup patches resulting from uneven firing could be seen and on 4 there were traces of moulding. On approximately half the vessels traces of wear resulting from domestic use could be seen on the base. One cup showed signs of repair and had a sign on the base (Grave 57). The rim diameters ranged from 5.2 to 12.6 cm and the heights ranged from 3 to 7.2 cm.

6. *Small globular pots (undecorated)* — 33 items, five of which have mineral inclusions in the clay). This vessel shape appeared in the SWT-VII period in a buffware version with painted decoration. It also existed in the SWT-VI period in a buffware version that evolved with two sub-shapes: one with a rounded base (the minority) and the other with a flat base. Many of the flat-based pots had a rib round the middle of the body that was more prominent in some cases than others. On one vessel traces of moulding could be seen. On another there was a hole near the rim to be used for attaching the lid. The surface of all these small pots was burnished. The bases of practically half the pots showed signs of wear from domestic use. The rim diameters ranged from 3.4 to 9 cm and the heights from 3.5 to 8 cm.

13. *Deep bowls with rims turned inwards* — 12 items. This was a diagnostic vessel shape of the SWT-V period. Five of them had solid bases and the others hollow ones. Ten of the deep bowls were decorated with patterns. Four of them (from Graves 62, 204, 207 and 243) had three parallel ridges on their foot. The foot of the deep bowl from Grave 159 (lower part) was decorated with small grooves and the foot of the deep bowl from Grave 185 bore a corrugated pattern. Two deep bowls from Grave 19 (lower part) which had a corrugated pattern on the body were decorated with ridges in addition. The deep bowl from Grave 221 had a body decorated with small grooves, while the foot was decorated with three ridges. Half all the deep bowls had visible signs of wear on the foot from domestic use. The rim diameters ranged from 9.6 to 13.6 cm and their heights from 10.2 to 13 cm.

14. *Deep bowls with a sharply angled rim* — 34 items. This is also a diagnostic vessel shape in relation to the SWT-V period. Five deep bowls have hollow feet and 29 solid bases. One deep bowl has no rim: it was clearly broken in ancient times and the line of the break has been smoothed over. In three instances only the foot of a deep bowl has survived. The surface of one deep bowl is not burnished. On the inner surface of the foot of 13 deep bowls there are signs to be seen which were applied before firing. Of these nine are intact — two were found in Grave 57 and the others in Graves 63, 98, 138 (lower part, 190, 191, 195 and 199) and four (from Graves 34, 78, 97 and 101) were only represented by their feet. Signs were only found on deep bowls of this type, which fact enabled us to classify feet with signs as coming from deep bowls of the type concerned. On the foot of one deep bowl from Grave 138 (lower part) two signs had been applied — one on the outside and one on the inside. On 12 feet there were signs of wear from domestic use. Twenty-eight deep bowls were decorated with patterns that had been applied either to the sharply out-turned rim (15

items) or only on the foot (6 items), or on the rim and the foot (5 items). In the vast majority of cases the deep bowls were decorated with corrugation (29 items), grooves (5) and three ridges (4 items). One bowl was decorated with corrugation along the rim and with ridges round its foot. Another deep bowl from Grave 209 was decorated with two rows of applied knobs up to 2 mm in diameter (in the centre of each knob there was a small indented dot). The rim diameters of these vessels ranged from 7.5 to 23.6 cm and their heights from 7.5 — 29.5 cm.

15. *Small globular pots (decorated)* — 13 items. This vessel shape was a diagnostic one for the SWT-V period. One of them was made from clay with mineral inclusions and had a pale surface. Traces of wear on the base from domestic use were only to be observed on 4 vessels and four of the small pots had a round base. On the base of one small pot from Grave 190 a sign could be seen which had been applied prior to firing. A variety of decorative patterns was used: there were 2 ridges on the broad part of the body from Grave 99, grooves on the shoulders of the vessel from Grave 19 (lower level); decoration consisting of between 2 and 12 corrugations on the small pots from Graves 43 (lower level), 63, 98, 111 and 221; corrugations and notches made with a needle on the inside of the rim of the vessel from Grave 98; horizontal lines applied with a needle, together with notches on the inner side of the rim of the pot from Grave 138 (lower level); horizontal lines applied with a needle on the vessel from Grave 75; a combination of straight lines and zigzags applied with a needle on the small pot from Grave 190; horizontal burnished stripes on the vessel from Grave 203. The rim diameters ranged from 2.3 to 5.6 cm and the heights from 3.8 to 8.4 cm.

16. *Globular cups with a flat base (decorated)* — 9 items. This vessel shape is also a diagnostic one for the SWT-V period. All of the cups except one have a straight rim and the rim diameter is larger than the diameter of the body. Traces of wear from domestic use can be seen on the base of virtually all the cups. On the bases of two cups from Graves 129 and 191 signs can be seen that were applied before firing. One cup shows clear traces of having been repaired in ancient times — rows of holes along the crack-line. On another cup there are patches to be seen that resulted from uneven firing. The decoration consists of ridges pushed out at the time the vessels were moulded — from Graves 119-upper level (and 201) and corrugation — on cups from Graves 17-lower level (34, 98, 129, 191, 218, 219 and 227). The rim diameters range from 5 to 18 cm and the heights from 2.6 to 10 cm.

17. *Deep bowls with a straight rim and a globular body* — 7 items. This vessel shape was also a diagnostic one for the SWT-V period. Five of these deep bowls had solid bases and one a ring-foot. Decoration was recorded on 5 of the vases: grooves on the deep bowl from Grave 63, corrugation on the base of the deep bowl from Grave 111, grooves on the body and two ridges on the ring-foot of the deep bowl from Grave 57, corrugation on the body and the base of the deep bowl from Grave 19 and two ridges on the foot of the deep bowl from Grave 184. The rim diameters varied from 9.5 to 13.6 cm and the heights from 10.2 to 13 cm.

18. *Archaic Cups with a Funnel* — 5 items only appeared in the SWT-V period. One of them was made from clay with mineral inclusions. These cups were distinguished by their broad flat base, their almost cylindrical or concave lower third or half and the smooth outward curve of the walls. The rim tapered slightly in the cup from Grave 77 or it curved sharply outwards or even downwards in the case of the cups from Graves 34, 98 and 209. On the base of one cup a sign was found that had been applied prior to firing. Decoration consisted of small grooves in the case of the cup from Grave 34 or corrugations on the vessel from Grave 209. The rim diameters ranged from 8.4 to 11.4 cm and the heights from 4.5 to 8 cm.

19. *Biconical Vessels* — 84 items only appeared in this period, although their prototype was the straight-walled cup from the period SWT-VI. The walls of straight-walled cups began to be made so that they sloped inwards and the vessels were made with smaller dimensions than before. Biconical vessels from the SWT-V period continued into the SWT-VI period, that was already part of the Early Bronze Age. Two of the biconical vessels were made from clay with mineral inclusions and had pale surfaces. Decoration had been applied to 49 of the vessels and 26 were undecorated. On the bases of both the decorated and undecorated vessels there were signs to be found which had been applied before firing. There were vessels in both of these sub-groups which had been restored in ancient times and vessels that had been used for domestic purposes before being placed in graves. The decoration on most of these vessels consisted of corrugation. Three vessels had been decorated with horizontal lines and another with wavy lines, traced on with a pointed object. The rim diameters ranged from 4.1 to 10 cm and the heights of the vessels from 3.5 to 9.5 cm.

20. *Decorated pialas* — 6 items. These were encountered seldom and they were represented in the ceramic assemblages of periods SWT-V and SWT-IV. On the bases of 2 vessels from Graves 9 and 63 signs had been applied prior to firing. One vessel had been restored in ancient times. Traces of wear on the base were to be observed in the case of one piala. Five of them were decorated with corrugations and one with three wavy lines along the rim that had been applied with a pointed instrument: below these lines were horizontal burnished bands. The rim diameters ranged from 8.6 to 11.2 cm and the height from 5.4 to 7.1 cm.

21. *Cylindrical vessels* — 5 items. These vessels appeared in the SWT-V period but were to be more characteristic of the SWT-IV period — Early Bronze Age. On the bases of two vessels from Graves 202 and 204 signs had been applied prior to firing. Two of the vessels were decorated with corrugations. The bases of two vessels were worn from long domestic use. The rim diameters ranged from 6.8 to 8 cm and the heights from 3.5 to 6 cm.

22. *Conical cups of various sizes* — 5 items. This vessel shape is rather an amorphous, unusual one, which will be more widespread in the ceramic assemblage of the SWT-IV period. One of the them was made of clay with mineral inclusions and has a pale surface.

Vessels with continuous features.

Double vessels — 35 items (of which 7 have not been included in the plates). These consist of two identical vessels linked by a bridge. Only one item from Grave 191 has been preserved intact, while only halves have survived from the rest. Most of the vessels have been decorated. On the bases of 6 vessels traces of wear can be seen. Signs applied prior to firing were found on two vessels. Six shapes were used for double vessels of which only halves have been found.

1) Cylindrical vessels — 26 items, of which only 6 are not decorated. Twelve vessels are decorated with corrugations and 1 with horizontal lines applied with a sharp object.

2) Globular cups with a round base — 3 items. In addition a sign has been found on the base of one vessel from Grave 109.

3) Globular cup with a flat base — 1 item, which is decorated with corrugations.

4) Conical cup — 1 item, which is decorated with small grooves.

5) Archaic cups with funnels — 2 items decorated with corrugations.

6) Small globular plots — 2 items. The only complete example of a double vessel consists of two small pots linked by a bridge. At opposite sides of the vessel looped handles have been attached to make lifting the vessel easier. One of the small pots is decorated with vertical scratched lines and the other with alternating straight and wavy horizontal lines. The second example of a double vessel is also decorated with thin lines which form a drawing of a number of trees with branches pointing upwards.

Vessel with a cut-away spout — 1 item. It is conical in shape and made of pale clay with mineral inclusions. The rim diameter is 6.1 cm and height 4.7 cm.

Spouted vessel — 1 item. In shape this is like a small globular pot — grey in colour and with a round base: however, it would appear to have had a tubular spout that has not survived and that protruded from the widest part of the body. The rim diameter is 3.6 cm and the height 6.5 cm.

Vessel with two handles — 3 items. This is a small globular pot with small looped handles on the shoulders of the vessel with the help of which it can be moved.

In most graves up to 5 vessels were found. These had often accompanied the skeleton of the last of the deceased. The largest number of vessels in a grave was 22 in Grave 111. More than 10 vessels are only encountered in 4 graves: 63, 19 (lower level), 98 and 198. In the SWT-V period certain combinations of shapes were to be observed: deep bowls, globular cups with both flat and round bases and small globular pots. Not only were these shapes found in immediate proximity to each other but they were often stacked into each other. Sometimes biconical vessels replaced cups in these «sets».

On 59 vessels of different shapes (approximately 17% of the total number) various signs were found that were applied to the surface of the dried pottery items, before they were fired, with a stick or a sharp object. Usually these signs were applied on the base of a vessel on the outside and — less frequently — on the inside. Most frequently

of all signs were noted on the inside of the foot of deep bowls with sharply angled rims and on conical vessels, which can be explained by the large numbers of vessels from these two groups. These signs were of the following kinds: straight or diagonal crosses on 17 vessels; sections of straight lines on 12 vessels; circles or spirals on 12 vessels; figures reminiscent of letters on 3 vessels; straight or cross hatching on 2 vessels; anthropomorphic figures on 5 vessels, two semi-circles on 3 vessels, parts of a zigzag on 2 and individual signs on 3.

By the Late Eneolithic Period painted decoration on the surface of vessels hardly existed any more. Almost half the greyware vessels found (49%) were decorated with fundamentally new patterns, characterised by a different technique of execution. In the quantitative respect horizontal corrugations occupied pride of place: these had been applied to 72.5% of decorated vessels. Second place was that of grooved patterns (17 vessels) and ridges (14 vessels) which were executed when the vessel was being moulded. Various lines applied with pointed objects or by burnishing were rare. On one occasion a vessel was discovered with an original decorative pattern, when the rim of a deep bowl had two rows of knobs that had been pressed into the clay surface.

The ceramic assemblage of the SWT-V period should be viewed as a developmental stage: to this purposes the articles have been divided up into the previously defined groups.

1) There were no vessel shapes that could be classified in the group of those no longer in use, but which continue to feature in domestic use as vestiges of what had gone before. Yet among the large numbers of grey and black vessels items would be encountered made of clay with mineral inclusions, which could be singled out from the overall range as left over from earlier periods. The shape of such vessels and, in particular, the material from which they were made were obviously archaic and by this time they were no longer in use. There were only 17 such vessels: they constituted only 5% of the overall total.

2) The globular cups with a flat base, the globular cups with a round base and the small globular pots (all undecorated) had carried over without undergoing change from the ceramic assemblage of the SWT-VI period into the ceramic assemblage of the SWT-V period. They are clearly linked with the two above-mentioned cultural-historical periods. These vessels constituted almost 33% of the ceramic assemblage of the SWT-V period.

3) Three types of deep bowls that make up almost 17% of the whole ceramic assemblage are vessel shapes which appeared in the Late Eneolithic period and constitute diagnostic shapes for the ceramic assemblage of the SWT-V period. What is characteristic of this period is the appearance of decoration on grey-black pottery, in particular on globular cups with a flat base and small globular pots, which make up almost 8% of the assemblage. Biconical vessels that evolved out of grey-black cups with straight walls also only appeared in the Late Eneolithic period and, what is more, in large quantities. These vessels (decorated and undecorated taken together) are 76 in

number or constitute 22.5% of the whole ceramic assemblage of the period. Two rare shapes — archaic cups with funnels (4 items) and decorated pialas (6 items) also only appear during this period. This means that in the Late Eneolithic period only 6 new vessel shapes appeared which constitute 50% of the ceramic assemblage for the period in question.

4) Looking ahead we can say that in the Late Eneolithic period several vessel shapes came into being that were characteristic of the SWT-IV period of the Early Bronze Age. In that period biconical vessels, archaic cups with funnels and decorated pialas are found in large numbers. In addition some vessel shapes typical of the Early Bronze Age are found in the graves of the Late Eneolithic period — namely cylindrical vessels and conical cups.

b). Metal Items

The collection of metal items from the period SWT-V is significantly poorer than that from the Middle Eneolithic period.

Hair-pins with bispiral terminals (18 items) represent a continuation from the Middle Eneolithic period. Yet there is a marked trend towards degradation to be observed. The hair-pins are shorter, thinner and the number of coils in the spirals is no more than three. The majority of them were found in a disturbed state in piles of bones, but these hair-pins still in their original position near the nape of the neck of the deceased were clearly being used as before for hair adornment.

Hair-pins with disc-shaped terminals (3 items) also represent a continuation of an earlier tradition and they too were used as decoration in women's hair. As in the preceding period — the Late Eneolithic — there were far fewer of these than of the hair-pins with bispiral terminals.

Small nails (51 items) have large heads and are flattened at the end. Many of them were found in the lower jaws of the deceased. The remaining nails were found among bones in piles by the back walls of the graves.

A bracelet (1 item) was a large object made of thick metal wire round in section: the bracelet consisted of one and a half turns and it was found in a disturbed state.

Hoop ear-rings (10 items) made of wire were found. Some of them were made in the shape of a crescent moon with narrow ends that touched at the top and a thick section in the middle. They were mainly found in piles of bones and — less frequently — near the skulls of whole skeletons.

Temple-rings to be worn in the hair (2 items) were made of wire twisted into a spiral of 2 turns. Probably these were used to decorate tresses that were passed through the turns of the spiral.

Beads (3 items) made of hammered out pieces of metal twisted into a tube so that they could be threaded.

Needles (2 items) were long rods with a narrow end and an eye at the other. The eye was made as follows: the end of the rod was hammered out and bent backwards to form the eye and be wrapped round the main part of the rod at the bottom of the eye.

A metal rod with a loop at one end and a wider section at the other (1 item) the function of which has not been fully explained, although it may have been used as a pendant.

c). Items made from Stones, Bone or Clay and Organic Remains .

There are few large items made from stones and this can be explained with reference to the specific nature of the burial objects which did not provide a full picture of the population's way of life.

An egg-shaped polished mace terminal made of a green siliceous clay-like stone. Height — 48 mm and diameter — 55 mm. It was found in a pile of bones in a grave. Originally the mace terminal had been attached to the top of a staff by a bronze nail with a large semi-circular head that was 35 mm long and had been inserted through a spacer of white calcite. If the spacer had been found separately it would have been taken for a bead.

An alabaster vessel conical in shape and reminiscent of a rhyton was found in Grave 19 (lower level). Height — 70 mm, diameter 32 mm. In section the body of this vessel was in the shape of a truncated cone.

Arrow-heads fashioned from jasper and jasper-like flint made with the help of a thin wavy-sided pressure-flaked retoucher. Their shape was reminiscent of a bay-leaf with a groove at the base. They were found in piles of bones in three graves. Two arrow-heads 74 mm long and 18 mm wide were found in Grave 185; one arrow-head 44 mm long and 15 mm wide was found in Grave 195; three others that were 55 mm long and 16 mm wide, 48 mm long and 14 mm wide, 38 mm long and 15 mm wide respectively were found in Grave 221 (lower level). They probably date from an earlier period and were found by chance and used again as jewellery or amulets.

Beads and spacer-beads of various sizes and shapes were found (62 items). They were made of cornelian (26 items), steatite (9 items), lapis lazuli (6 items), turquoise (1 item) and calcite-plaster-limestone (15 items). Beads and spacer-beads were used as jewellery but could also serve as amulets.

Items made from bone were rare in the graves of the SWT-V period and are only represented by three kinds of items.

Firstly, hair-pins of two types. Hair-pins of the first type (5 items) were in the shape of a pointed rod (6-8 cm in length) with a circular terminal. Hair-pins of the second type (3 items) consisted of an equally long rod with a terminal in the shape of a flat triangle with horizontal notches inside it.

Secondly, pendant pins with a sharp end and a hole at the top. Two such items were found and one of them in the upper part of the chest-cage of a skeleton in Grave 129. This situation would indicate that the given object had been hanging round the neck of its wearer suspended on some kind of string.

Thirdly — cylindrical beads (approximately 20 items) made from the long bones of animals.

Two projectiles made from slightly charred clay for use in a sling: these can be regarded as left over from earlier times, because far more of them were found in graves of the preceding period.

Special objects that were still to be found in the period SWT-V, passed on from before, were round bowl-shaped pottery altars discovered in the in-fill of graves. These are represented mainly by fragments but particularly striking is one example that is almost intact: it has a rim that clearly turns outwards and a corrugated foot. It was found in Grave 224 (lower level) and it was made from splendidly burnished black clay. It had been broken in the distant past and then restored, as can be seen from the holes along the crack-line.

Sherds of broken vessels were not discarded and sometimes they were used again as raw material for the manufacture of beads, which as a rule were to be found in conjunction with children's and young people's skeletons. These sherds — grey-black or red in colour — were fashioned with abrasives into round pieces which then had holes drilled through them. Other parts of broken vessels were also used, for example handles, which after they had been reshaped with the help of abrasives were used again as pendants.

Among remains of organic origin it is worth mentioning the shells of terrestrial tortoises that were mainly of the same size — 10-12 cm long. Just over ten of these were found. If they had not been moved from their original position then they had been arranged near women's skeletons.

Among the human bones, sheep bones were also found which should probably be viewed as the left-overs from meat laid out for the deceased on his way to the next world. If this was indeed the case, then it would seem strange that there were so few of them.

THE LATE ENEOLITHIC BURIAL RITE

The burial rite of the Late Eneolithic period can with good reason be regarded as a continuation of the funeral rite of the preceding periods SWT-VII and SWT-VI. No fundamentally new features are to be observed apart from purely quantitative changes in connection with certain aspects of the rite. There has been a marked increase in the number of double and triple graves and in the number of deceased to be found in one and the same grave: this does not reflect changes in the burial rite itself, but rather the growing numbers of the population in the Sumbar Valley. Each dead person was buried in a grave set aside for him in advance with those people, who had been in close contact with the deceased for one reason or another. In order to complete the burial, the grave would be opened up, i.e. the earth would be taken out of the entrance pit and the stone slab covering the grave would be moved to one side. Then someone, possibly the most senior of the persons taking part in the ceremony or a very close relative, would descend and make his way into the grave through the narrow access

tunnel 60-70 cm high. He would move to one side the remains from the preceding burial «out of the way» and thus prepare the place for the next deceased person.

The deceased had to be laid out in accordance with a strict set of rules depending upon his social and civic status and with due attention being paid to the sex of the deceased. The first revealing detail was whether the deceased was lying with his face or his back to the entrance into the grave. Both men or women could be laid out in either position. There were fewer skeletons lying with their back to the entrance than those facing the entrance and they had virtually no grave goods with them.

The next significant aspect of the position in which the deceased was laid out was the side on which he/she was lying. Regardless of sex the deceased might be lying on either the right or the left side. Yet it must be assumed that one and the same position for men and women had opposite implications. Most women were laid out in their graves facing the entrance and on their right side. This position must have corresponded to those male burials in which the deceased lay also facing the entrance but on his left side. These individuals during their life-time enjoyed identical social status. This also applies to those female burials when the woman is lying on her left side and male burials when the man is lying on his right side. It is now difficult to decide what social status various people enjoyed during their life-time, but to deny the existence of social distinctions in their society would be wrong.

It is difficult to say anything definite about children's skeletons, since it is impossible to establish the sex of the children. It would seem that the rules regarding the burials of children were not as rigid as those applying to adults.

For a total of 1,400 deceased in the graves of the Late Eneolithic period there are only 348 vessels, which would mean on average one vessel per four people. Yet this ratio needs drastic modification, since in a number of cases 3-4 vessels have been stacked one inside the other and designated for one and the same deceased person. In other words only 10% of the deceased had some pottery vessels placed in their graves. Approximately every tenth person was buried with a selection of vessels, and precisely a selected range not a haphazard collection connected with what was inside the vessels. Otherwise the vessels would not have been stacked one inside the other. The range was quite specific: a deep bowl, a globular cup or biconical vessel and a small pot. In general the vessels were smaller than those in the graves of the previous period, which can be explained by the larger number of the deceased. The vessels had to be smaller in size in order to take up less space.

Vessels were not produced specifically for burial ceremonies in this period as in the preceding periods.

Objects that had been the personal belongings of the deceased men and women were placed in their graves alongside them. This is particularly striking in relation to the women, who usually had jewellery buried with them: metal and bone hair-pins, earrings and temple-rings to adorn their hair, amulets and beads. Of particular importance were the small nails that did not serve a decorative function. Given that

they were found in the mouths of the buried women, they need to be regarded as the attribute of a specific rite, which it is yet possible fully to grasp. What is possible is that the nails were used to prevent the deceased from passing on undesirable information to ancestors: the tongue of the deceased was being nailed to the spot so to speak, so that the woman concerned could not blurt out what the ancestors, or rather their souls, should not learn. On one occasion only, a polished stone bead was found in conjunction with a male skeleton. There is no doubt that this had been part of a weapon, but even at this point in time it could have been an indication of status, as was often the case later on in the countries of the Near East and Central Asia. Flint arrow-heads probably served a magic or decorative function.

It should be noted that in the Late Eneolithic period the traditional practice of placing shells of terrestrial tortoises into graves, that had originated in the Early Eneolithic period, lived on. It would appear that the shells were linked in some way with helping the soul of the deceased find peace at the end of his or her wanderings. These shells were by no means placed in every grave.

Finally among these graves but without any apparent system a considerable number of fragments of large vessels were found which, as far as their shapes were concerned, corresponded to the smaller vessels found inside the graves of the SWT-V period. It is possible that during the burials or after them it was customary to hold funeral feasts in memory of the deceased and in order to set their souls to rest.

CULTURAL AFFILIATIONS AND QUESTIONS OF CHRONOLOGY

The territory within which sites containing grey-black ware dating from the Late Eneolithic period (SWT-V) were found remains the same as those for the preceding periods. The cultural range of the SWT-V period develops logically from the range of the Middle Eneolithic period SWT-VI. There are no alien inclusions to be observed in the SWT-V range. At the same time there are some clear signs that at that time grey-black ware was beginning to spread from the region to the South-east of the Caspian Sea, in particular from the middle reaches of the Sumbar River, towards the North-east, into settlements in the central part of the piedmont plain of the Kopet Dagh mountains. During excavations of the upper building level of the Kara-tepe settlement quite a large quantity of sherds was found near Artyk and even whole greyware vessels and some of them were decorated with patterns that had been scratched on to their surfaces. Pottery of this type was found both in the habitation level of the settlement and also in the graves inserted into that habitation level but which dated from a later period. Among the vessels found there were deep bowls with straight rims, biconical vessels, beaker-shaped and spouted vessels which in the local ceramic assemblage had no prototypes or analogies. All this testifies to the fact that these vessels must have been imported. Given that many greyware vessels were found in graves it is only natural to assume that they stemmed from South-western Turkmenistan.

Traces of strong influence exerted by newcomers bearing grey-black pottery of the Late Eneolithic period in South-western Turkmenistan can also be traced in the settlements of the Tedzhen valley and delta (referred to as Ariya in Classical sources). In the Geoksyur «tholoi» and in one of the burials immediately beneath those «tholoi» small globular pots grey-black in colour were found and one of them was decorated with a pattern of grooves typical only for the SWT-V period. Yet the most interesting pointer to the arrival of newcomers from the Sumbar Valley was found in «tholos A», the first to have been excavated in 1957. In the teeth of a female skull a «miniature copper pin» was found. As was to emerge a quarter of a century later this was a copper nail — a typical element of the burial rite for the Middle and Late Eneolithic period recorded in the burials of the Parkhai II burial-ground.

The above-listed finds make it possible to establish that graves of the SWT-V period coincide with the end of the Namazga-II period and the very beginning of the Namazga-III period. This period, if we take into account the finds of rare sherds with polychrome painted decoration of the Jemdet-Nasar (Mesopotamia) type in the levels of that period and also the spread of depictions of snow-leopards among the motifs in the painted decoration of the Namazga-III period typical for the sites of Central Iran (Sialk), can be dated to the end of the IV or beginning of the 3rd millennium BC. Other sites in the South of Central Asia, where grey-black vessels typical for South-western Turkmenistan might be found, have not yet come to light. More likely than not there were none, since the dispersion of the bearers of black-grey pottery from the territory of Ancient Hyrcania had only just started and had not penetrated far in either an eastern or a northern direction. Yet what there was proved sufficient to set in motion the population of the regions adjacent to Hyrcania, in particular that of the northern piedmont plain of the Kopet Dagh mountains. At this stage such movement was hardly perceptible: it was to manifest itself unmistakably during the Early Bronze Age in the SWT-IV period, but the process began at the very end of the IV and beginning of the 3rd millennium.

CONCLUSION

Investigations of the Parkhai II burial-ground have demonstrated most convincingly that the population of this region made the transition to an agricultural economy at the same time as the population from the northern piedmont plain of the Kopet Dagh mountains. Moreover the population of both cultural-historical regions had common roots within Transcaspia as a whole, where there existed a single cultural substratum, represented by Neolithic Jeitun pottery and Early Eneolithic pottery of the Namazga-I and SWT-VII types. Given the very early period under discussion this may well indicate that there was also a shared language and genetic substratum.

The divergence of these regions in the cultural respect is recorded as taking place in the Middle Eneolithic period, in the Namazga-II and SWT-VI periods. As far as the material culture is concerned this is manifested in the striking emergence of polychrome decoration on the vessels in the first area — the northern piedmont plain of the Kopet Dagh mountains — and in the transition to the manufacture of grey-black vessels in the second — South-western Turkmenistan. Both these processes are closely linked to each other, insofar as they follow on from one and the same phenomenon — change in the technology of manufacturing pottery vessels. Polychrome painted decoration became possible with the use of specialized kilns for firing pottery, the very earliest of which date to the Namazga II period.

Now let us turn to grey-black ware. There is still no answer to the three main questions: when? where? and why? — in other words when it appeared, where it appeared and why it should have done so. After the excavation of the Parkhai II burial-ground it is possible to attempt to answer these three questions.

In the first place grey ware appeared in the graves of the Early Eneolithic period — SWT-VII. No grey-black ware of any earlier date has been encountered anywhere in Central Asia or the Near East. Therefore we have every reason to assert that grey-black ware appeared in the region to the South-east of the Caspian at the beginning of the 4th millennium BC.

Secondly, in the clearly defined ceramic assemblages of the graves from the Middle Neolithic period (SWT-VI) ranges of pottery vessels are encountered which consist of old painted vessels and new grey-black vessels. The new vessels faithfully echo the features of the old shapes, among which there are deep bowls, cups with straight walls and small globular pots: for example, the 2 holes on the rims of the painted deep bowls are repeated on the grey deep bowls, as are also the looped handles on the small globular pots. This enables us to conclude that it is precisely the region to the South-east of the Caspian Sea which is the place where grey-black ware first emerged and then spread throughout the Near East and Central Asia.

Thirdly we need to answer the question as to what the reason was for the emergence of grey-black ware and this too can be found with reference to the materials from the Parkhai II burial-ground. There exist 2 regimes for firing pottery — oxidation and reduction. The first is effected with ample access to oxygen achieved under piles of fuel in special kilns with open flames. As a result of this firing methods, the clay vessels would acquire a pale, pink or red colour because of the inevitable presence of iron oxides in the clay. Firing by reduction involved little or no oxygen resulting in grey-black pottery due to the lack of oxidation.

Other characteristic items produced in this region were the copper hair-pins with bispiral and disc-shaped terminals. Before work began on the excavation of the Parkhai II burial-ground no more than ten examples had been recorded in the whole of the Orient. In graves of the Middle and Late Eneolithic here 42 examples of varying size and quality of workmanship were found. There is every reason to regard these

artefacts as very much local products and to see their spread to neighbouring territories as a reflection of the way in which the population moved beyond the Sumbar Valley and the northern foothills of the Elburz mountains.

Another question of interest in this connection is the construction of graves in the Eneolithic period — not so much its origin as its subsequent development. In the Eneolithic period graves built partly below the ground with artificial wood-and-earth roofs did not undergo any structural changes. Unfortunately we know nothing of the graves of the Neolithic period and we cannot make any assumptions about their appearance. All that can be said is that in the Eneolithic period the number of the deceased in the graves increased, which was probably connected with growth in the population as a whole and also with the growth in the number of families, each of which had its own grave over several generations. As the families were not of any regular or established size it is also impossible to know how many generations they could survive without inter-marriage. Similar trends are to be observed in connection with the development of pottery found in the graves: in the earlier graves — those of the Early and Middle Eneolithic periods — the vessels that were found did not undergo deliberate miniaturization. The trend in that direction emerged only in the Late Eneolithic period and this process became particularly conspicuous in the graves of the Early Bronze Age in the SWT-IV period.

This means that if we work back to the origins of the funeral rite of the ancient population in the Sumbar Valley it is possible to assume that the ordinary Eneolithic grave could have developed from individual burials in grave pits, which would not have had to be opened up for subsequent burials.

The destiny of these graves has been examined in great detail and specialist publications have been devoted to the subject. Therefore with reference to the latter and without repeating arguments already put forward, suffice it to say that it is precisely here that we need to seek the origin of the catacombs — those of the SWT-II period and the Sumbar Culture of the Late Bronze Age and also those of the Great Steppe belt in Southern Russia and the Ukraine. This of course is a question all of its own, but light has already been shed on it in the relevant literature. The region to the South East of the Caspian Sea is the only place where the origins of catacombs have been archaeologically proved — as specific burial structures of the Middle and Late Bronze Age of Eurasia.

Even in our times the valley of the middle reaches of the Sumbar river is a well-endowed area as far as its natural properties are concerned. In the periods we have been discussing the resources of the valley were such that it guaranteed optimal conditions for the existence of the local population. Evidently descriptions of the natural conditions may well have spread through the region to the South-east of the Caspian Sea, through the distribution area of grey-black burnished pottery. It is precisely the combination of these conditions that encouraged the gradual but

uninterrupted growth of the population from those parts, which in the Late Eneolithic period entered into a stage of geometric progression and intensified.

In the beginning this was reflected in the fact that the number of graves increased in the SWT-V period: at the same time the number of the deceased in each grave was also increasing. All this may indicate the growth in the number of families in a clan settlement and the population as a whole. This testifies to an increase in relative overpopulation, because while the need for food products was increasing, the quantity of the latter remained virtually at the same level as before. The only way out of the situation that had arisen was for people to migrate elsewhere, which was indeed what happened.

Comparison of the materials from Geoksyur and Parkhai II (obtained after an interval of 21 years between the two excavation projects) regarding small nails in the jaws of the deceased in the two places makes it possible to look afresh at the archaeological artefacts and to assess them again and reinterpret them. It is now possible to maintain that the «tholois» at Geoksyur not only appeared under the influence of the population of South Western Turkmenistan but that they testify to the arrival of a new population, that they were created by that new population. The newcomers, who evidently came not as individuals but in families or some other kind of family units, retained a number of their customary practices in their everyday life, in particular funerary rites — the most conservative element in any culture. Yet building graves that were partly underground for family burials is something they would not have been able to do because of the lack of firm earth in the artificial hill, on which the settlement stood. Given that the graves had to be built anyway, a compromise solution reached: a pit was dug out, in which a multi-arched domed edifice was erected which ensured there was adequate space inside the grave, where several burials could be enacted. The entrance was erected at the top of the structure, although there would appear to be examples of the more usual side entrances as well.

The arrival of a new population in the northern piedmont plain of the Kopet Dagh mountains and in the ancient Tedzhen delta could not fail to have demographic consequences. As regards the piedmont plain it is difficult to say definitely, but there would appear to have been traditional links with the more easterly areas — in particular the settlements of the Geoksyur oasis, to which surplus population used to migrate from time to time. As regards the Geoksyur oasis itself, when it began to dry out, the balance between the ecology and the needs of the population was an uneasy one: the newcomers bearing grey-black ware from the West disturbed the equilibrium. A significant proportion of the native population began to move eastwards — indeed so far that typical Geoksyur pottery was found as far away as the upper reaches of the Zerafshan River in the ancient Sarazm settlement.

This meant that the main event in the Eneolithic period of South-western Turkmenistan was the beginning of the major population shift across the expanses of Central Asia, which began on a relatively modest, inconspicuous scale and then in the Early, and to some extent in the Middle Bronze Age, acquired a «global» scale. It was precisely at that time that the foundations for the emergence of many modern peoples of Eurasia were laid.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

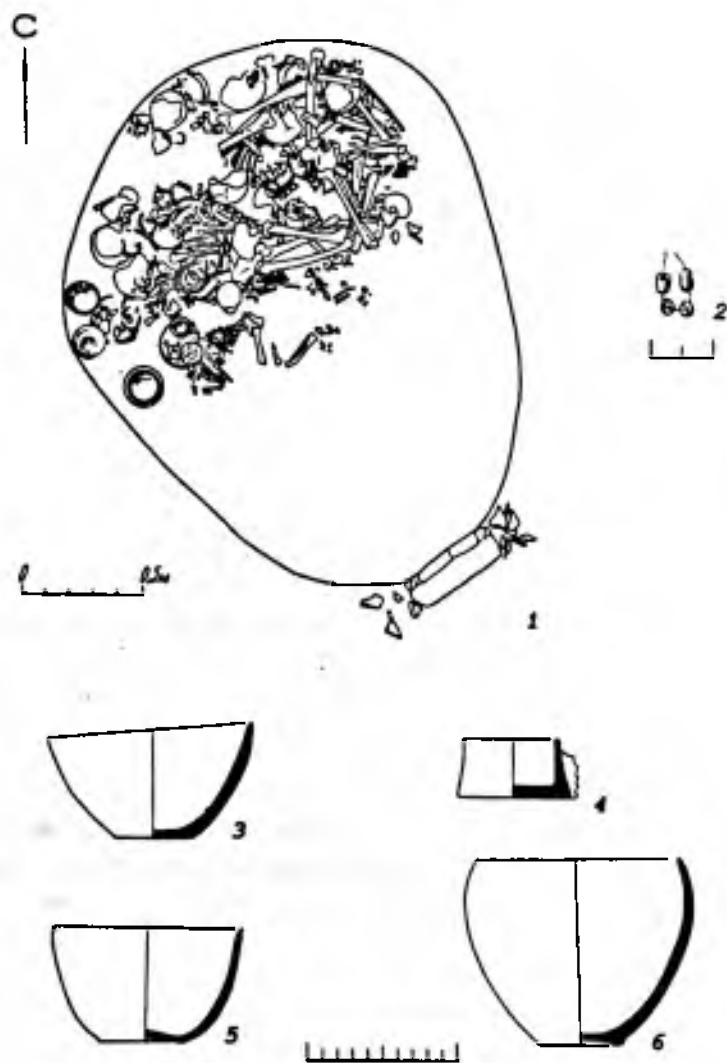

Табл. 1. Камера 120: 1 — план погребения; 2 — бусы; 3-6 — сосуды.

Pl. 1. Grave 120: 1 — plan of Grave; 2 — beads; 3-6 — vessels.

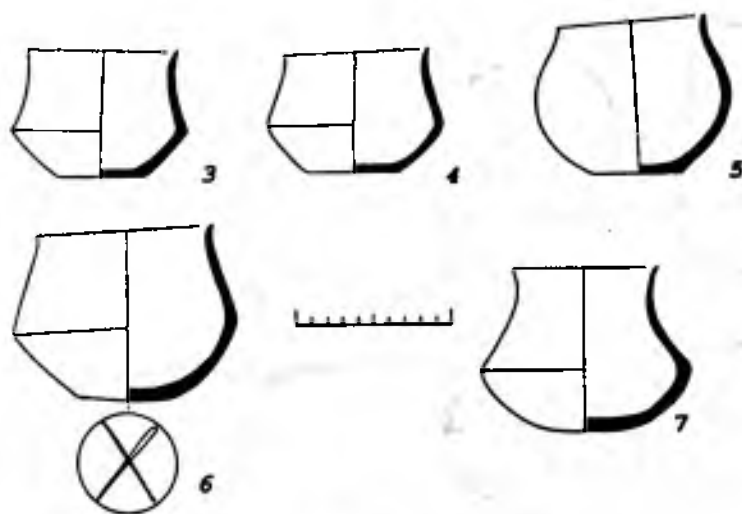
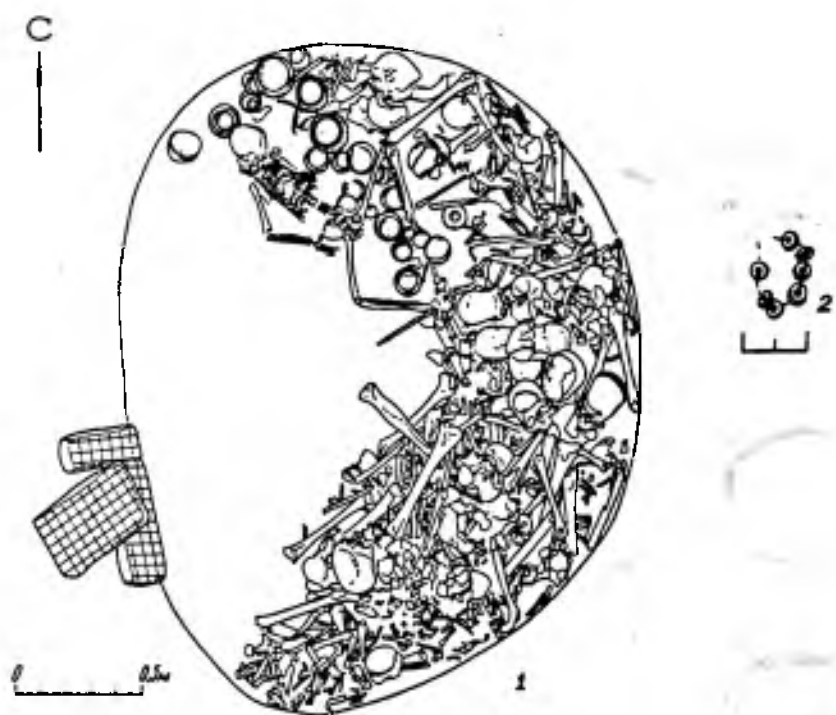

Табл. 2. Камера 121: 1 — план погребения;
2 — бусы; 3-7 — сосуды.

Pl. 2. Grave 121: 1 — plan of Grave;
2 — beads; 3-7 — vessels.

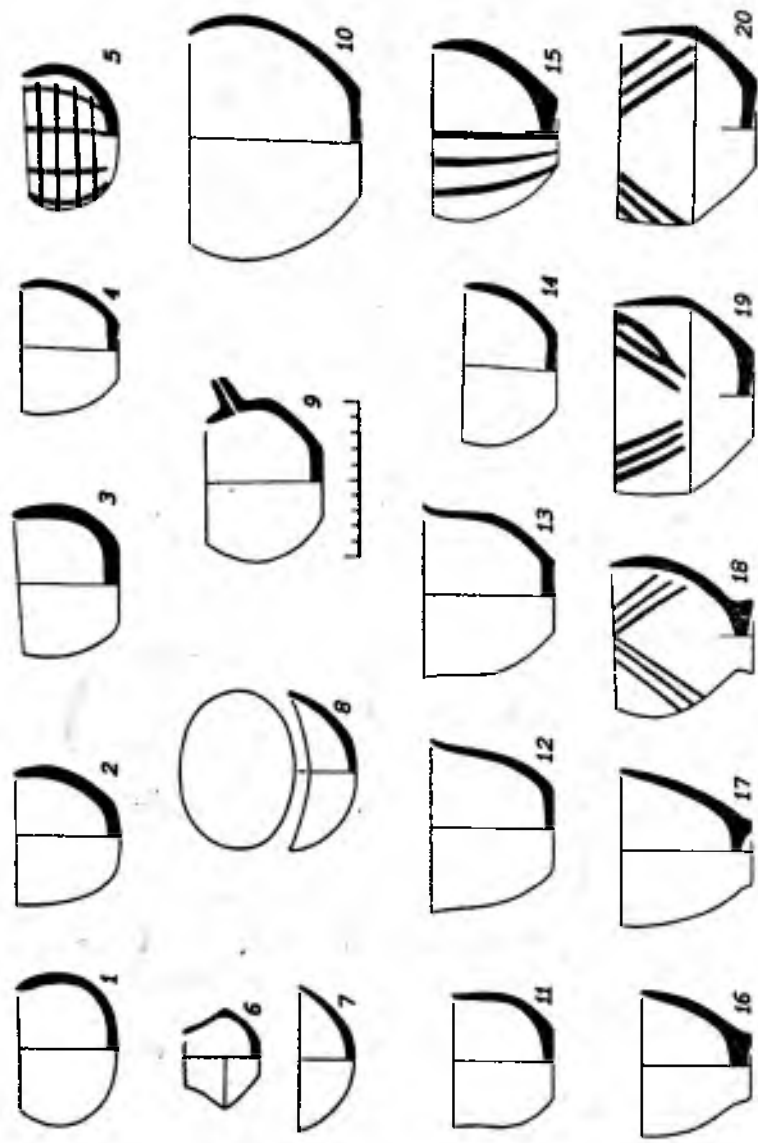

Табл. 3. Камера 121: 1-20 — сосуды.

Pl. 3. Grave 121: 1-20 — vessels.

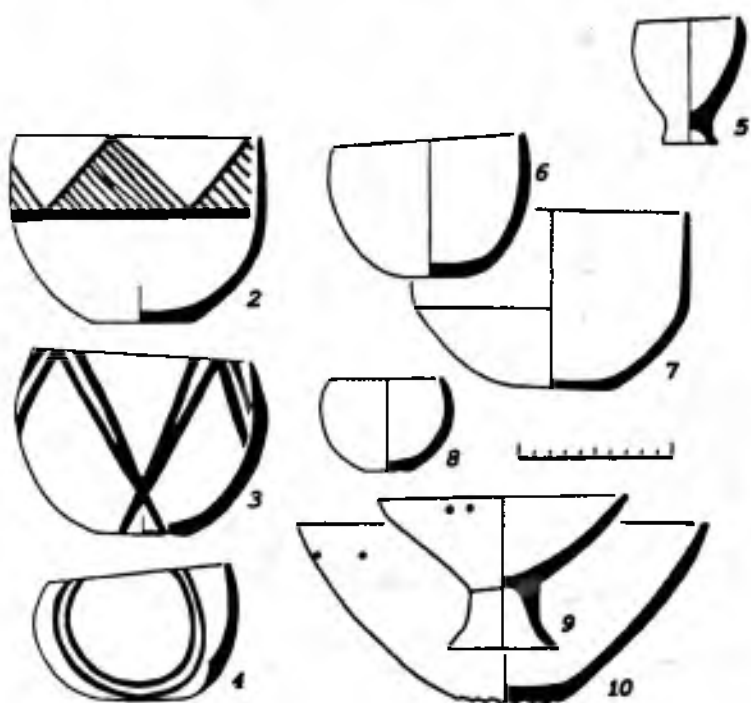
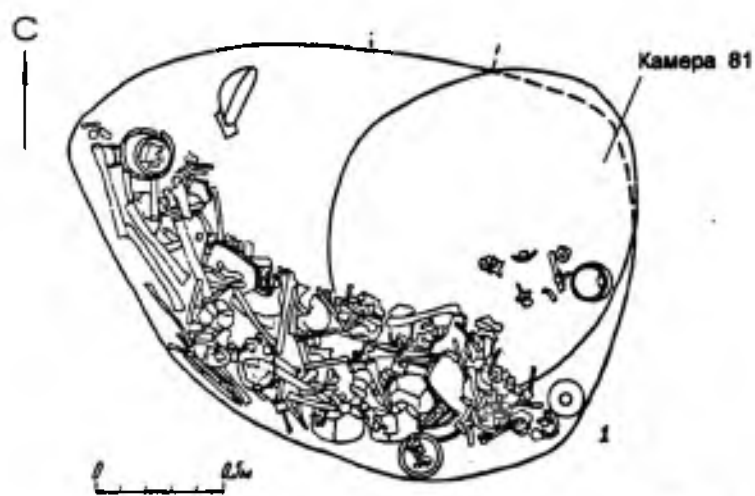

Табл. 4. Камера 93: 1 — план погребения; 2-10 — сосуды.

Pl. 4. Grave 93: 1 — plan of Grave; 2-10 — vessels.

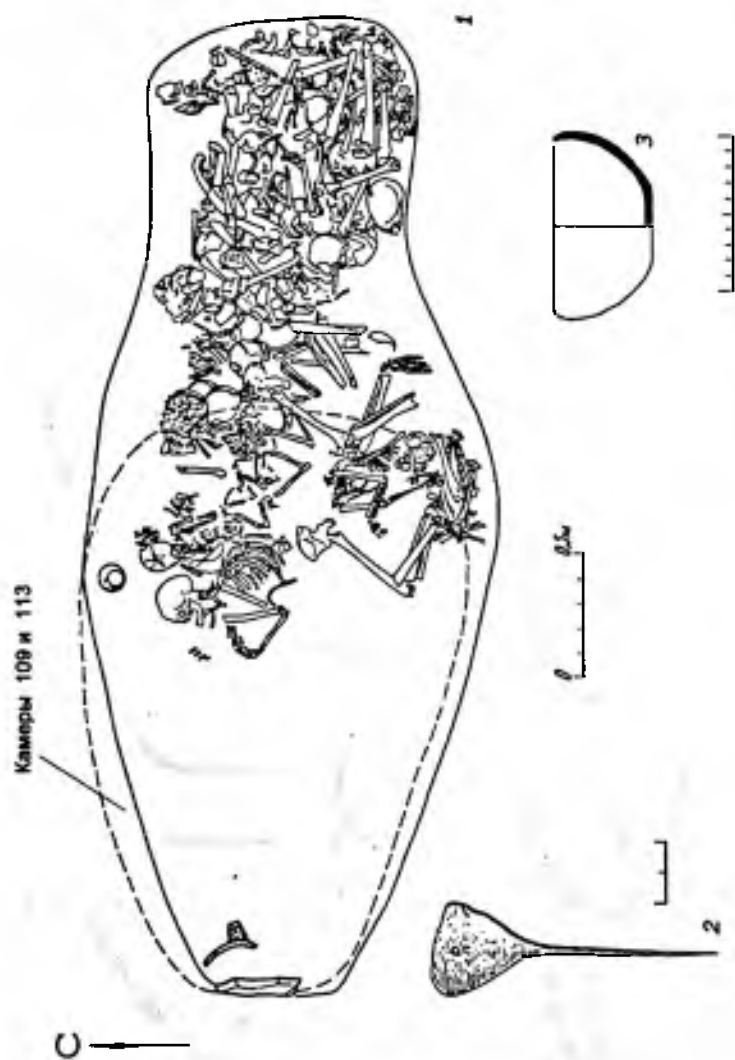

Табл. 5. Камера 117, нижний ярус: 1 — план погребения; 2 — медная булавка; 3 — сосуд.
 Pl. 5. Lower level of Grave 117: 1 — plan of Grave; 2 — copper pin; 3 — vessel.

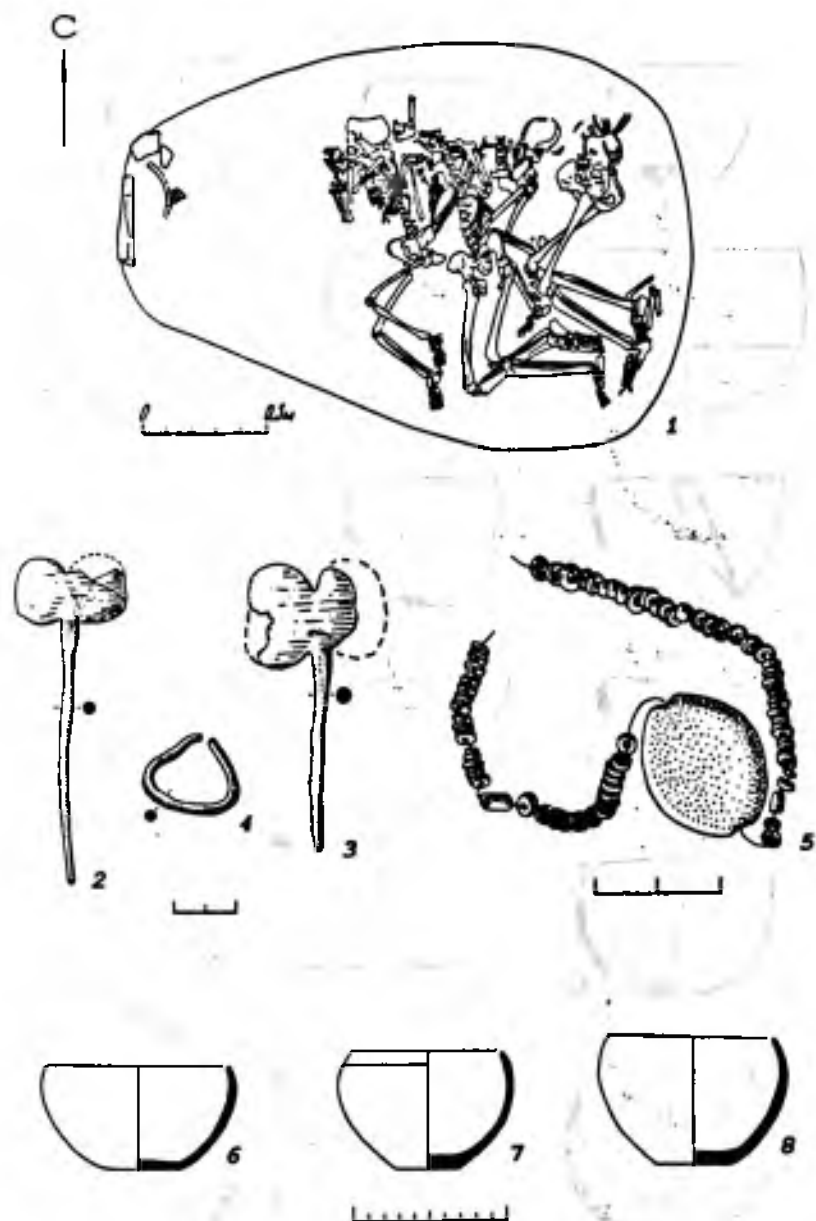

Табл. 6. Камера 117, верхний ярус: 1 — план погребения; 2, 3 — медные булавки; 4 — медное кольцо; 5 — бусы и пронизка; 6-8 — сосуды.

Pl. 6. Upper level of Grave 117: 1 — plan of Grave; 2-3 — copper pins; 4 — copper ring; 5 — beads and a spacer-bead; 6-8 — vessels.

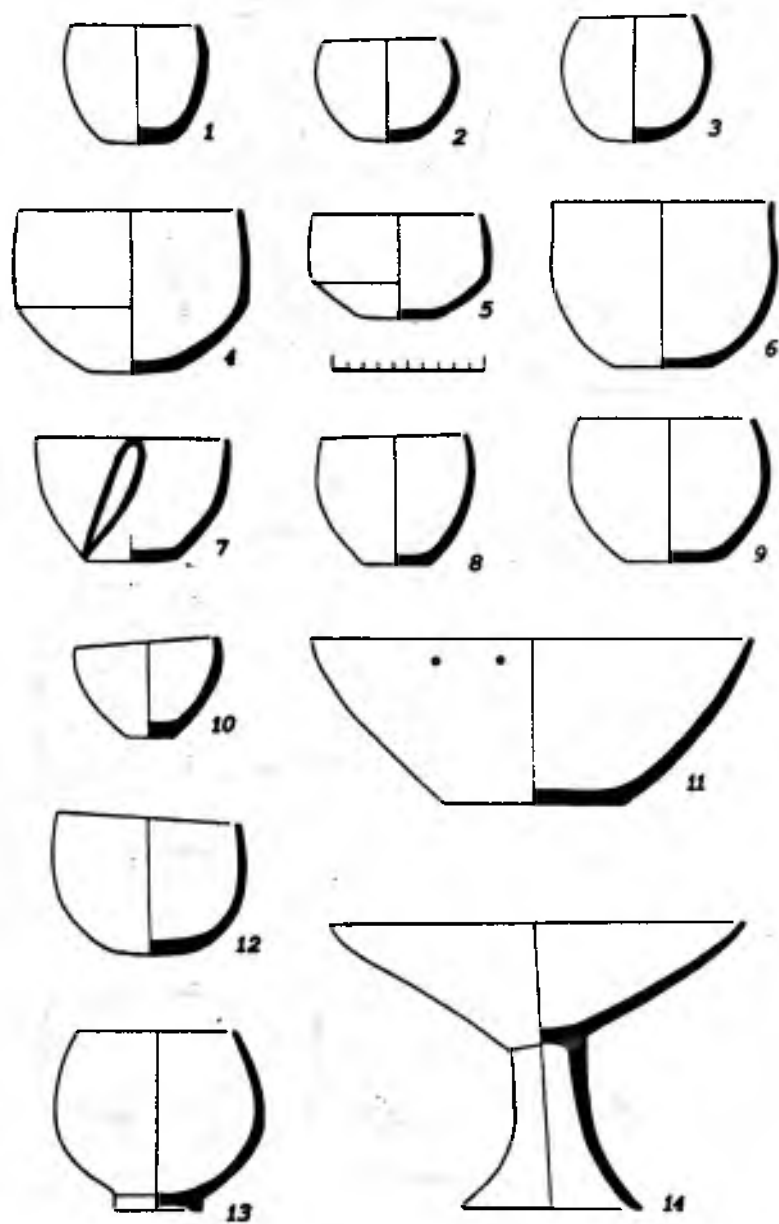

Табл. 7. Камера 117, верхний ярус: 1-14 — сосуды.

Pl. 7. Vessels from upper level of Grave 117.

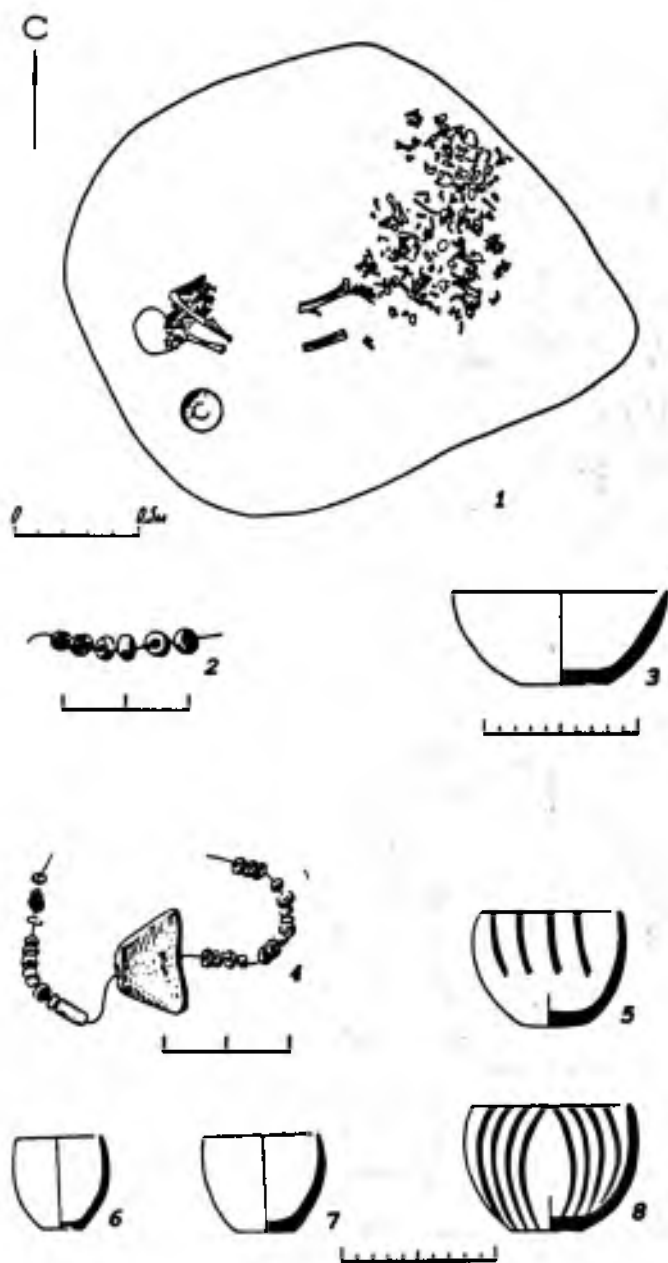

Табл. 8. Камера 134, нижний ярус: 1 — план погребения; 2 — бусы; 3 — сосуд. Камера 135: 4 — бусы и пронизка; 5-8 — сосуды.

Pl. 8. Lower level of Grave 134: 1 — plan of Grave; 2 — beads; 3 — vessel. Grave 135: 4 — beads and a spacer-bead; 5-8 — vessels.

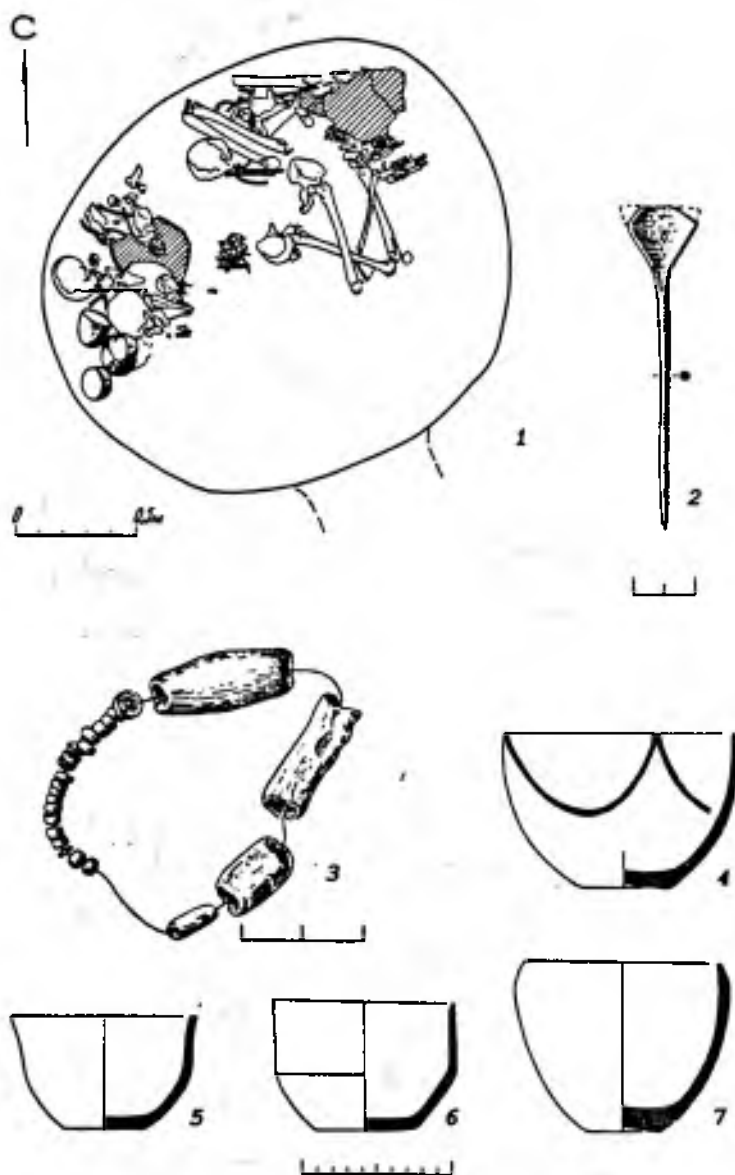

Табл. 9. Камера 134, верхний ярус: 1 — план погребения;
2 — медная булавка; 3 — бусы; 4-7 — сосуды.

Pl. 9. Upper level of Grave 134: 1 — plan of Grave;
2 — copper pin; 3 — beads; 4-7 — vessels.

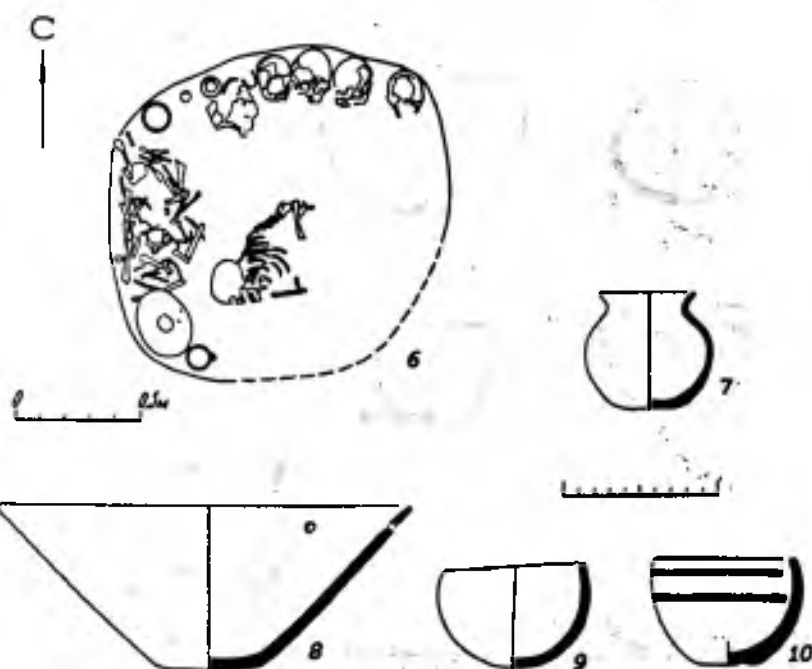
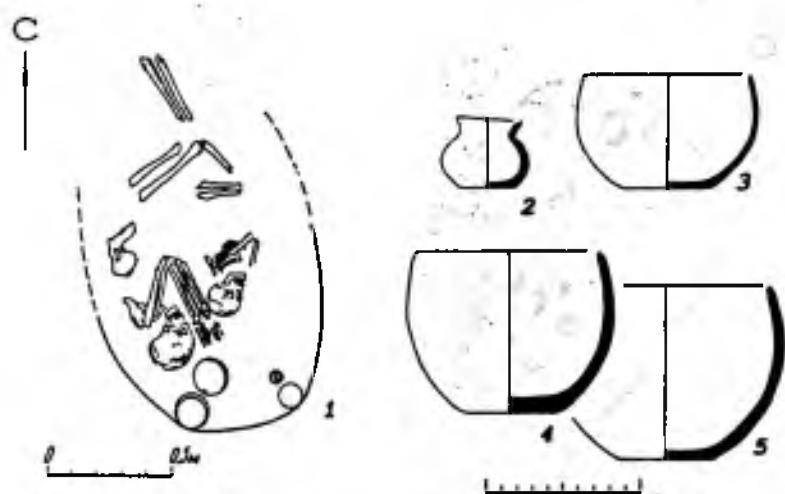

Табл. 10. Камера 148: 1 — план погребения; 2-5 — сосуды.

Камера 150: 6 — план погребения; 7-10 — сосуды.

Pl. 10. Grave 148: 1 — plan of Grave; 2-5 — vessels.

Grave 150: 6 — plan of Grave; 7-10 — vessels.

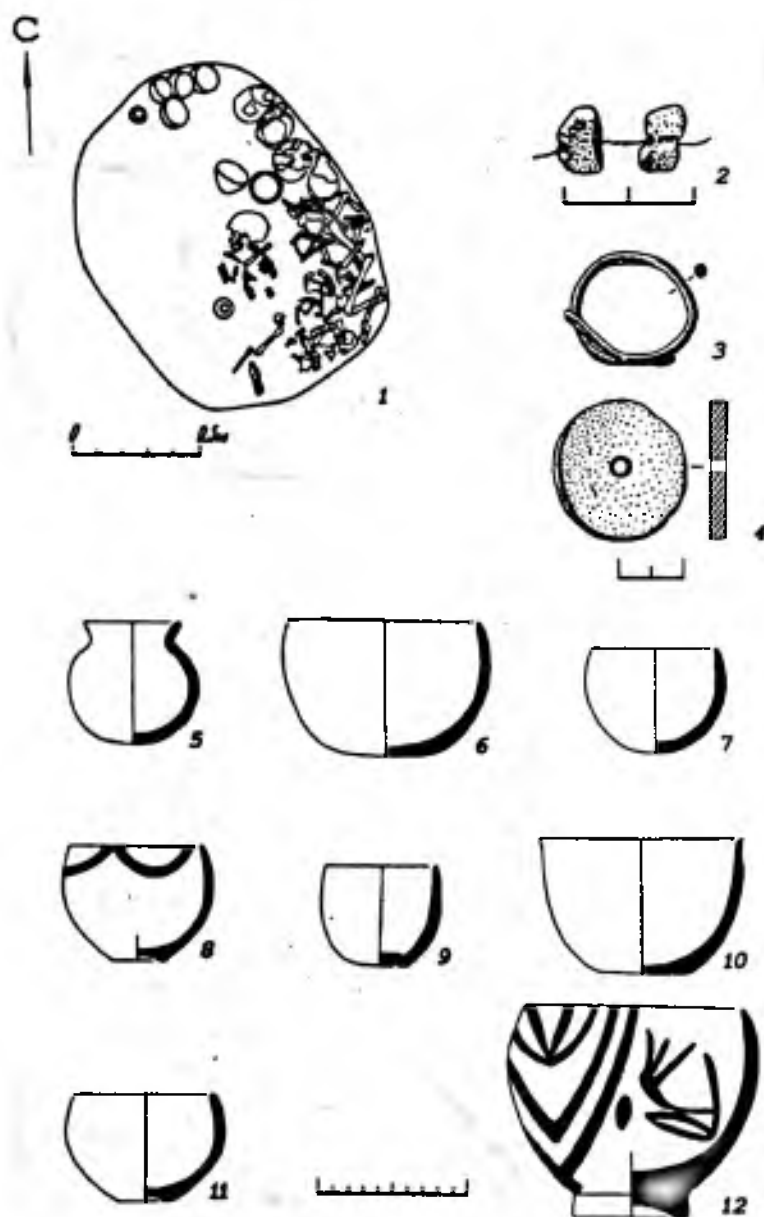

Табл. 11. Камера 152: 1 — план погребения; 2 — бусы; 3 — медное кольцо; 4 — пряслице из черепка расписного сосуда; 5-12 — сосуды.

Pl. 11. Grave 152: 1 — plan of Grave; 2 — beads; 3 — copper ring; 4 — spindle-whorl made from a sherd of a painted vessel; 5-12 — vessels.

Табл. 12. Камера 153/155: 1 — план погребения; 2, 3 — медные колечки; 4-7 — медные гвоздики.

Pl. 12. Grave 153/155: 1 — plan of Grave; 2, 3 — copper rings; 4-7 — copper nails.

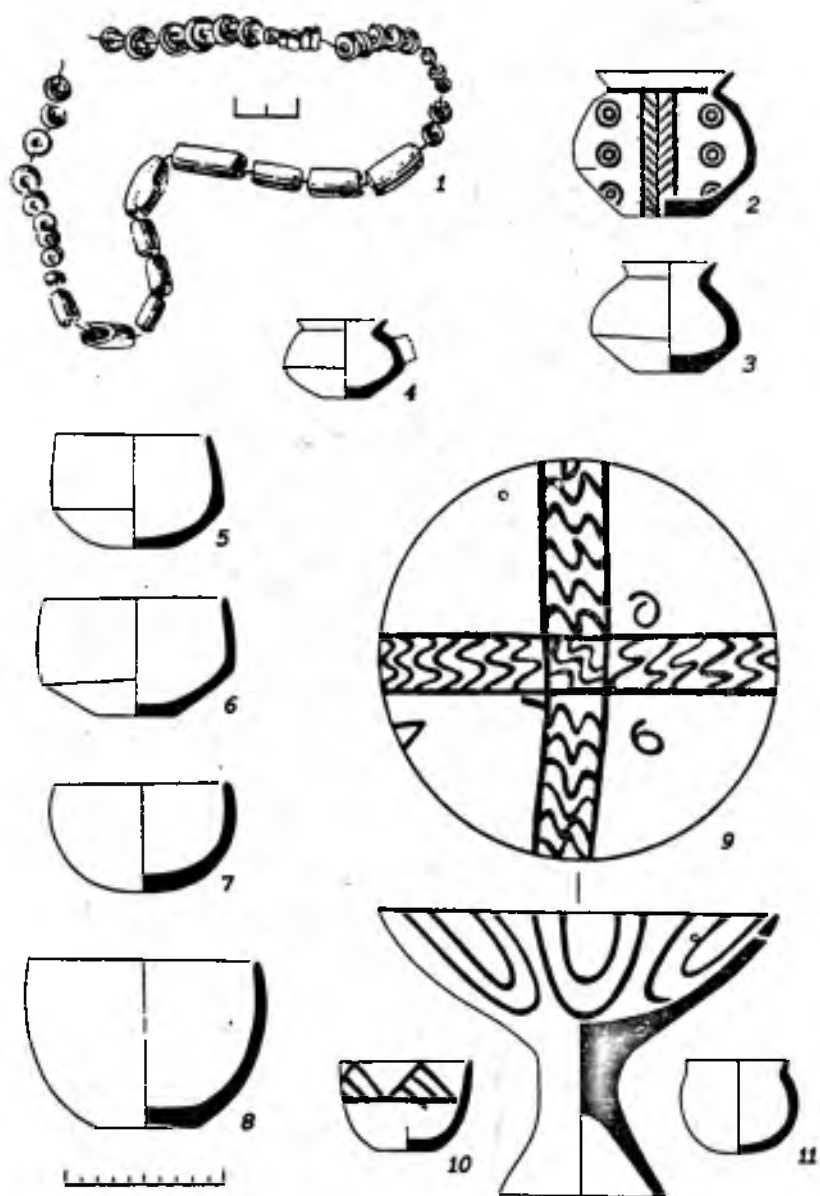

Табл. 13. Камера 153/155: 1 — бусы; 2-11 — сосуды.

Pl. 13. Grave 153/155: 1 — beads; 2-11 — vessels.

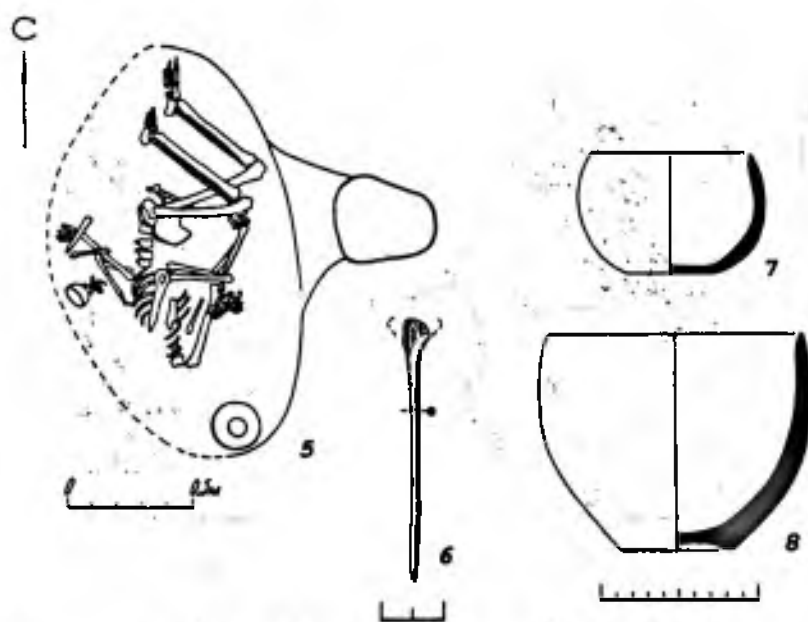
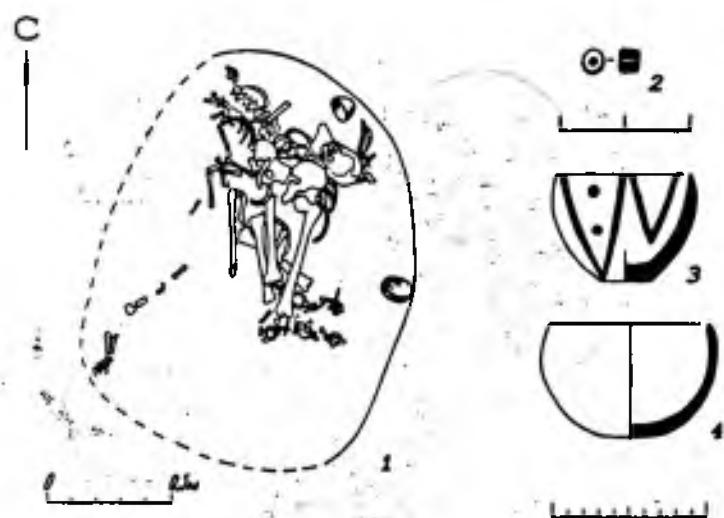

Табл. 14. Камера 164: 1 — план погребения; 2 — бусина; 3, 4 — сосуды.
Камера 213: 5 — план погребения; 6 — медная проколка; 7, 8 — сосуды.

Pl. 14. Grave 164: 1 — plan of Grave; 2 — bead; 3-4 — vessels.
Grave 213: 5 — plan of Grave; 6 — copper pin; 7, 8 — vessels.

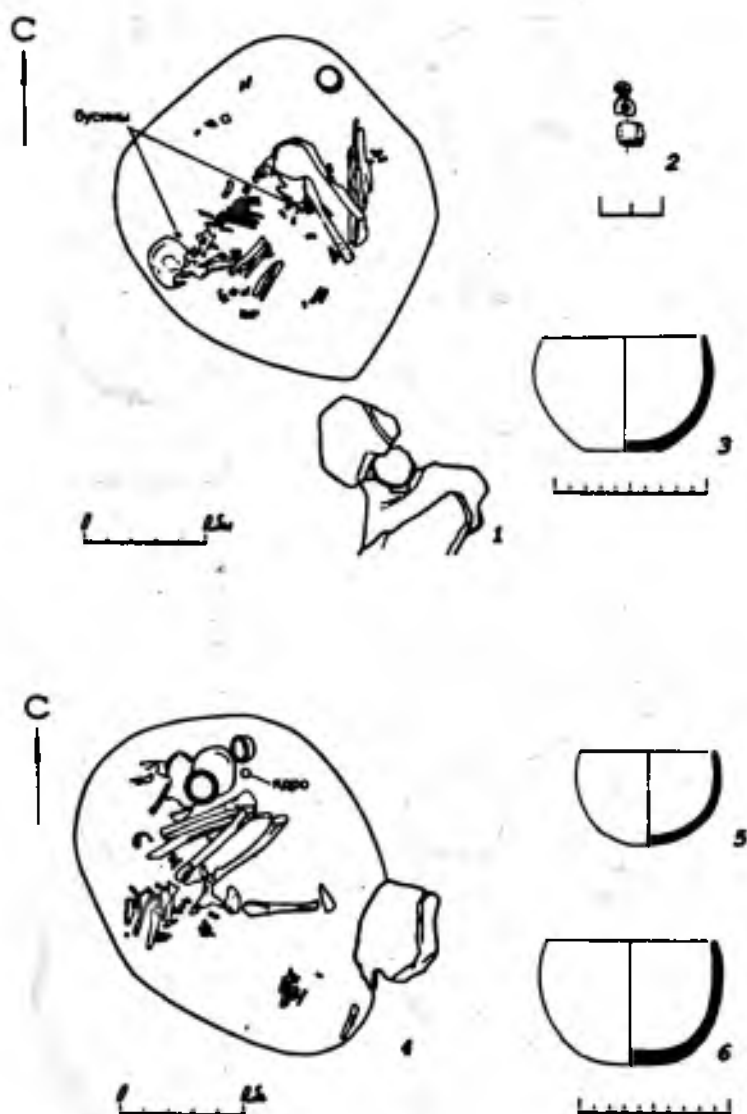

Табл. 15. Камера 236: 1 — план погребения; 2 — бусы; 3 — сосуд.
Камера 237: 4 — план погребения; 5, 6 — сосуды.

Pl. 15. Grave 236: 1 — plan of Grave; 2 — beads; 3 — vessel.

Grave 237: 4 — plan of Grave; 5, 6 — vessels.

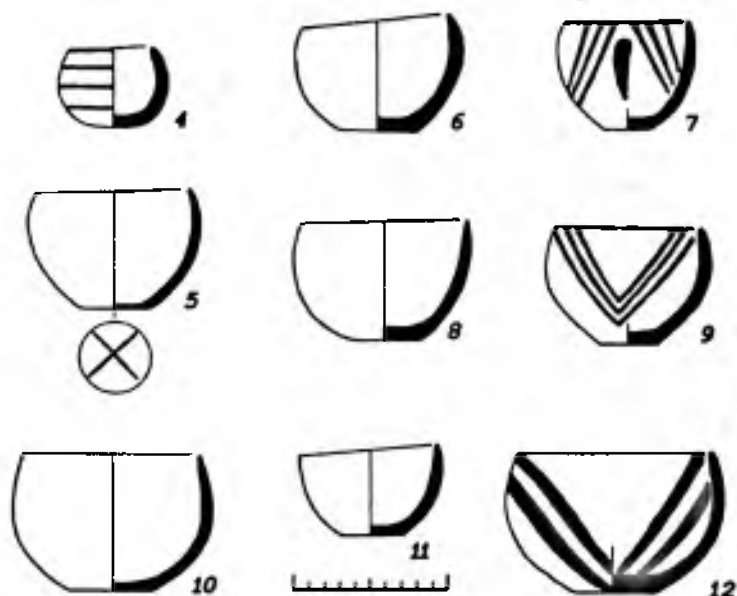
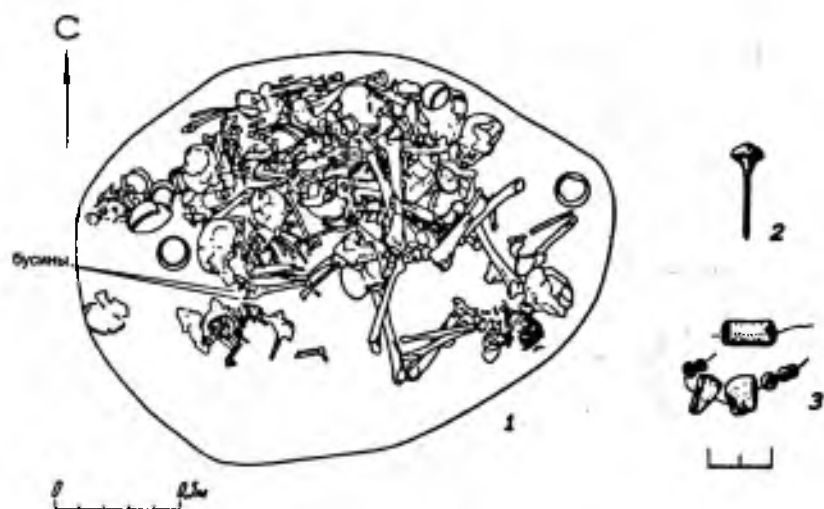

Табл. 16. Камера 238: 1 — план погребения; 2 — медный гвоздик; 3 — бусы; 4-12 — сосуды.

Pl. 16. Grave 238: 1 — plan of Grave; 2 — copper nail; 3 — beads; 4-12 — vessels.

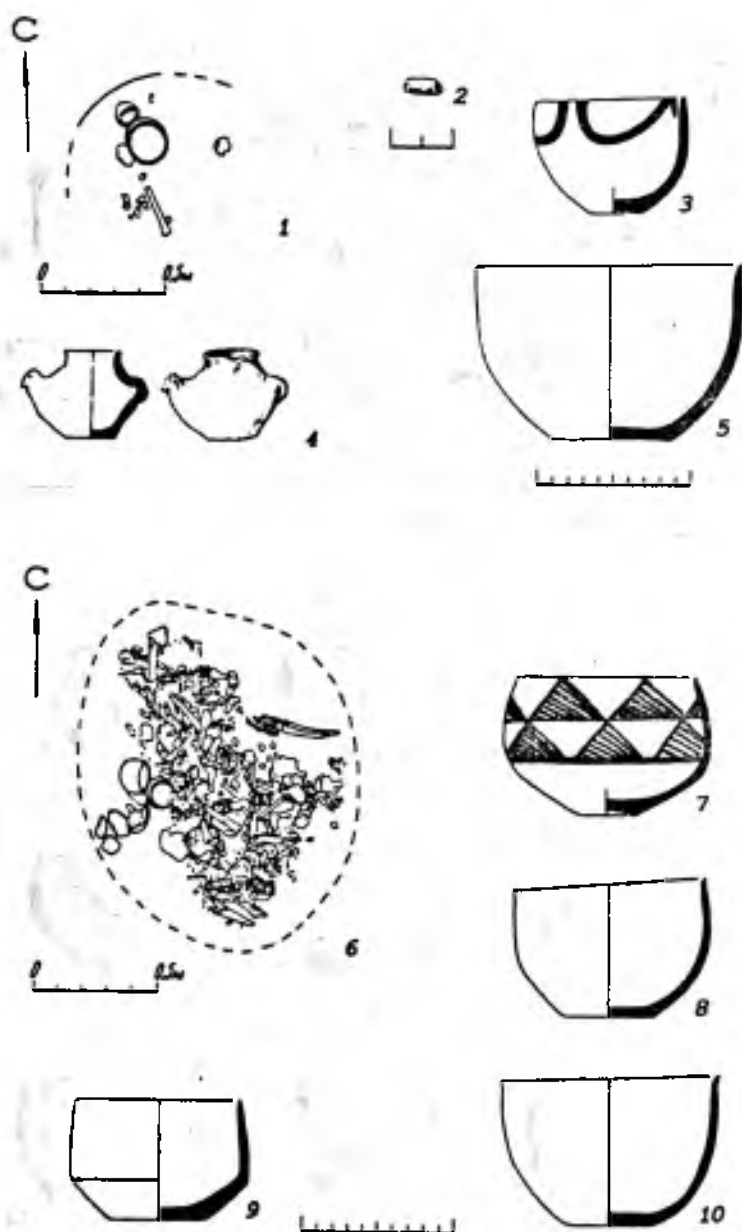

Табл. 17. Камера 240: 1 — план остатков погребения; 2 — бусина; 3-5 — сосуды. Камера 250: 6 — план погребения; 7-10 — сосуды.

Pl. 17. Grave 240: 1 — remains of Grave; 2 — bead; 3-5 — vessels.

Grave 250: 6 — plan of Grave; 7-10 — vessels.

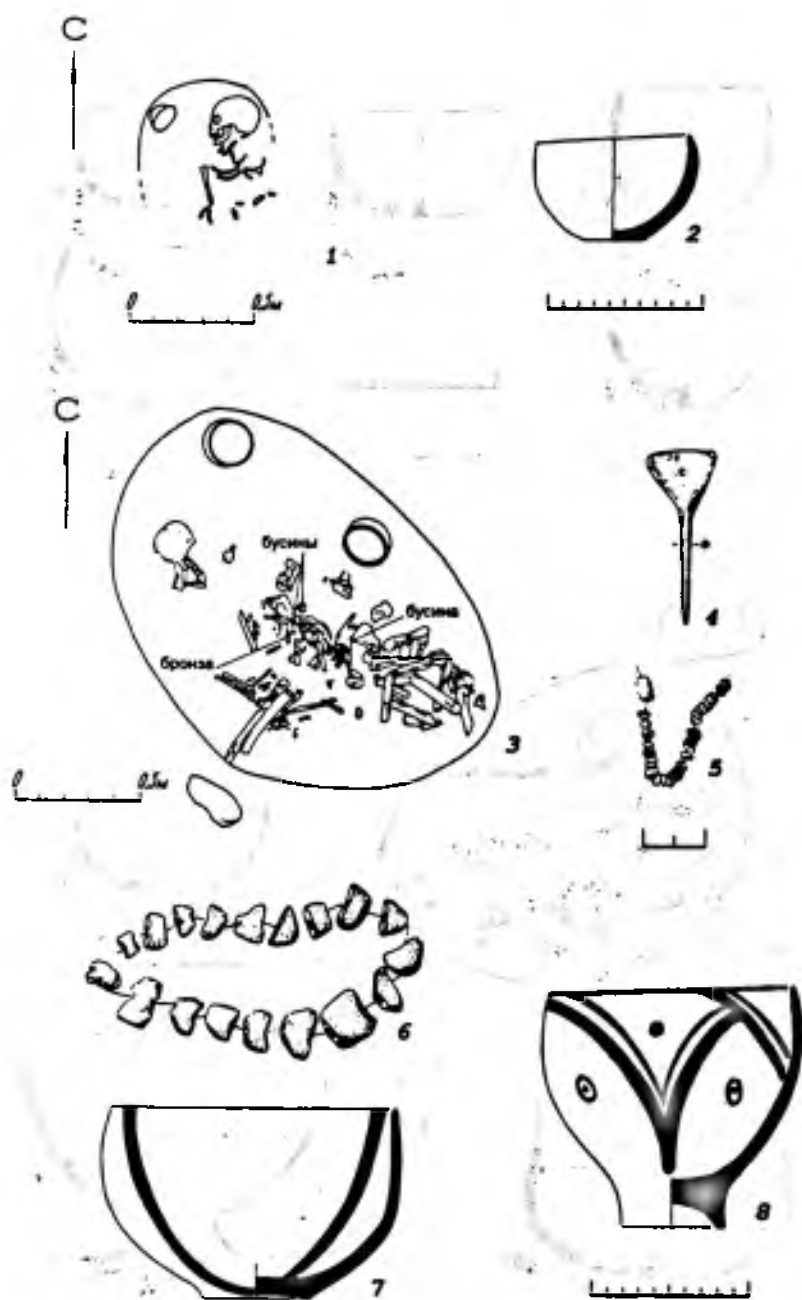

Табл. 18. Камера 214: 1 — план погребения; 2 — сосуд. Камера 241; 3 — план погребения; 4 — медный предмет; 5, 6 — бусы; 7, 8 — сосуды.

Pl. 18. Grave 214: 1 — plan of Grave; 2 — vessel. Grave 241: 3 — plan of Grave; 4 — copper object; 5, 6 — beads; 7, 8 — vessels.

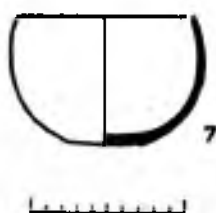
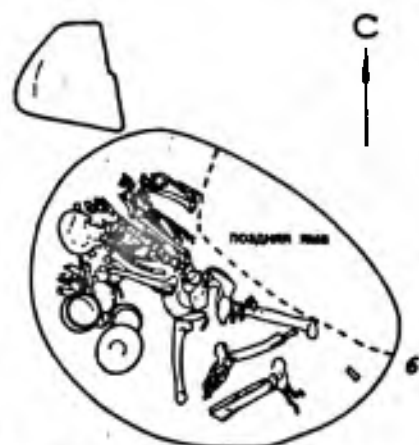
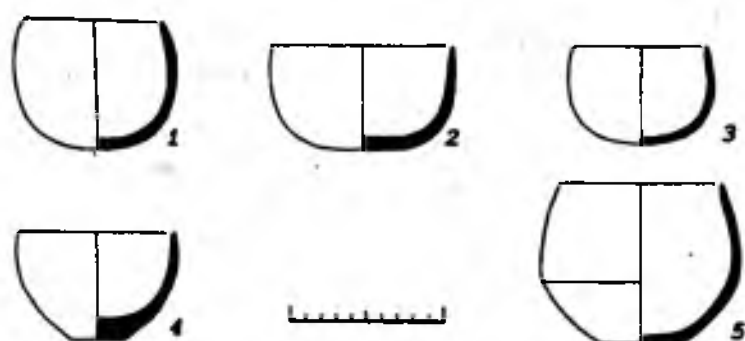

Табл. 19. Камера 242: 1-5 — сосуды. Камера 248:
6 — план погребения; 7-9 — сосуды.

Pl. 19. Grave 242: 1-5 — vessels. Grave 248:
6 — plan of Grave; 7-9 — vessels.

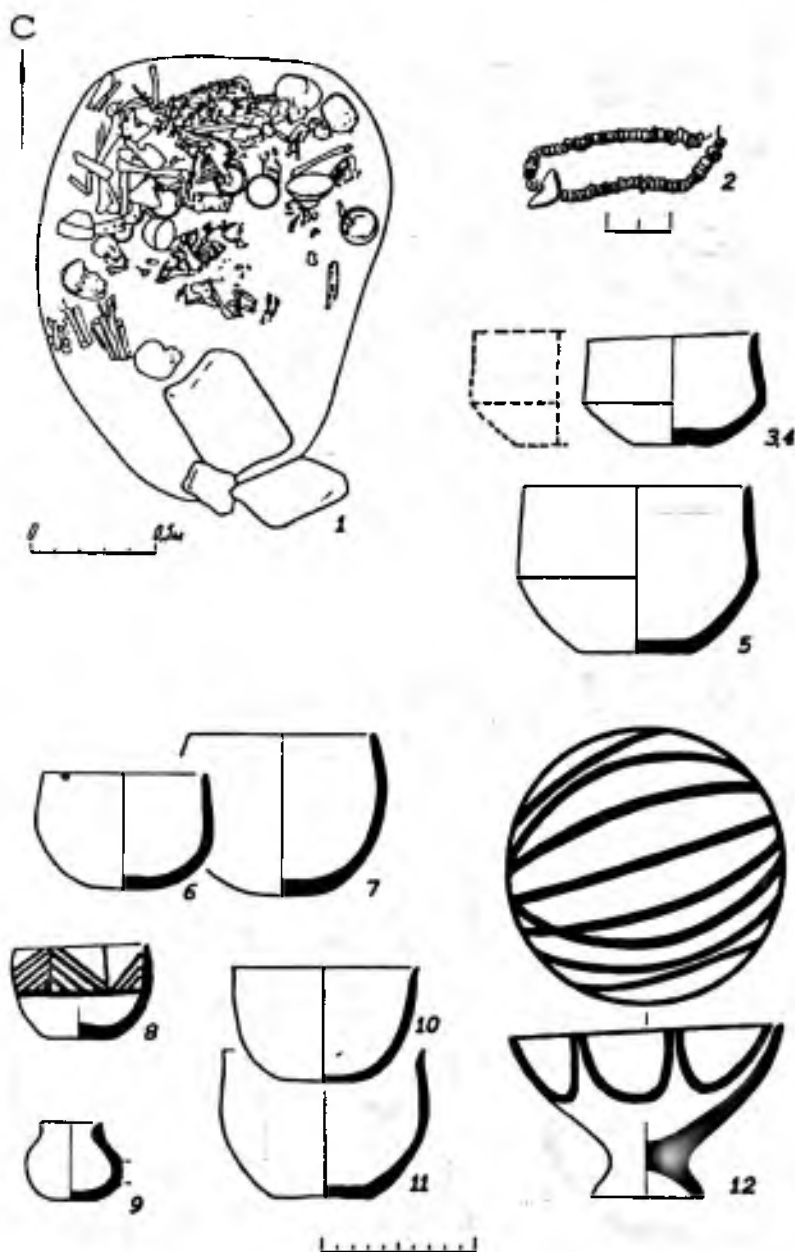

Табл. 20. Камера 245: 1 — план погребения; 2 — бусы;
3-12 — сосуды.

Pl. 20. Grave 245: 1 — plan of Grave; 2 — beads;
3-12 — vessels.

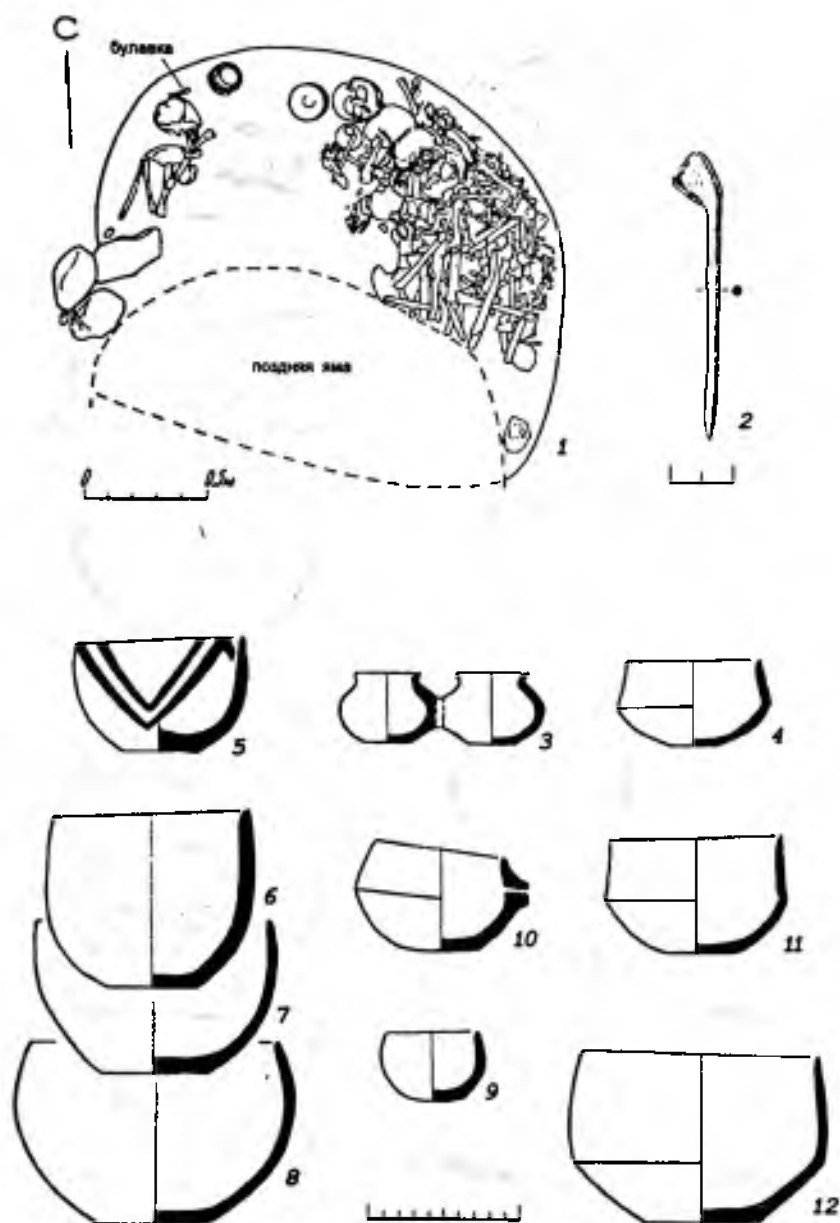

Табл. 21. Камера 249: 1 — план погребения; 2 — медный предмет; 3, 4 — сосуды из выброса; 5-12 — сосуды из камеры.

Pl. 21. Grave 249: 1 — plan of Grave; 2 — copper object; 3, 4 — redeposited vessels; 5-12 — vessels from grave.

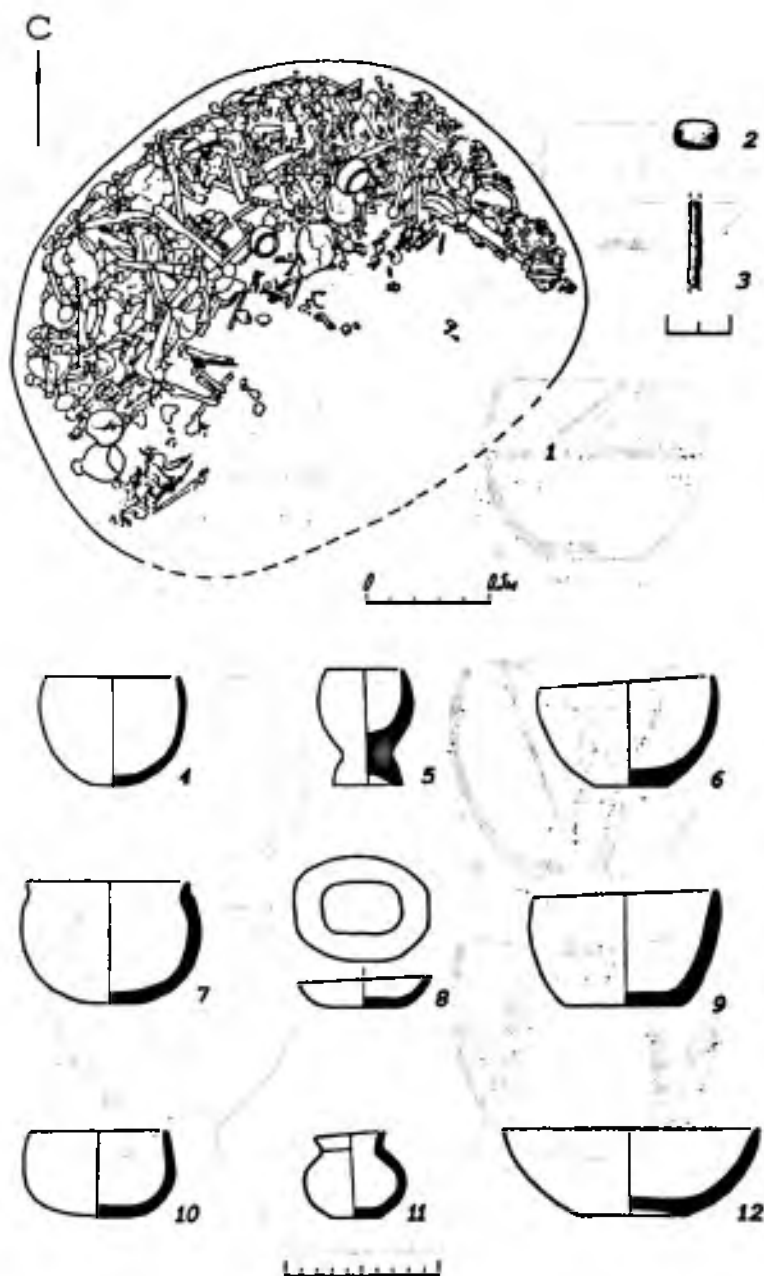

Табл. 22. Камера 252: 1 — план погребения; 2 — бусина;
3 — обломок медного стержня; 4-12 — сосуды.

Pl. 22. Grave 252: 1 — plan of Grave; 2 — bead;
3 — fragment of a copper rod; 4-12 — vessels.

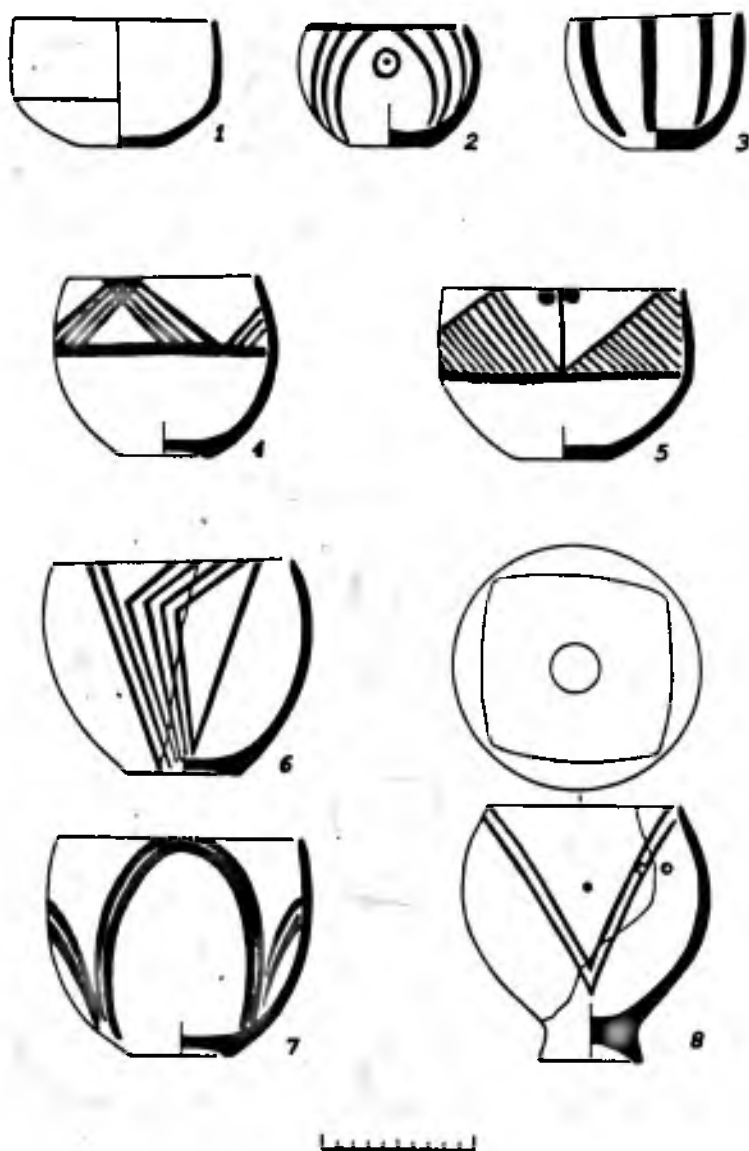

Табл. 23. Камера 252: 1-8 — сосуды.

Pl. 23. Grave 252: 1-8 — vessels.

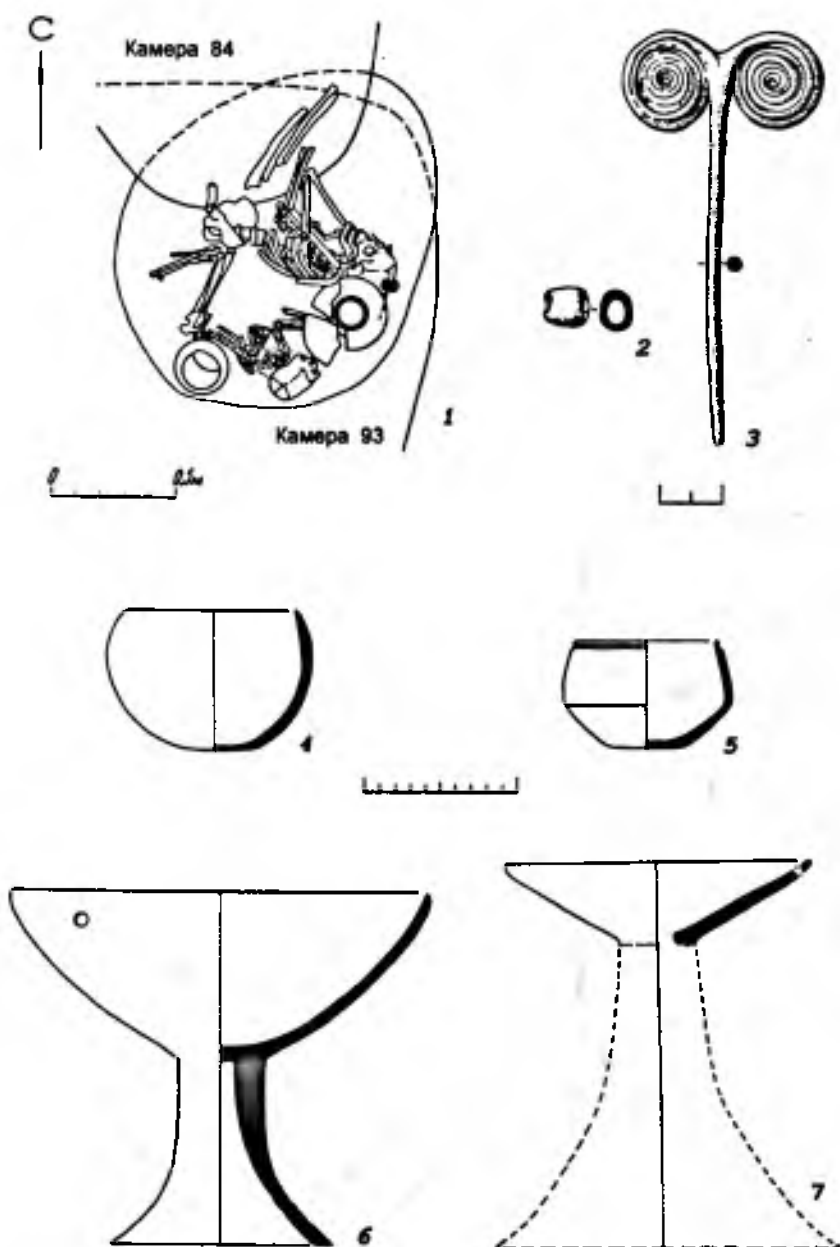

Табл. 24. Камера 81: 1 — план погребения; 2 — костяная бусина;
3 — медная булавка; 4-7 — сосуды.

Pl. 24. Grave 81: 1 — plan of Grave; 2 — bone bead;
3 — copper pin; 4-7 — vessels.

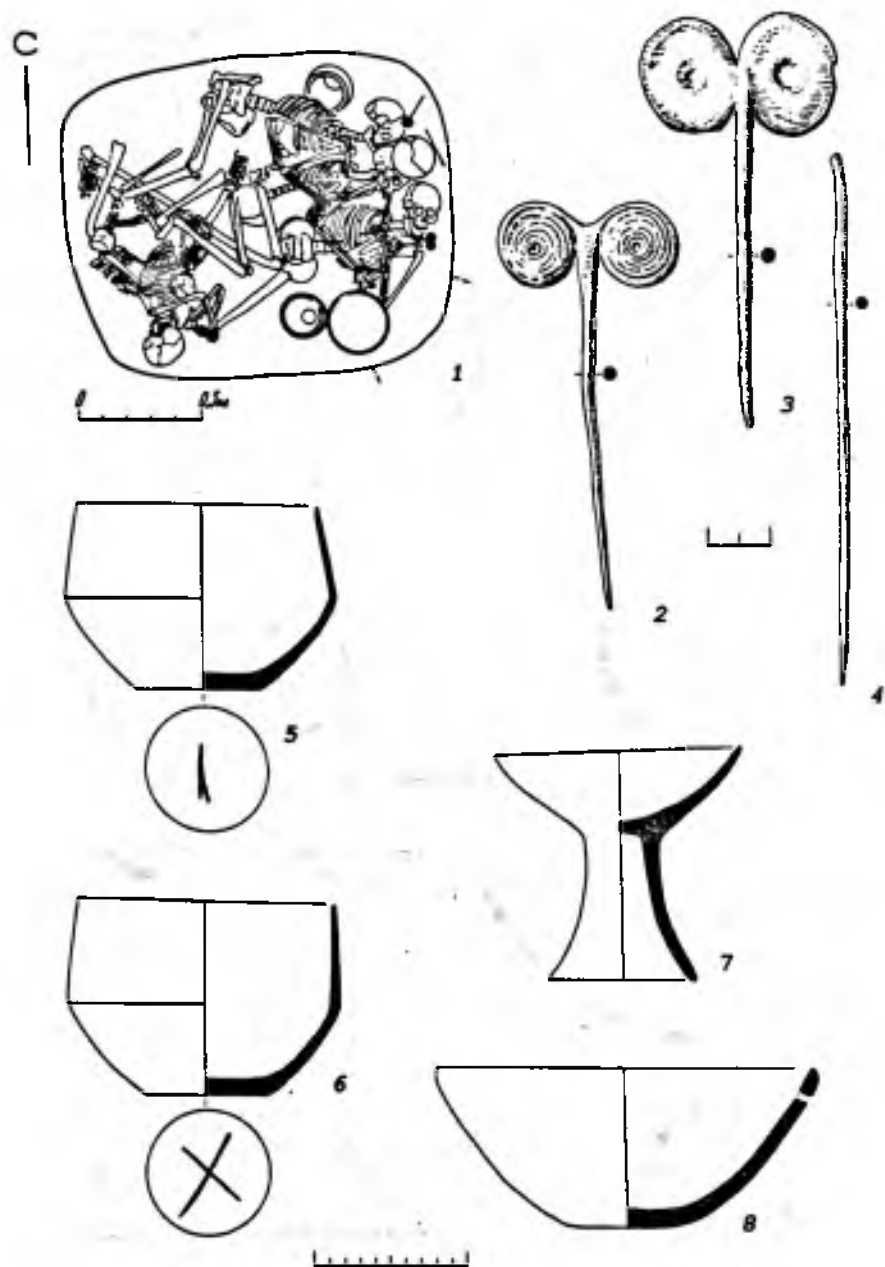

Табл. 25. Камера 94: 1 — план погребения; 2-4 — медные булавки; 5, 6 — сосуды.

Pl. 25. Grave 94: 1 — plan of Grave; 2-4 — copper pins; 5-6 — vessels.

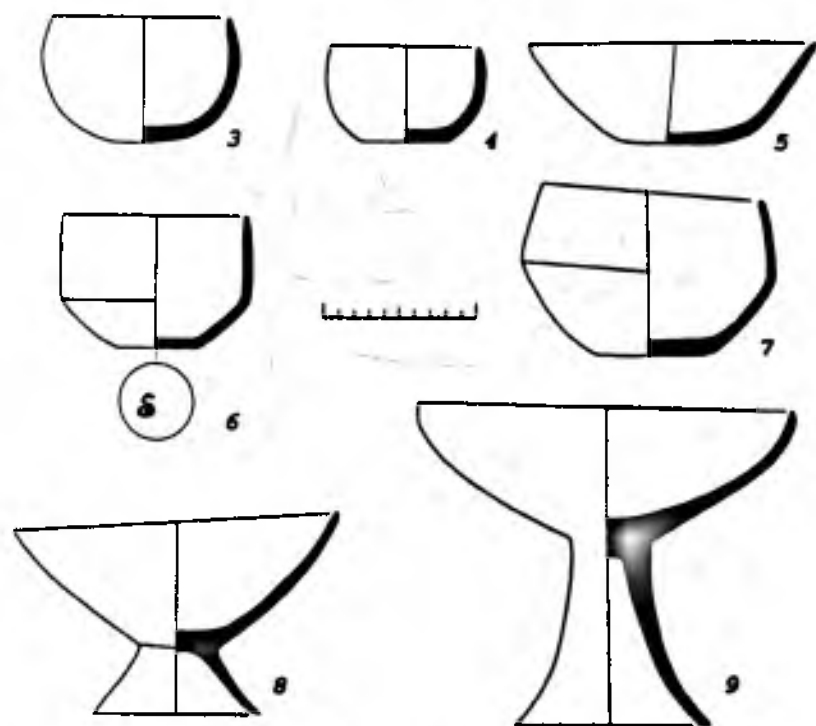
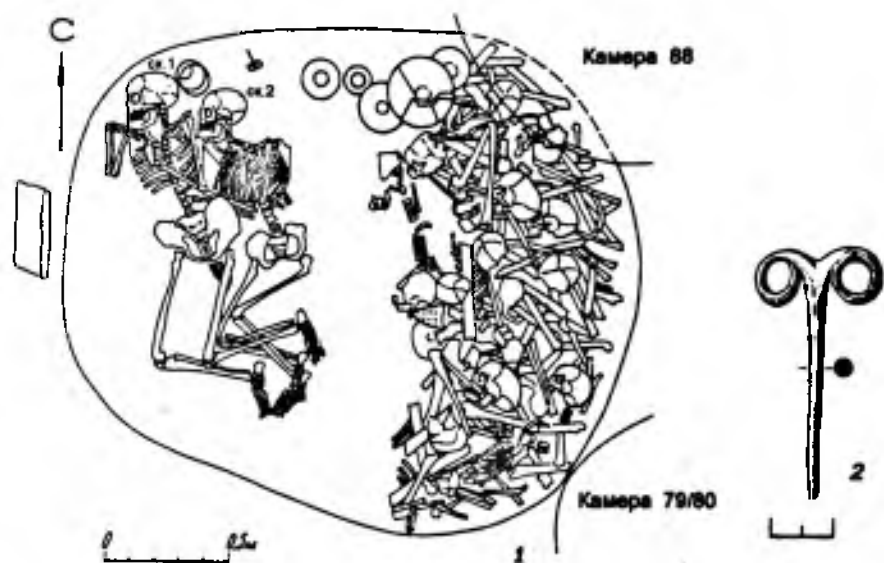

Табл. 26. Камера 96: 1 — план погребения;
2 — медная булавка; 3-9 — сосуды.

Pl. 26. Grave 96: 1 — plan of Grave;
2 — copper pin; 3-9 — vessels.

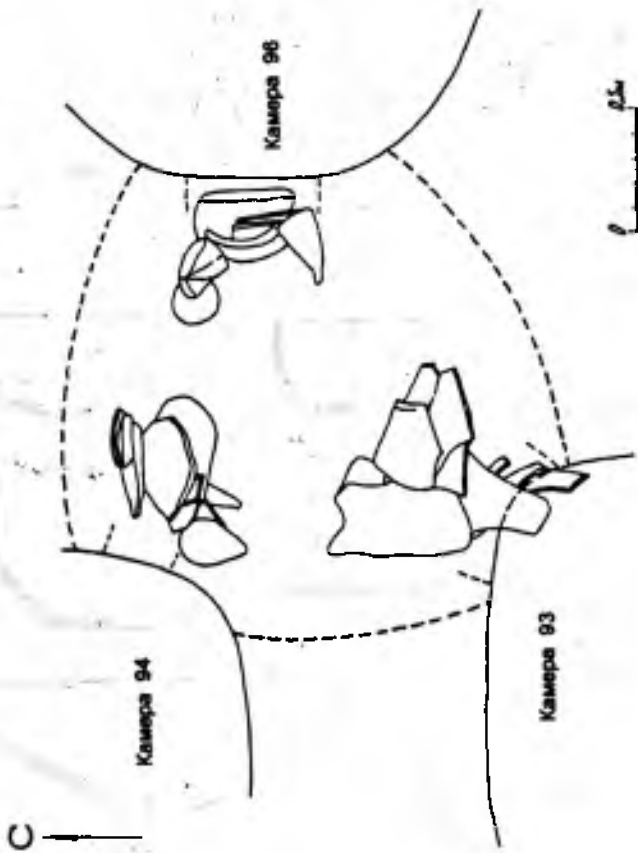

Табл. 27. Заклады входов в камеры 93, 94 и 96.
Pl. 27. Blocked doorways of Graves 93, 94, 96.

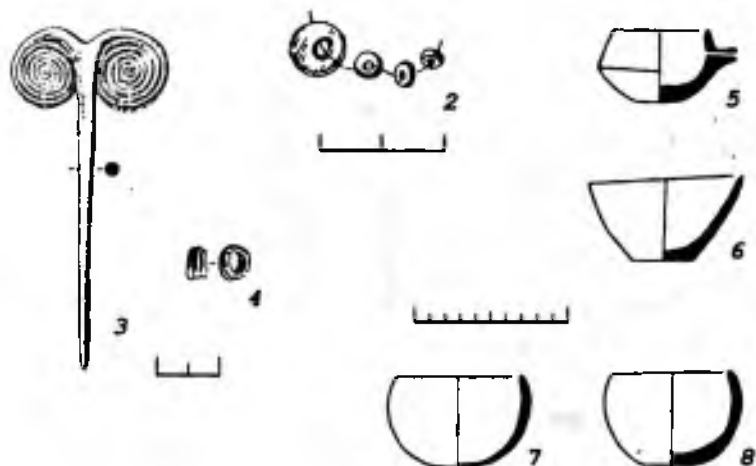
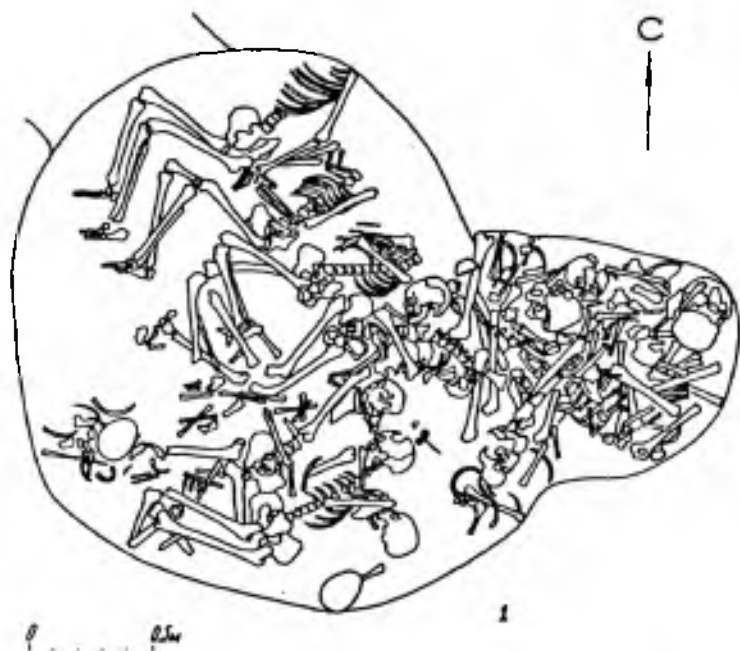

Табл. 28. Камера 142: 1 — план погребения; 2 — бусы; 3 — медная булавка; 4 — медное кольцо; 5-8 — сосуды.

Pl. 28. Grave 142: 1 — plan of Grave; 2 — beads; 3 — copper pin; 4 — copper ring; 5-8 — vessels.

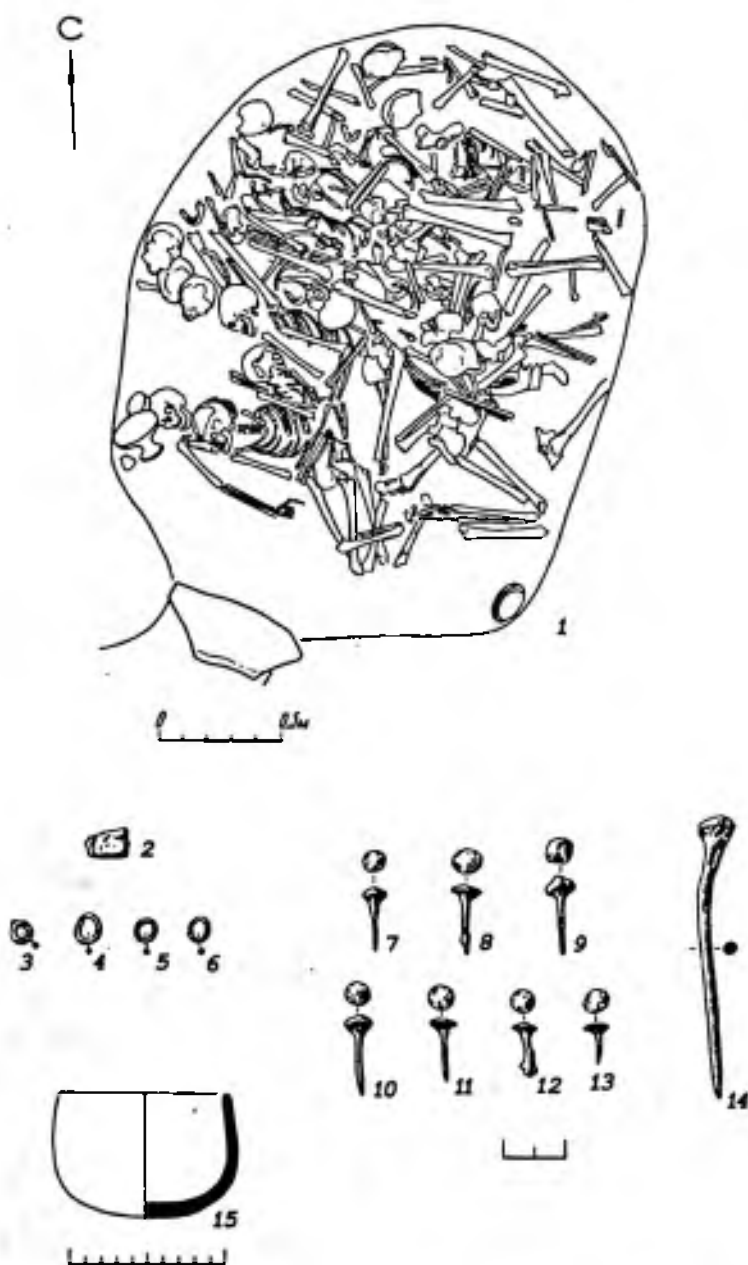

Табл. 29. Камера 154: 1 — план погребения; 2-14 — медные изделия; 15 — сосуд.

Pl. 29. Grave 154: 1 — plan of Grave; 2 — fragment of copper plate; 3-6 — copper rings; 7-13 — copper nails; 14 — copper nail-shaped pin; 15 — vessel.

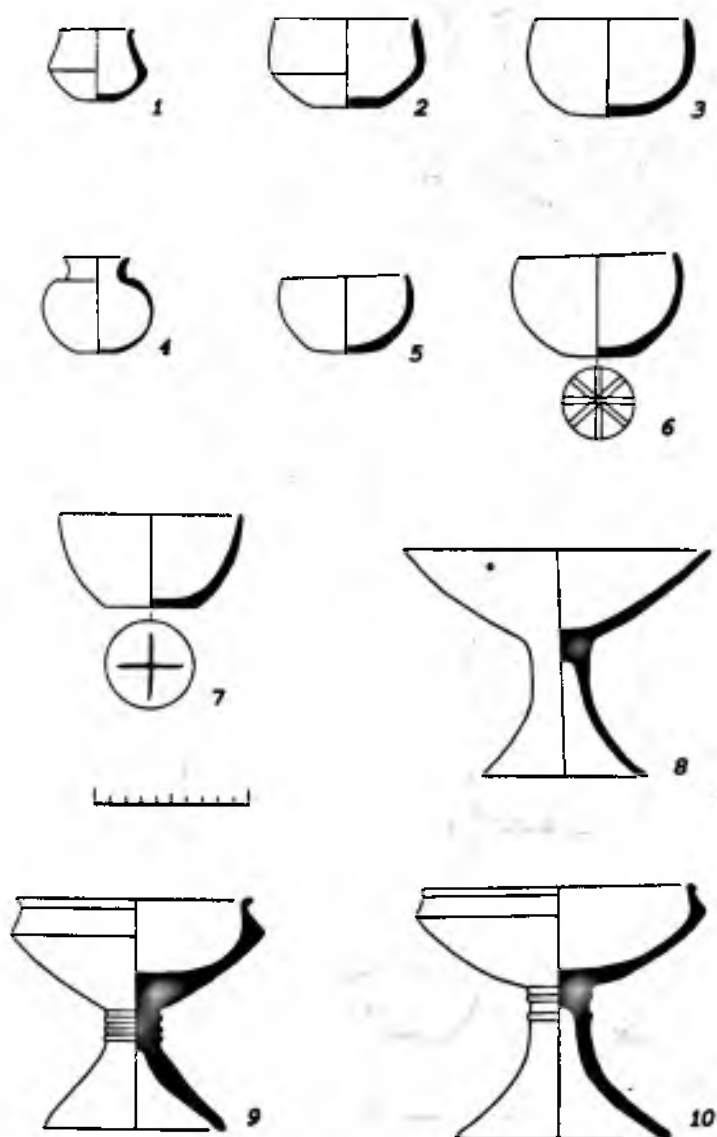

Табл. 30. Камера 154: 1-10 — сосуды.

Pl. 30. Grave 154: 1-10 — vessels.

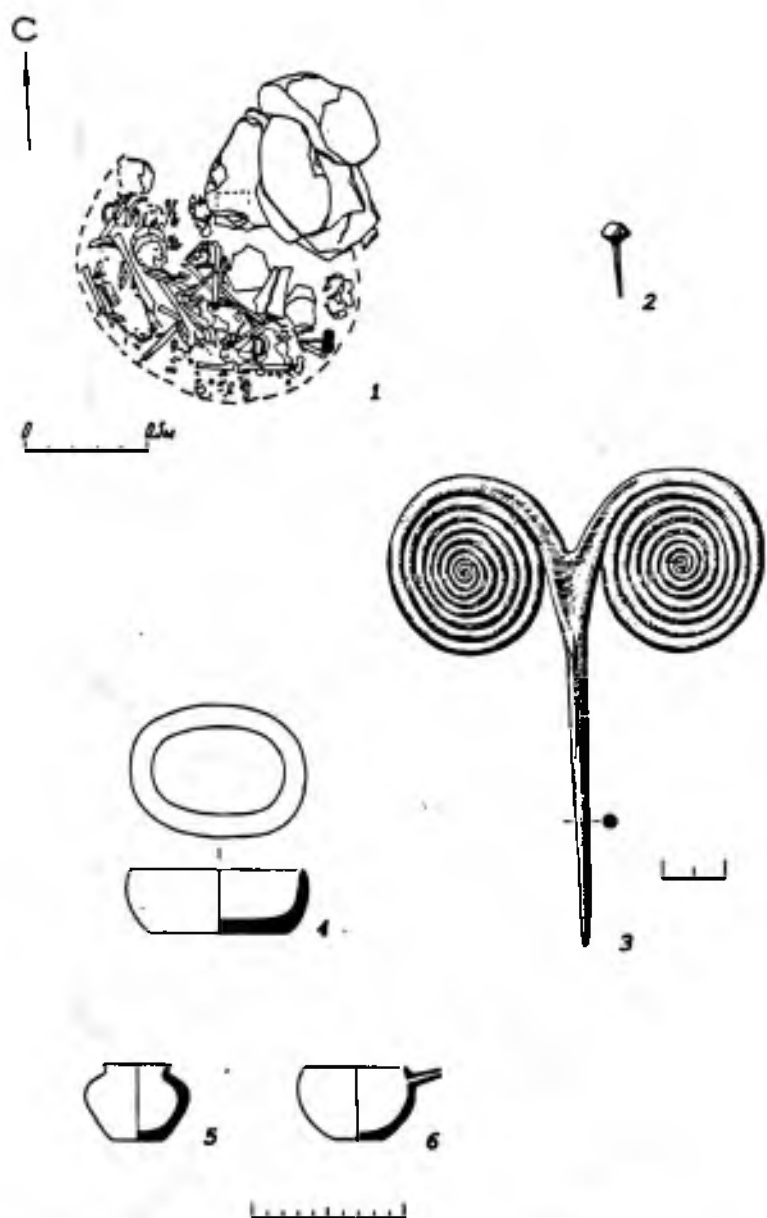

Табл. 31. Камера 11: 1 — план погребения; 2 — медный гвоздик;
3 — медная булавка; 4-6 — сосуды.

Pl. 31. Grave 11: 1 — plan of Grave; 2 — copper nail;
3 — copper pin; 4-6 — vessels.

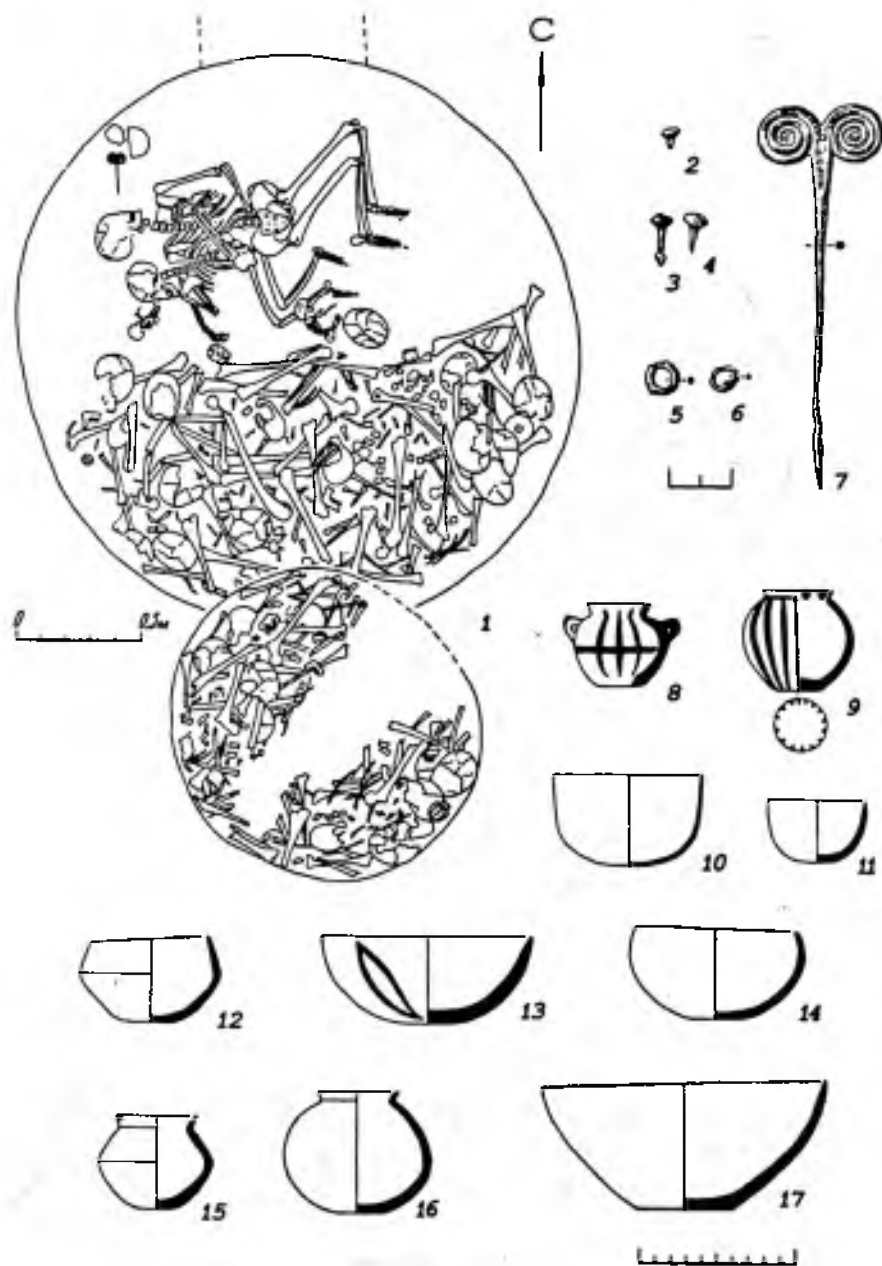

Табл. 32. Камера 23/24: план погребения; 2-6 — медные изделия;
7 — медная булавка; 8-17 — сосуды.

Pl. 32. Grave 23/24: 1 — plan of Grave; 2-6 — copper articles;
7 — copper pin; 8-17 — vessels.

Табл. 33. Камера 27: 1 — план погребения; 2 — керамическая поделка;
3-7 — сосуды; 8 — керамический вазообразный жертвенник.

Pl. 33. Grave 27: 1 — plan of Grave; 2 — ceramic object;
3-7 — vessels; 8 — sacrificial vessel resembling a vase.

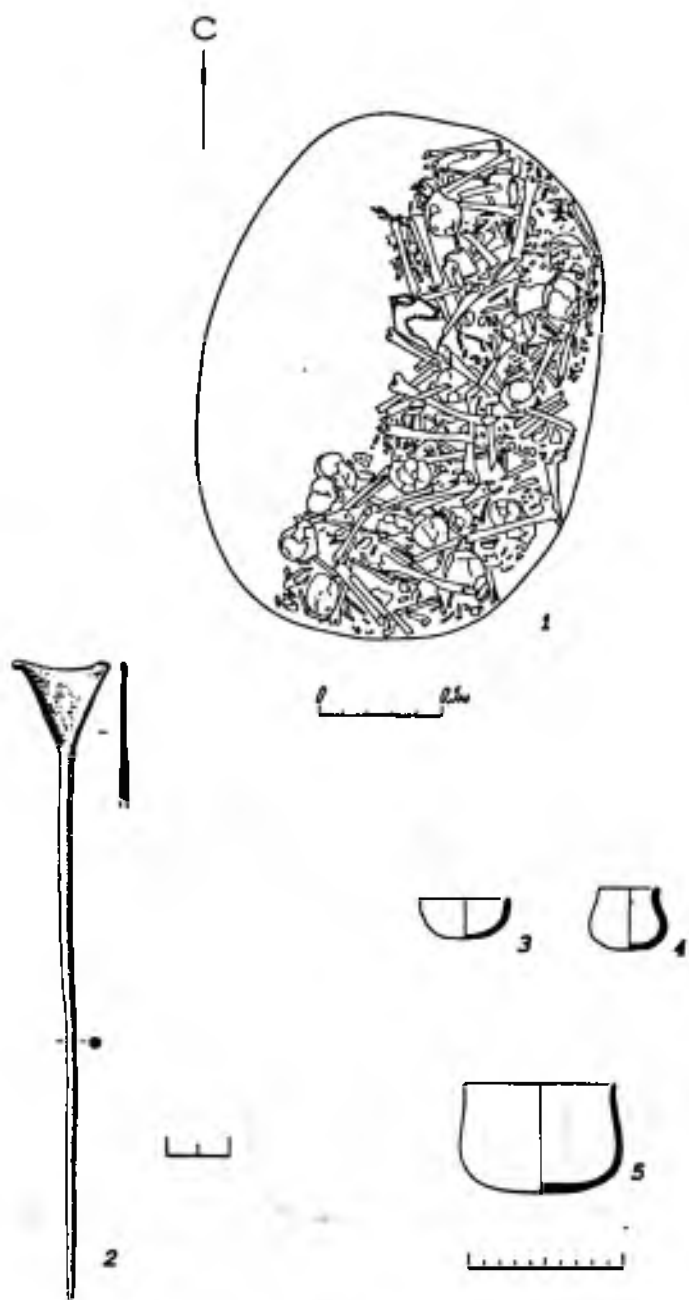

Табл. 34. Камера 30: 1 — план погребения;
2 — медная булавка; 3-5 — сосуды.

Pl. 34. Grave 30: 1 — plan of Grave;
2 — copper pin; 3-5 — vessels.

Табл. 35. Камера 49-низ: 1 — план погребения; 2 — бусы;
3-5 — медные изделия; 6-8 — сосуды.

Pl. 35. Lower level of Grave 49: 1 — plan of Grave; 2 — beads;
3 — copper ring; 4-5 — copper nails; 6-8 — vessels.

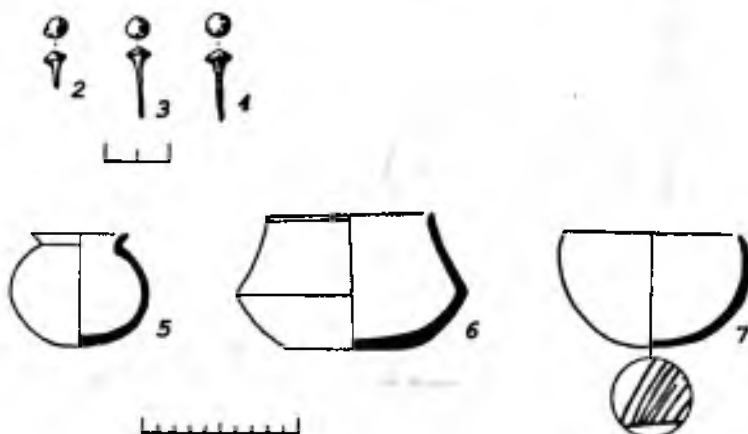
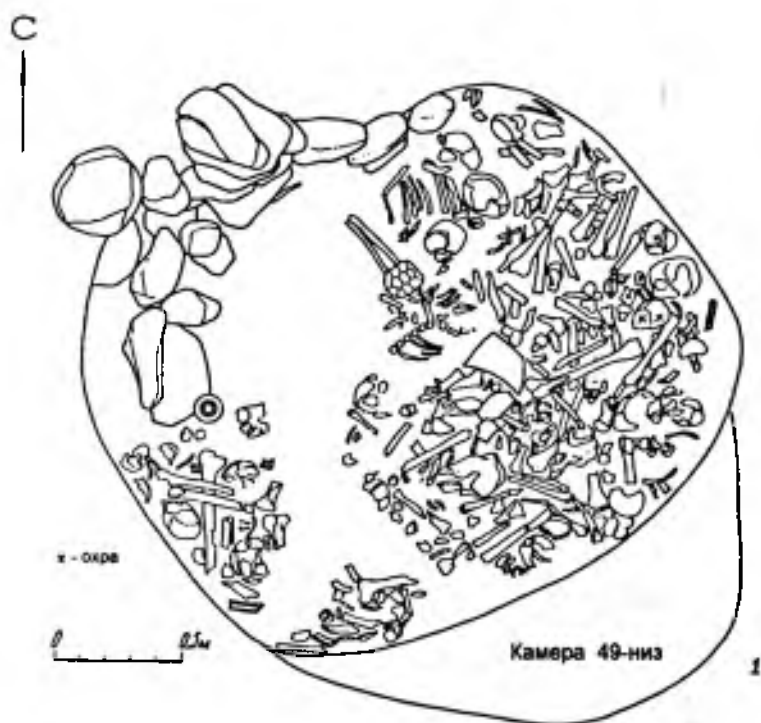

Табл. 36. Камера 49-верх: 1 — план погребения;
2-4 — медные гвоздики; 5-7 — сосуды.

Pl. 36. Upper level of Grave 49: 1 — plan of Grave;
2-4 — copper nails; 5-7 — vessels.

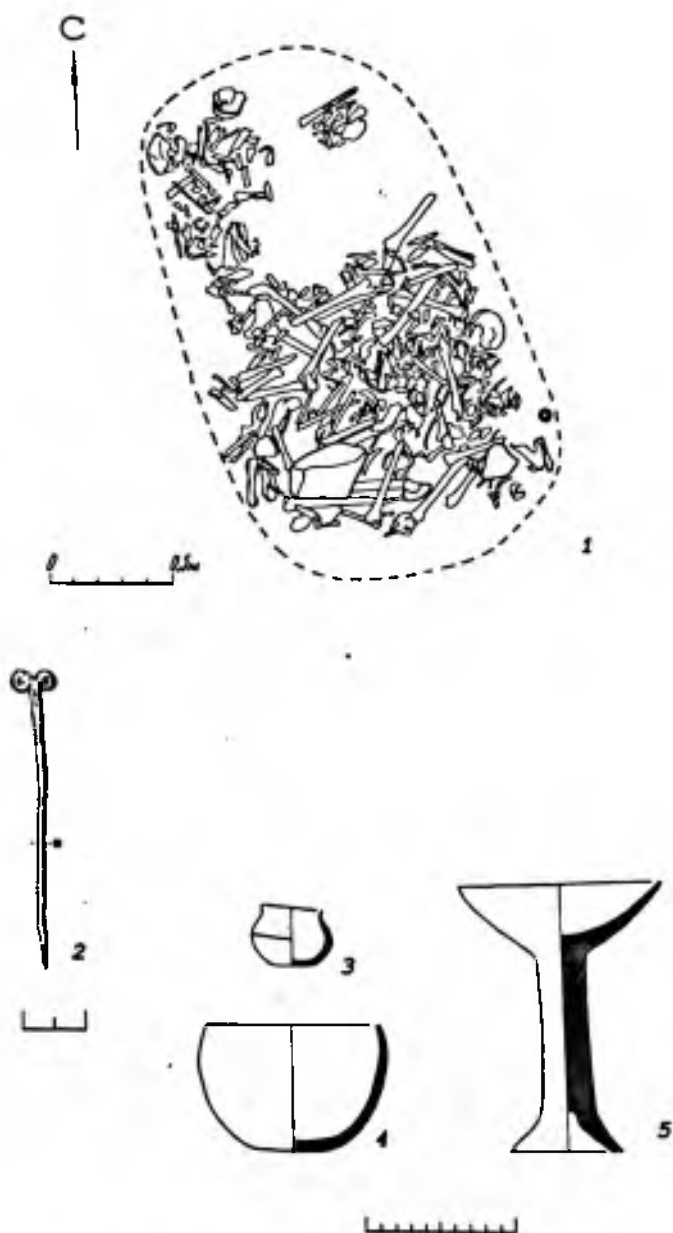

Табл. 37. Камера 53: 1 — план погребения;
2 — медная булавка; 3-5 — сосуды.

Pl. 37. Grave 53: 1 — plan of Grave;
2 — copper pin; 3-5 — vessels.

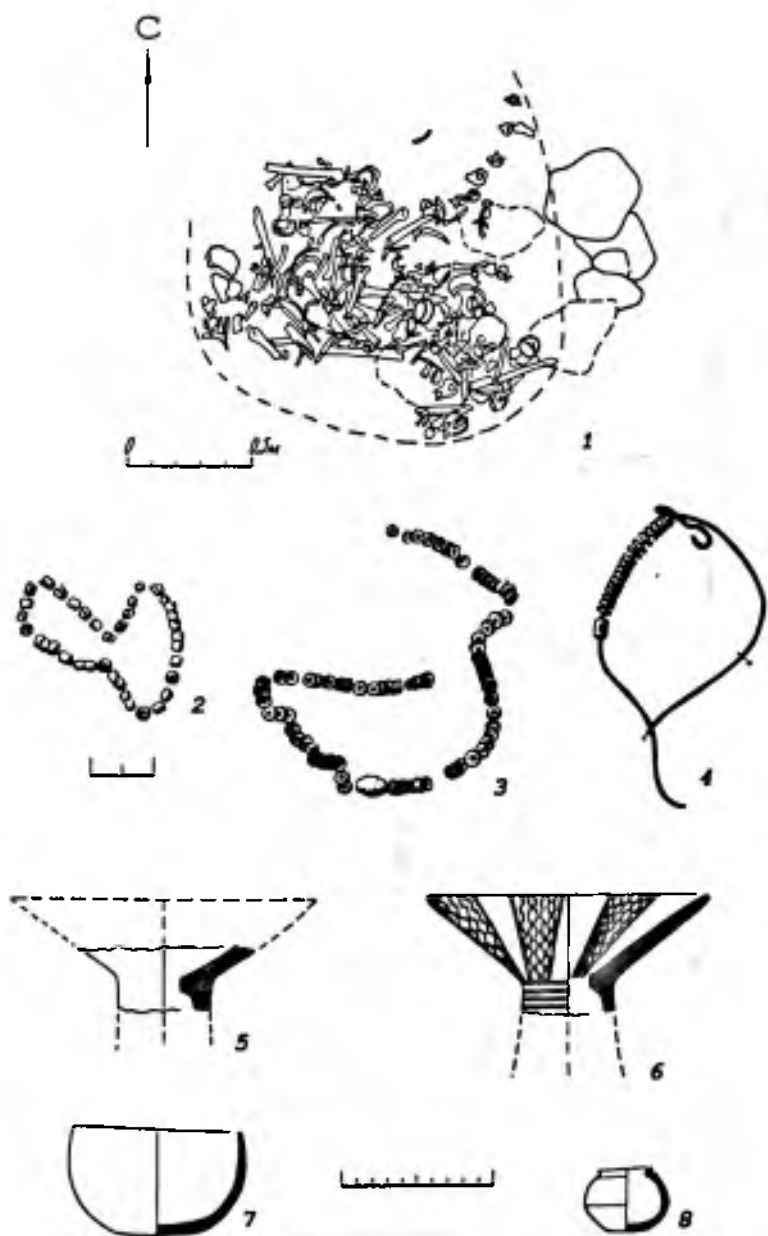

Табл. 38. Камера 58: 1 — план погребения; 2, 3 — бусы; 4 — бусы на медной проволоке; 5, 6 — фрагменты вазообразных жертвенников; 7, 8 — сосуды.

Pl. 38. Grave 58: 1 — plan of Grave; 2, 3 — beads; 4 — beads copper wire; 5-6 — fragments of sacrificial vessels resembling a vase; 7-8 — vessels.

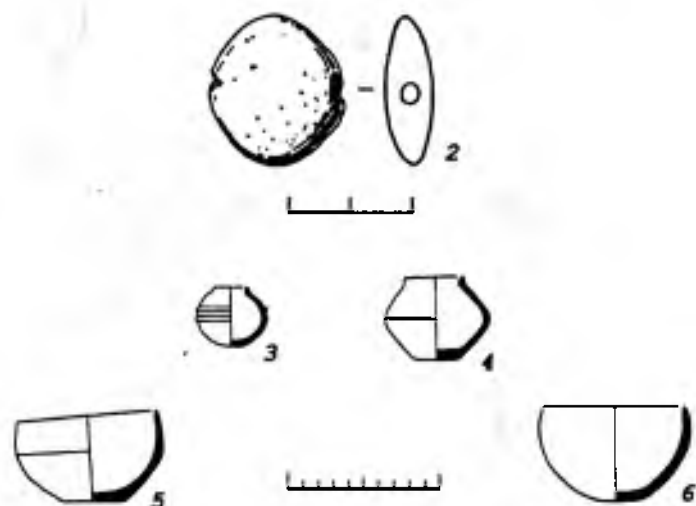
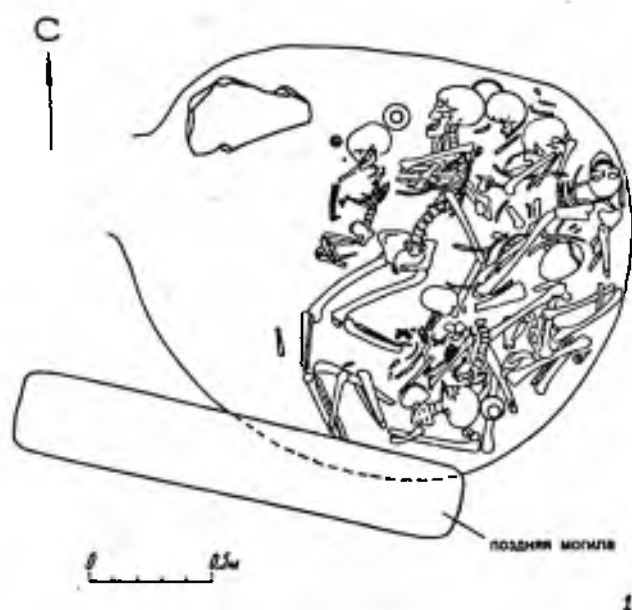

Табл. 39. Камера 99: 1 — план погребения;
2 — пронизка; 3-6 — сосуды.

Pl. 39. Grave 99: 1 — plan of Grave;
2 — spacer-bead; 3-6 — vessels.

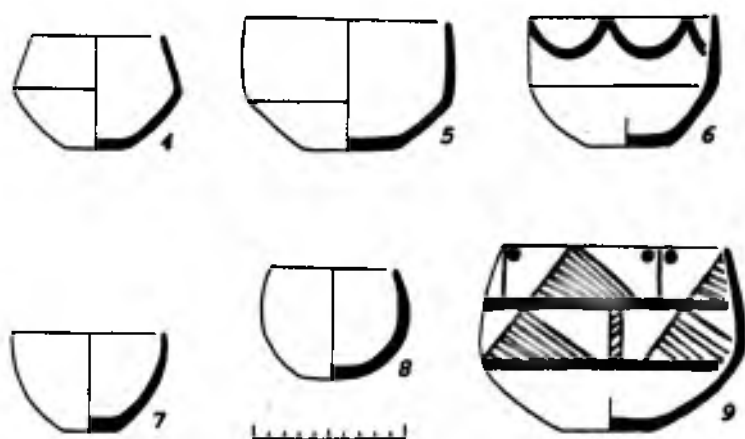
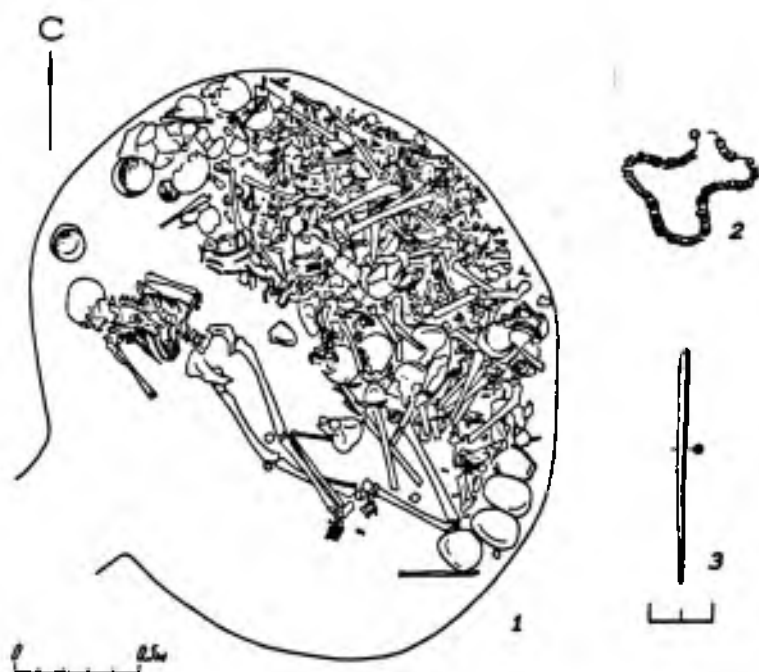

Табл. 40. Камера 132-низ: 1 — план погребения; 2 — бусы;
3 — медный стержень; 4-9 — сосуды.

Pl. 40. Lower level of Grave 132: 1 — plan of Grave; 2 — beads;
3 — copper rod; 4-9 — vessels.

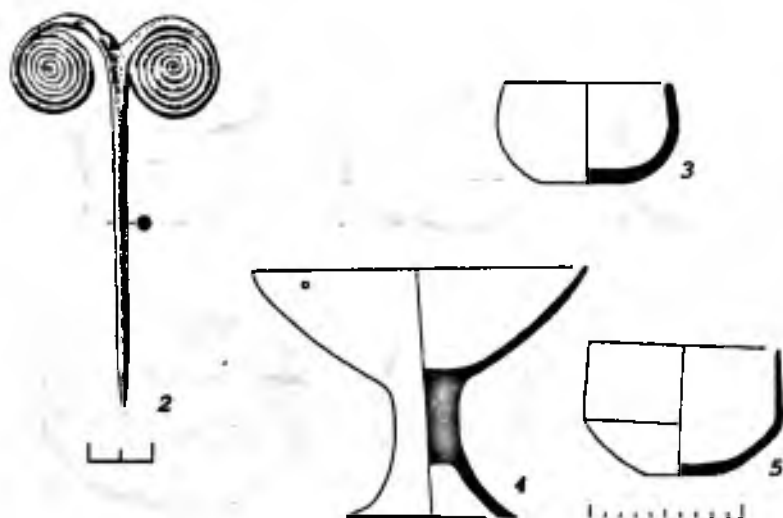
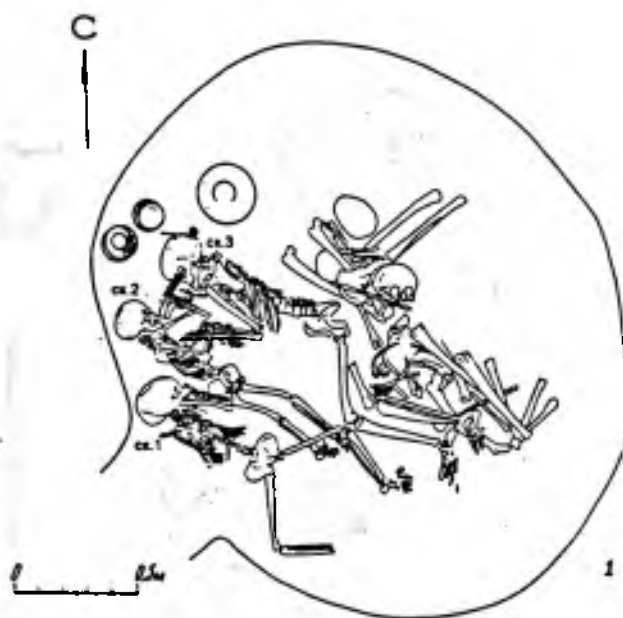

Табл. 41. Камера 132-верх: 1 — план погребения;
2 — медная булавка; 3-5 — сосуды.

Pl. 41. Upper level of Grave 132: 1 — plan of Grave;
2 — copper pin; 3-5 — vessels.

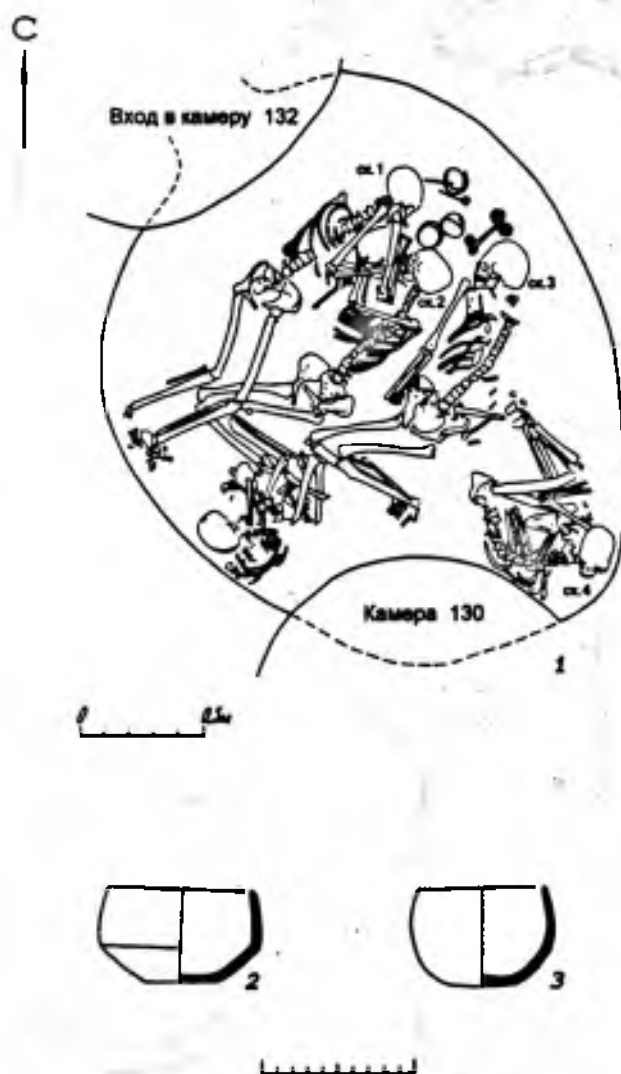

Табл. 42. Камера 133: 1 — план погребения; 2, 3 — сосуды.

Pl. 42. Grave 133: 1 — plan of Grave; 2, 3 — vessels.

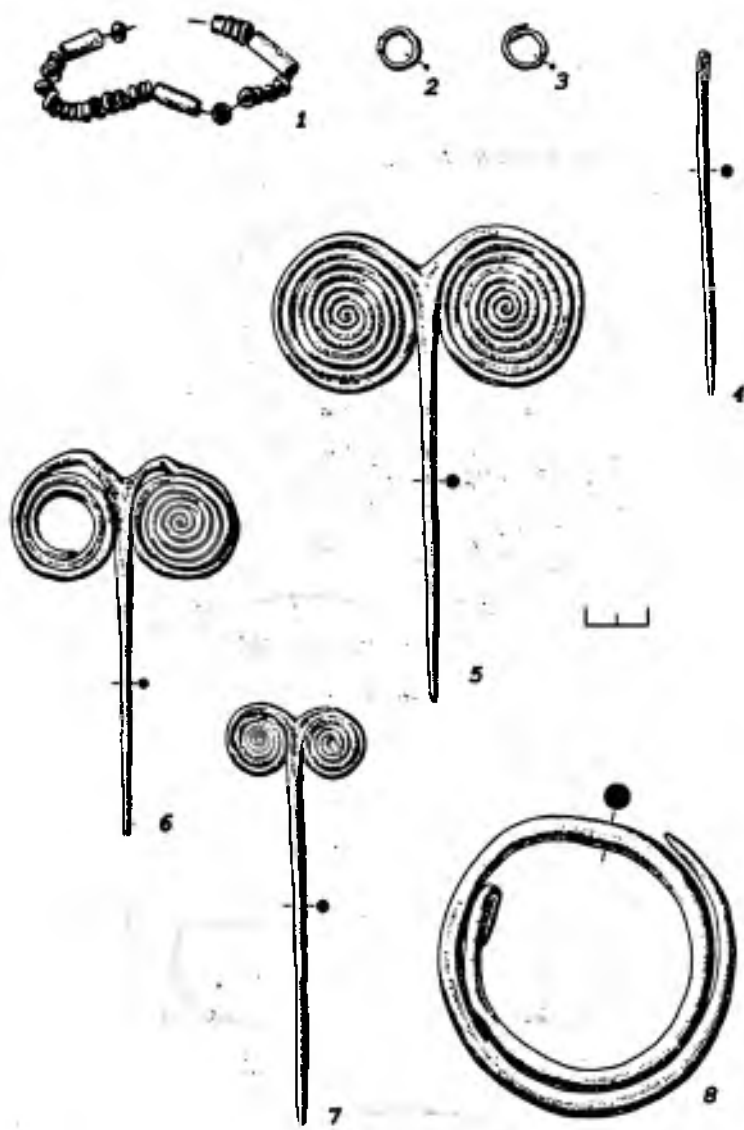

Табл. 43. Камера 133; 1 — бусы; 2-8 — медные изделия.
 Pl. 43. Grave 133: 1 — beads; 2, 3 — copper rings; 4 — copper
 needle; 5-7 — copper pins; 8 — copper bangle.

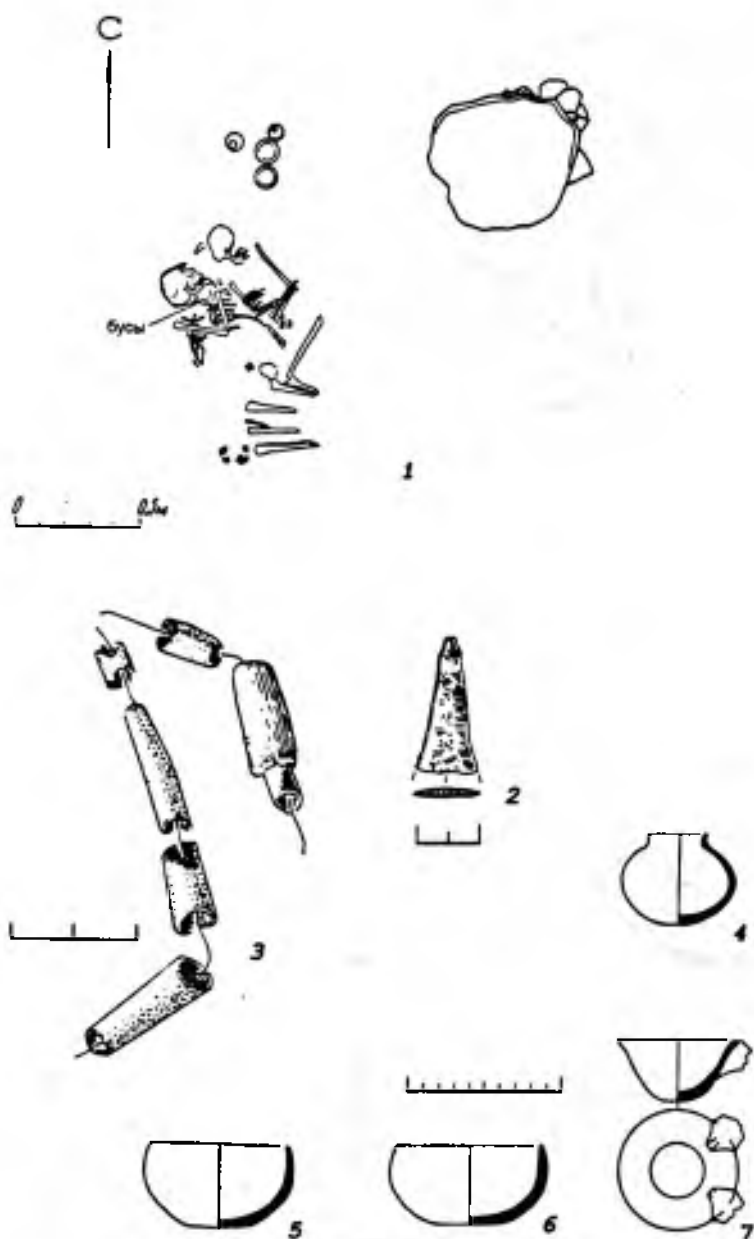

Табл. 44. Камера 139: 1 — план погребения; 2 — медное изделие; 3 — бусы; 4-7 — сосуды.

Pl. 44. Grave 139: 1 — plan of Grave; 2 — copper object; 3 — beads; 4-7 — vessels.

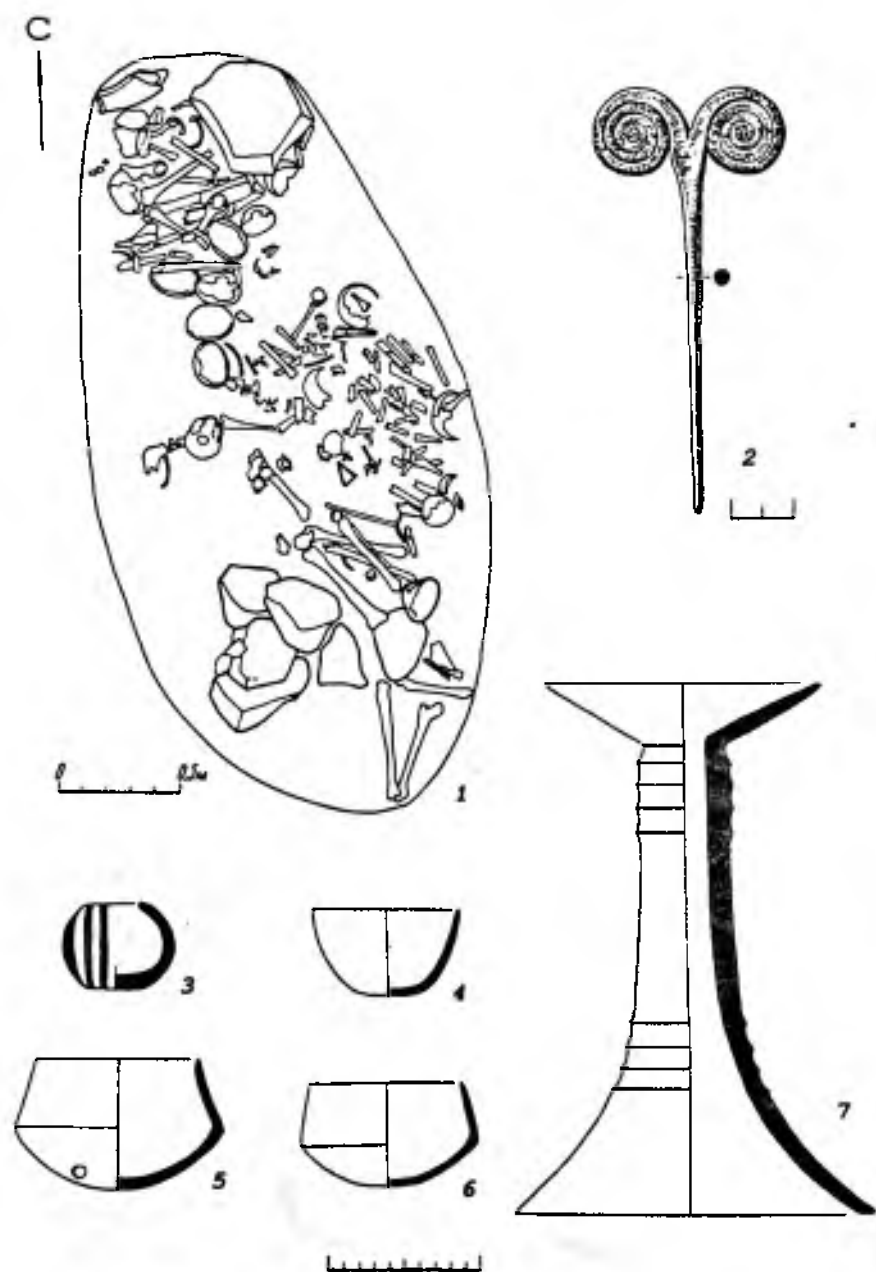

Табл. 45. Камера 140/141: 1 — план погребения; 2 — медная булавка; 3-6 — сосуды; 7 — вазообразный керамический жертвенник.

Pl. 45. Grave 140/141: 1 — plan of Grave; 2 — copper pin; 3-6 — vessels; 7 — sacrificial vessel resembling a vase.

С

Табл. 46. Камера 145: 1 — план погребения; 2 — медная булава.

Pl. 46. Grave 145: 1 — plan of Grave; 2 — copper pin.

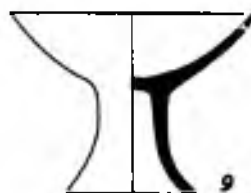
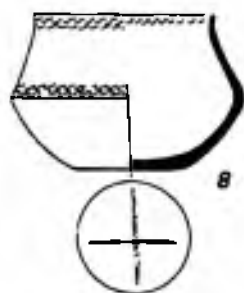
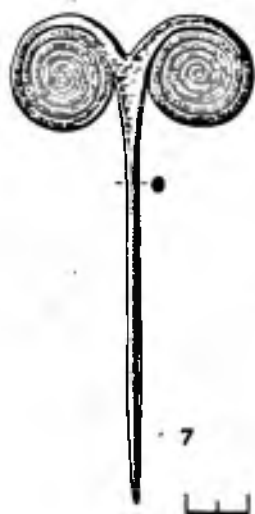
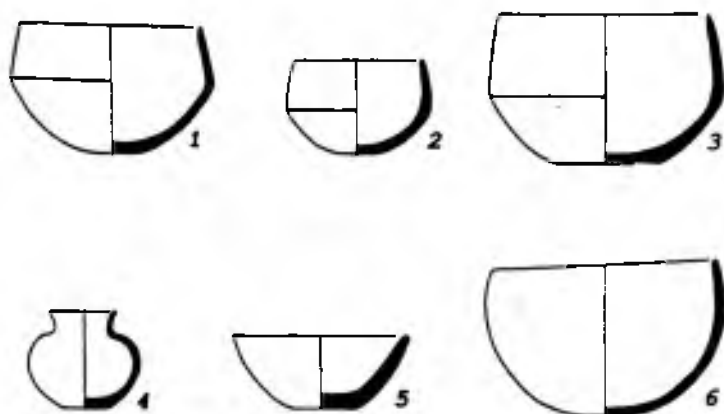

Табл. 47. Камера 145: 1-6 — сосуды. Камера 156:
7 — медная булавка; 8, 9 — сосуды.

Pl. 47. Grave 145: 1-6 — vessels. Grave 156:
7 — copper pin; 8, 9 — vessels.

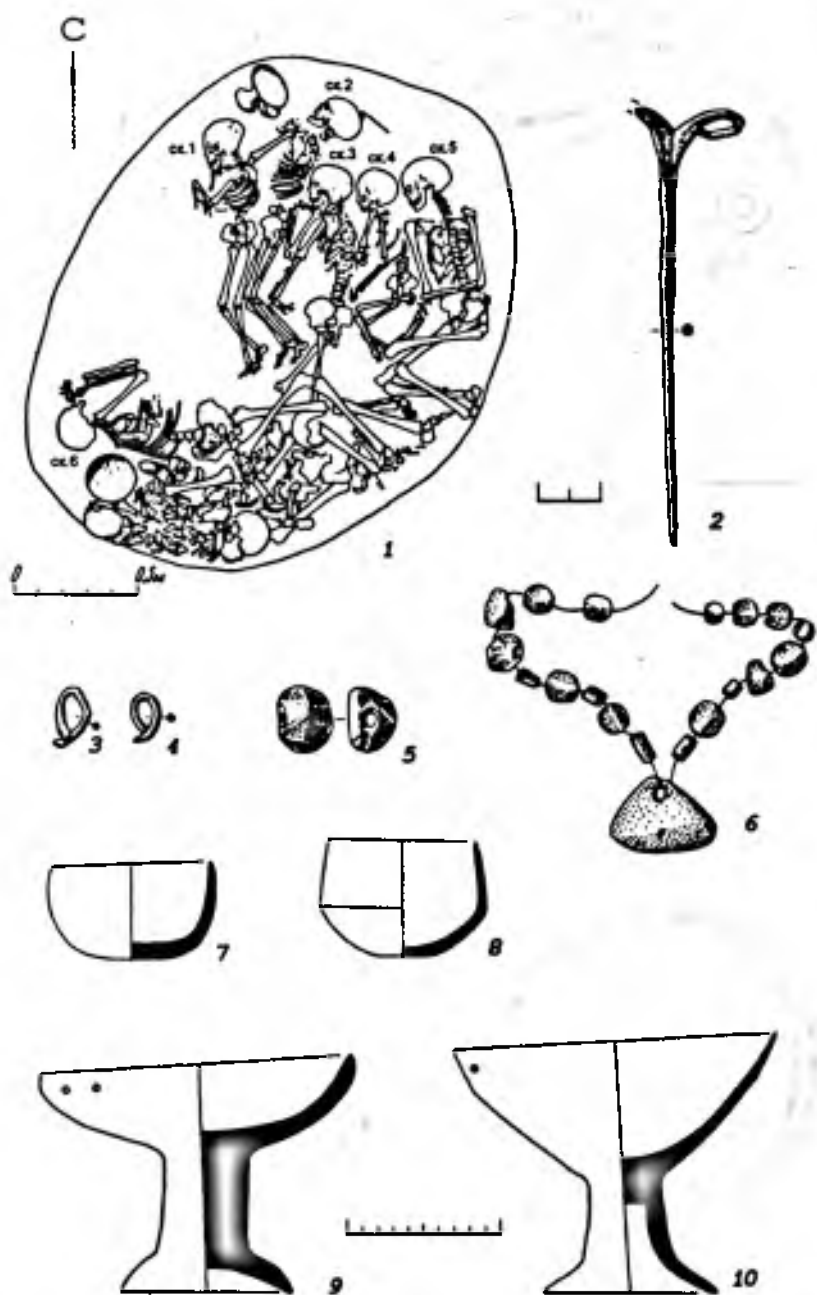

Табл. 48. Камера 163: 1 — план погребения; 2-4 — медные изделия; 5 — подвеска и бусы; 6 — амулет; 7-10 — сосуды.

Pl. 48. Grave 163: 1 — plan of Grave; 2-4 — copper objects; 5 — pendant and beads; 6 — amulet; 7-10 — vessels.

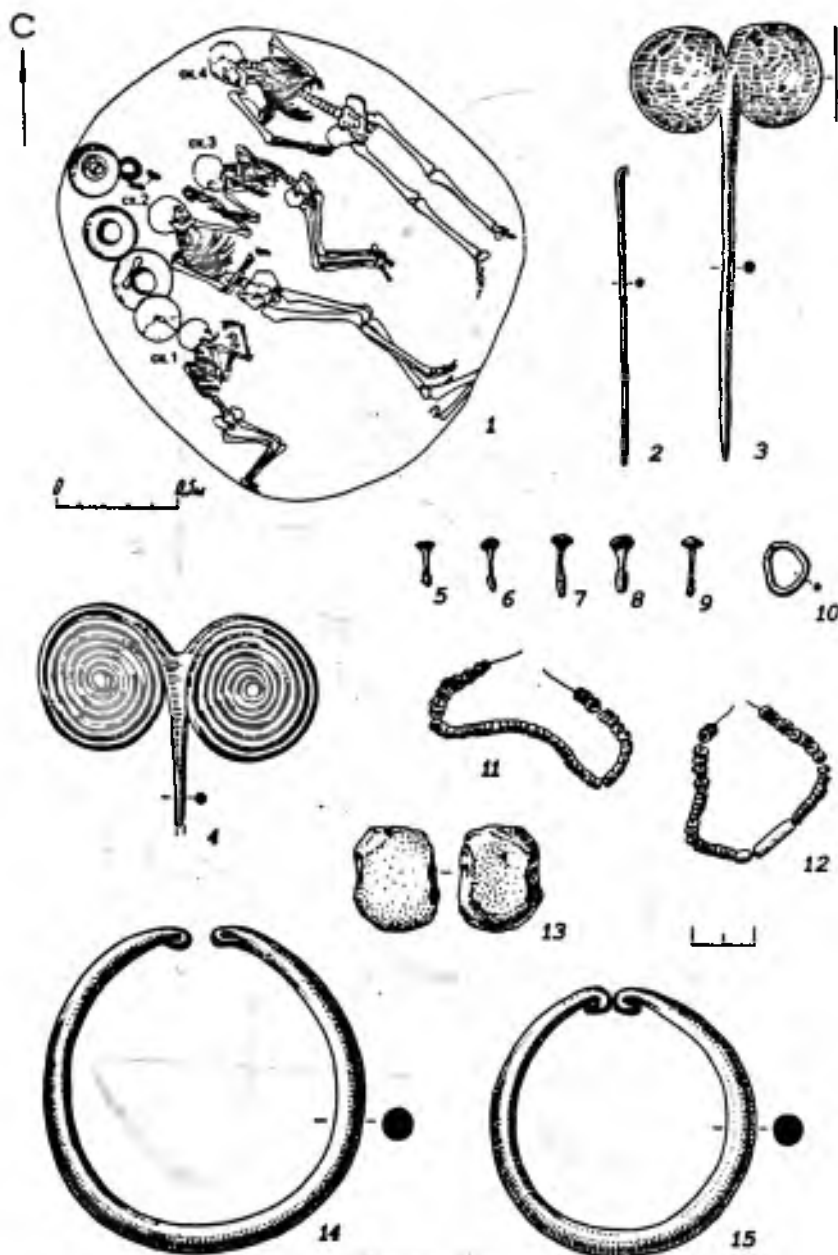

Табл. 49. Камера 167: 1 — план погребения; 2-10 — медные;
11-12 — бусы; 13 — амулет; 14-15 — медные браслеты.

Pl. 49. Grave 167: 1 — plan of Grave; 2-10 — copper objects;
11-12 — beads; 13 — amulet made of an old vessel
handle; 14-15 — copper bracelets.

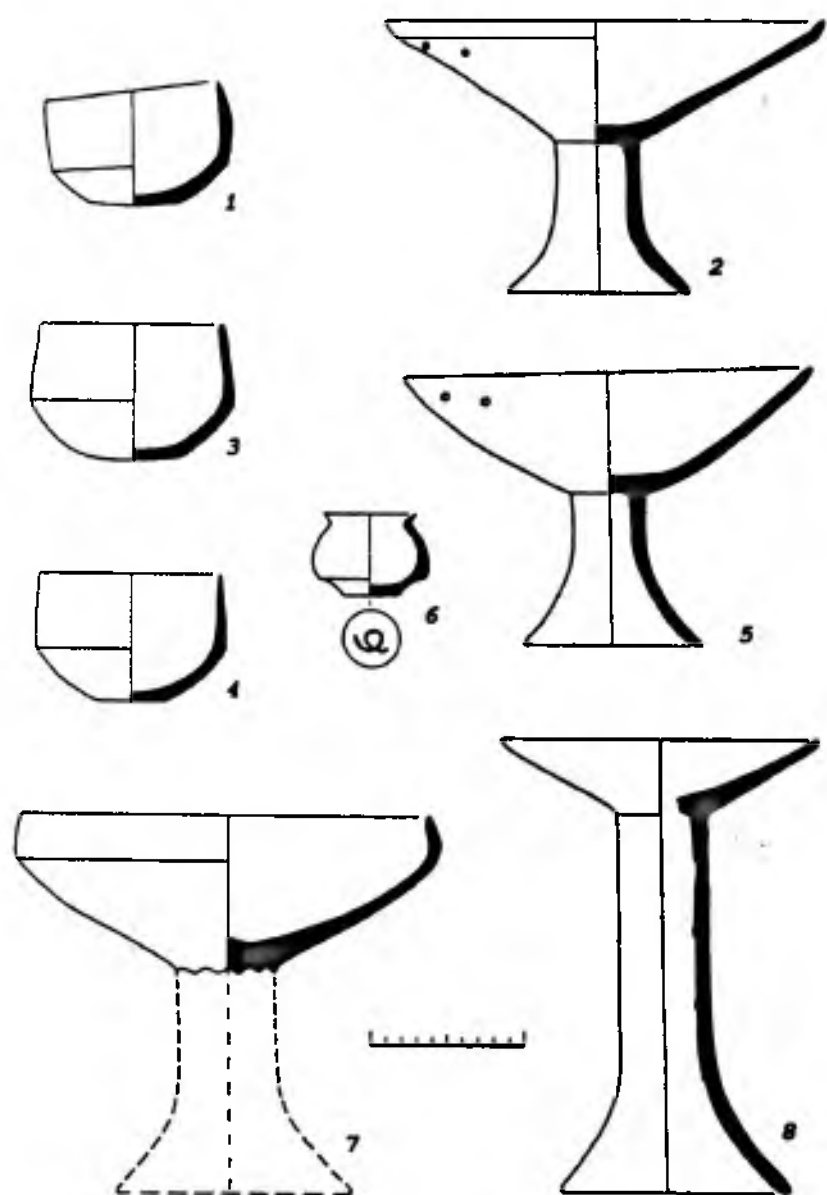

Табл. 50. Камера 167: 1-7 — сосуды; 8 — керамический
вазообразный жертвенник.

Pl. 50. Grave 167: 1-7 — vessels; 8 — sacrificial
vessel resembling a vase.

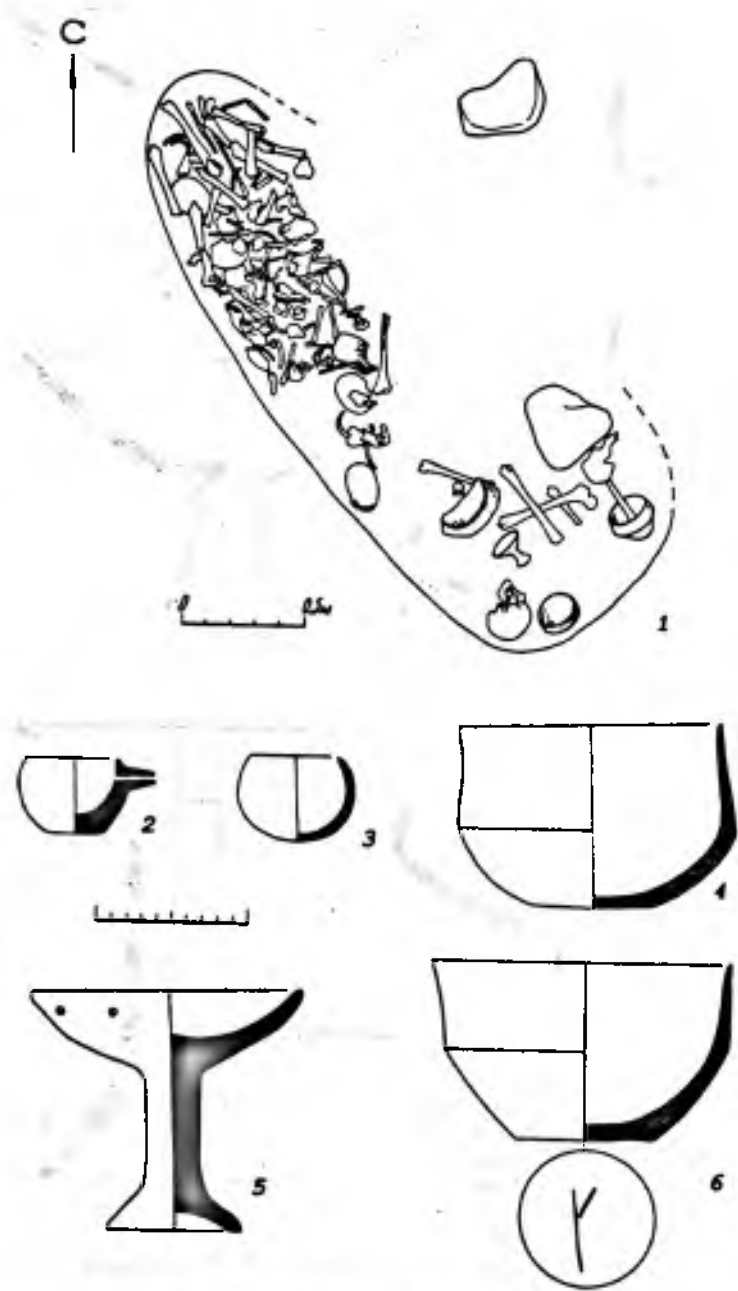

Табл. 51. Камера 168: 1 — план погребения; 2-6 — сосуды.
 Pl. 51. Grave 168: 1 — plan of Grave; 2-6 — vessels.

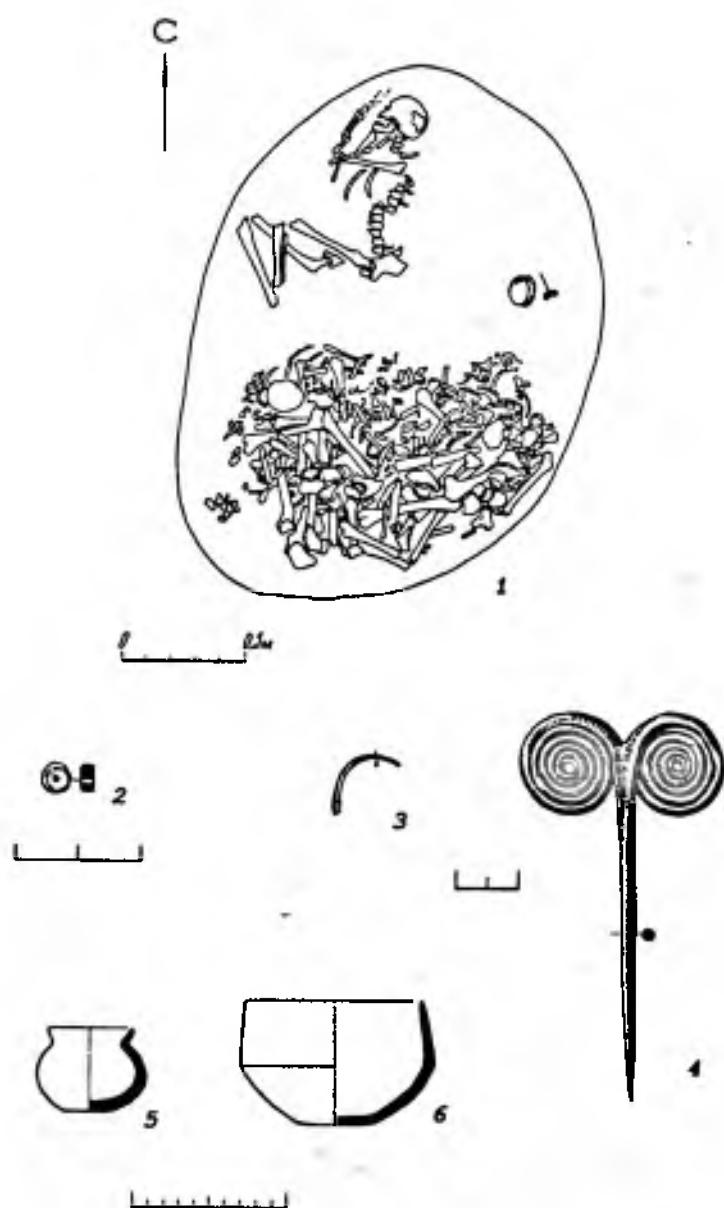

Табл. 52. Камера 169: 1 — план погребения; 2 — бусы;
3, 4 — медные изделия; 5, 6 — сосуды.

Pl. 52. Grave 169: 1 — plan of Grave; 2 — bead;
3, 4 — copper objects; 5, 6 — vessels.

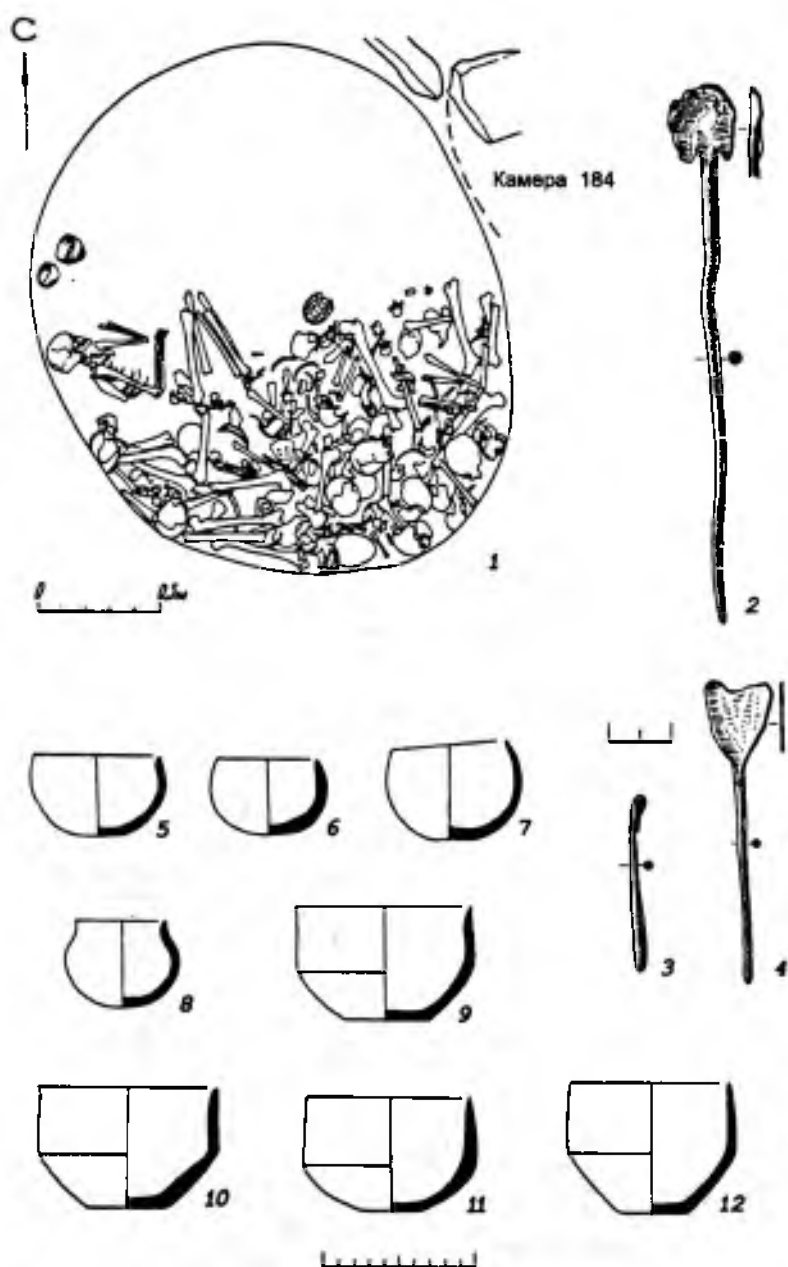

Табл. 53. Камера 182: 1 — план погребения; 2-4 — медные изделия; 5-12 — сосуды.

Pl. 53. Grave 182: 1 — plan of Grave; 2-4 — copper objects; 5-12 — vessels.

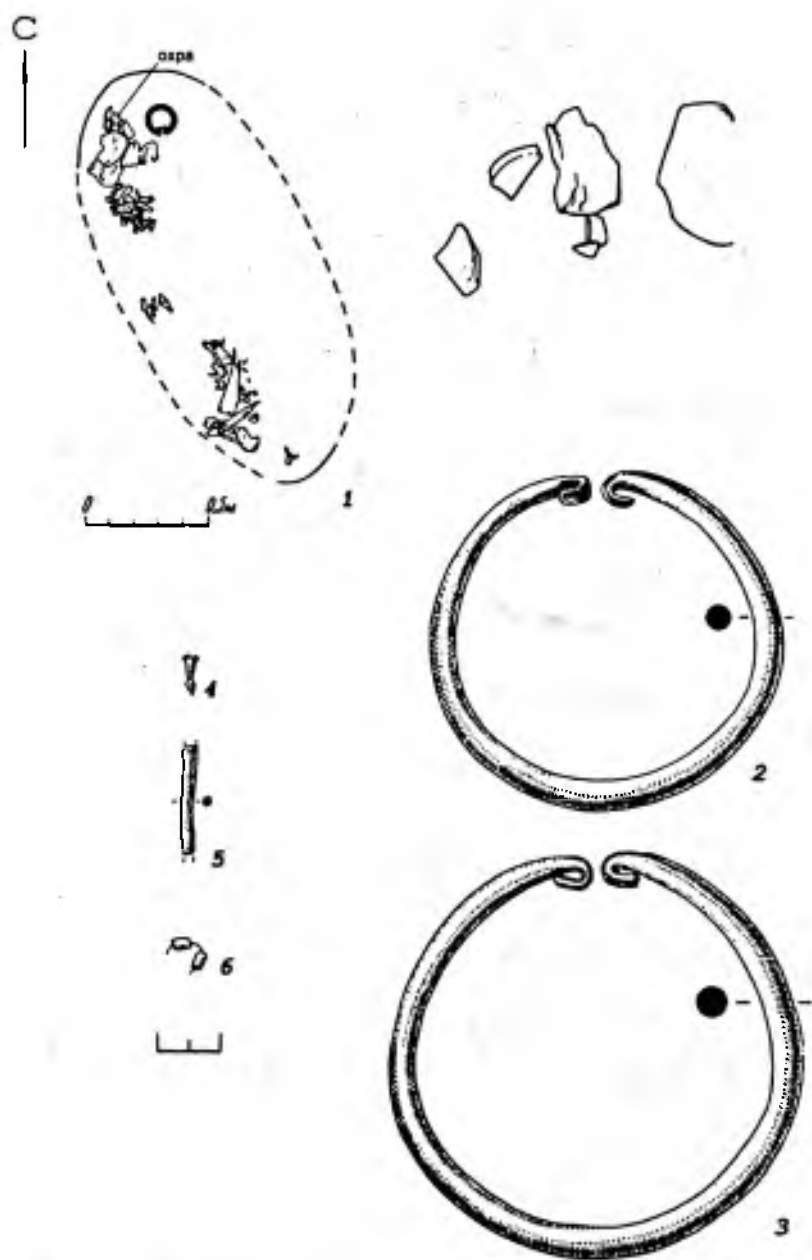

Табл. 54. Камера 239: 1 — план остатков погребения; 2, 3 — медные браслеты; 4 — медный гвоздик; 5 — обломок медного стержня; 6 — бусы.

Pl. 54. Grave 239: 1 — plan of the burial remains; 2, 3 — copper bracelets; 4 — copper nail; 5 — fragment of a copper rod; 6 — beads.

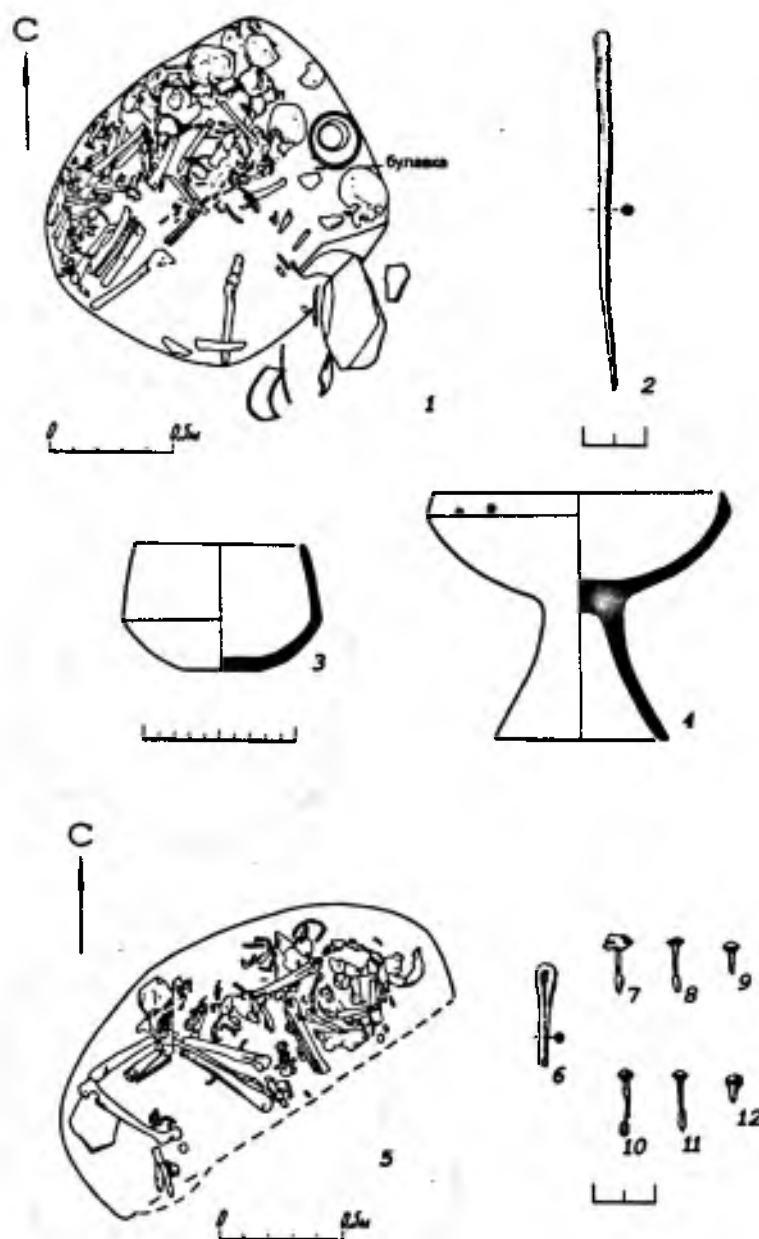

Табл. 55. Камера 246: 1 — план погребения; 2 — медный стержень; 3, 4 — сосуды. Камера 247: 5 — план погребения; 6 — обломок медной иглы; 7-12 — гвоздики.

Pl. 55. Grave 246: 1 — plan of Grave; 2 — copper rod; 3, 4 — vessels. Grave 247: 5 — plan of the burial remains; 6 — fragment of a copper needle; 7-12 — copper nails.

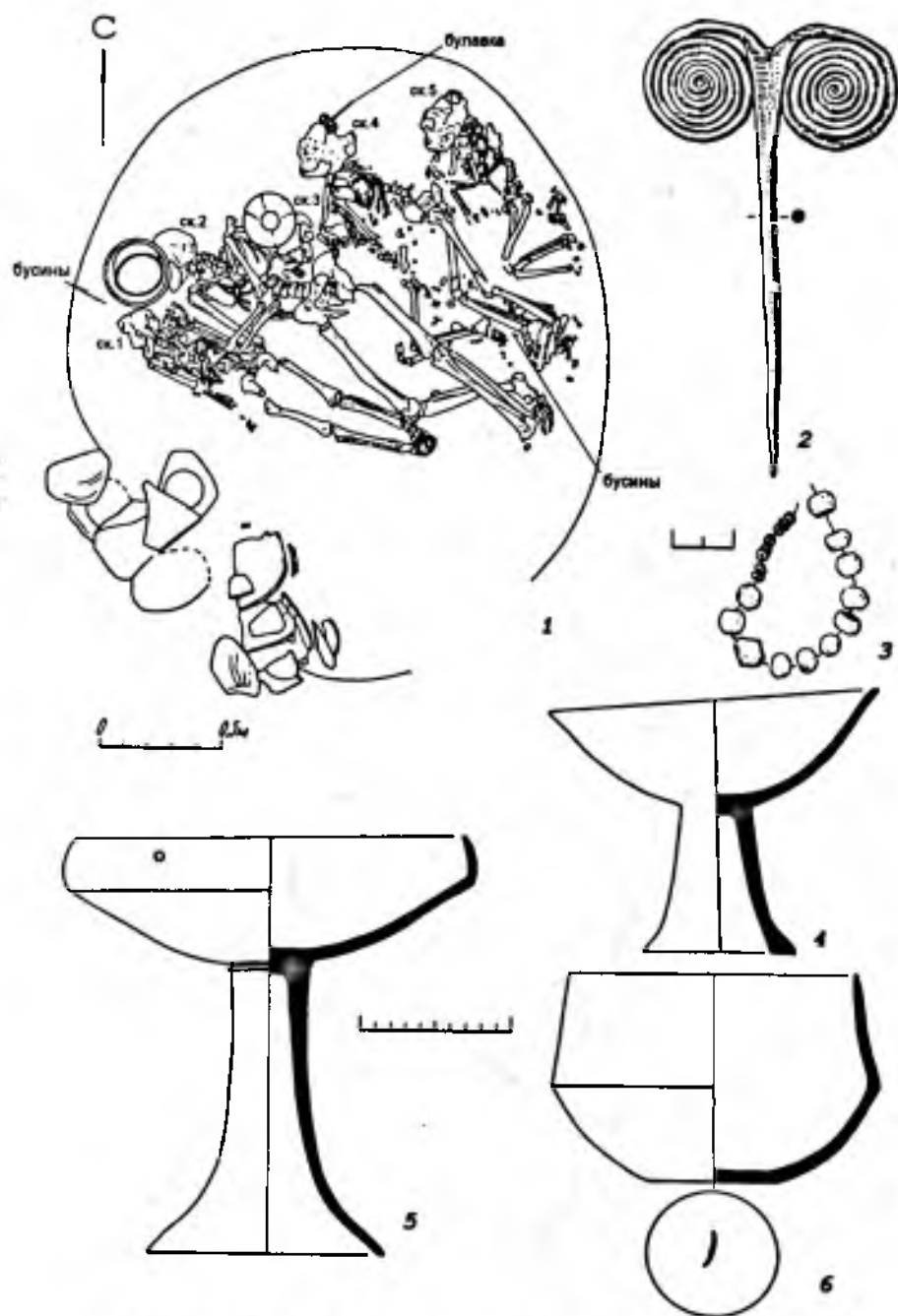

Табл. 56. Камера 251: 1 — план погребения; 2 — бусы;
3 — медная булавка; 4-6 — сосуды.

Pl. 56. Grave 251: 1 — plan of Grave; 2 — beads;
3 — copper pin; 4-6 — vessels.

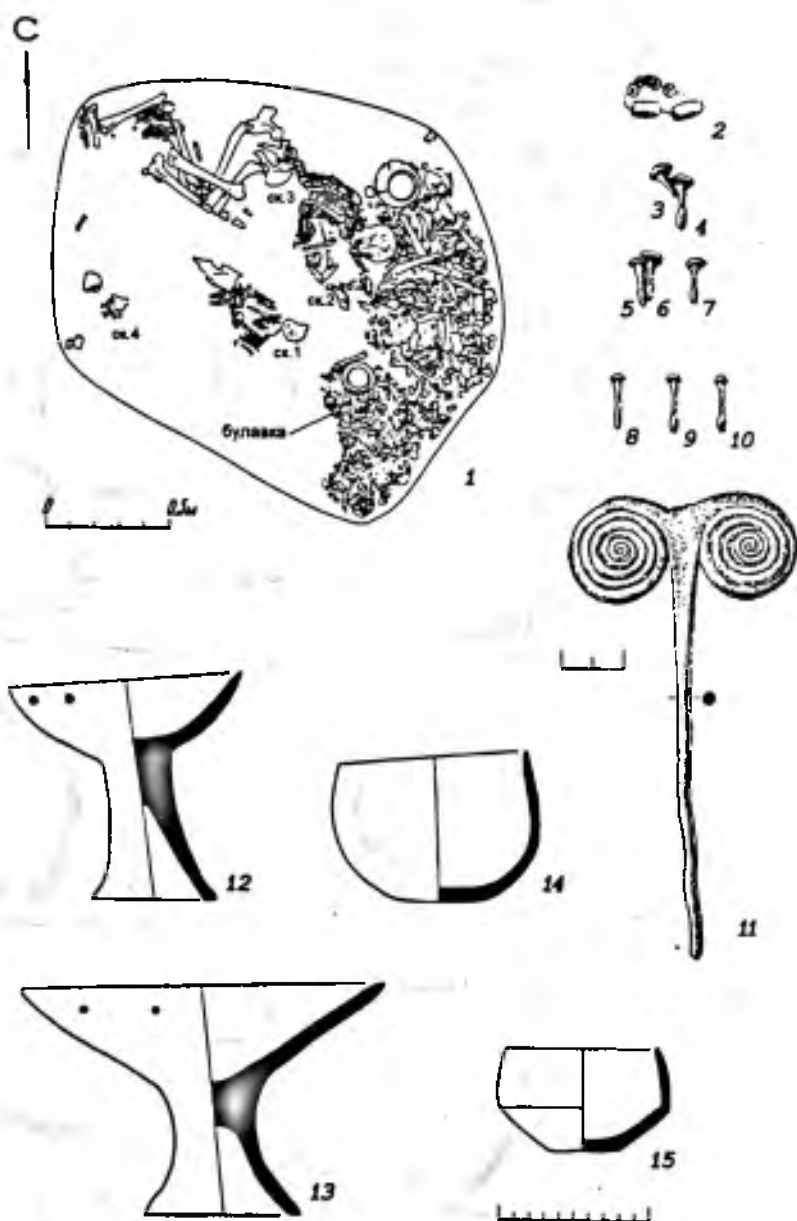

Табл. 57. Камера 253: 1 — план погребения; 2 — бусы; 3-10 — медные гвоздики; 11 — медная булавка; 12-15 — сосуды.

Pl. 57. Grave 253: 1 — plan of Grave; 2 — beads; 3-10 — copper nails; 11 — copper pin; 12-15 — vessels.

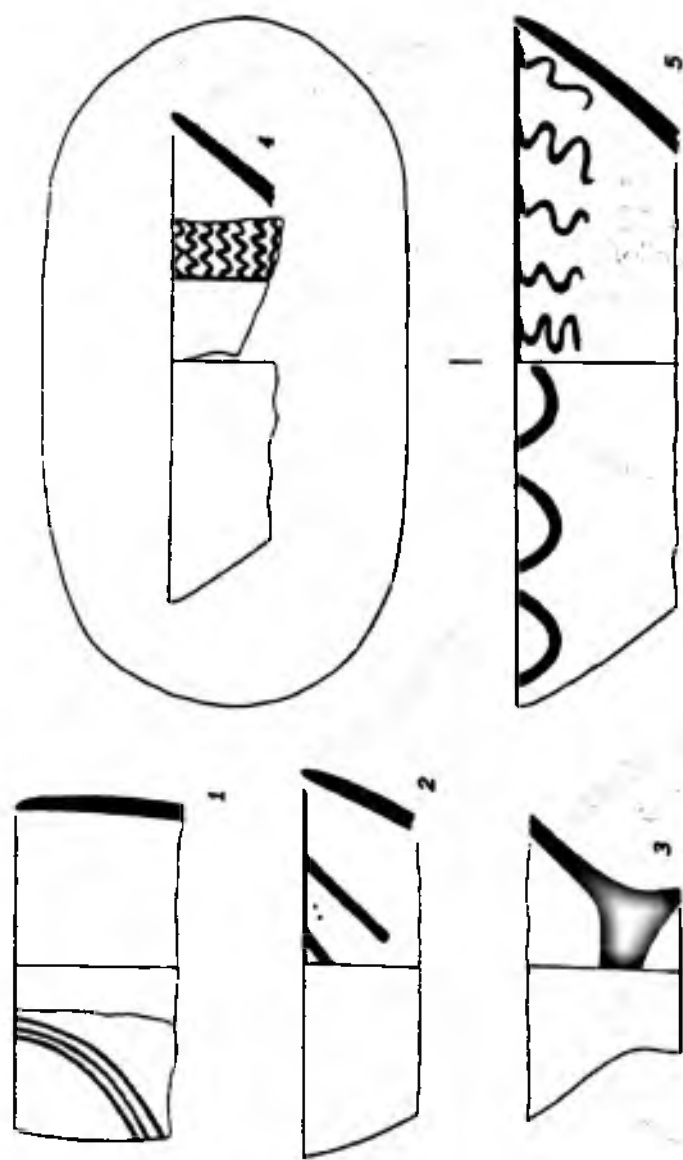

Табл. 58. Могильник Пархай II: 1-5 — расписная керамика.

Pl. 58. Fragments of painted vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

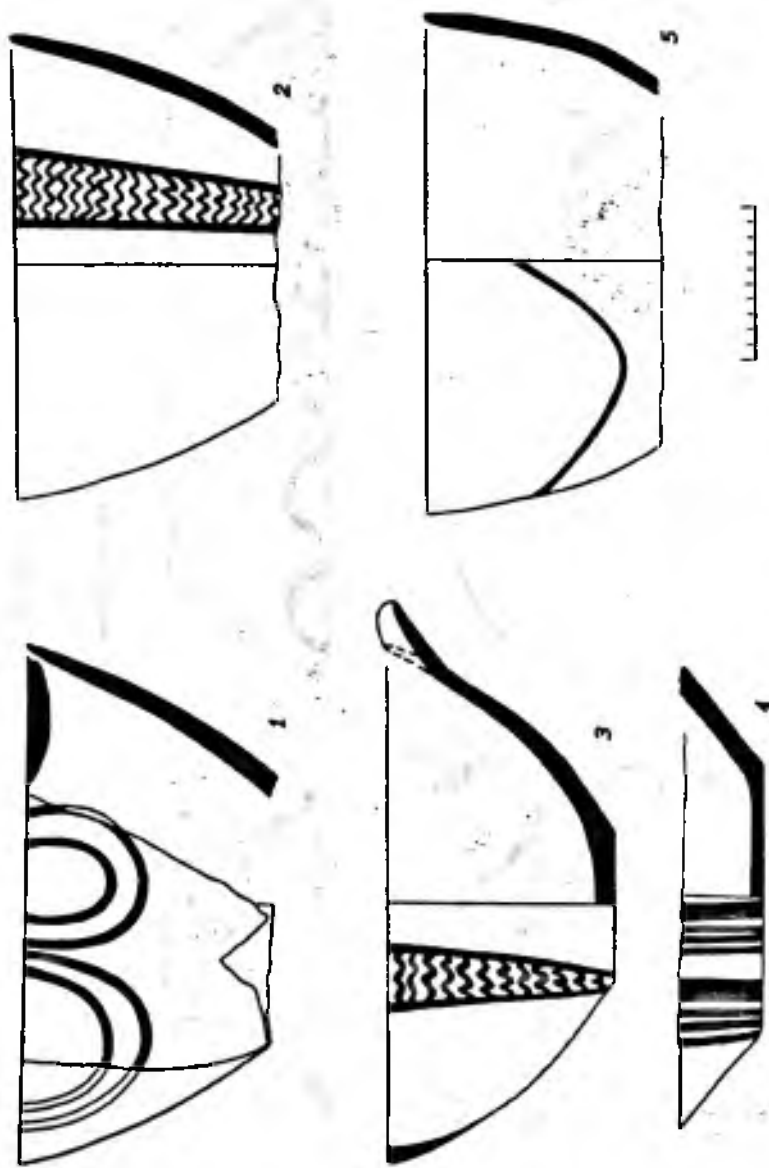

Табл. 59. Могильник Пархай II: 1-5 — расписная керамика.

Pl. 59. Fragments of painted vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

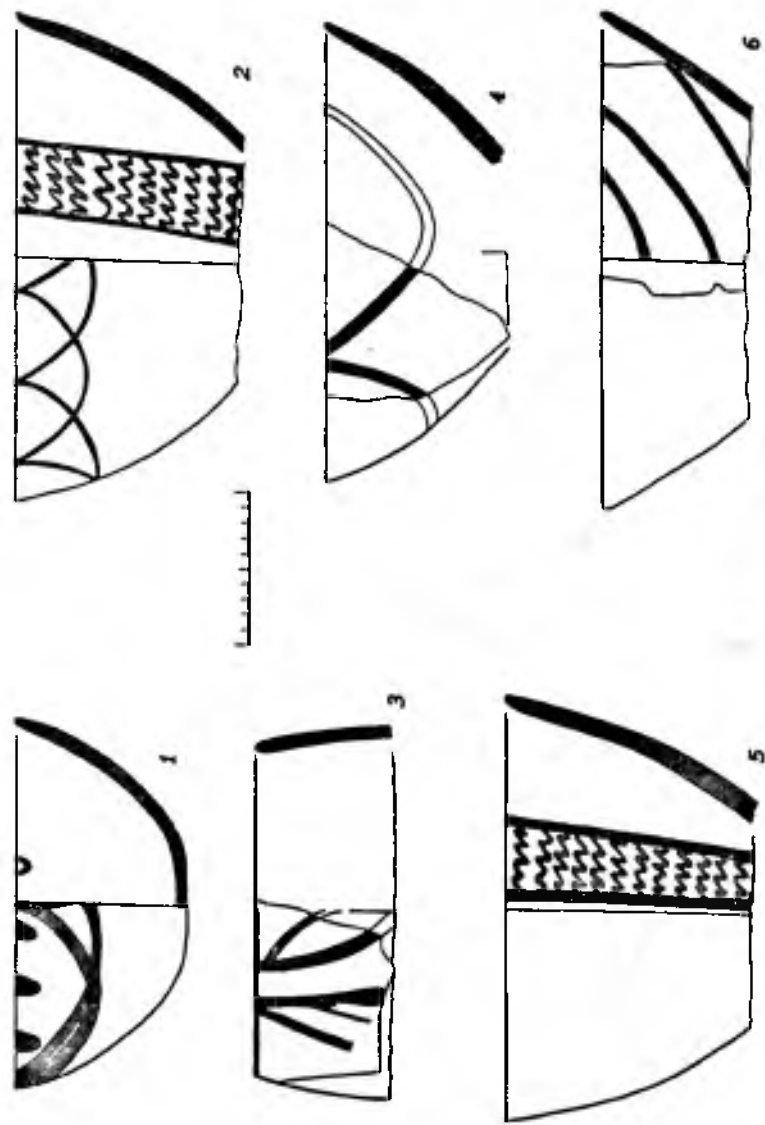

Табл. 60. Могильник Пархай II: 1-6 — расписная керамика.

Pl. 60. Fragments and whole painted vessels from the Parkhai II burial ground.

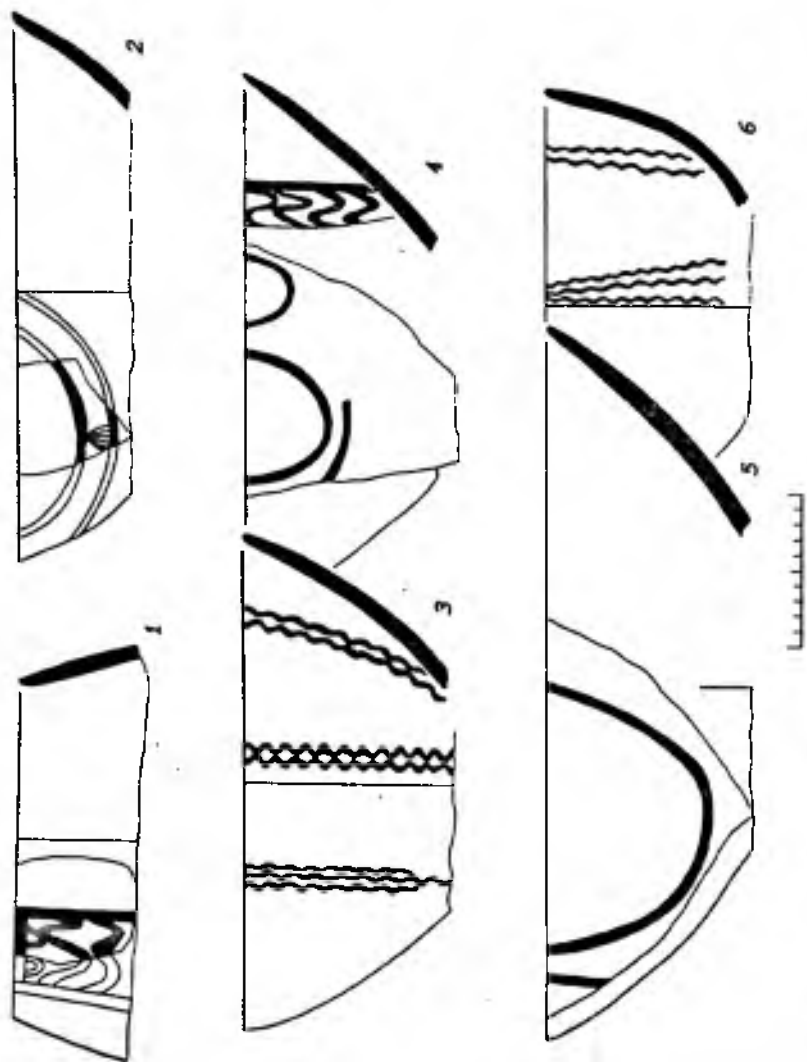

Табл. 61. Могильник Пархай II: 1-6 — расписная керамика.

Pl. 61. Fragments of painted vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

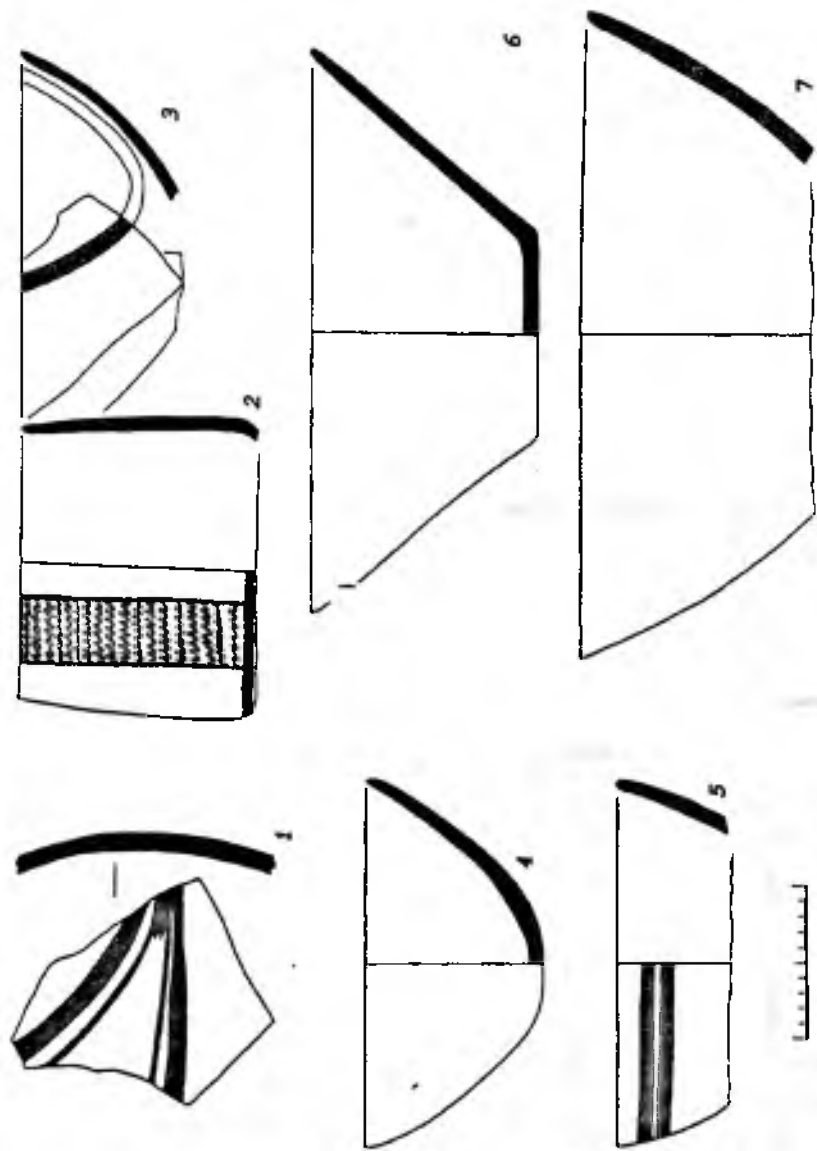

Табл. 62. Могильник Пархай II: 1-7 — расписная и красноангобированная керамика.

Pl. 62. Fragments and whole painted and red-slipped vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

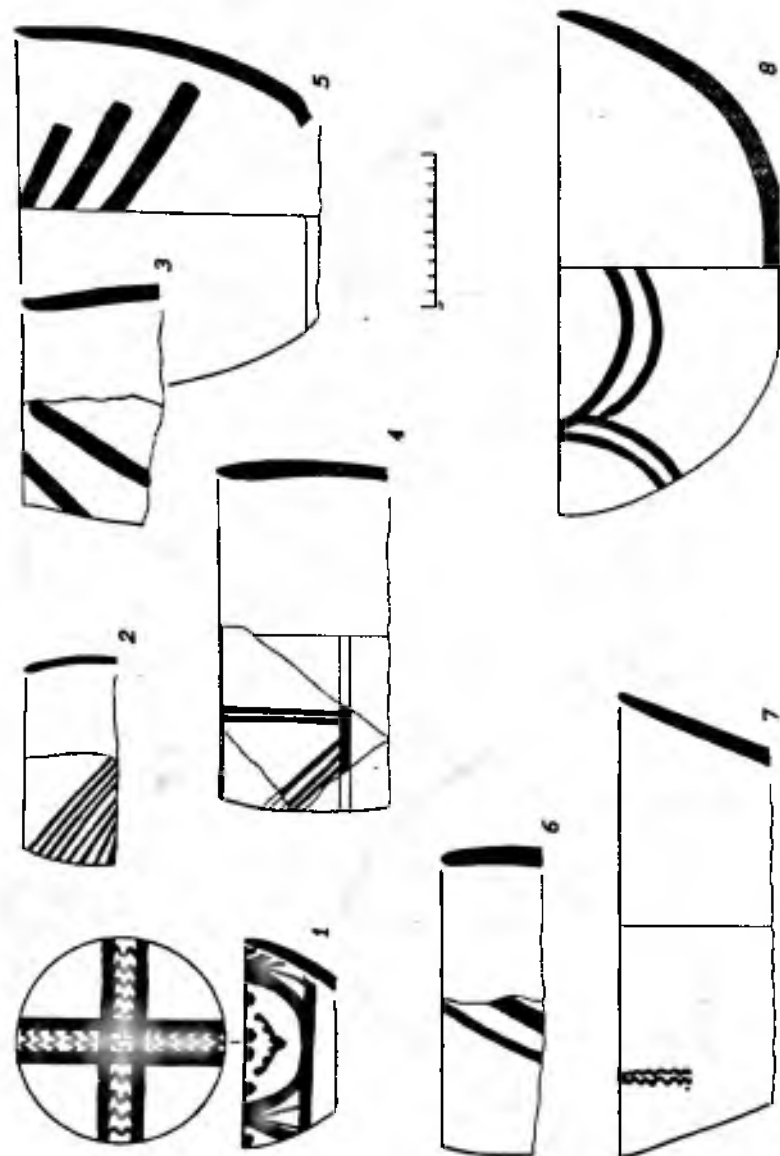

Табл. 63. Могильник Пархай II: 1-8 — расписная керамика.

Pl. 63. Fragments and whole painted vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

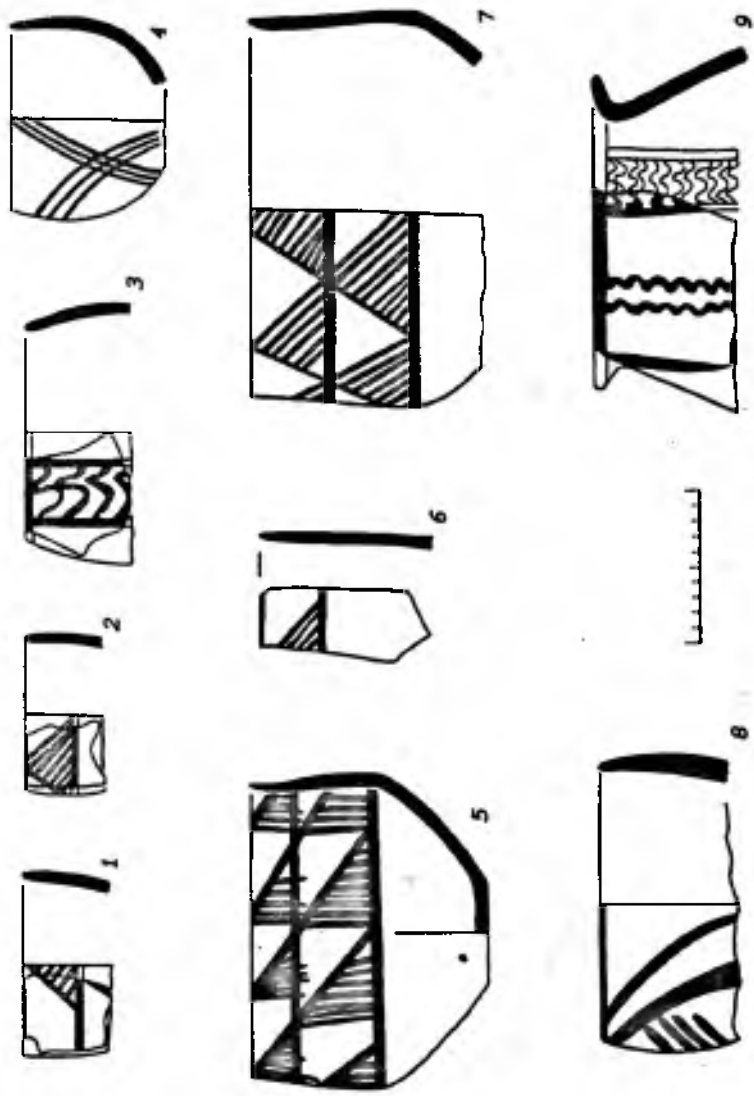

Табл. 64. Могильник Пархай II: 1-9 — расписная керамика.

Pl. 64. Fragments and whole painted vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

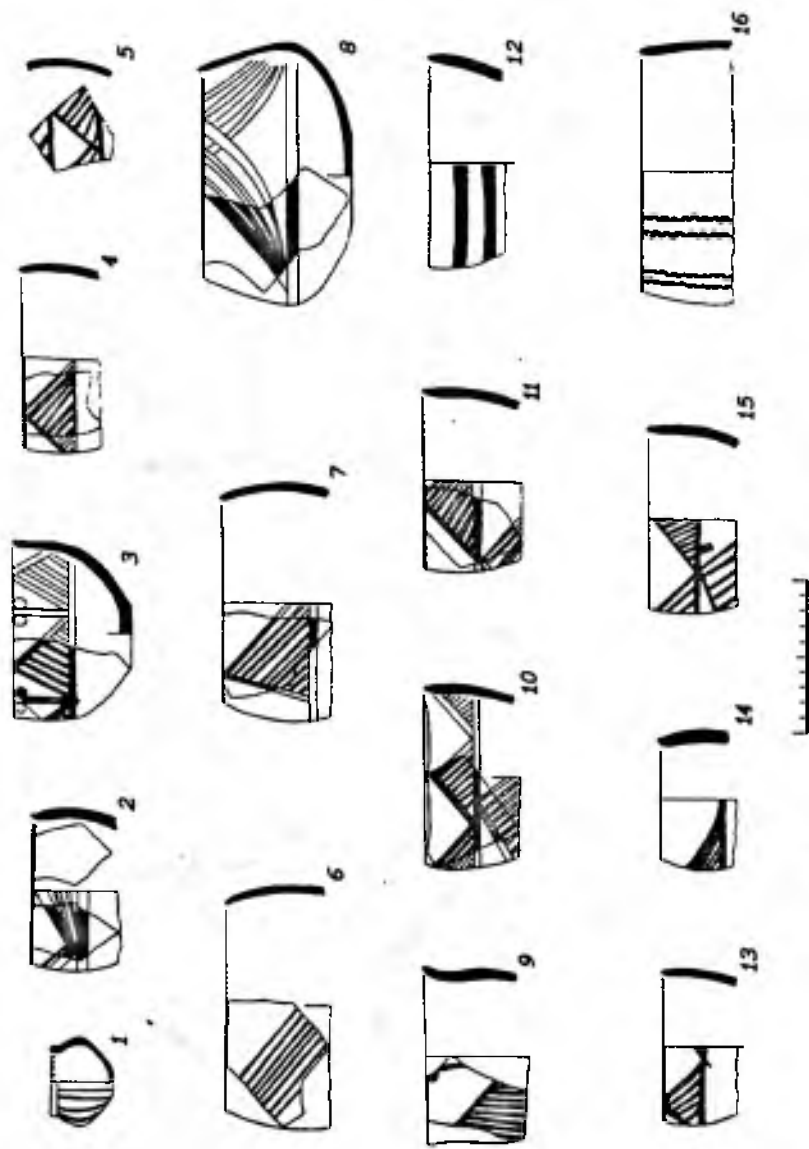

Табл. 65. Могильник Пархай II: 1-16 — расписная керамика.

Pl. 65. Fragments and whole painted vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

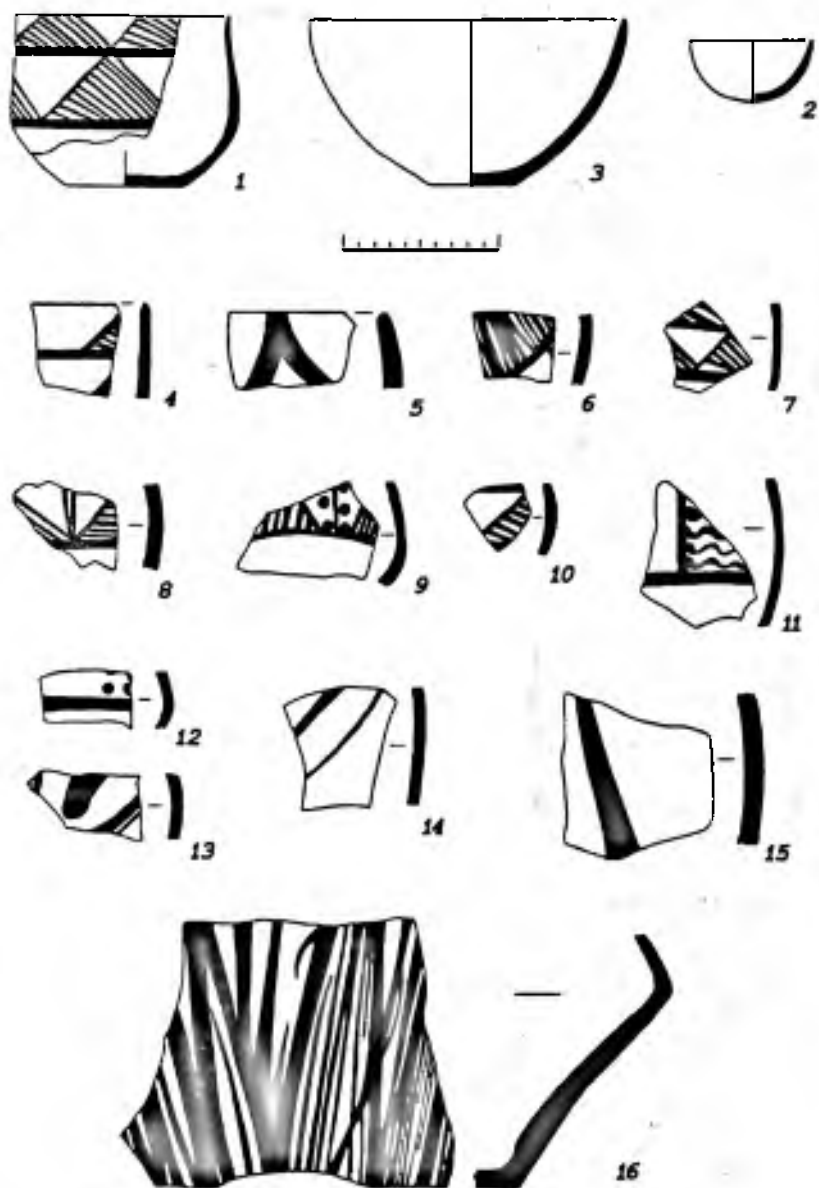

Табл. 66. Могильник Пархай II: 1-16 — расписная и красноангобированная керамика.

Pl. 66. Fragments and whole painted and red-slipped vessels from various graves of the Parkhai II burial ground.

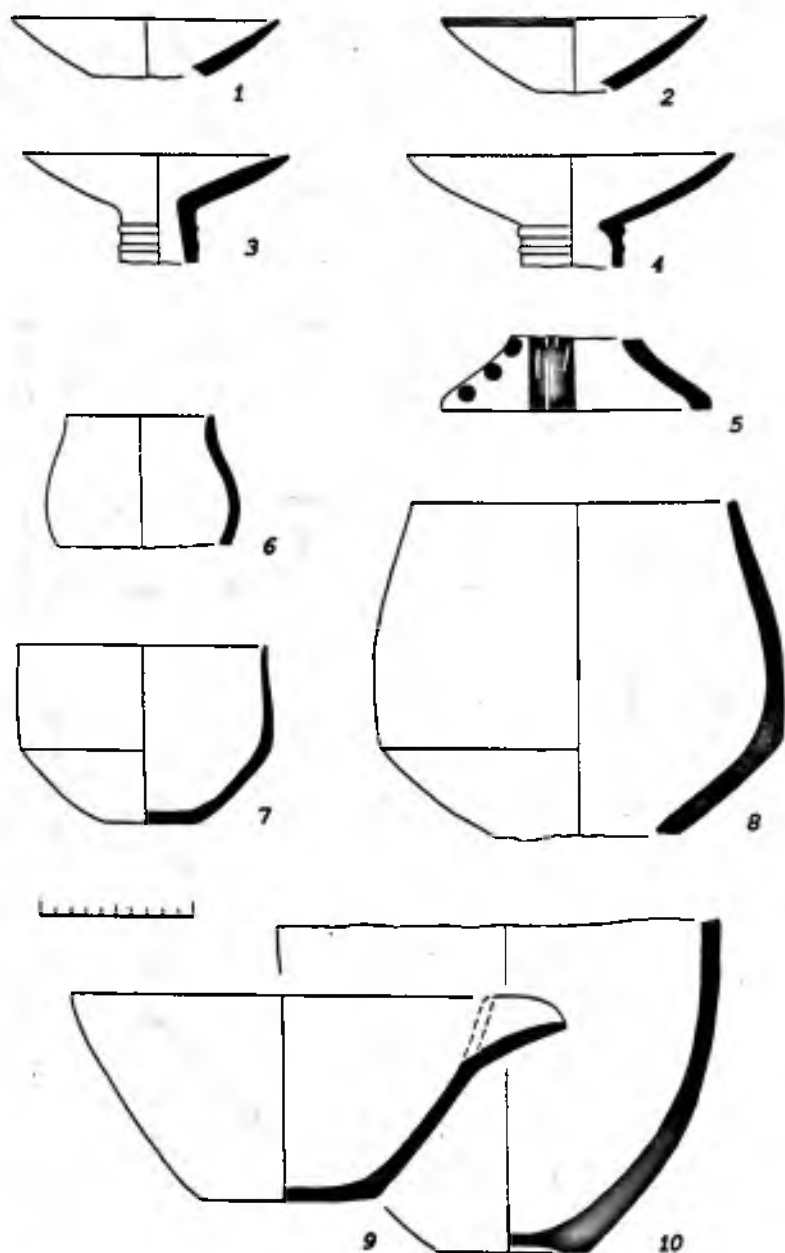

Табл. 67. Могильник Пархай II: 1-5 — фрагменты вазообразных жертвенников из подъемного материала; 6-10 — красноангобированная керамика.

Pl. 67. The Parkhai II burial ground: 1-5 — fragments of sacrificial vessels resembling a vase (surface finds); 6-10 — red-slipped pottery.

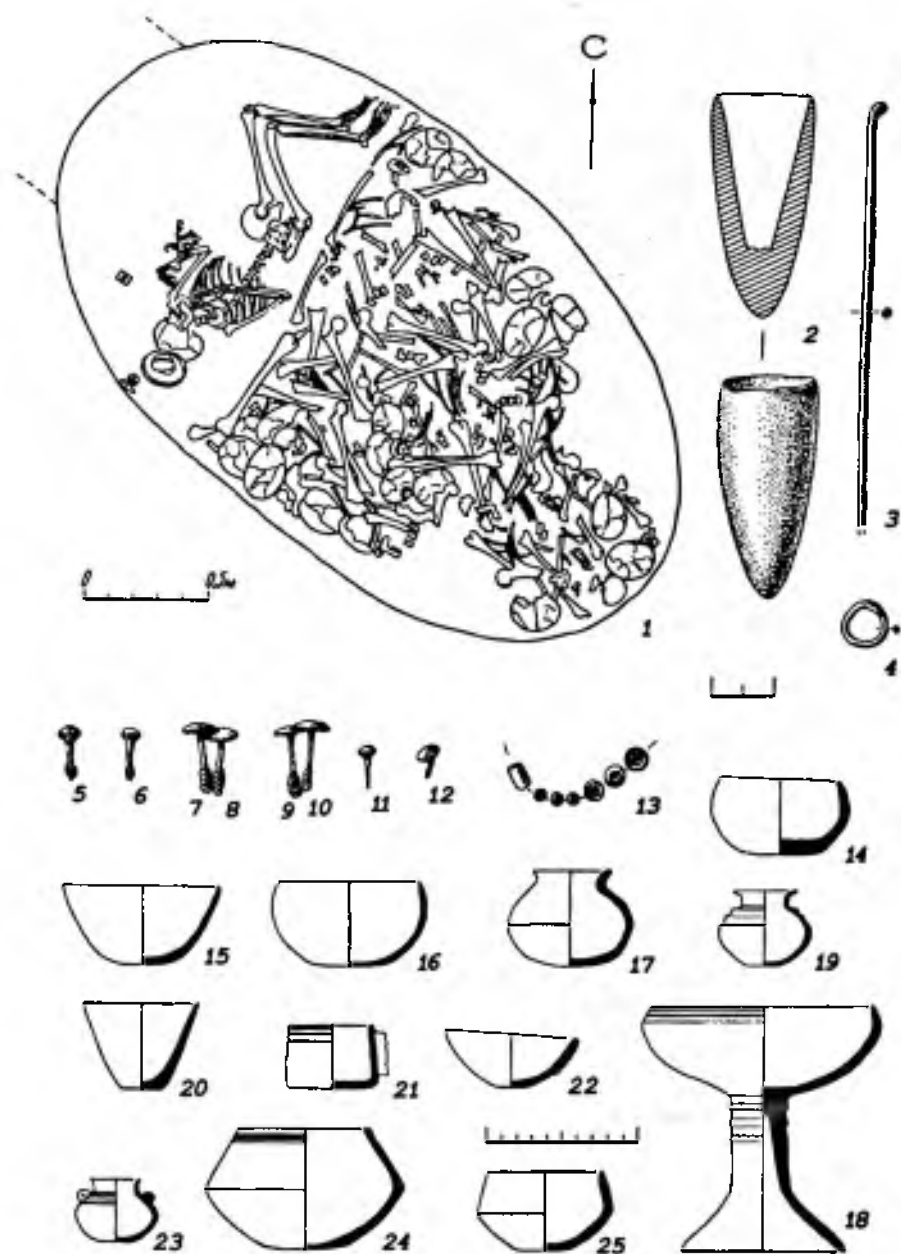

Табл. 68. Камера 19-низ: 1 — план погребения; 2 — алебастровый сосудик; 3-12 — медные изделия; 13 — бусы; 14-25 — сосуды.

Pl. 68. Lower level of Grave 19: 1 — plan of Grave; 2 — alabaster vessel; 3-12 — copper objects; 13 — beads; 14-25 — vessels.

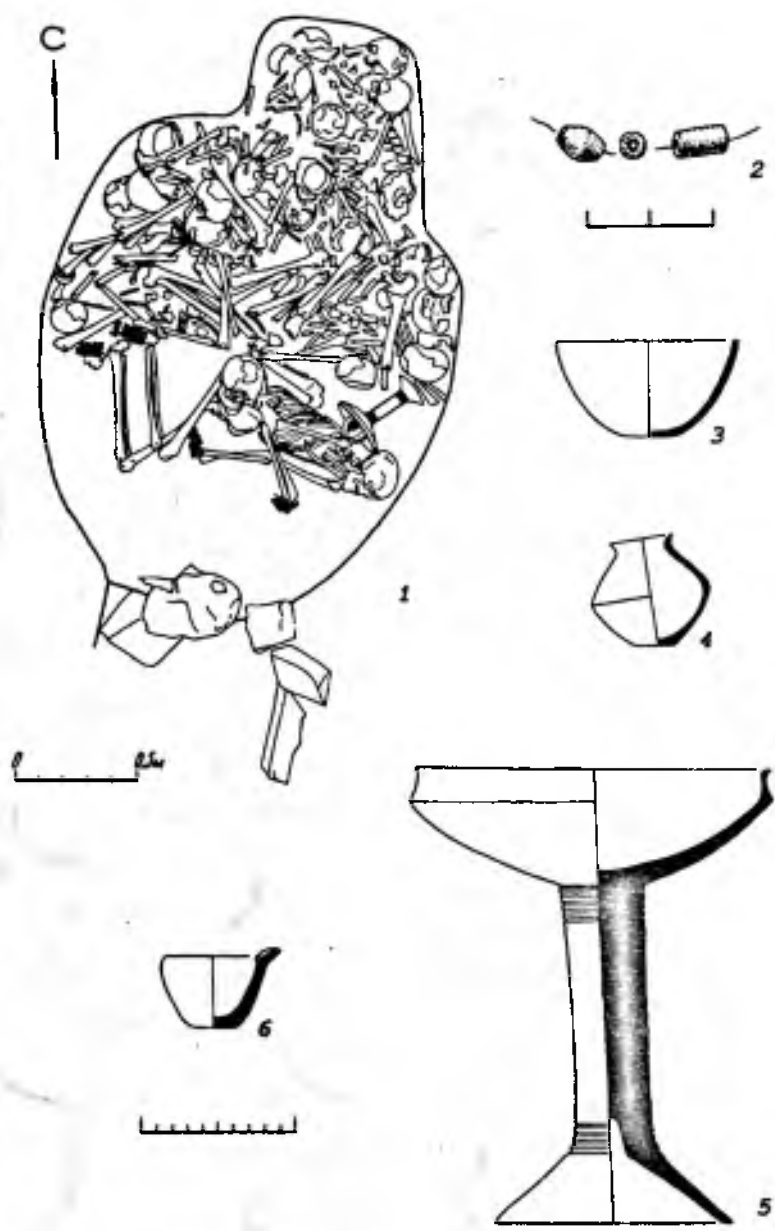

Табл. 69. Камера 29: 1 — план погребения; 2 — бусы;
3-6 — сосуды.

Pl. 69. Grave 29: 1 — plan of Grave; 2 — beads;
3-6 — vessels.

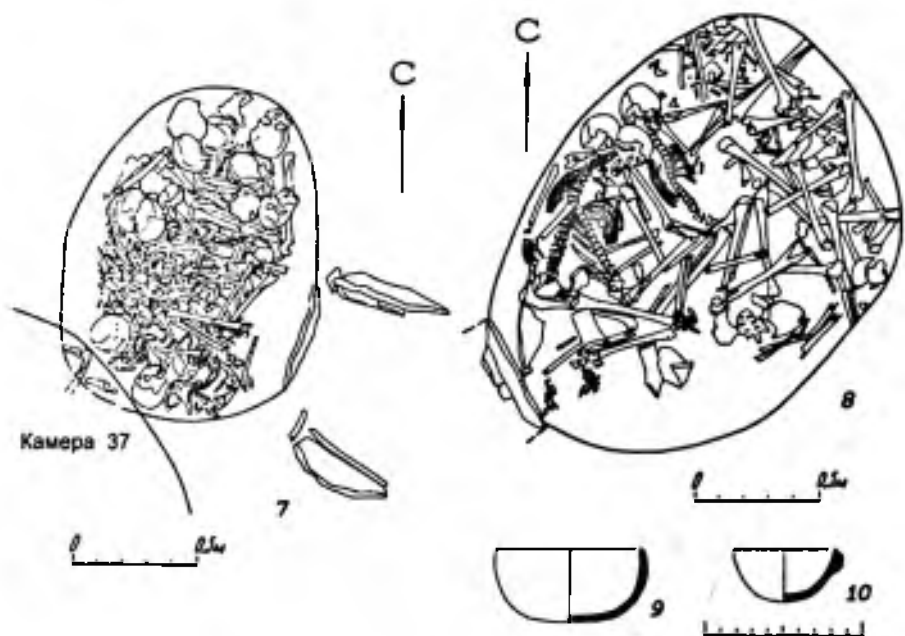
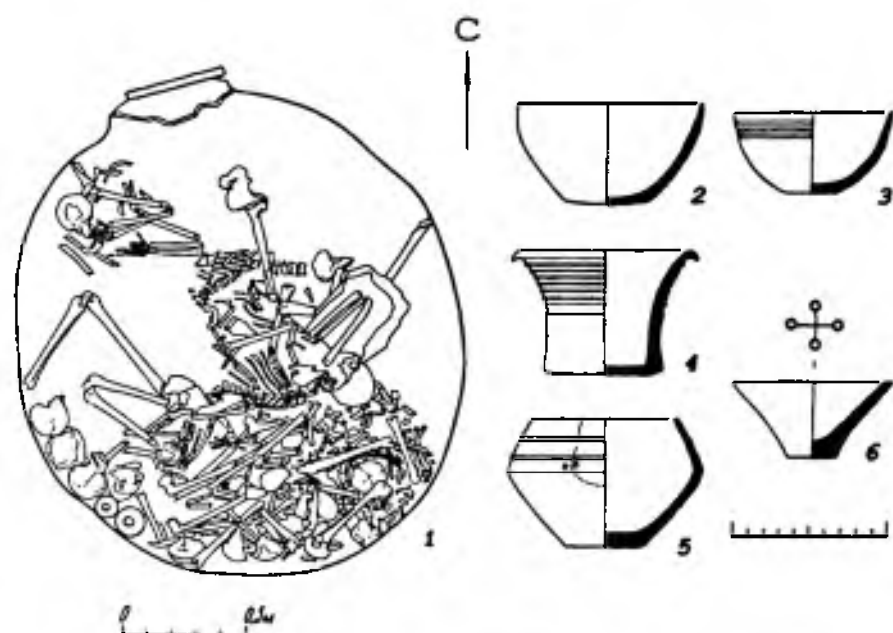

Табл. 70. Камеры 34-36: 1 — план камеры 34; 2-6 — сосуды из камеры 34; 7 — план камеры 35; 8 — план камеры 36; 9, 10 — сосуды из камеры 36.

Pl. 70. Graves 34-36: 1 — plan of Grave 34; 2-6 — vessels from Grave 34; 7 — plan of Grave 35; 8 — plan of Grave 36; 9, 10 — vessels from Grave 36.

Табл. 71. Камера III: 1 — план погребения; 2, 3 — медные гвоздики; 4 — медное кольцо; 5 — бусы.

Pl. 71. Grave III: 1 — plan of Grave; 2, 3 — copper nails; 4 — copper ring; 5 — beads.

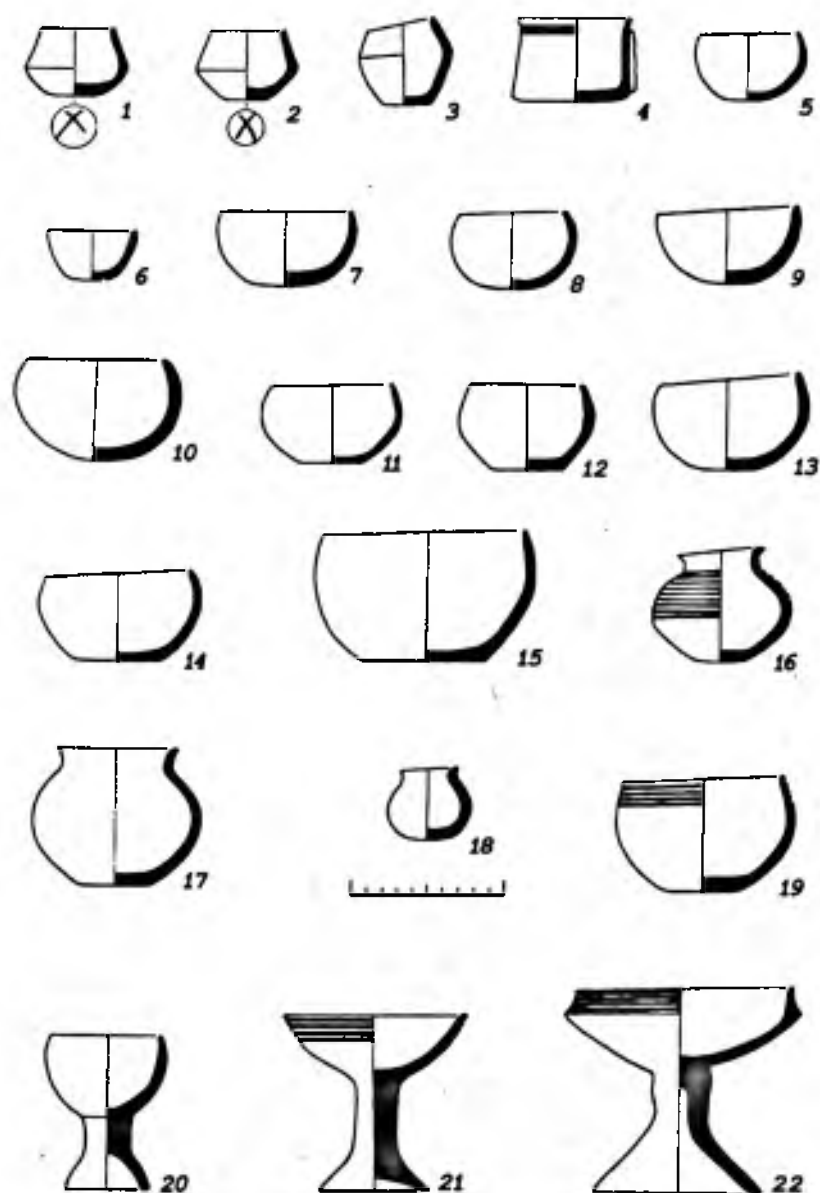

Табл. 72. Камера 111: 1-22 — сосуды.

Pl. 72. Vessels from Grave 111.

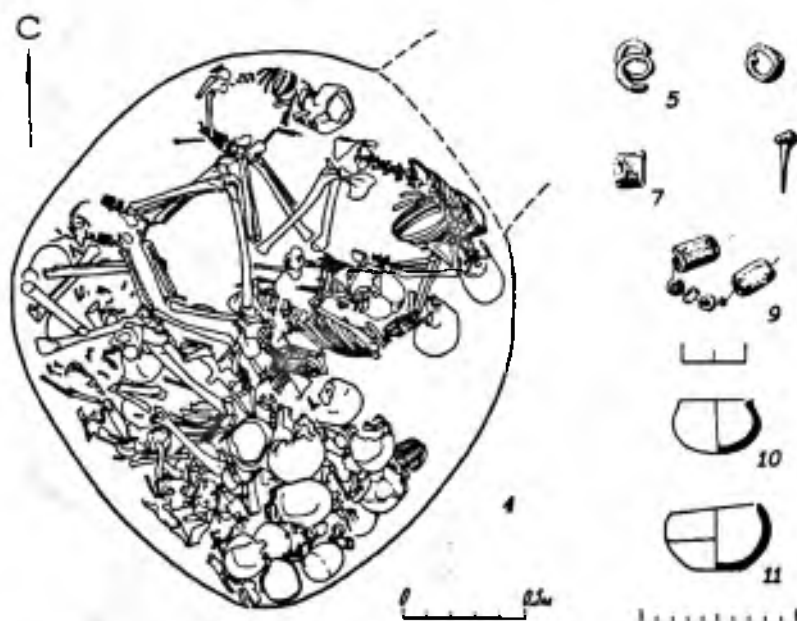
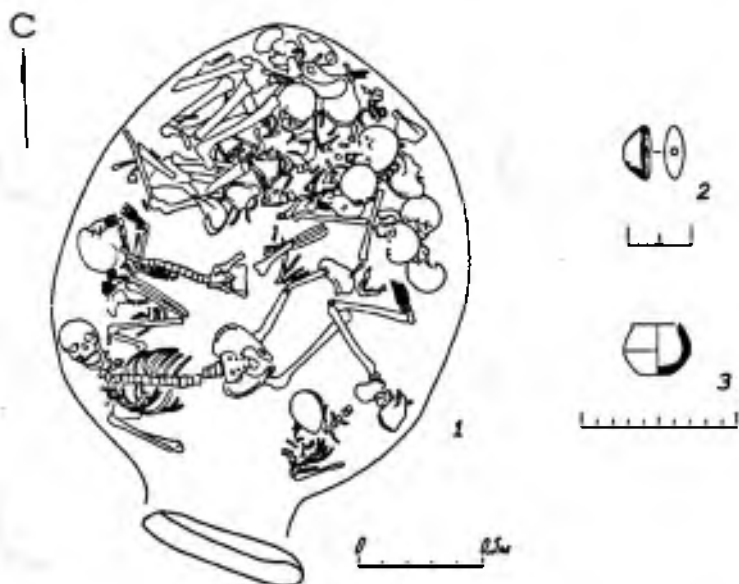

Табл. 73. Камера 116-низ: 1 — план погребения; 2 — бусина; 3 — сосуд.
 Камера 119-низ: 4 — план погребения; 5-8 — медные изделия;
 9 — бусы; 10-11 — сосуды.

Pl. 73. Lower level of Graves 116, 119: 1 — plan of the Grave 116; 2 — bead;
 3 — vessel; 4 — plan of the Grave 119; 5, 6 — spiral copper rings;
 7 — copper ring; 8 — copper nail; 9 — beads; 10, 11 — vessels.

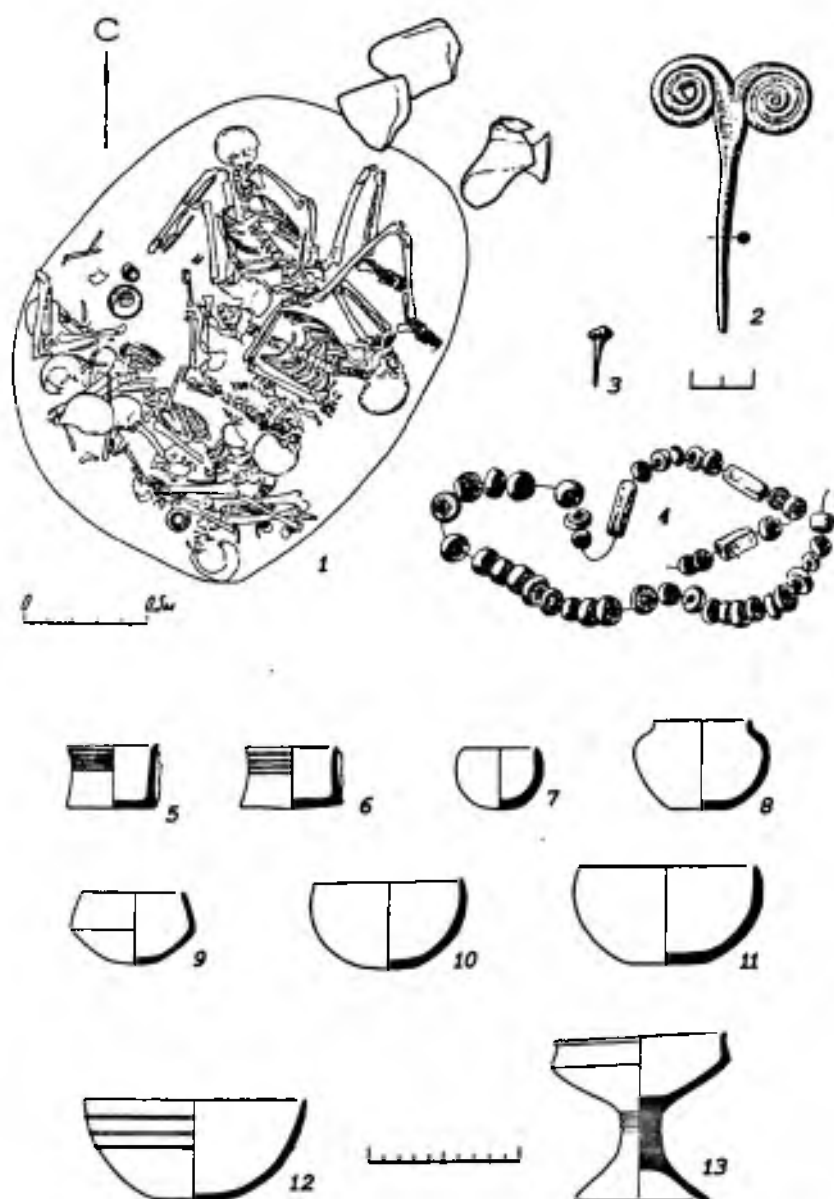

Табл. 74. Камера 119-верх: 1 — план погребения; 2 — медная булавка; 3 — медный гвоздик; 4 — бусы; 5-13 — сосуды.

Pl. 74. Upper level of Grave 119: 1 — plan of Grave; 2 — copper pin; 3 — copper nail; 4 — beads; 5-13 — vessels.

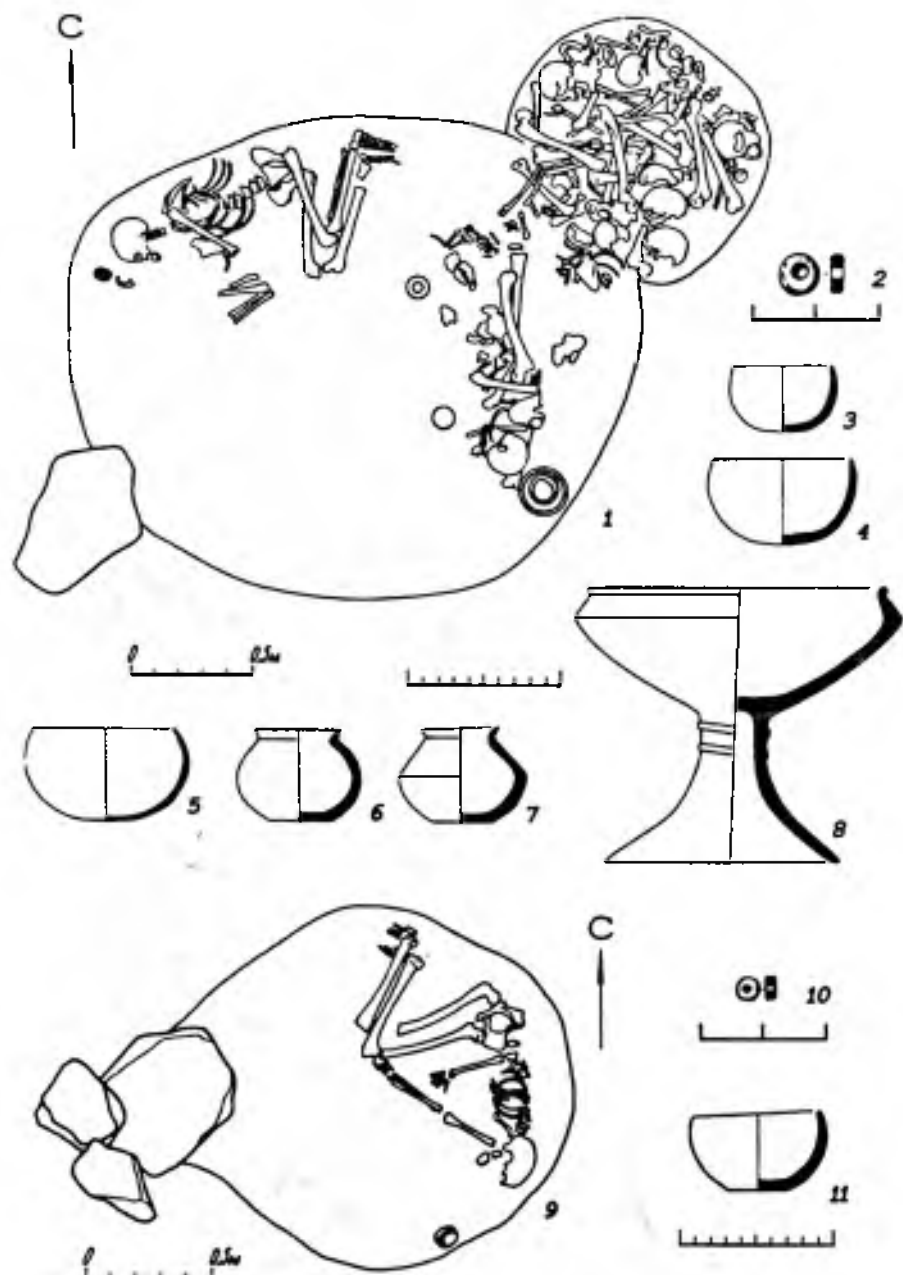

Табл. 75. Камера 180-низ: 1 — план погребения; 2 — бусина; 3-8 — сосуды.
Камера 180-верх: 9 — план погребения; 10 — бусина; 11 — сосуд.

Pl. 75. Grave 180: 1 — plan of the lower level of the Grave; 2 — bead; 3-8 — vessels;
9 — plan of the upper level of the Grave; 10 — bead; 11 — vessel.

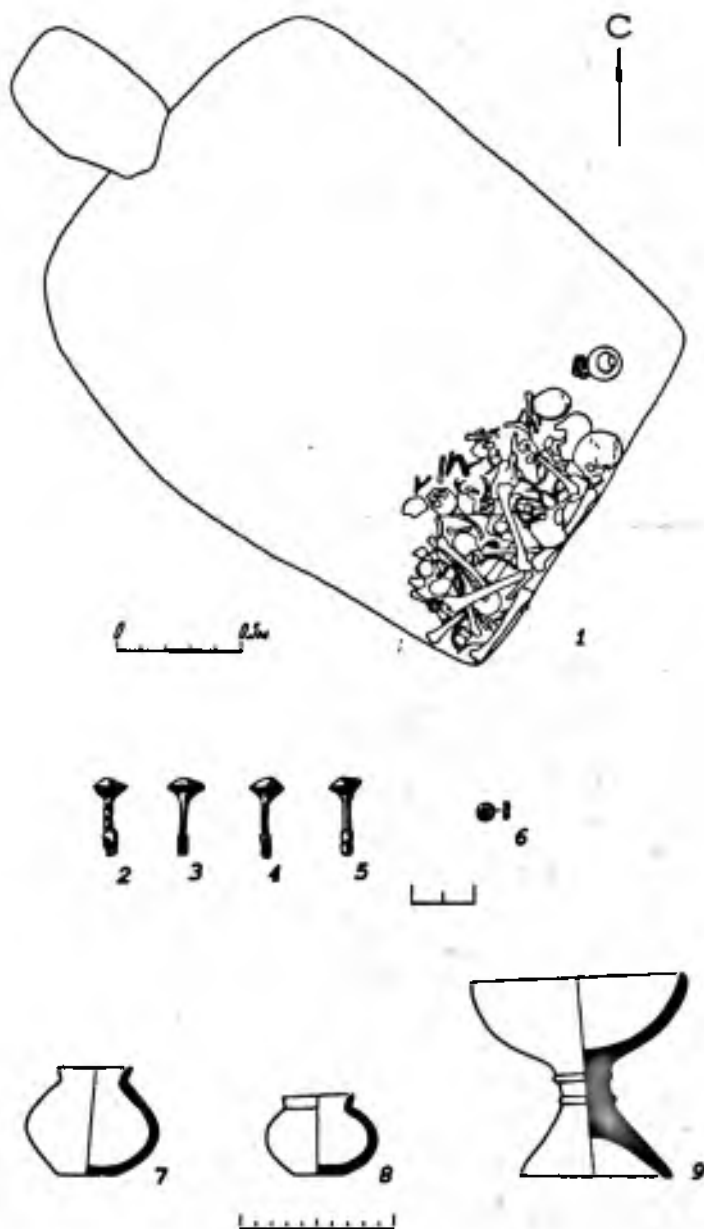

Табл. 76. Камера 184: 1 — план погребения; 2-5 — медные гвоздики; 6 — бусина; 7-9 — сосуды.

Pl. 76. Grave 184: 1 — plan of Grave; 2-5 — copper nails; 6 — bead; 7-9 — vessels.

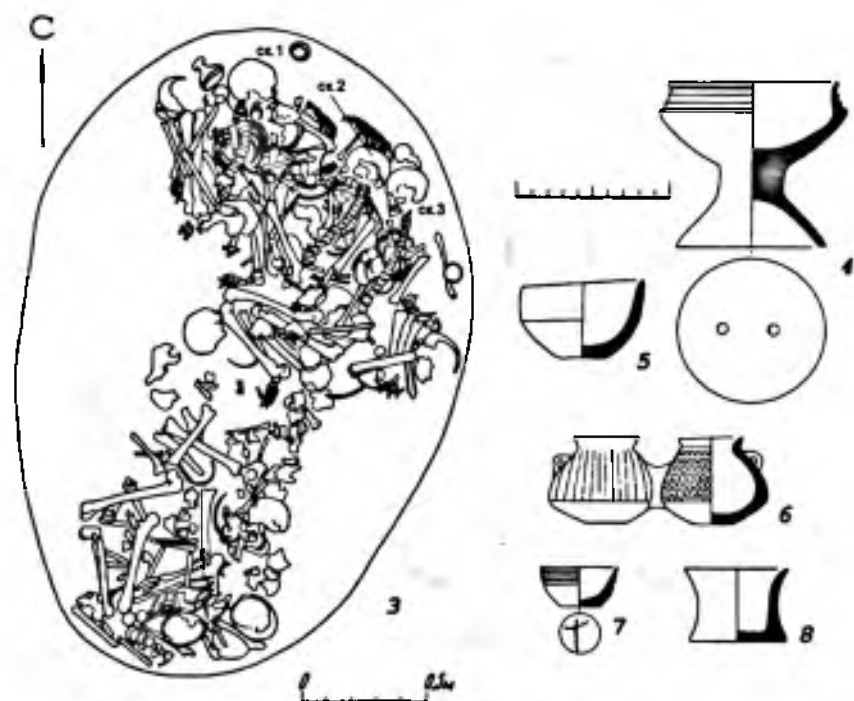
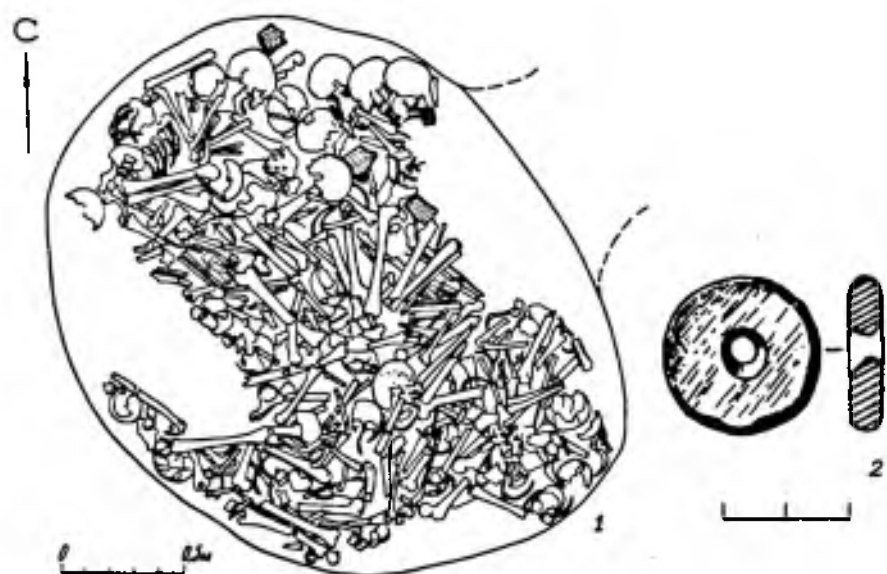

Табл. 77. Камеры 189, 191. Камера 189: 1 — план погребения; 2 — пронизка. Камера 191: 3 — план погребения; 4-8 — сосуды.

Pl. 77. Graves 189, 191: 1 — plan of Grave 189; 2 — spacer-bead made of quartz; 3 — plan of Grave 191; 4-8 — vessels.

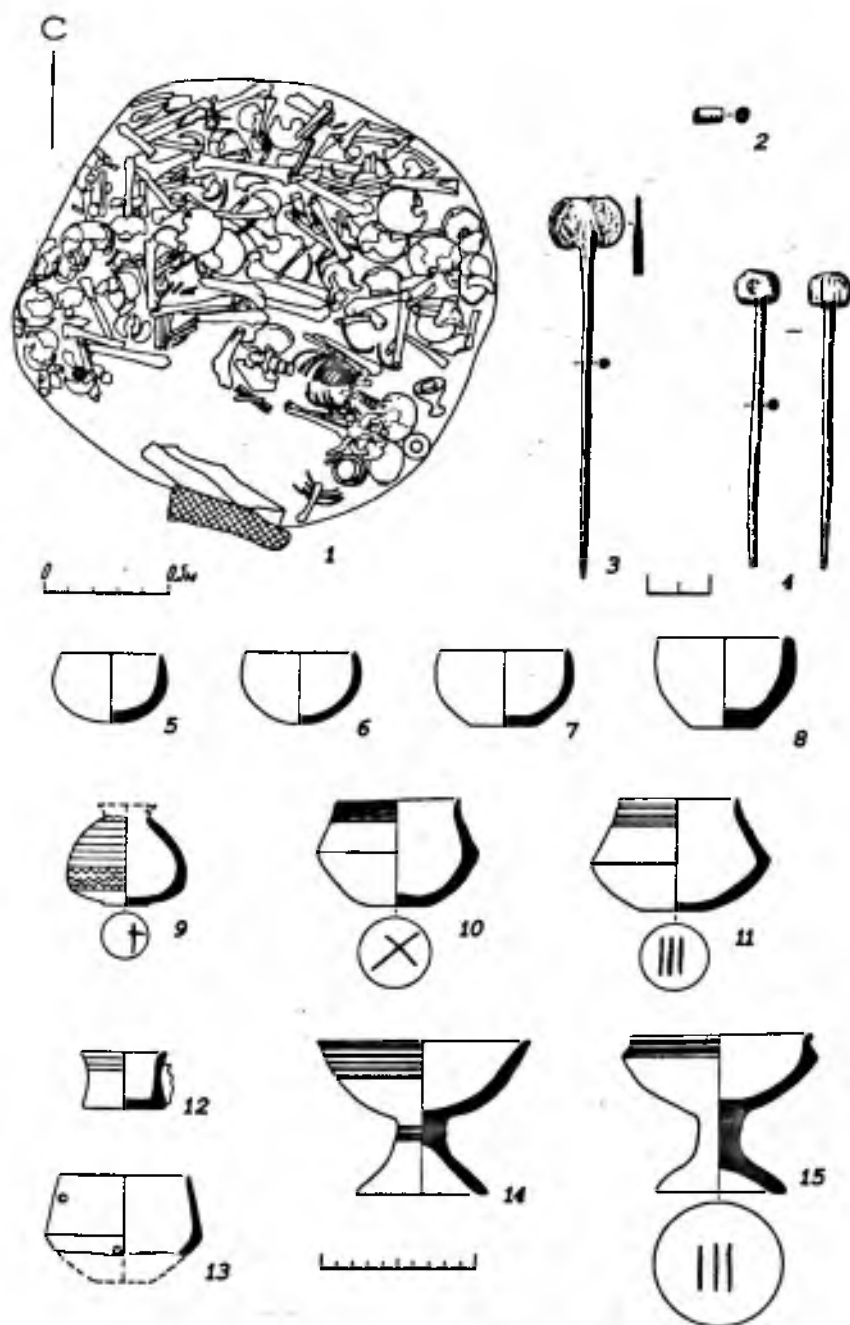

Табл. 78. Камера 190: 1 — план погребения; 2 — бусина;
3 — медная булавка; 4 — костяная булавка; 5-15 — сосуды.

Pl. 78. Grave 190: 1 — plan of Grave; 2 — copper pin;
3 — bone pin; 4 — bead; 5-15 — vessels.

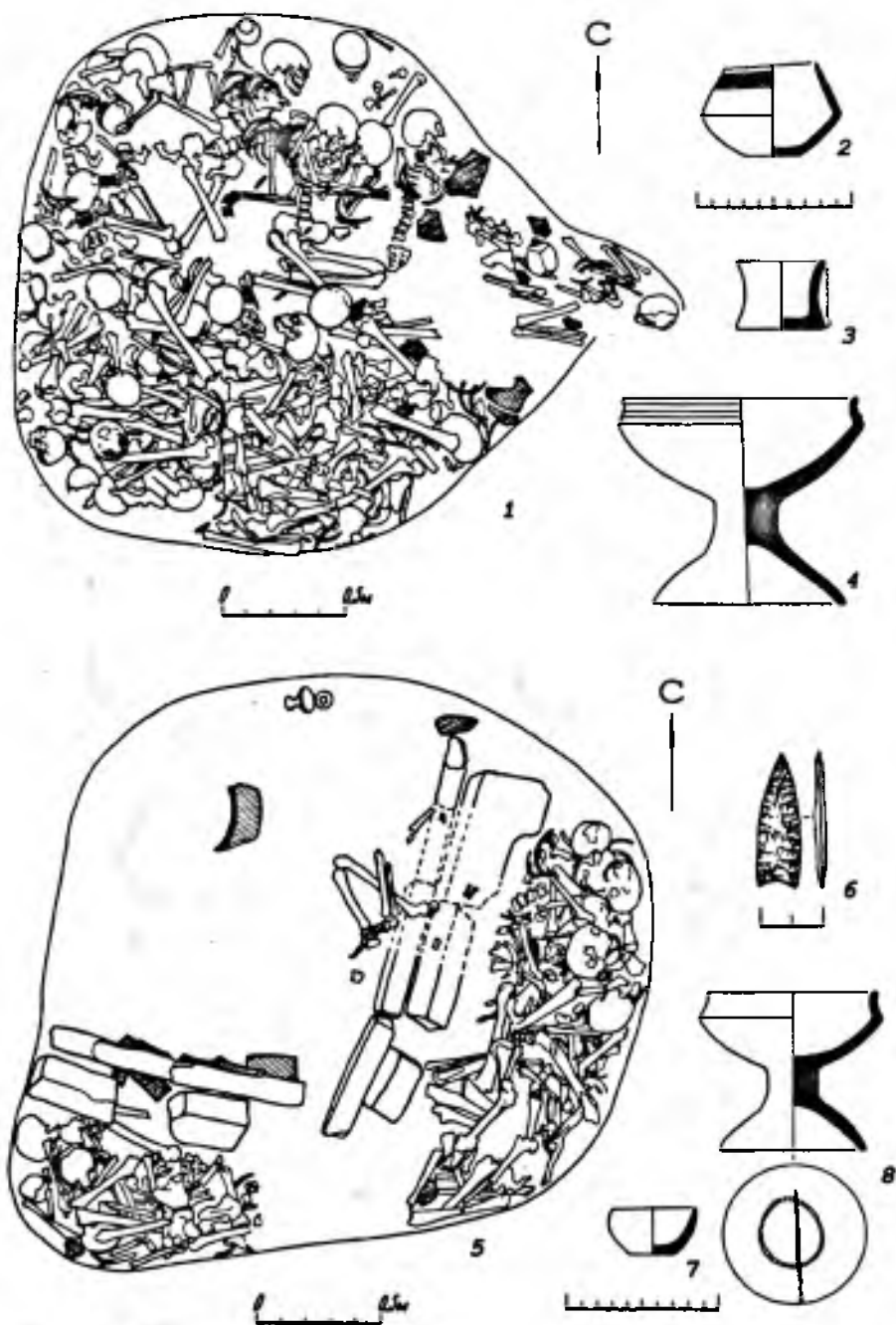

Табл. 79. Камера 192: 1 — план погребения; 2-4 — сосуды. Камера 195: 5 — план погребения; 6 — кремневый наконечник стрелы; 7, 8 — сосуды.

Pl. 79. Graves 192, 195: 1 — plan of Grave 192; 2-4 — vessels; 5 — plan of Grave 195; 6 — flint arrow-head; 7, 8 — vessels.

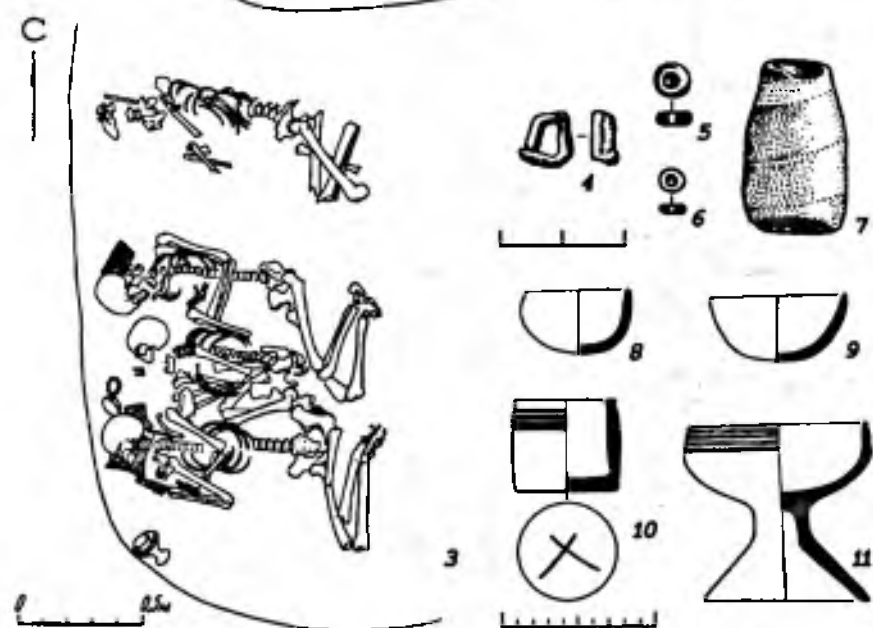
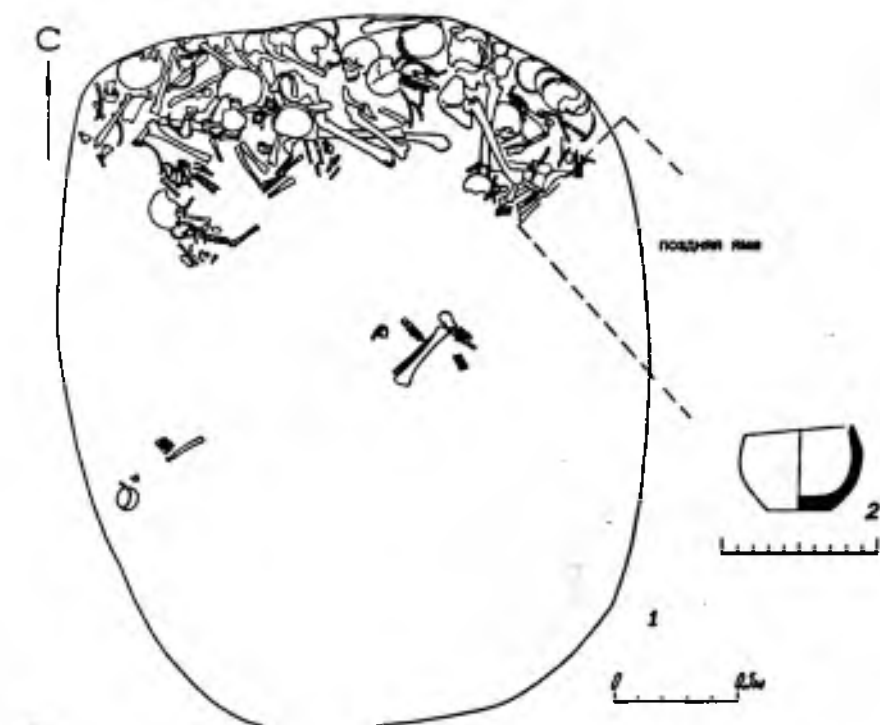

Табл. 80. Камера 202-низ: 1 — план погребения; 2 — сосуд. Камера 202-верх: 3 — план погребения; 4 — медное кольцо; 5, 6 — бисер; 7 — бусина; 8-11 — сосуды.
 Pl. 80. Grave 202: 1 — plan of the lower level of the Grave; 2 — vessel; 3 — plan of the upper level of the Grave; 4 — ring; 5, 6 — glass bead; 7 — bead; 8-11 — vessels.

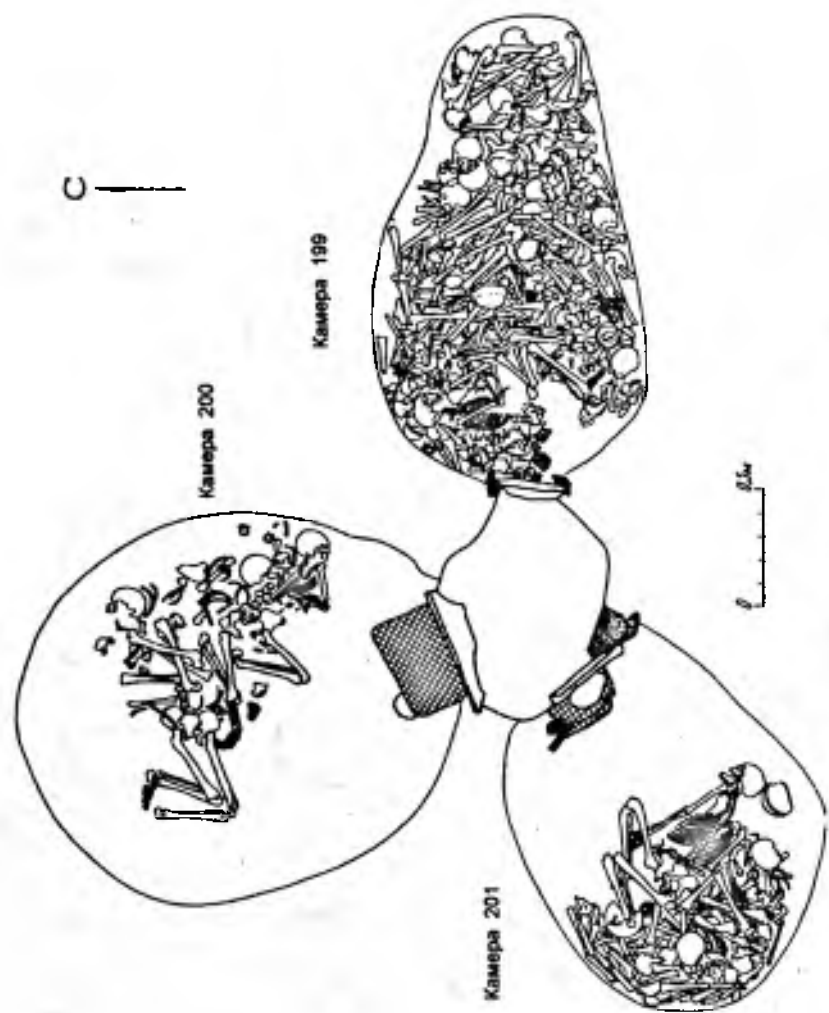

Табл. 81. Камеры 199-201.

Pl. 81. Plans of Graves 199-201.

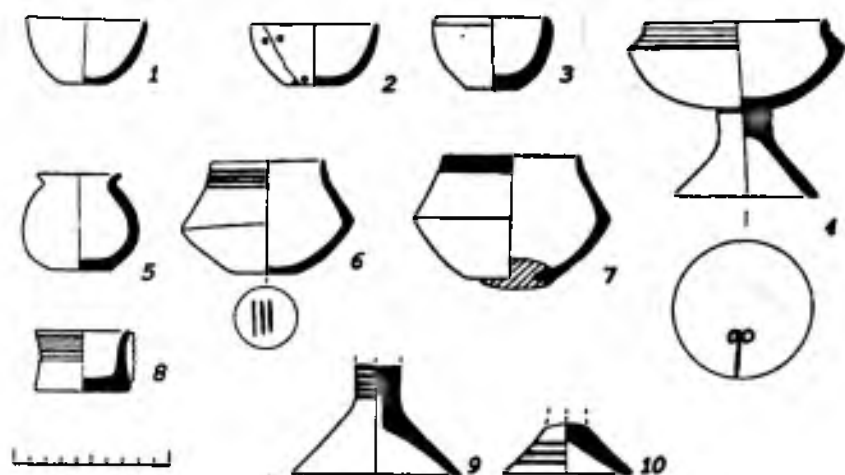

Табл. 82. Керамика из камер 199, 201: 1-10 — из камеры 199;
11-22 — из камеры 201.

Pl. 82. Ceramics from Graves 199, 201: 1-10 — from Grave 199;
11-22 — from Grave 201.

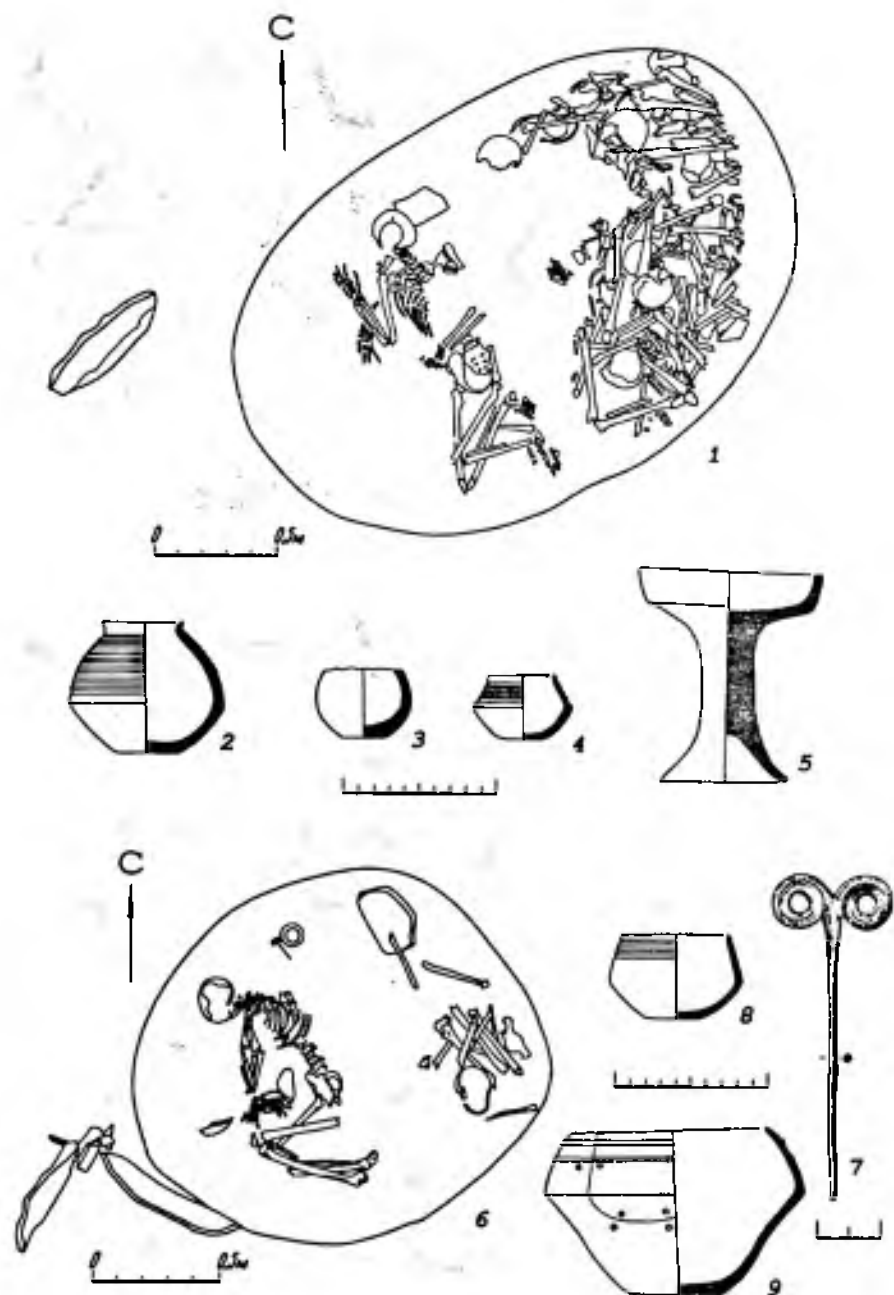

Табл. 83. Камера 42-низ: 1 — план погребения; 2-5 — сосуды.
Камера 42-верх: 6 — план погребения; 7 — медная булавка; 8, 9 — сосуды.

Pl. 83. Grave 42: 1 — plan of the lower level of the Grave; 2-5 — vessels;
6 — plan of the upper level of the Grave; 7 — copper pin; 8, 9 — vessels.

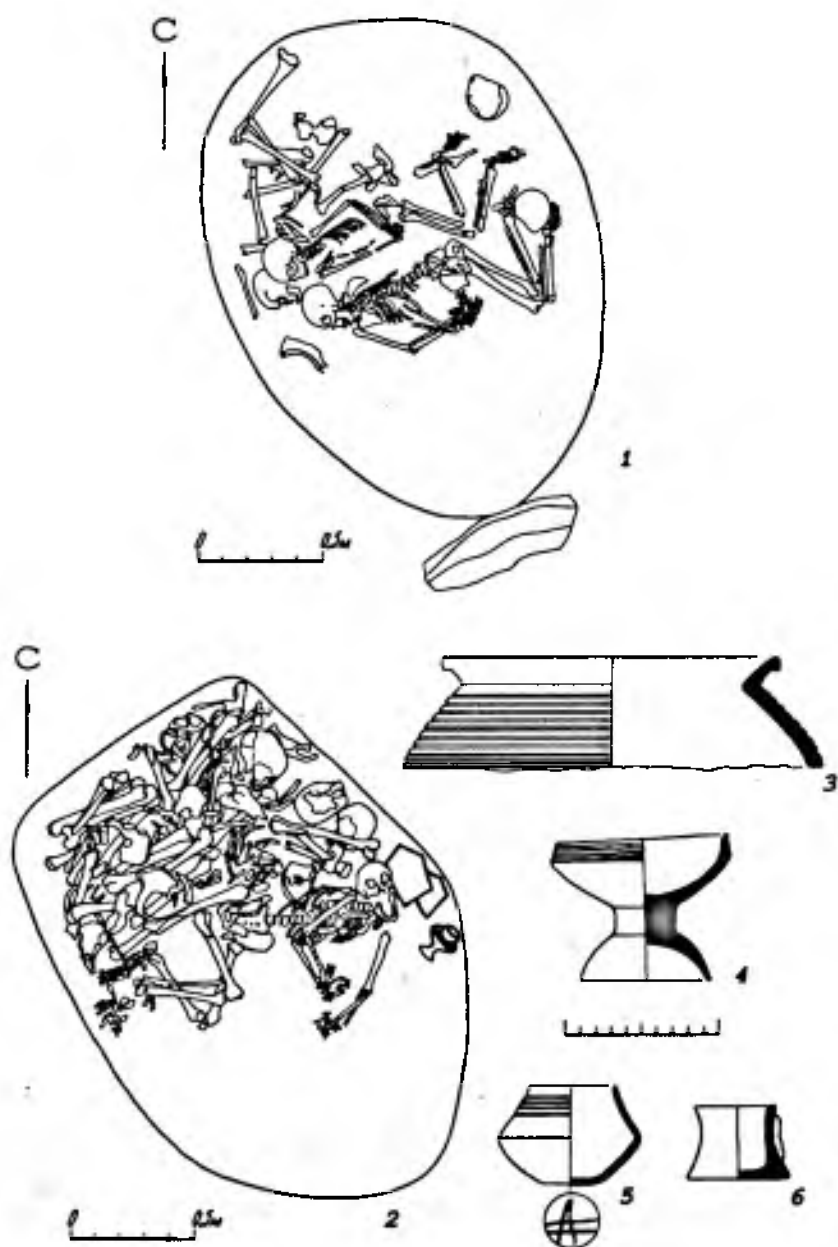

Табл. 84. Камера 43-верх: 1 — план погребения. Камера 43-низ:
2 — план погребения; 3-6 — сосуды.

Pl. 84. Grave 43: 1 — plan of the upper level of the Grave;
2 — plan of the lower level of the Grave; 3-6 — vessels.

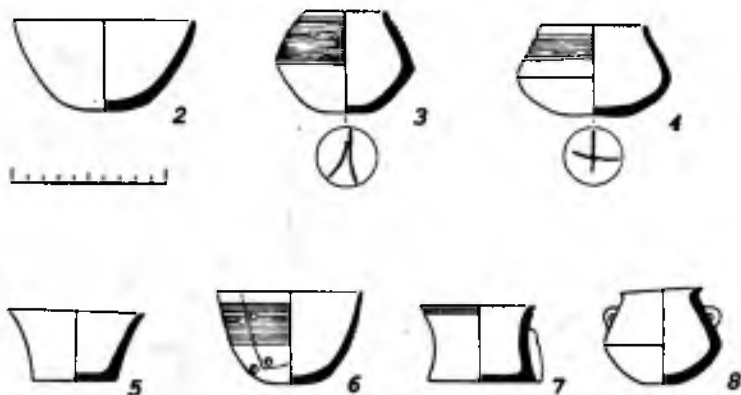

Табл. 85. Камеры 67, 77. Камера 67: 1 — план погребения.
Камера 77: 2-8 — сосуды.

Pl. 85. Graves 67, 77: 1 — plan of Grave 67;
2-8 — vessels from Grave 77.

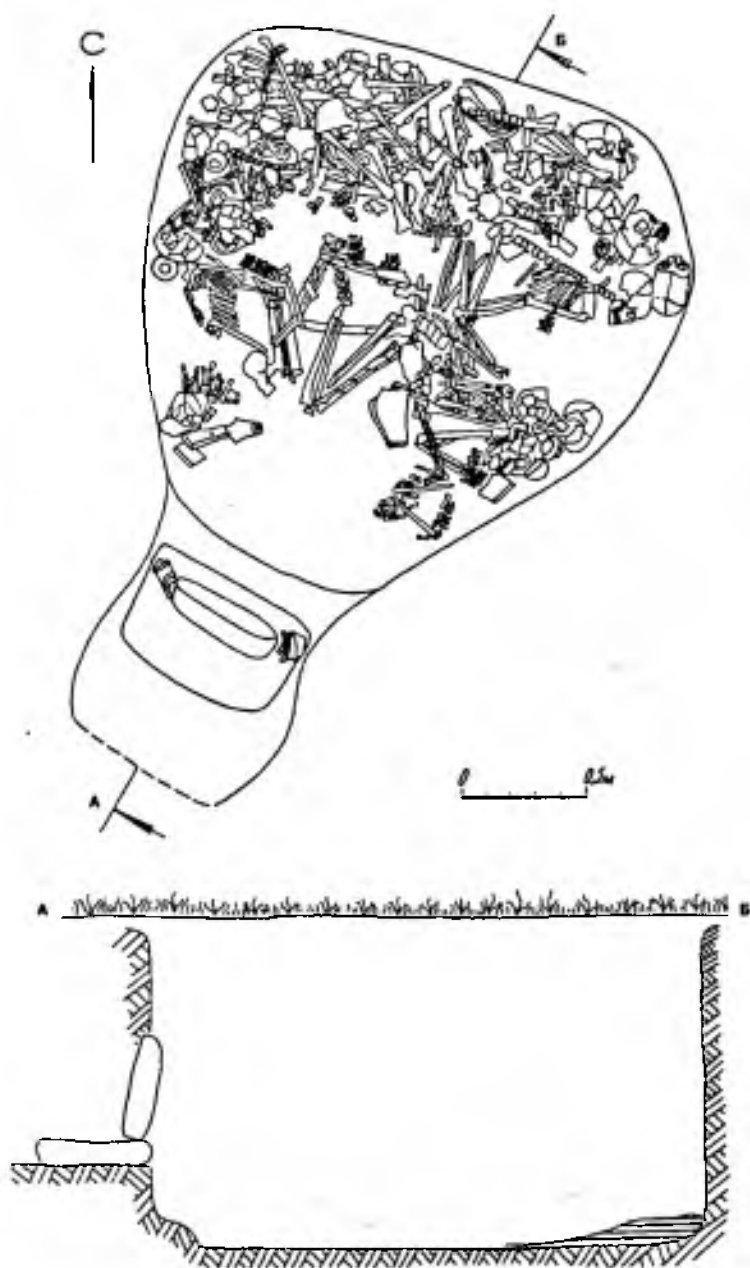

Табл. 86. План и разрез камеры 77.

Pl. 86. Plan and section of Grave 77.

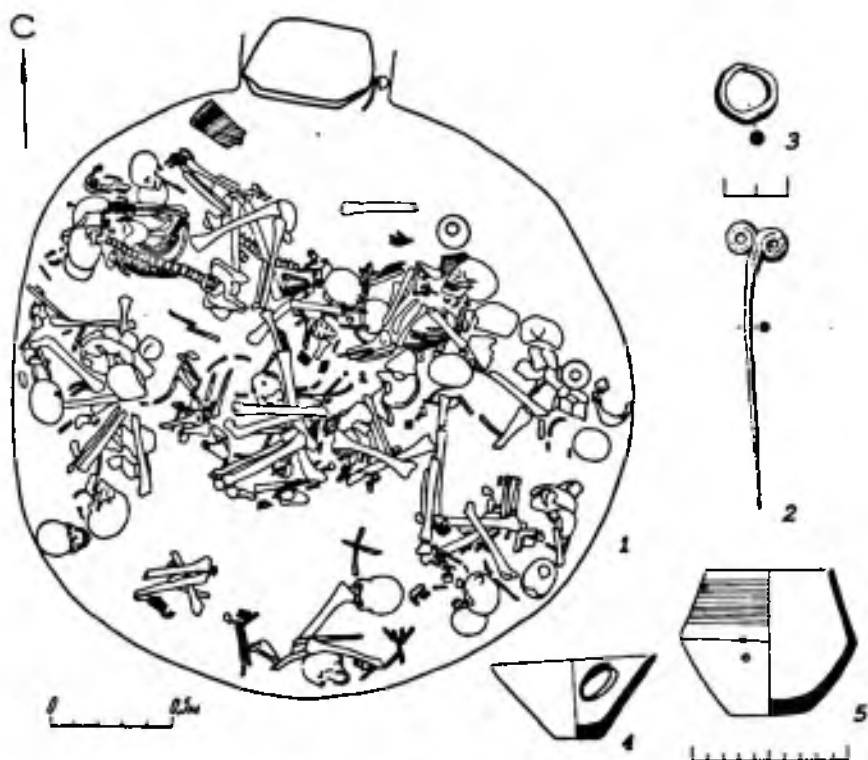

Табл. 87. Камера 97: 1 — план погребения; 2 — медная булавка; 3 — медное кольцо; 4, 5 — сосуды. Камера 114: 6 — план погребения.

Pl. 87. Graves 97, 114: 1 — plan of Grave 97; 2 — copper pin; 3 — copper ring; 4, 5 — vessels; 6 — plan of Grave 114.

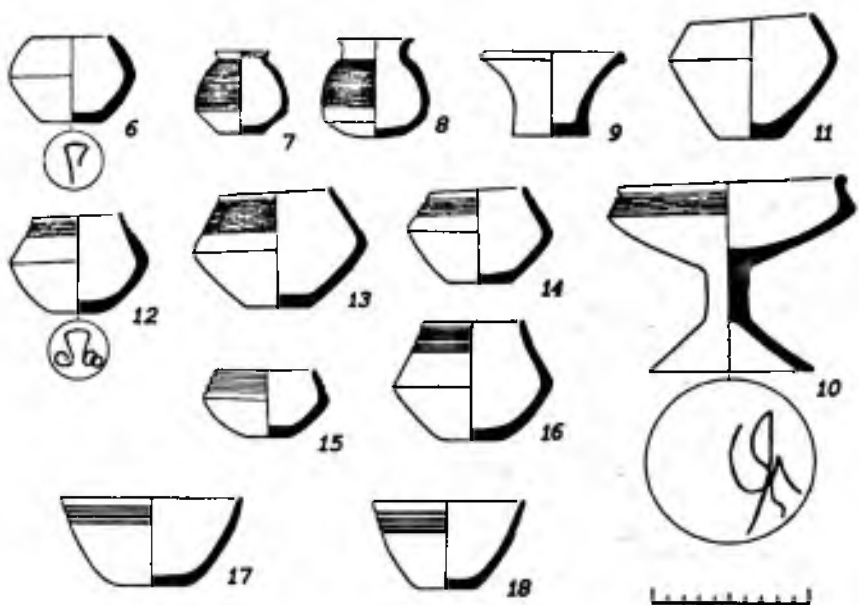

Табл. 88. Камера 98: 1 — план погребения; 2 — медная игла;
3, 4 — медные гвоздики; 5 — бусина; 6-18 — сосуды.

Pl. 88. Grave 98: 1 — plan of Grave; 2 — copper needle;
3, 4 — copper nails; 5 — bead; 6-18 — vessels.

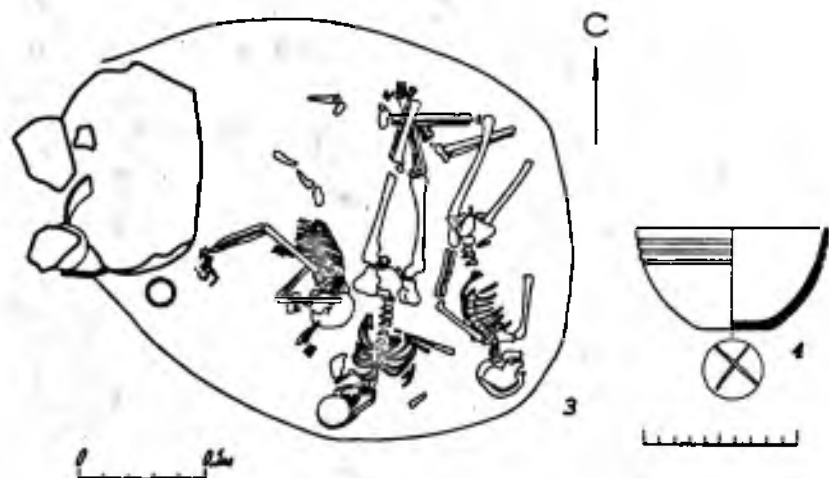
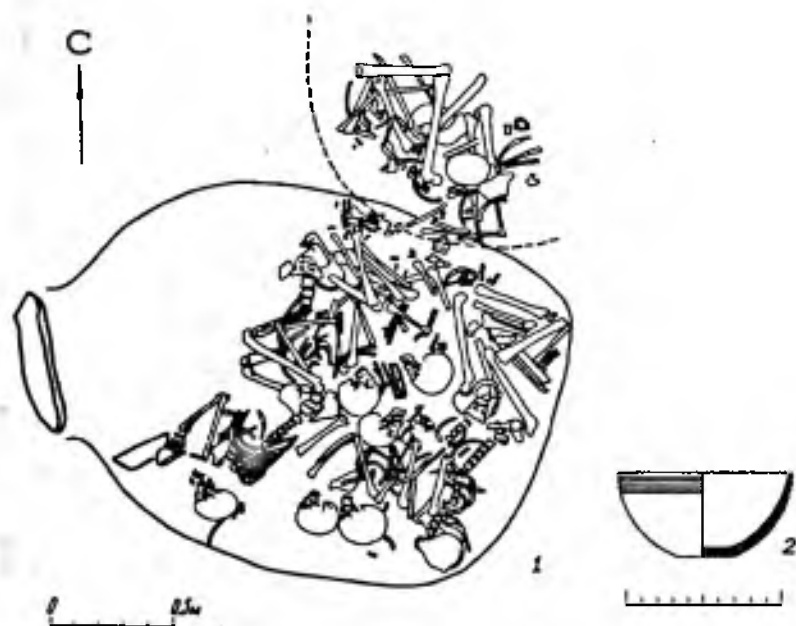

Табл. 89. Камера 110-низ: 1 — план погребения; 2 — сосуд.

Камера 110-верх: 3 — план погребения; 4 — сосуд.

Pl. 89. Grave 110: 1 — plan of the lower level of the Grave; 2 — vessel;

3 — plan of the upper level of the Grave; 4 — vessel.

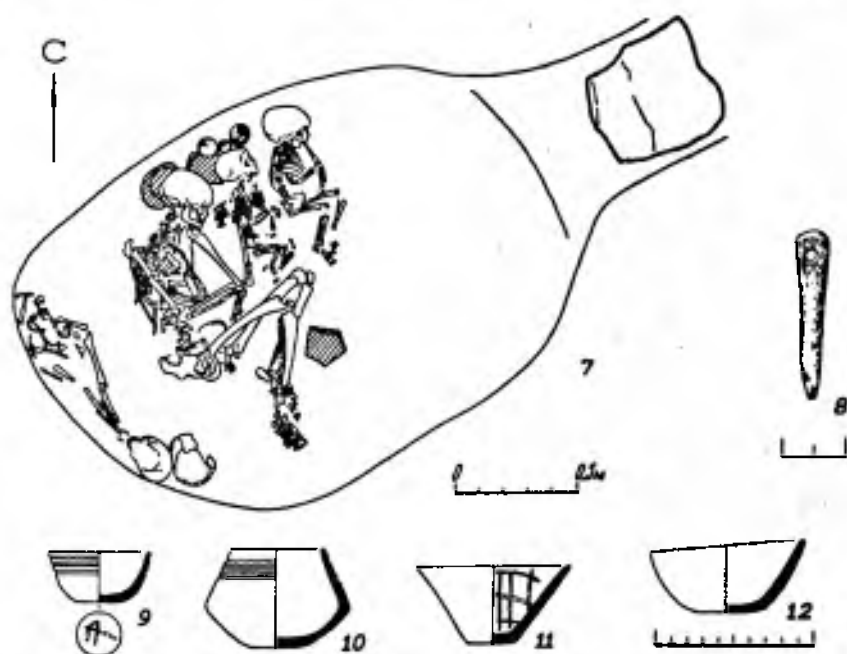
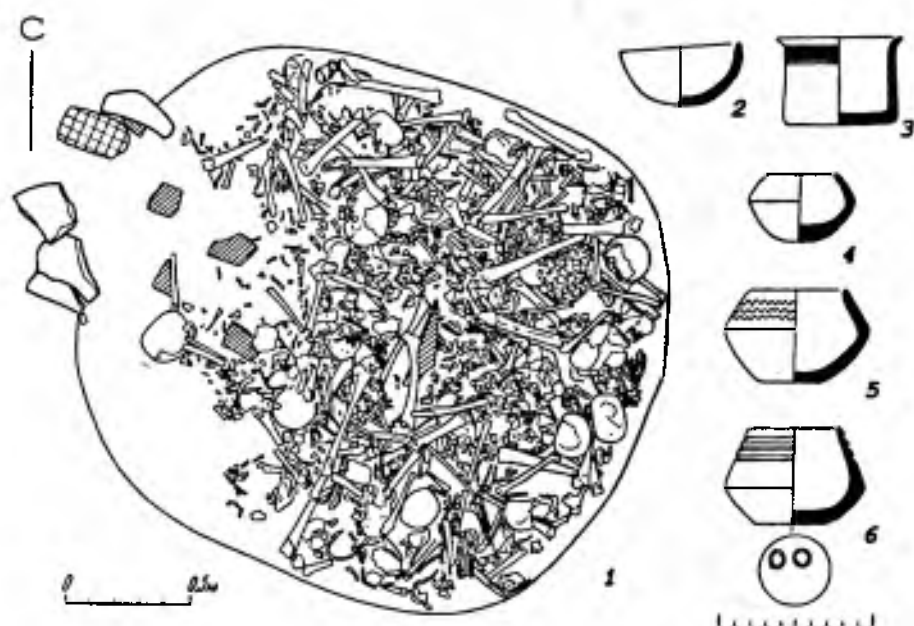

Табл. 90. Камера 128: 1 — план погребения; 2-6 — сосуды. Камера 129:
 7 — план погребения; 8 — костяное шило; 9-12 — сосуды.
 Pl. 90. Graves 128, 129: 1 — plan of Grave 128; 2-6 — vessels;
 7 — plan of Grave 129; 8 — bone awl; 9-12 — vessels.

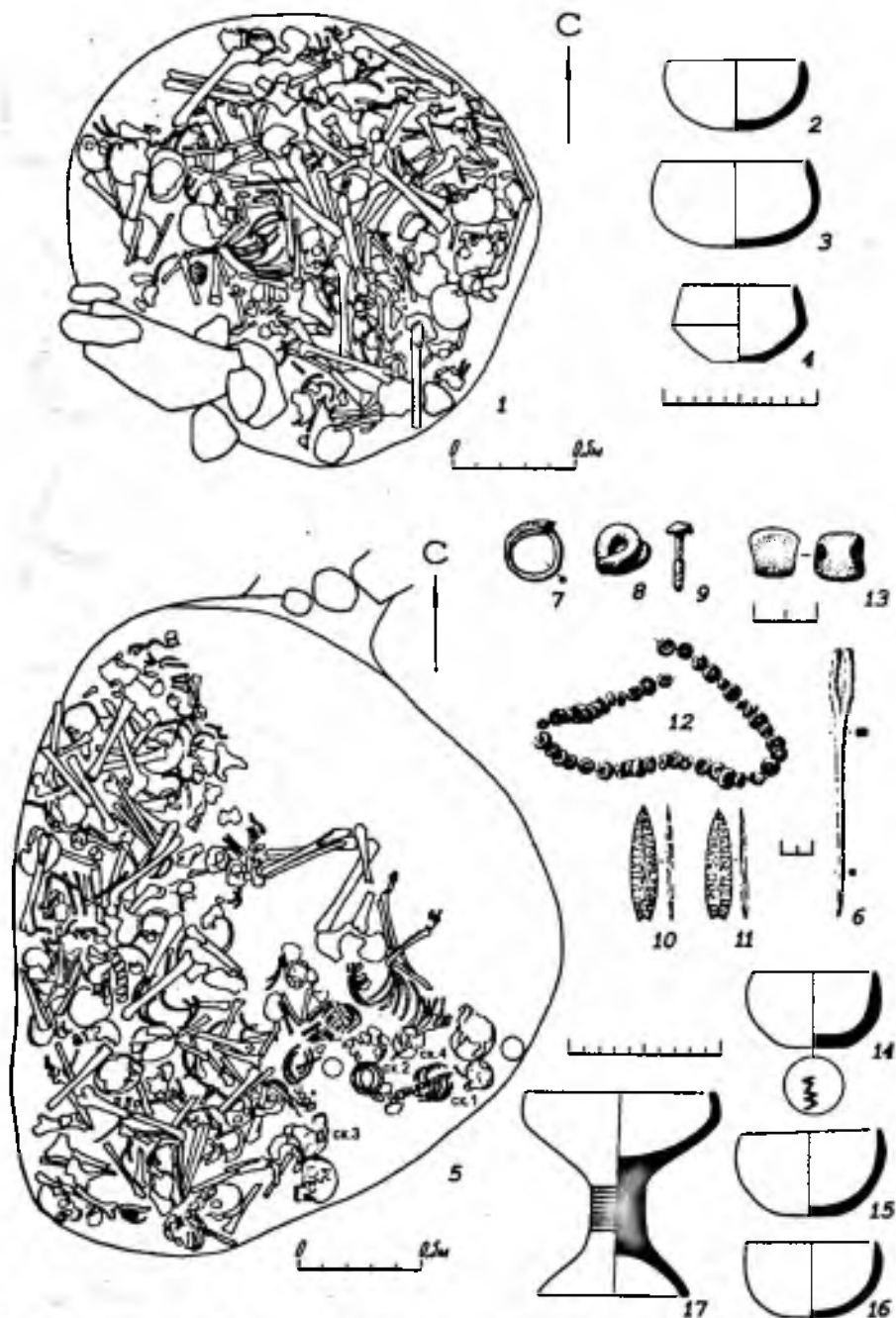

Табл. 91. Камера 174-низ: 1 — план погребения; 2-4 — сосуды. Камера 185: 5 — план погребения; 6-9 — медные изделия; 10, 11 — наконечники стрел; 12 — бусы; 13 — амулет; 14-17 — сосуды.

Pl. 91. Graves 174, 185: 1 — plan of the lower level of the Grave 174; 2-4 — vessels; 5 — plan of Grave 185; 6-9 — copper objects; 10, 11 — flint arrow-heads; 12 — beads; 13 — amulet; 14-17 — vessels.

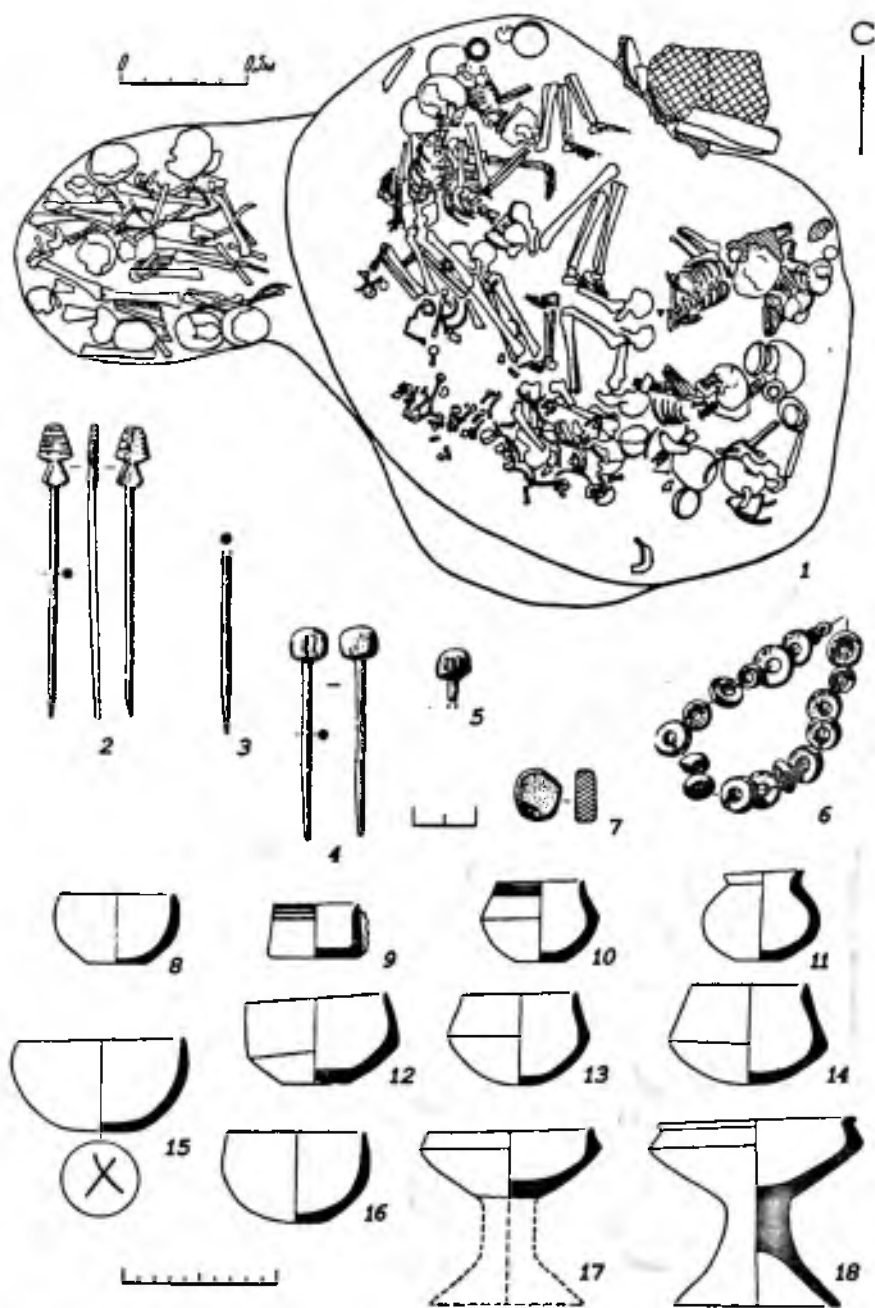

Табл. 92. Камера 198: 1 — план погребения; 2-5 — костяные булавки; 6 — керамические бусы; 7 — заготовка керамической бусины; 8-18 — сосуды.

Pl. 92. Grave 198: 1 — plan of Grave; 2-5 — bone pins; 6 — ceramic beads; 7 — half-finished ceramic bead; 8-18 — vessels.

Табл. 93. Камера 205: 1 — план погребения; 2-7 — медные изделия; 8 — фрагмент медной полоски; 9-11 — бусы; 12 — бисер; 13-18 — сосуды.

Pl. 93. Grave 205: 1 — plan of Grave; 2-7 — copper objects; 8 — fragment of copper strip; 9-11 — beads; 12 — glass bead; 13-18 — vessels.

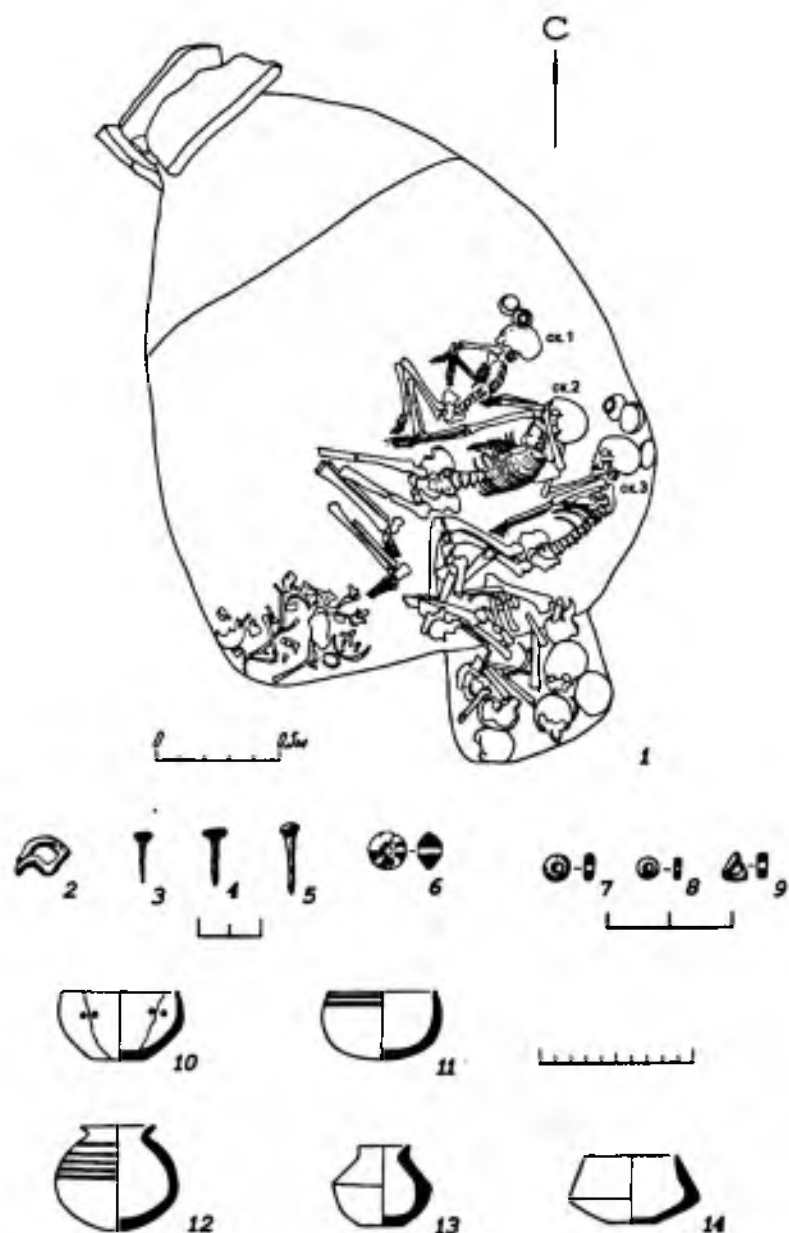

Табл. 94. Камера 203: 1 — план погребения; 2-6 — медные изделия;
7-9 — сердоликовые бусы; 10-14 — сосуды.

Pl. 94. Grave 203: 1 — plan of Grave; 2-6 — copper objects;
7-9 — carnelian beads; 10-14 — vessels.

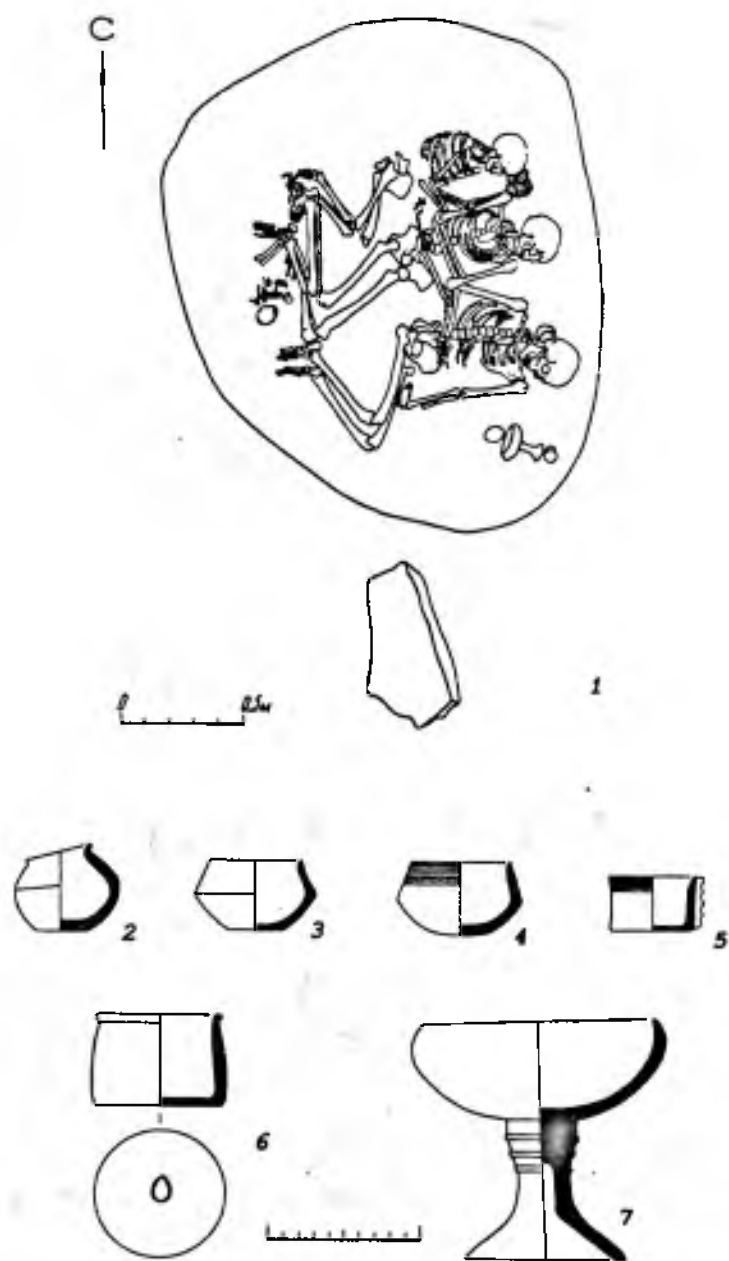

Табл. 95. Камера 204: 1 — план погребения; 2-7 — сосуды.

Pl. 95. Grave 204: 1 — plan of Grave; 2-7 — vessels.

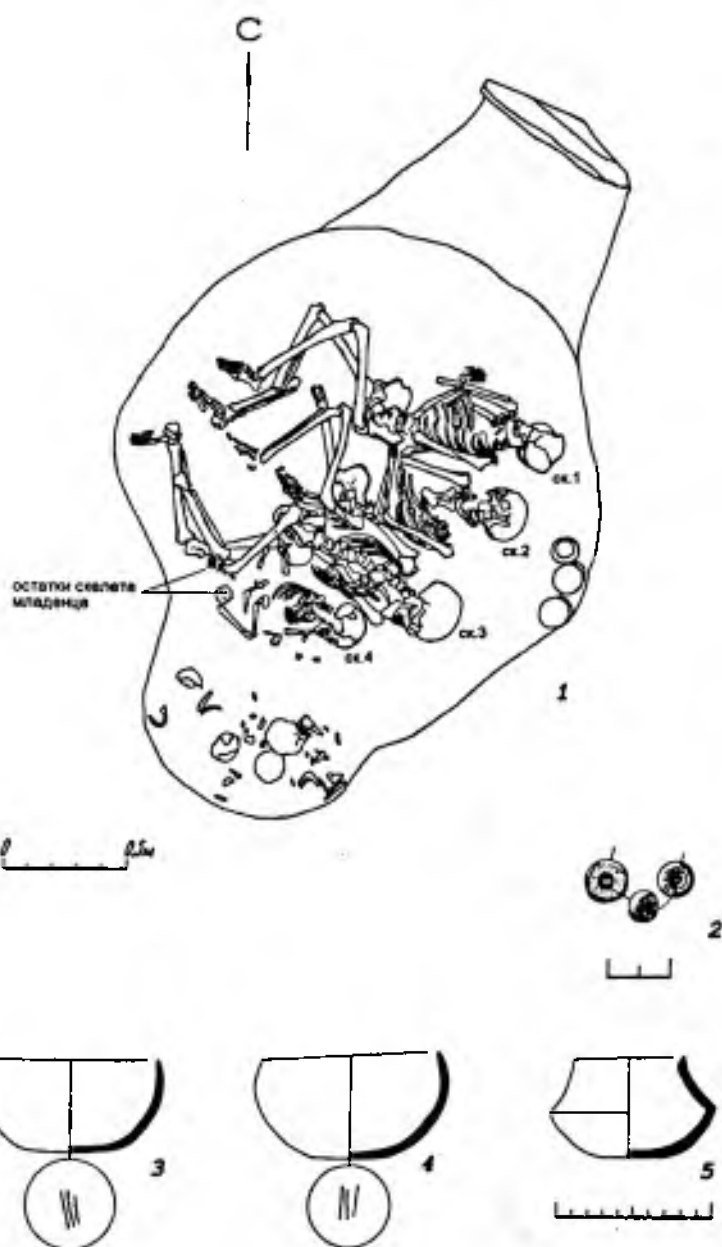

Табл. 96. Камера 215: 1 — план погребения; 2 — керамические бусы; 3-5 — сосуды.

Pl. 96. Graves 215: 1 — plan of Grave; 2 — ceramic beads; 3-5 — vessels.

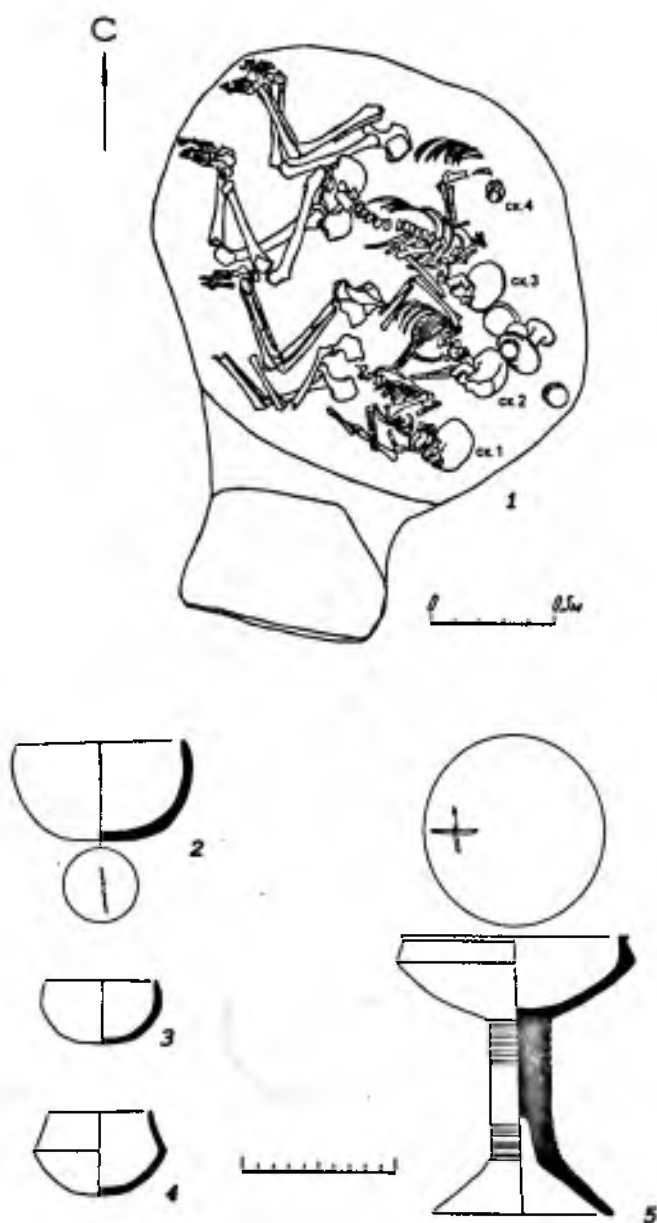

Табл. 97. Камера 216: 1 — план погребения; 2-5 — сосуды.

Pl. 97. Grave 216: 1 — plan of Grave; 2-5 — vessels.

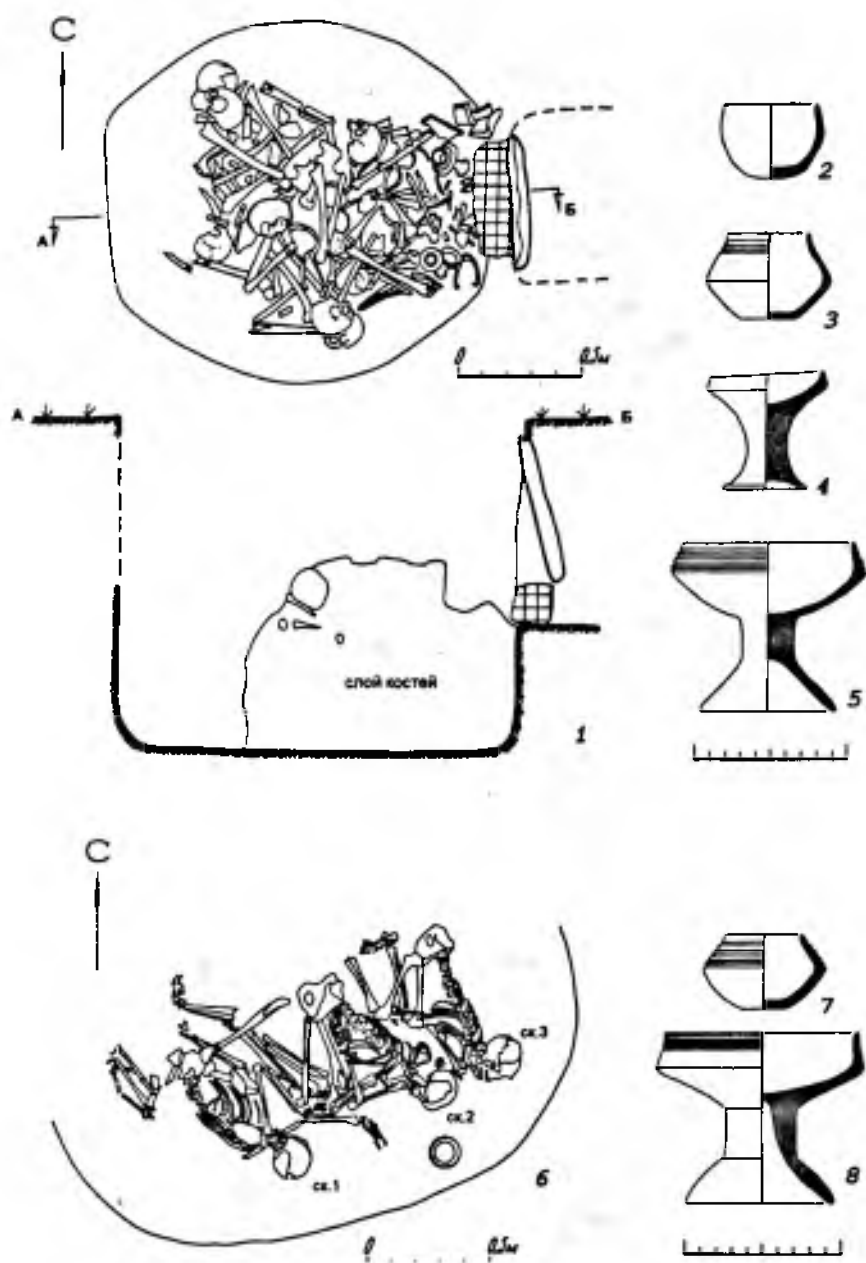

Табл. 98. Камеры 2, 7. Камера 2: 1 — план и разрез погребения; 2-5 — сосуды. Камера 7: 6 — план погребения; 7-8 — сосуды.
 Pl. 98. Graves 2, 7: 1 — plan and section of Grave 2; 2-5 — vessels; 6 — plan of Grave 7; 7, 8 — vessels.

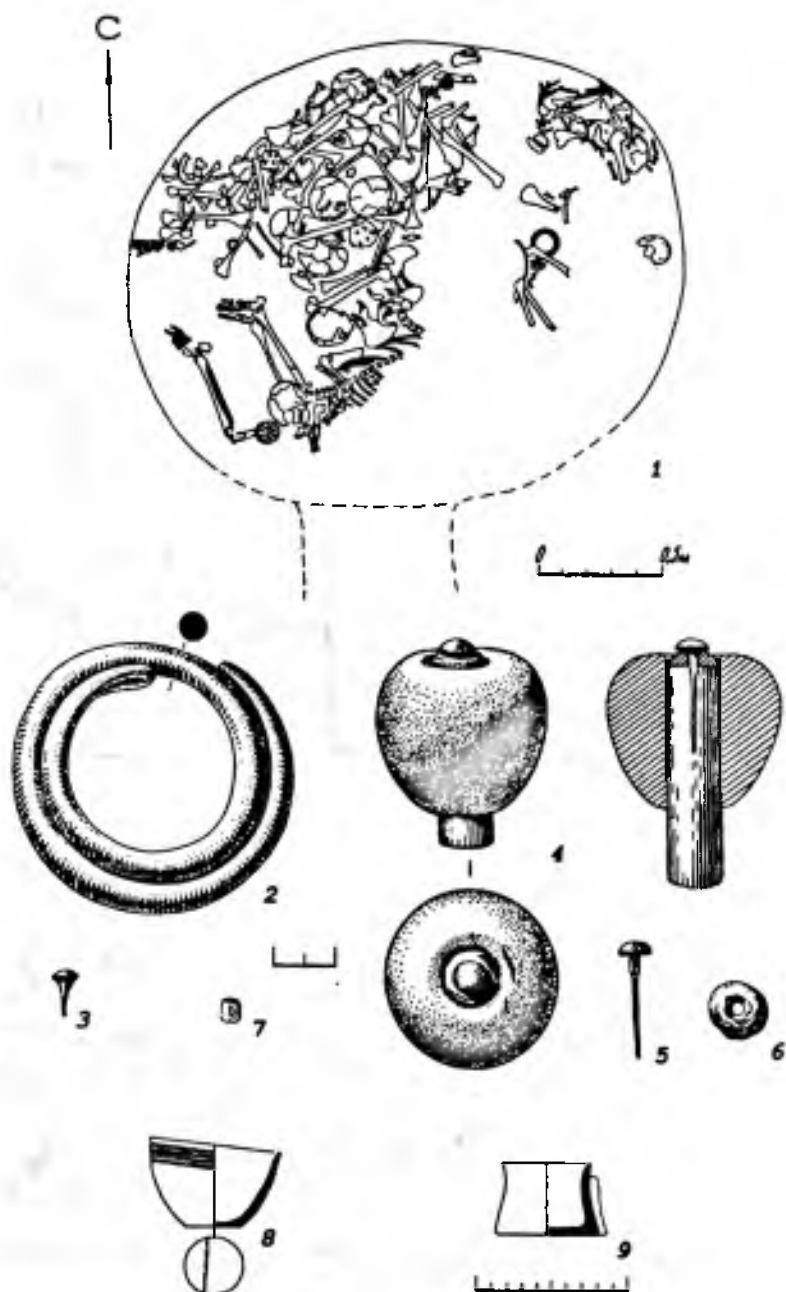

Табл. 99. Камера 9: 1 — план погребения; 2, 3 — медные изделия; 4-6 — каменная булава; 7 — сердоликовая бусина; 8, 9 — сосуды.

Pl. 99. Grave 9: 1 — plan of Grave; 2, 3 — copper objects; 4-6 — stone mace with limestone «washer» and copper nail; 7 — carnelian bead; 8, 9 — vessels.

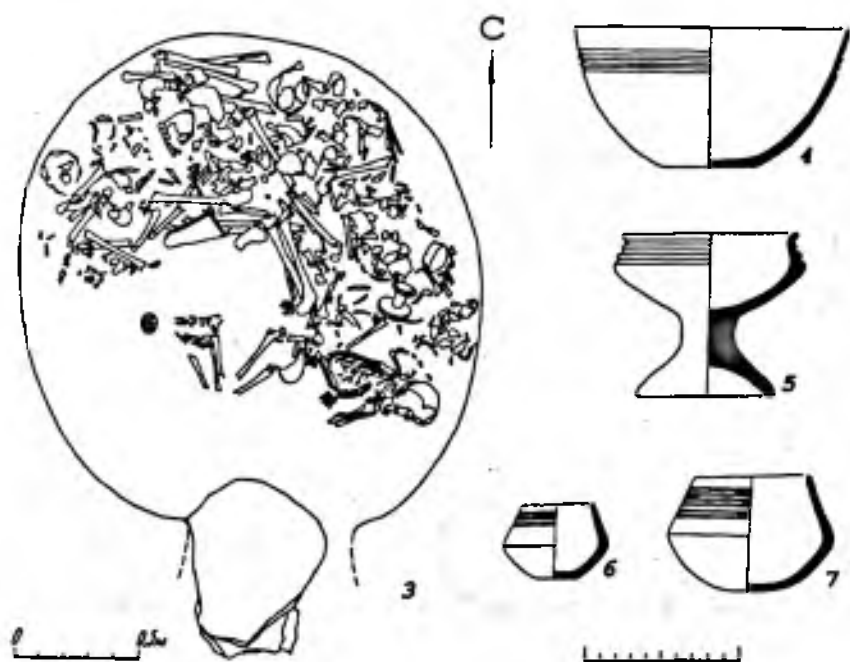
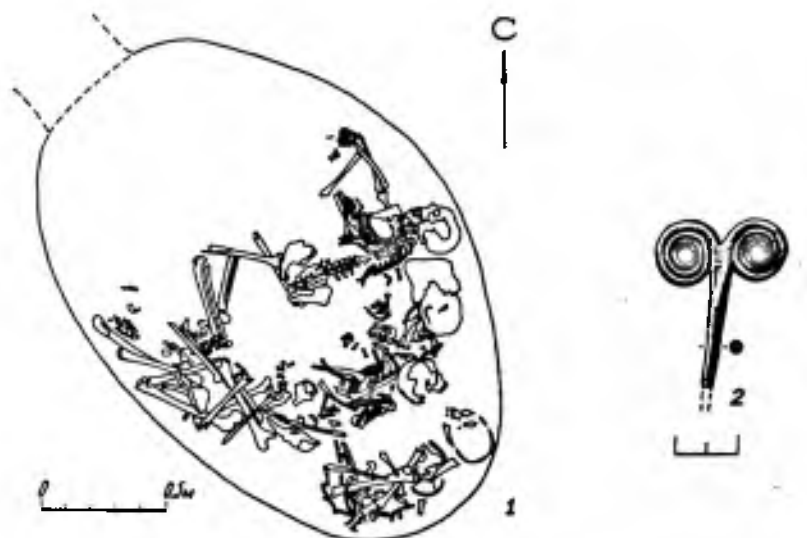

Табл. 100. Камера 16: 1 — план погребения; 2 — медная булавка.

Камера 17-низ: 3 — план погребения; 4-7 — сосуды.

Pl. 100. Graves 16, 17: 1 — plan of Grave 16; 2 — copper pin;

3 — plan of the lower level of Grave 17; 4-7 — vessels.

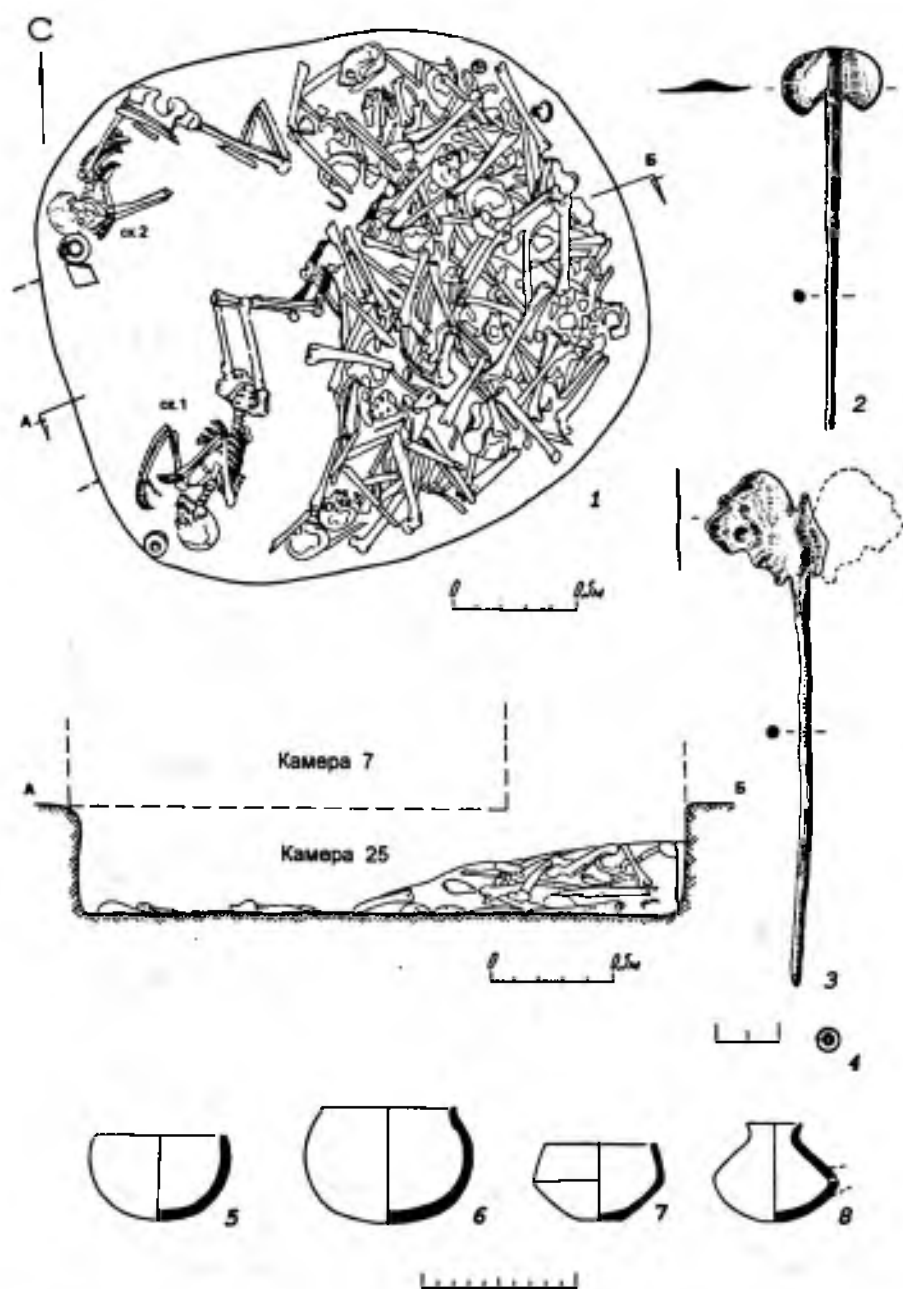

Табл. 101. Камера 25: 1 — план и разрез погребения; 2, 3 — медные булавки; 4 — сердоликовая бусина; 5-8 — сосуды.

Pl. 101. Grave 25: 1 — plan and section of Grave; 2, 3 — copper pins; 4 — carnelian bead; 5-8 — vessels.

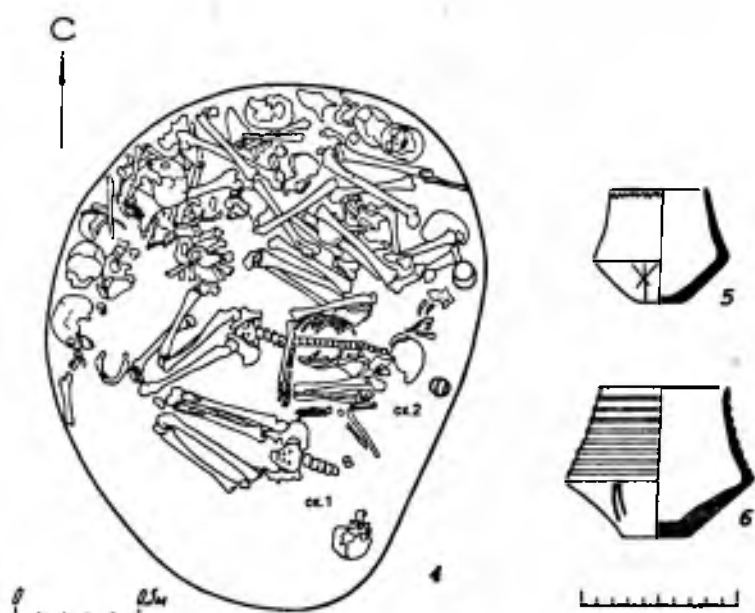
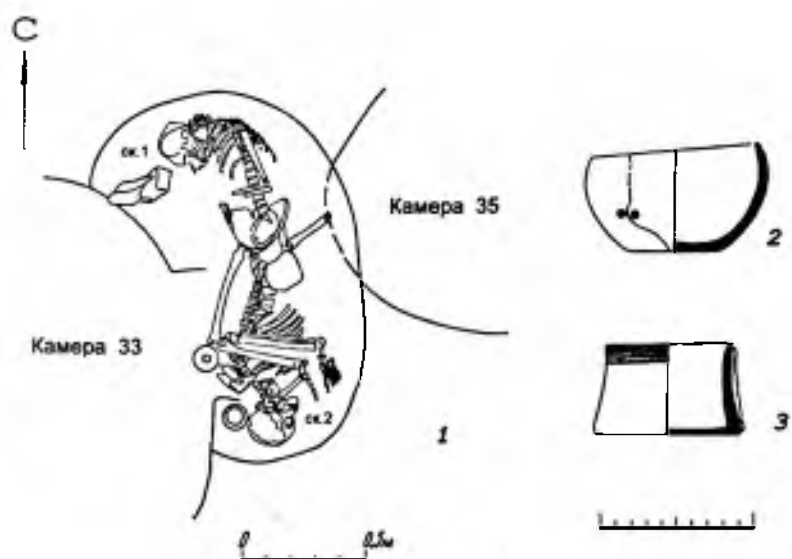

Табл. 102. Камеры 37, 55. Камера 37: 1 — план погребения; 2, 3 — сосуды. Камера 55: 4 — план погребения; 5, 6 — сосуды.

Pl. 102. Graves 37, 55: 1 — plan of Grave 37; 2, 3 — vessels; 4 — plan of Grave 55; 5, 6 — vessels.

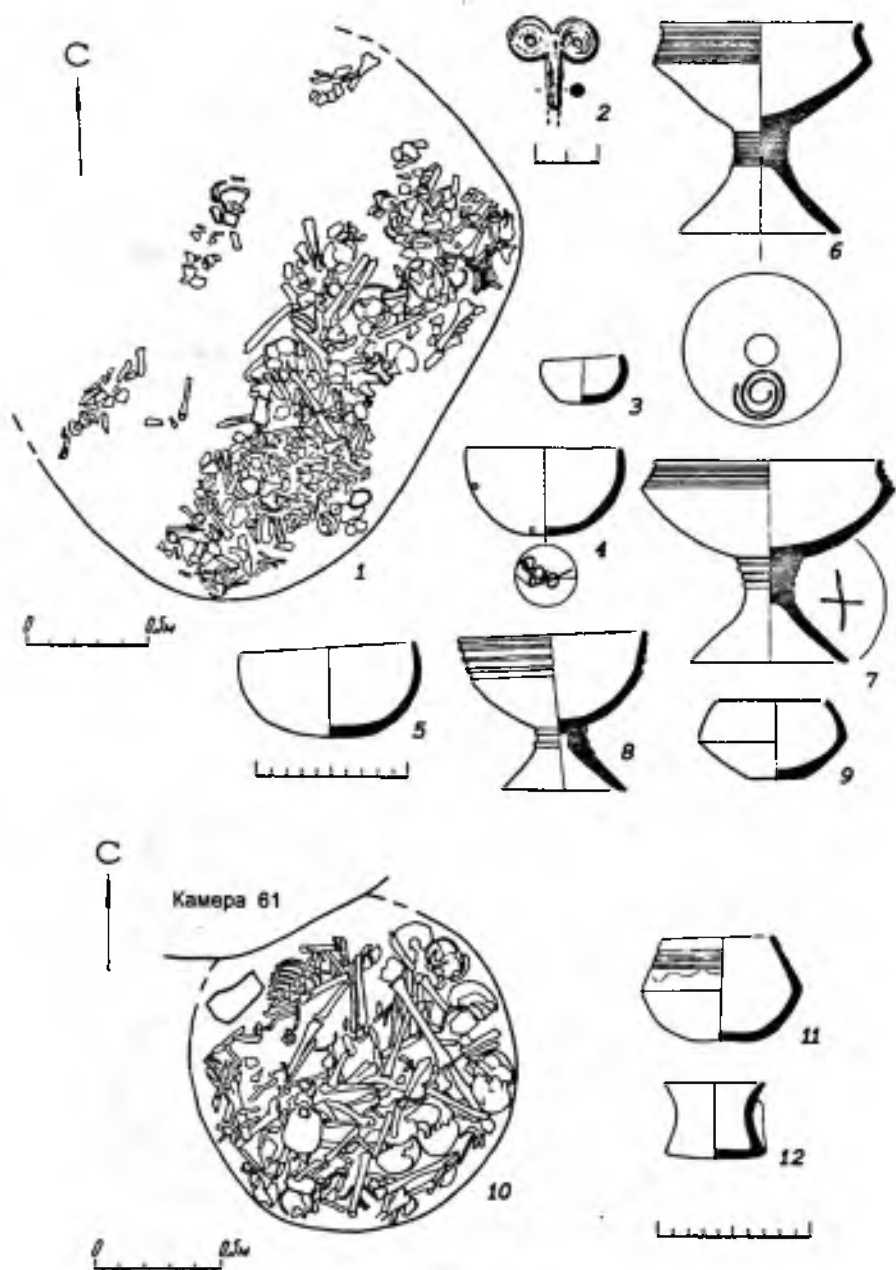

Табл. 103. Камера 57: 1 — план погребения; 2 — медная булавка; 3-9 — сосуды. Камера 60: 10 — план погребения; 11, 12 — сосуды.

Pl. 103. Graves 57, 60: 1 — plan of Grave 57; 2 — copper pin; 3-9 — vessels; 10 — plan of Grave 60; 11, 12 — vessels.

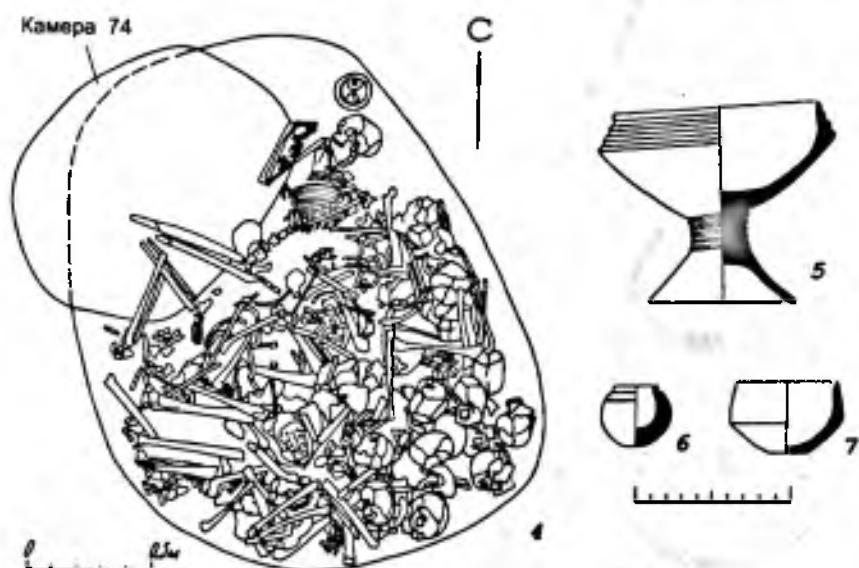
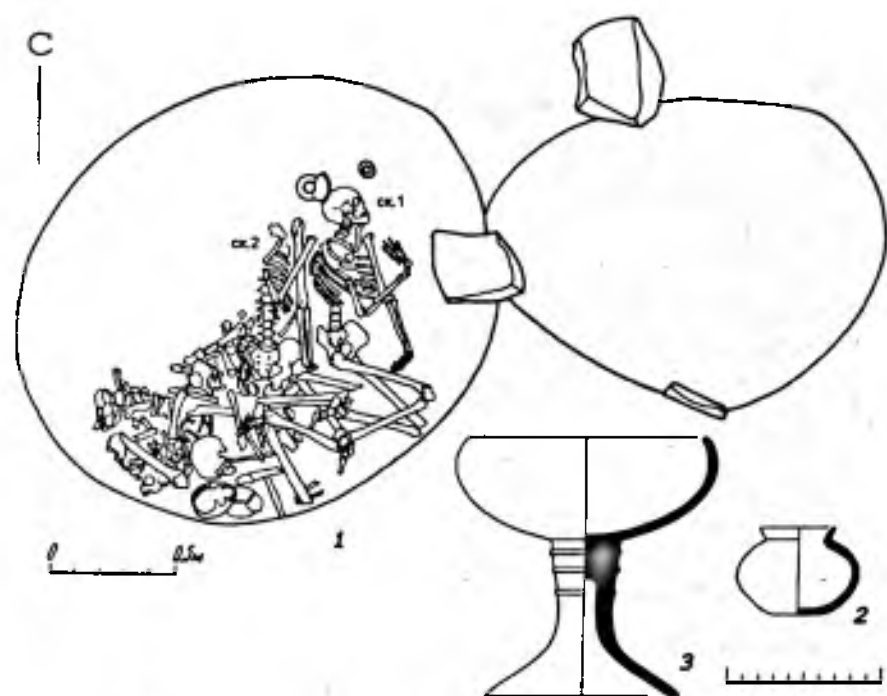

Табл. 104. Камеры 62, 75. Камера 62: 1 — план погребения; 2, 3 — сосуды. Камера 75: 4 — план погребения; 5-7 — сосуды.

Pl. 104. Graves 62, 75: 1 — plan of Grave 62; 2, 3 — vessels; 4 — plan of Grave 75; 5-7 — vessels.

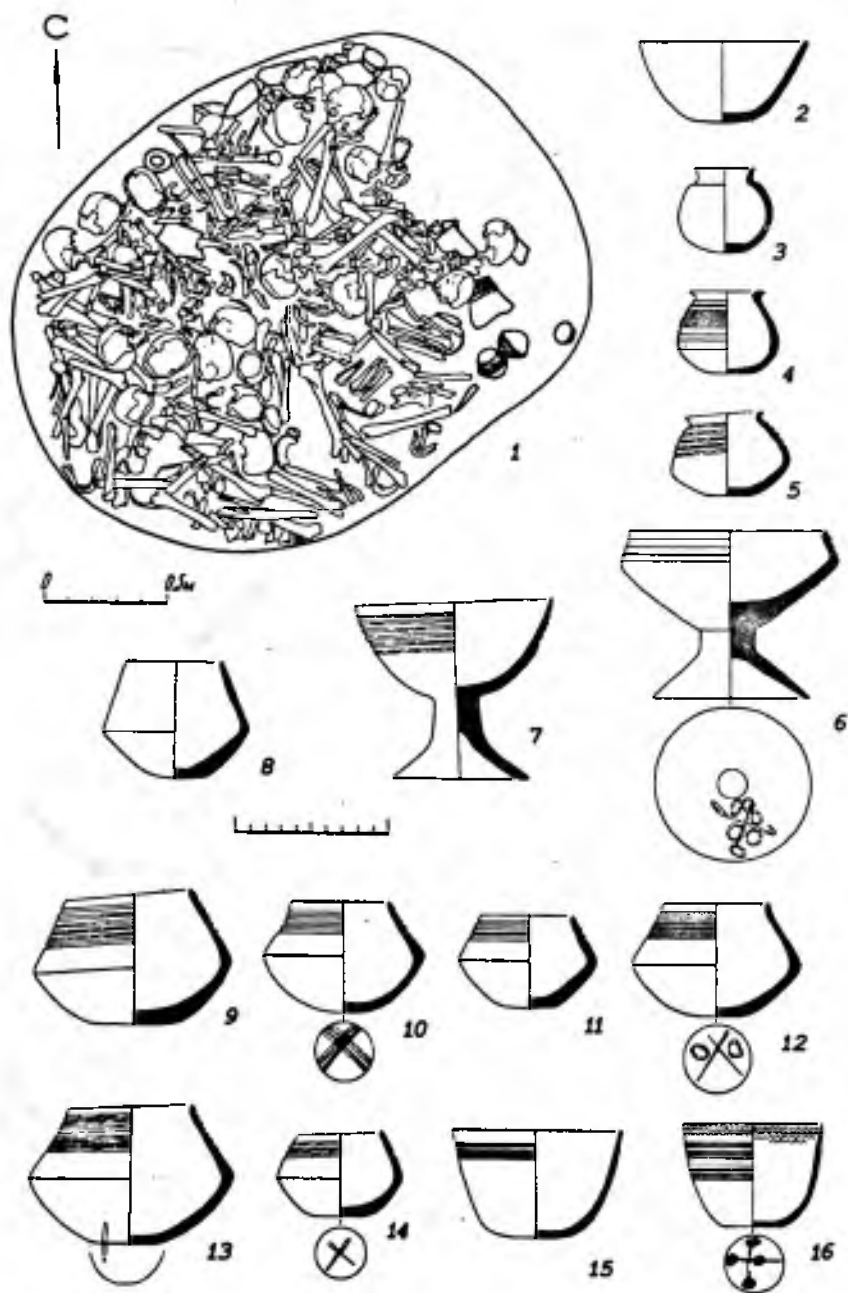

Табл. 105. Камера 63: 1 — план погребения; 2-16 — сосуды.

Pl. 105. Grave 63: 1 — plan of Grave; 2-16 — vessels.

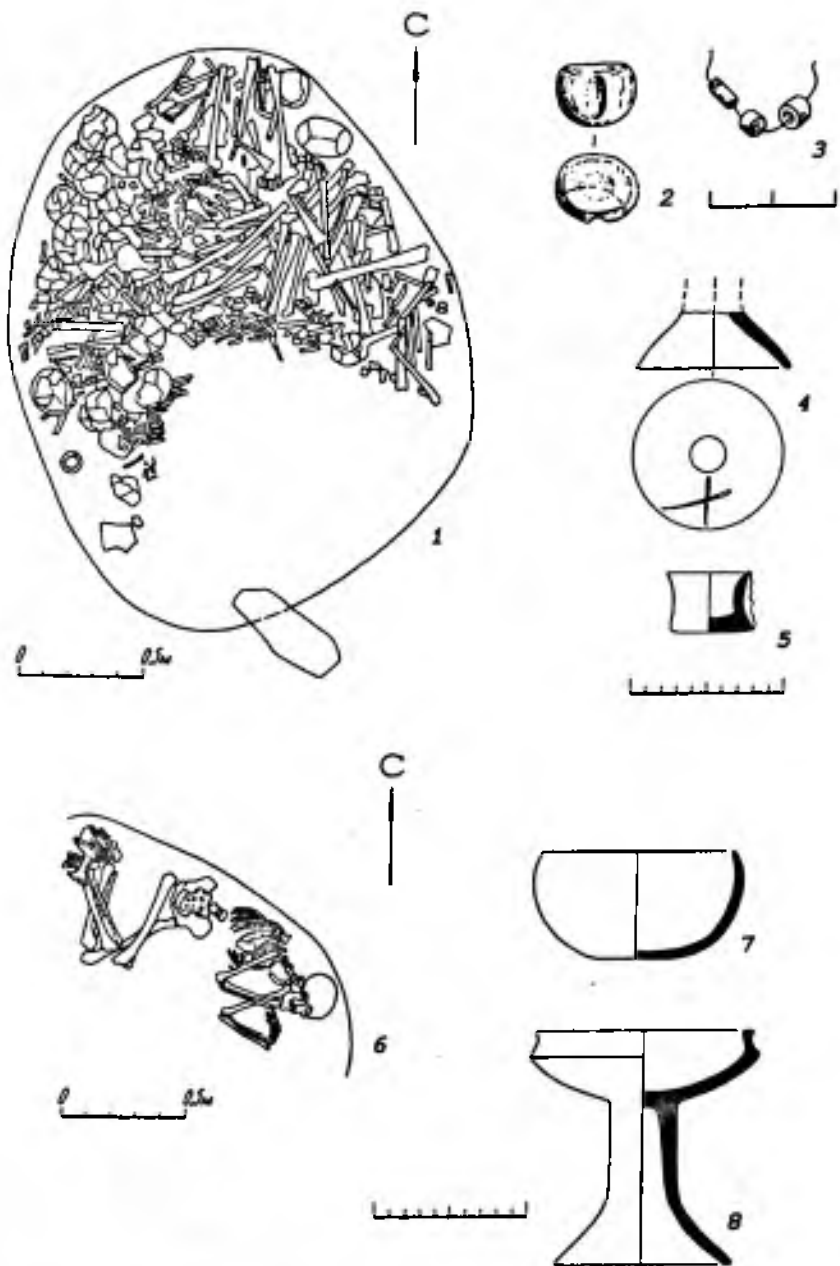

Табл. 106. Камера 78: 1 — план погребения; 2 — навершие костяной булавки;
3 — бусы; 4, 5 — сосуды. Камера 166: 6 — план погребения; 7, 8 — сосуды.

Pl. 106. Graves 78, 166: 1 — plan of Grave 78; 2 — top of a bone pin;
3 — lapis lazuli beads; 4, 5 — vessels; 6 — plan of Grave 166; 7, 8 — vessels.

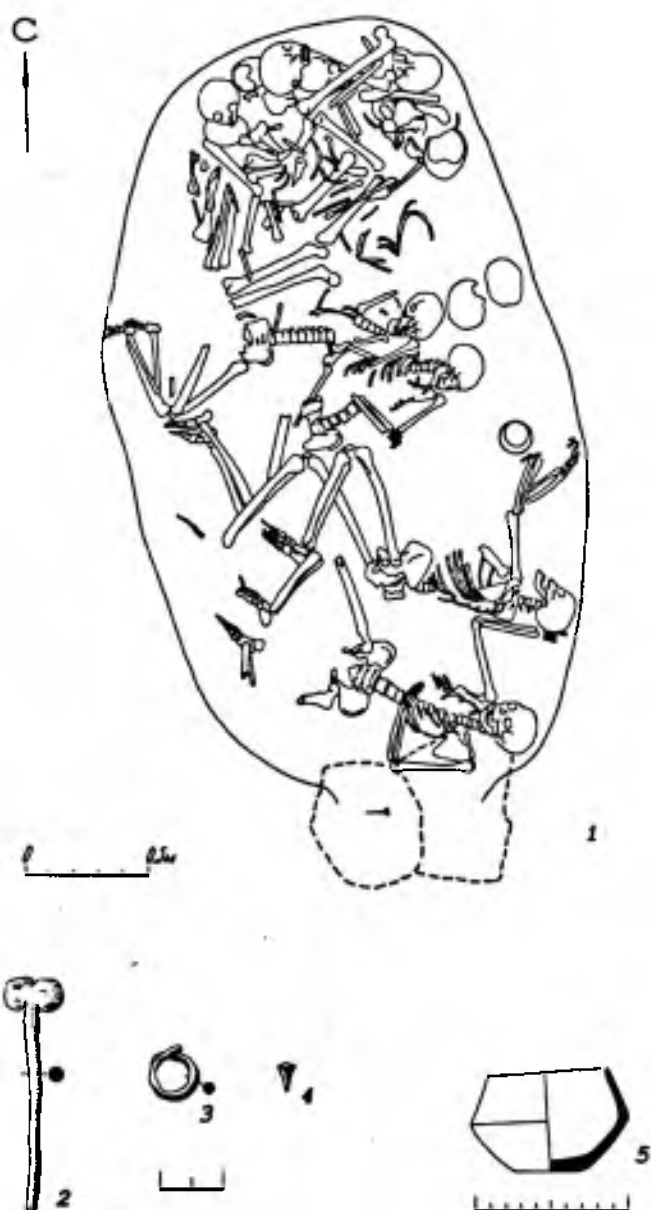

Табл. 107. Камера 102: 1 — план погребения; 2 — медная булавка;
3 — медное кольцо; 4 — медный гвоздик; 5 — сосуд.

Pl. 107. Grave 102: 1 — plan of Grave; 2 — copper pin;
3 — copper ring; 4 — copper nail; 5 — vessel.

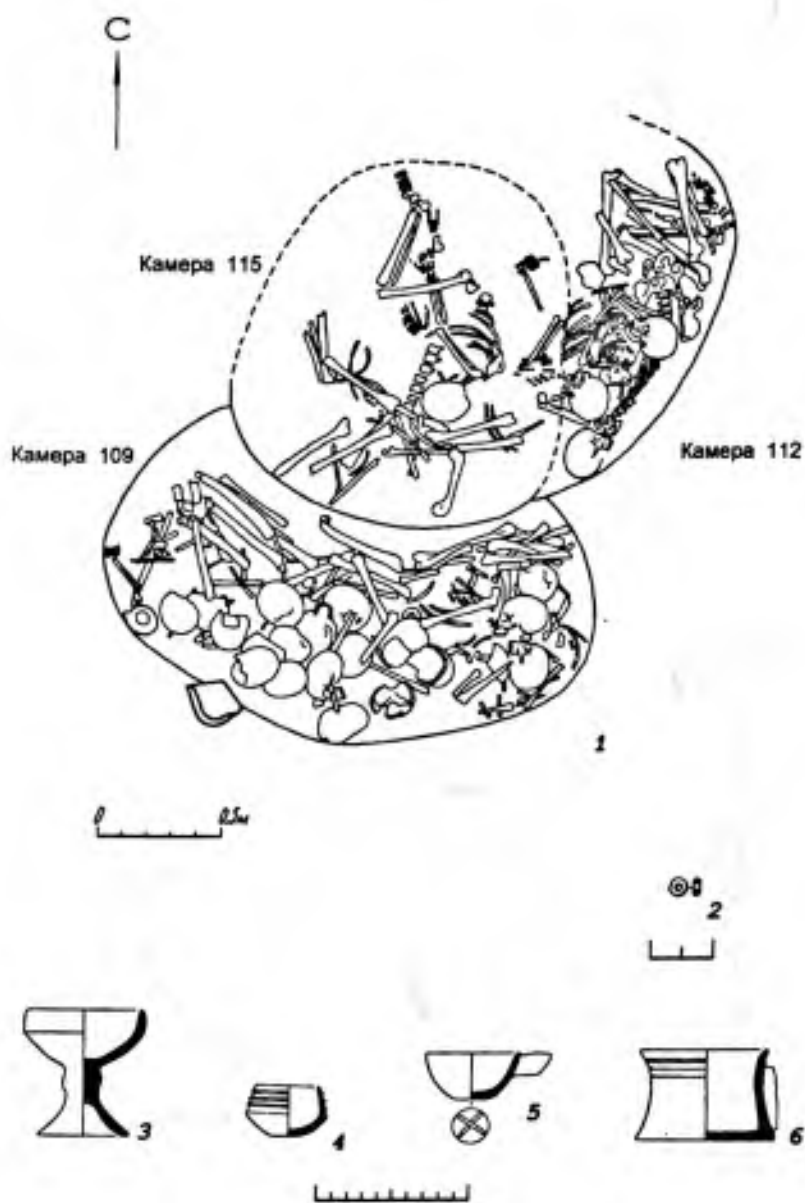

Табл. 108. Камера 109: 1 — план погребения; 2 — бусина; 3-6 — сосуды.

Pl. 108. Grave 109: 1 — plan of Grave; 2 — bead; 3-6 — vessels.

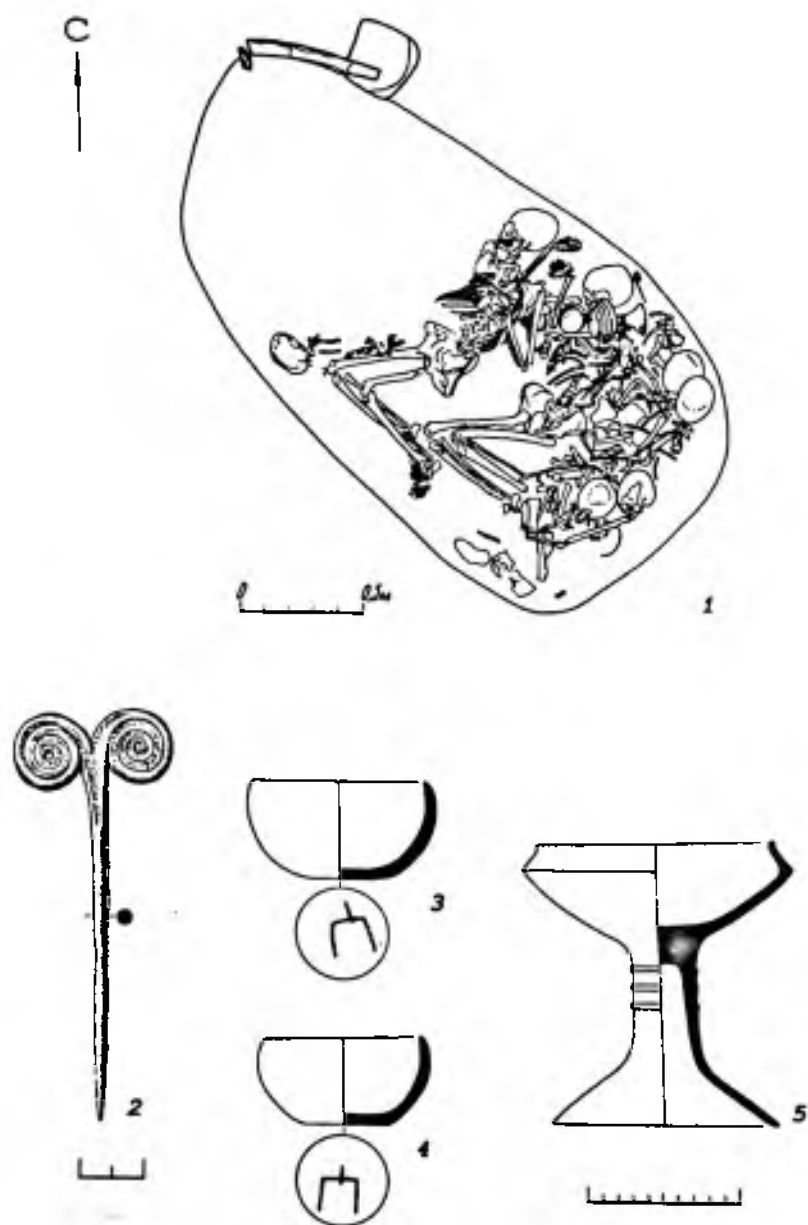

Табл. 109. Камера 122: 1 — план погребения;
2 — медная булавка; 3-5 — сосуды.

Pl. 109. Grave 122: 1 — plan of Grave;
2 — copper pin; 3-5 — vessels.

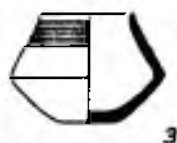
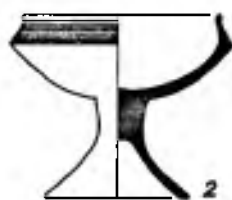
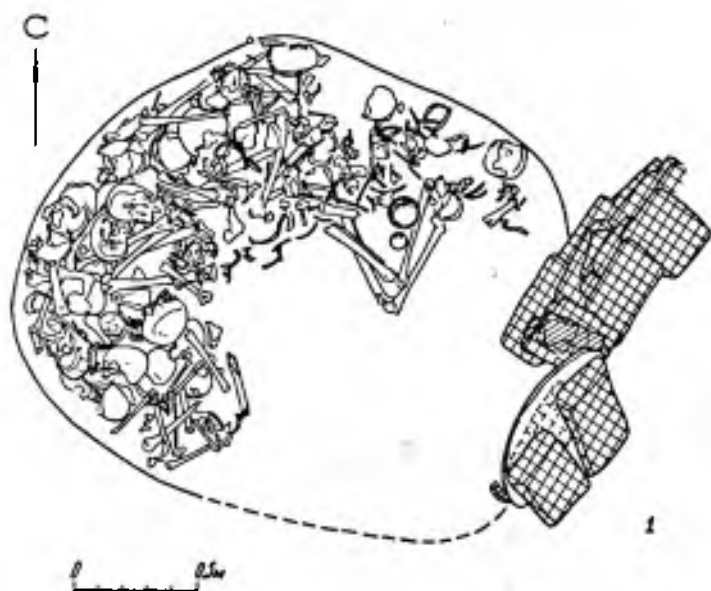

Табл. 110. Камера 125: 1 — план погребения; 2, 3 — сосуды.

Pl. 110. Grave 125: 1 — plan of Grave; 2, 3 — vessels.

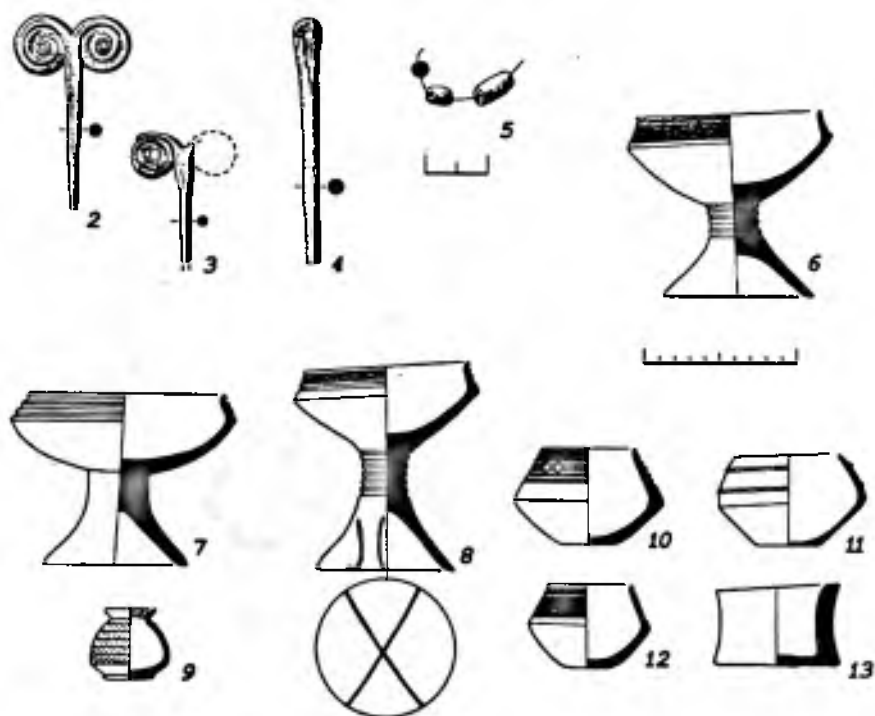

Табл. 111. Камера 138: 1 — план погребения; 2, 3 — медные булавки;
4 — костяное шило (?); 5 — бусы; 6-13 — сосуды.

Pl. 111. Grave 138: 1 — plan of Grave; 2, 3 — copper pins;
4 — bone awl (?); 5 — limestone beads; 6-13 — vessels.

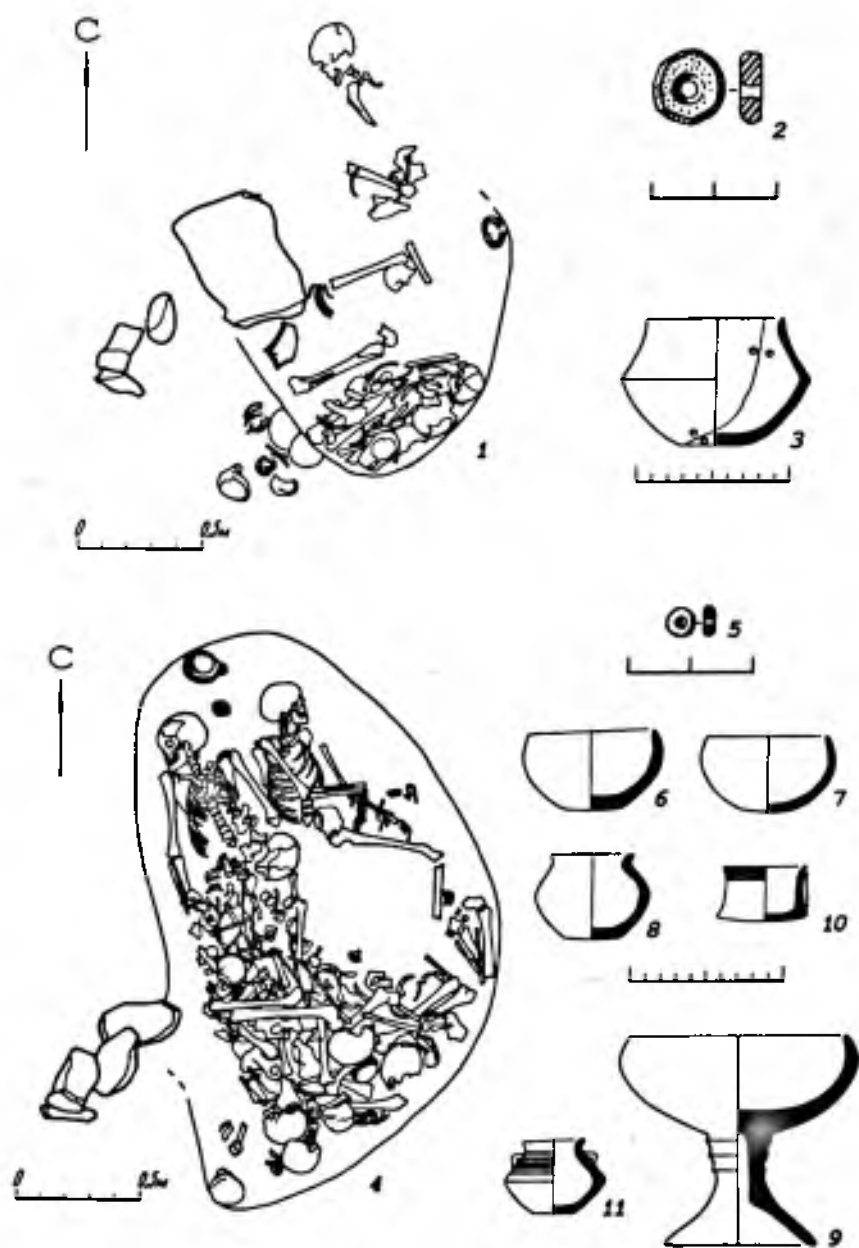

Табл. 112. Камера 159-верх: 1 — план погребения; 2 — подвеска или бусина; 3 — сосуд. Камера 159-низ: 4 — план погребения; 5 — бусина; 6-11 — сосуды.

Pl. 112. Grave 159: 1 — plan of the upper level of the Grave; 2 — pendant or bead; 3 — vessel; 4 — plan of the lower level of the Grave; 5 — bead; 6-11 — vessels.

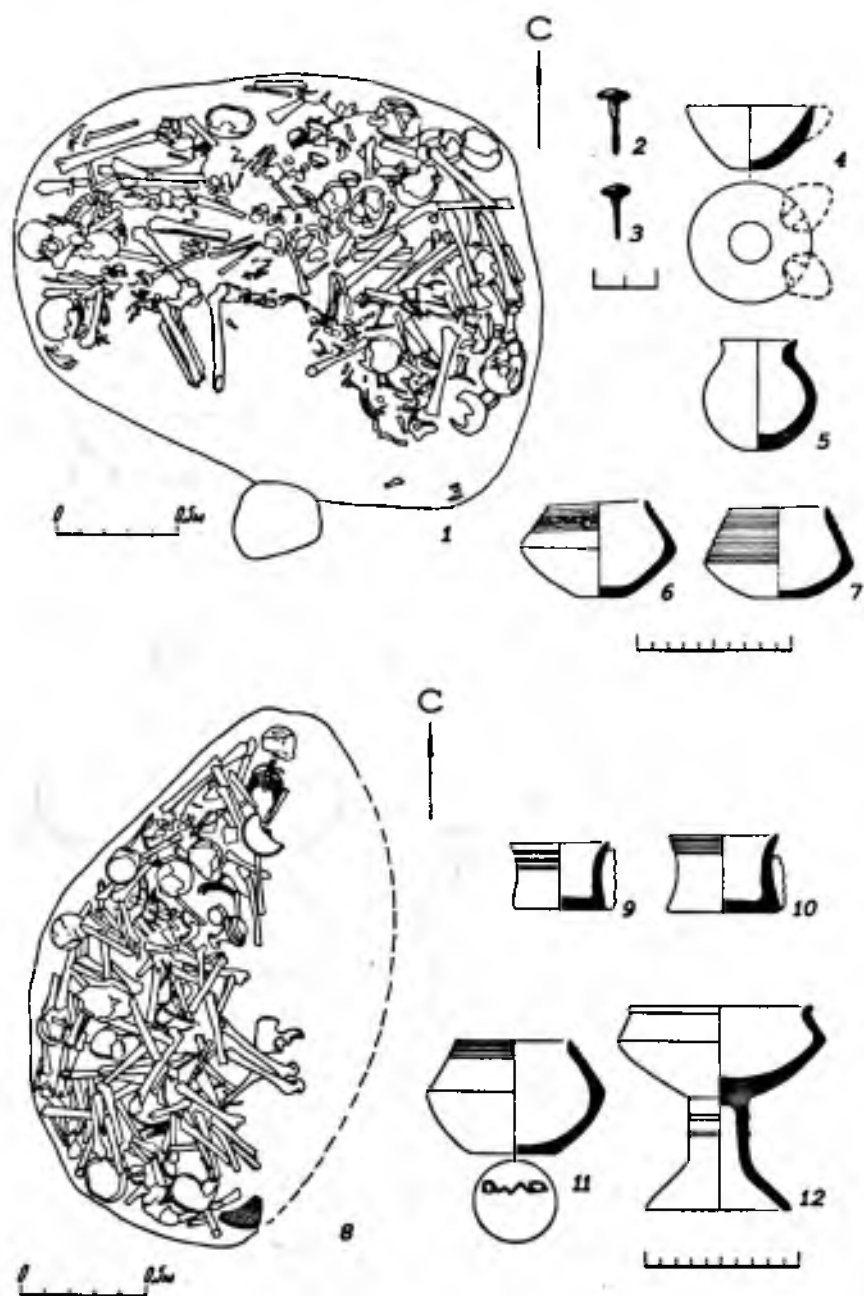

Табл. 113. Камера 179: 1 — план погребения; 2, 3 — медные гвоздики; 4-7 — сосуды. Камера 186: 8 — план погребения; 9-12 — сосуды.

Pl. 113. Graves 179, 186: 1 — plan of Grave 179; 2, 3 — copper nails; 4-7 — vessels; 8 — plan of Grave 186; 9-12 — vessels.

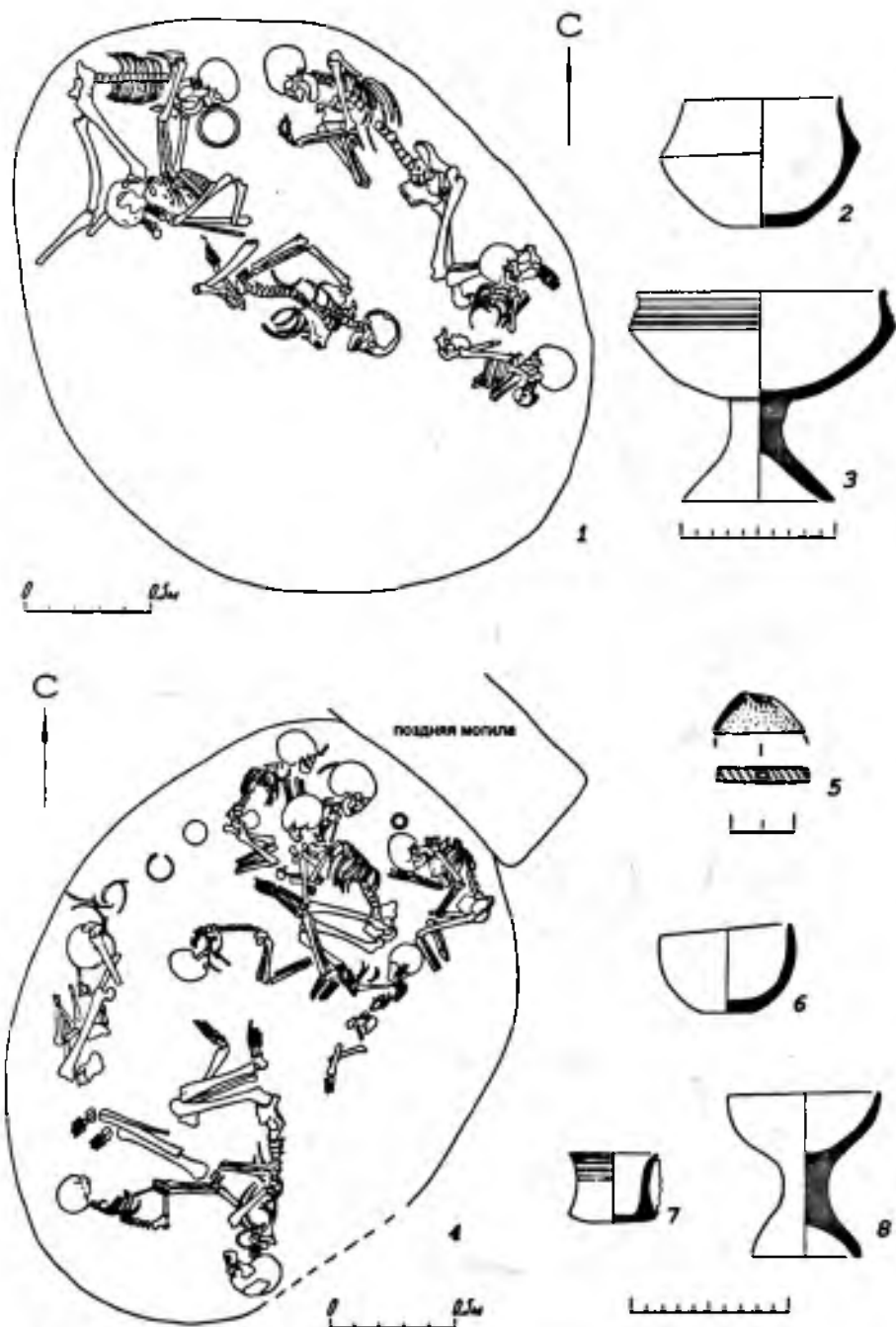

Табл. 114. Камера 206: 1 — план погребения; 2, 3 — сосуды. Камера 208: 4 — план погребения; 5 — кальцитовая бусина; 6-8 — сосуды.

Pl. 114. Graves 206, 208: 1 — plan of Grave 206; 2, 3 — vessels; 4 — plan of Grave 208; 5 — calcite bead; 6-8 — vessels.

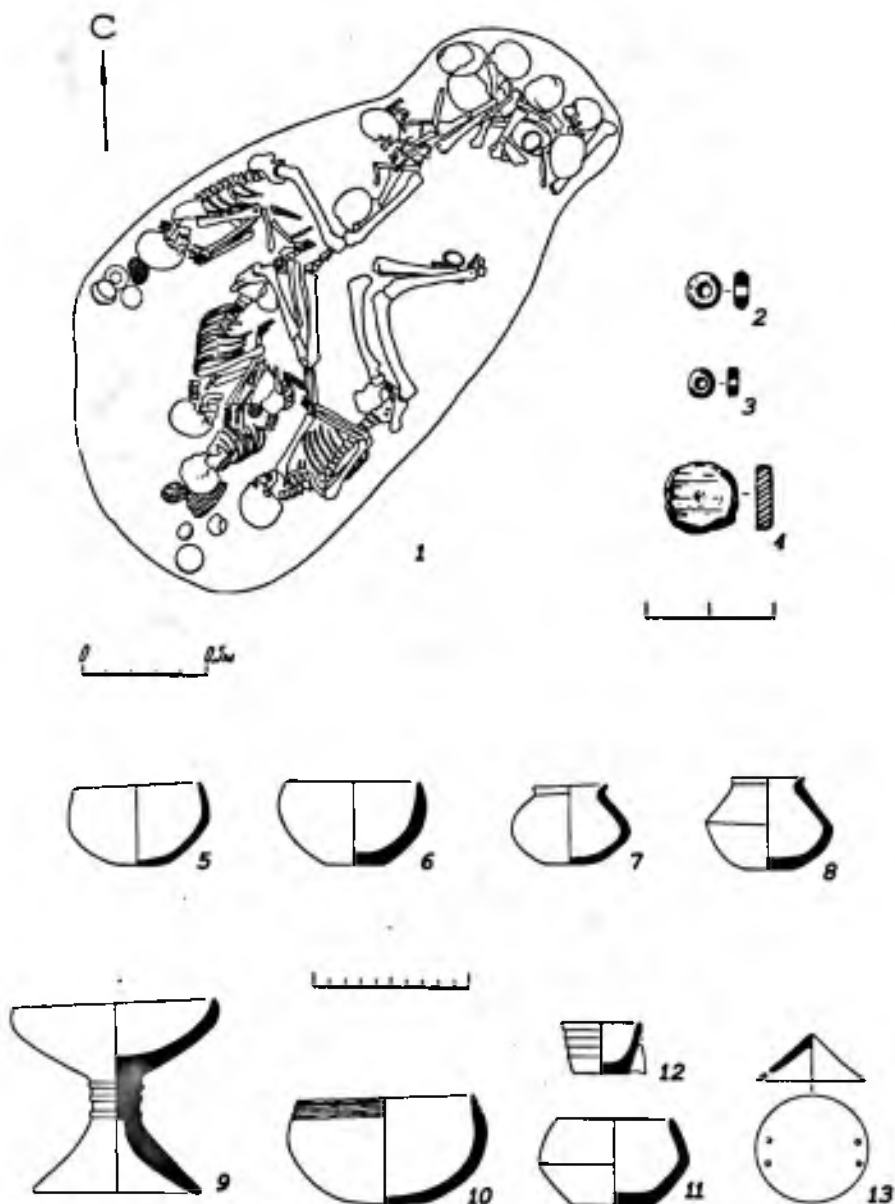

Табл. 115. Камера 207: 1 — план погребения; 2, 3 — бусы; 4 — заготовка керамической бусины; 5-12 — сосуды; 13 — крышка.

Pl. 115. Grave 207: 1 — plan of Grave; 2, 3 — carnelian and calcite beads; 4 — half-finished ceramic bead; 5-12 — vessels; 13 — lid.

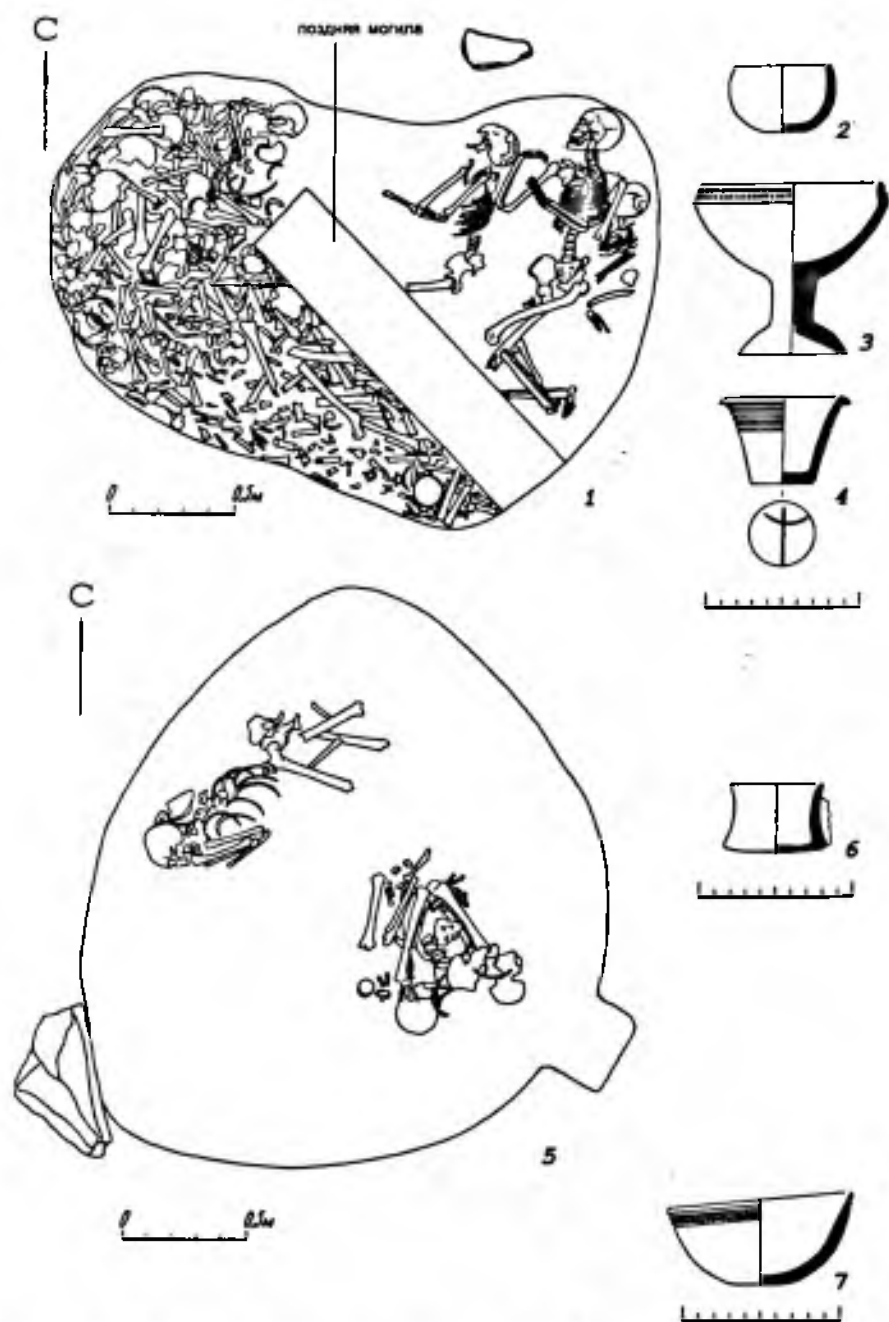

Табл. 116. Камера 209: 1 — план погребения; 2-4 — сосуды. Камера 210:
5 — план погребения; 6 — сосуд. Камера 218: 7 — сосуд.

Pl. 116. Graves 209, 210, 218: 1 — plan of Grave 209; 2-4 — vessels;
5 — plan of Grave 210; 6 — vessel; 7 — vessel from Grave 218.

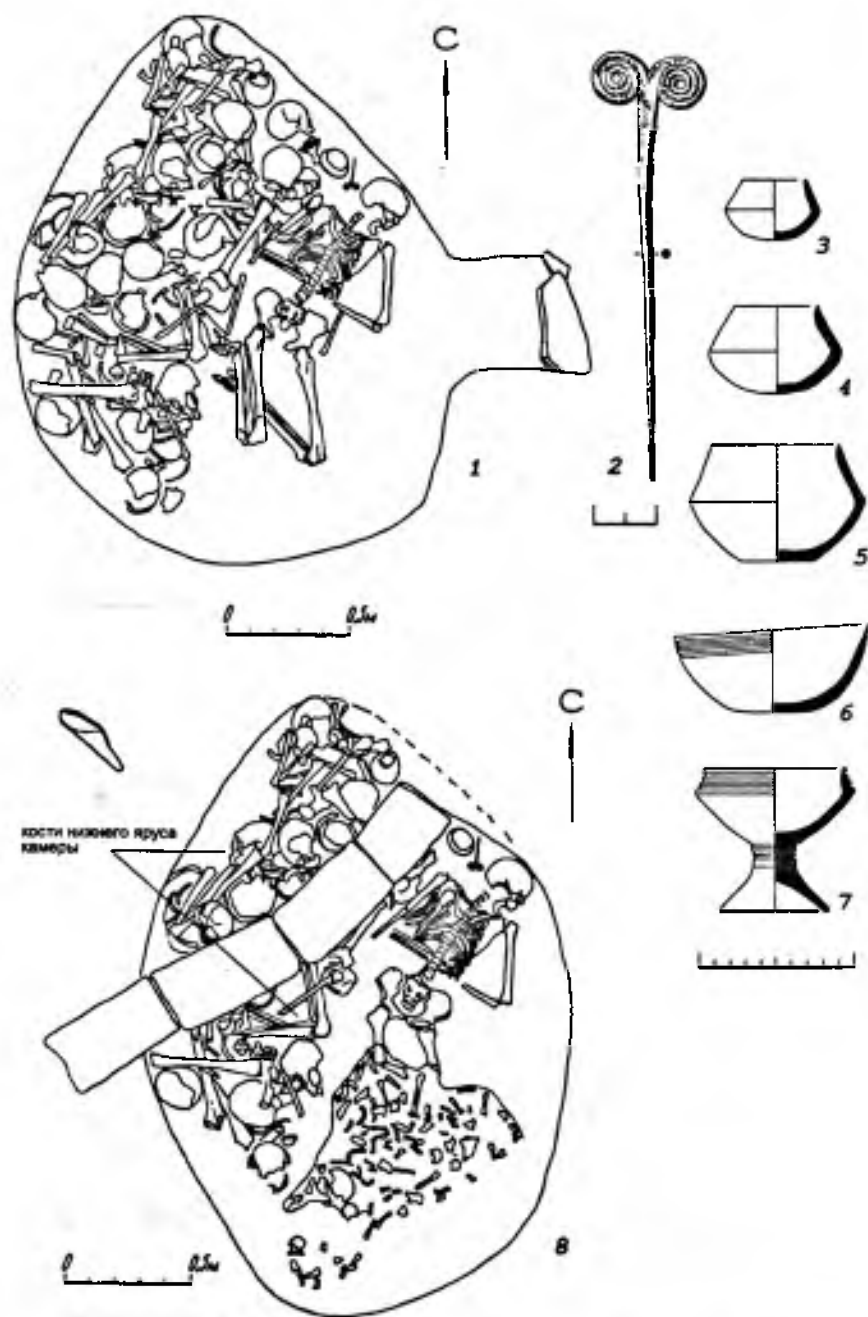

Табл. 117. Камера 219-низ: 1 — план погребения; 2 — медная булавка; 3-7 — сосуды. Камера 219-верх: 8 — план погребения.

Pl. 117. Grave 219: 1 — plan of the lower level of the Grave; 2 — copper pin; 3-7 — vessels; 8 — plan of the upper level of the Grave.

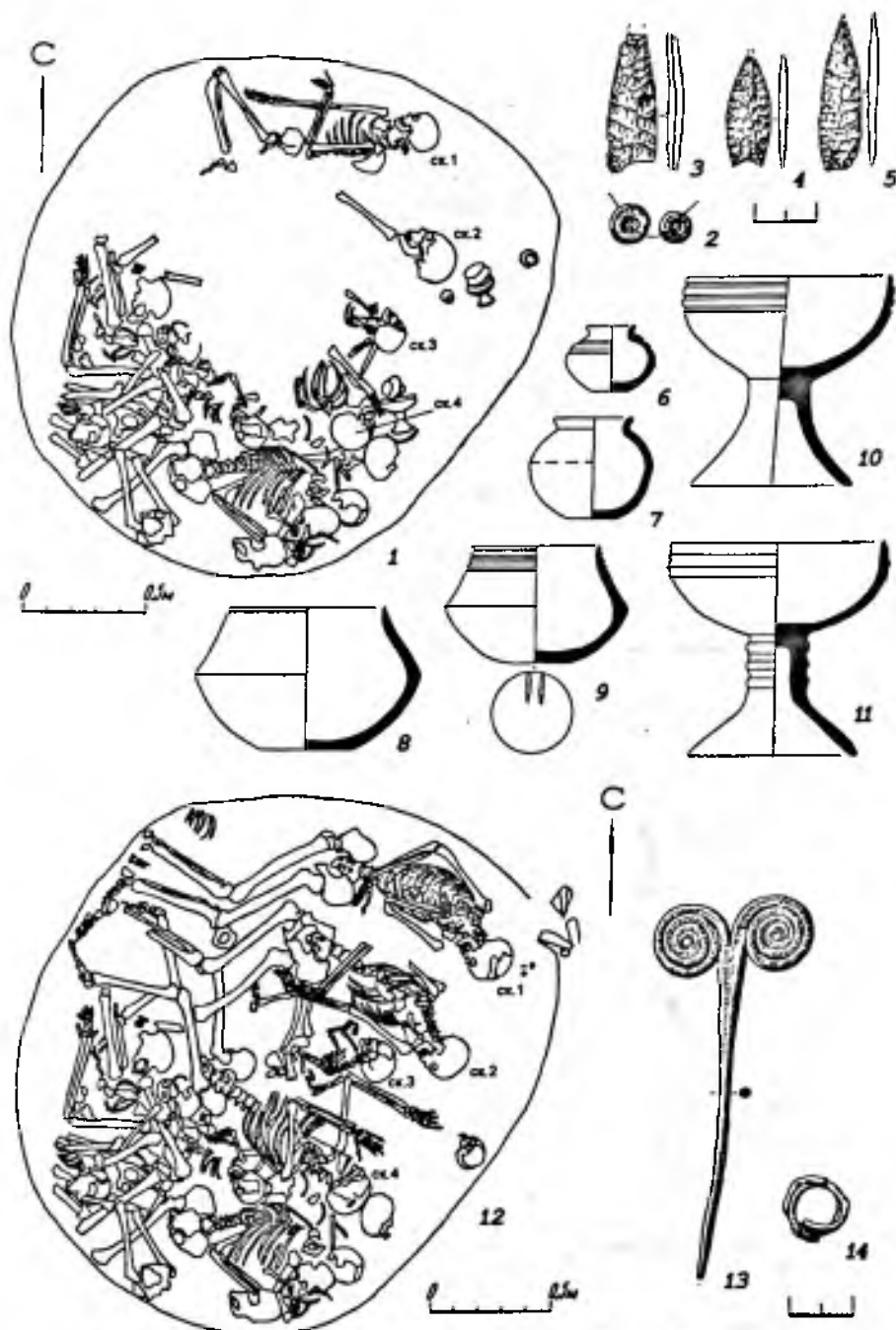

Табл. 118. Камера 221-низ: 1 — план погребения; 2 — бусы; 3-5 — наконечники стрел; 6-11 — сосуды. Камера 221-верх: 12 — план погребения; 13-14 — медные изделия.

Pl. 118. Grave 221: 1 — plan of the lower level of the Grave; 2 — beads; 3-5 — arrow-heads; 6-11 — vessels; 12 — plan of the upper level of the Grave; 13-14 — copper objects.

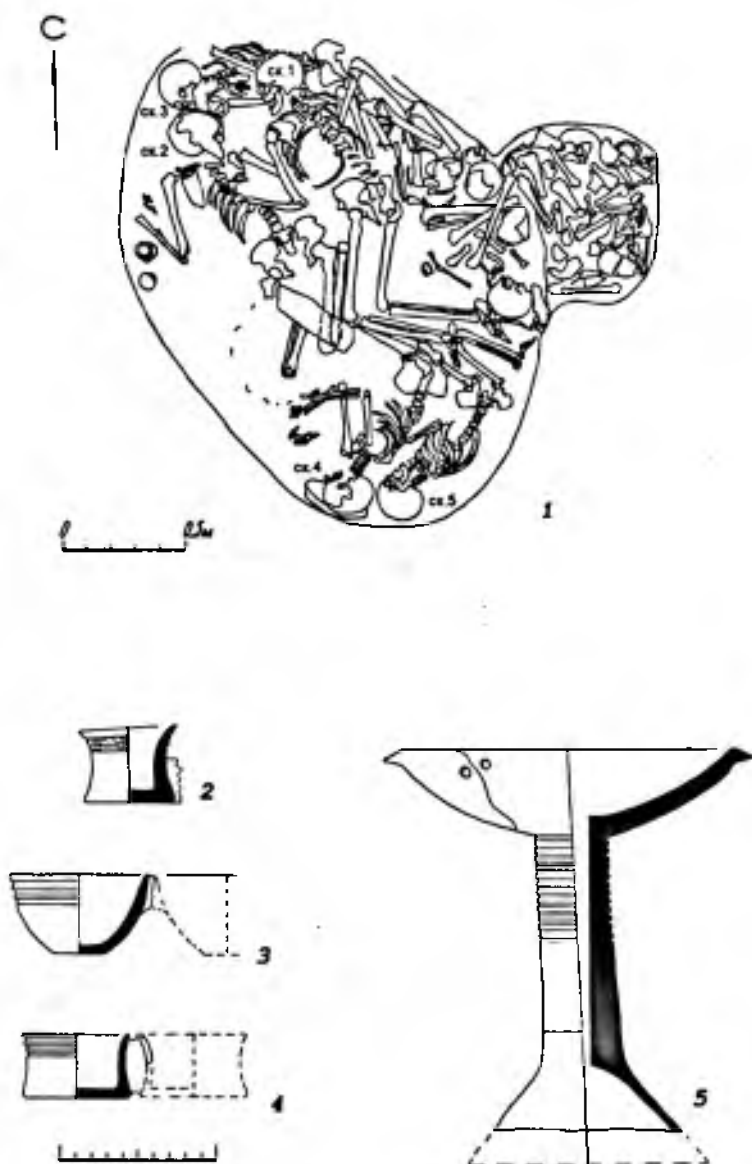

Табл. 119. Камера 224-низ: 1 — план погребения;
2-5 — сосуды.

Pl. 119. Grave 224: 1 — plan of the lower level
of the Grave; 2-5 — vessels.

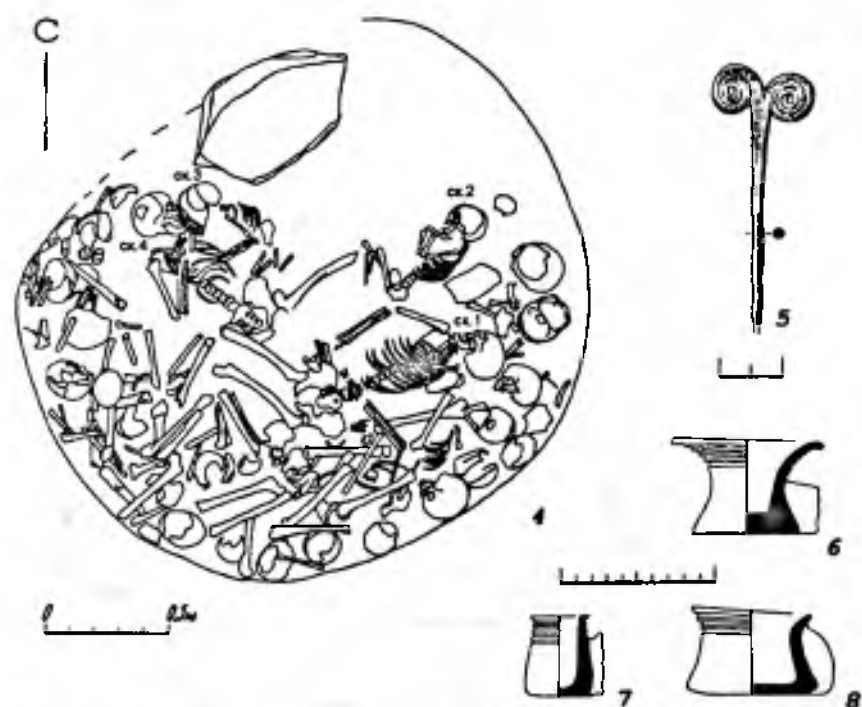
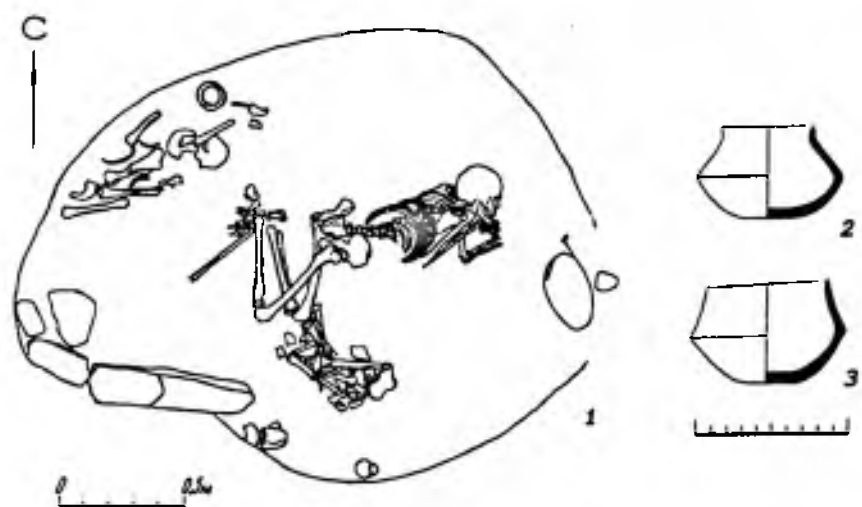

Табл. 120. Камера 226: 1 — план погребения; 2, 3 — сосуды. Камера 231:
4 — план погребения; 5 — медная булавка; 6-8 — сосуды.

Pl. 120. Graves 226, 231: 1 — plan of Grave 226; 2, 3 — vessels;
4 — plan of Grave 231; 5 — copper pin; 6-8 — vessels.

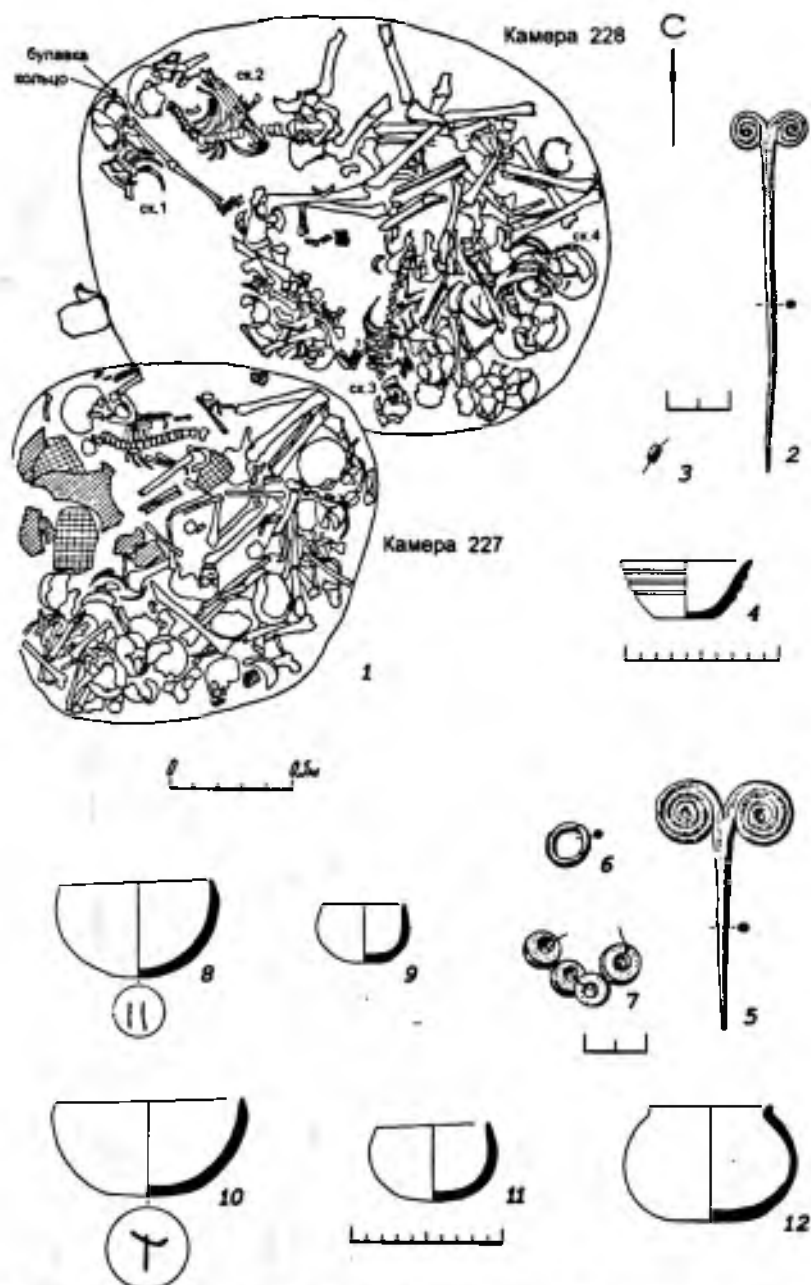

Табл. 121. Камера 227: 1 — план погребения; 2 — медная булавка; 3 — бусина; 4 — сосуд. Камера 228: 1 — план погребения; 5, 6 — медные изделия; 7 — бусы; 8-12 — сосуды.

Pl. 121. Graves 227, 228: 1 — plan of Graves 227, 228; Grave 227: 2 — copper pin; 3 — lapis lazuli bead; 4 — vessel; Grave 228: 5, 6 — copper objects; 7 — ceramic beads; 8-12 — vessels.

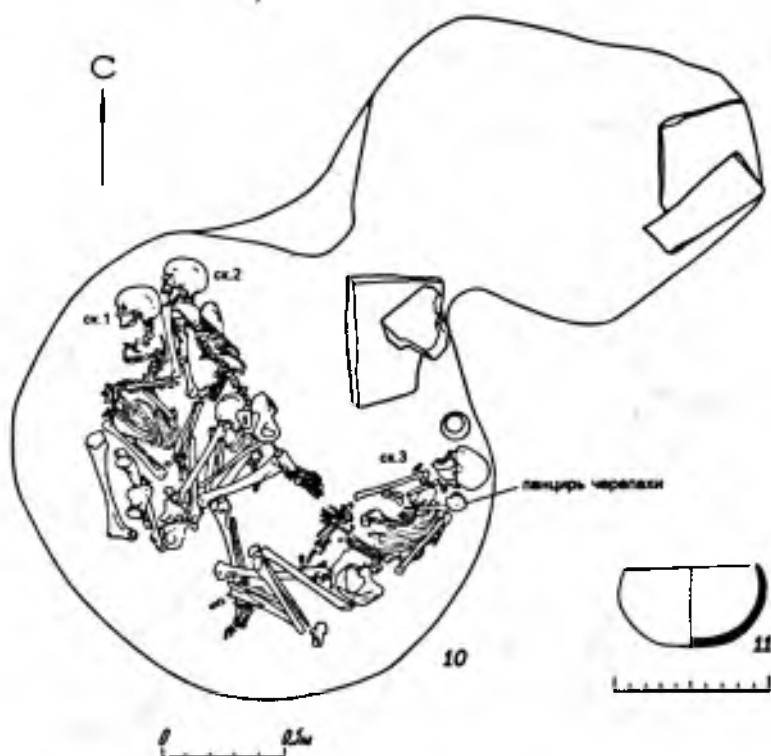
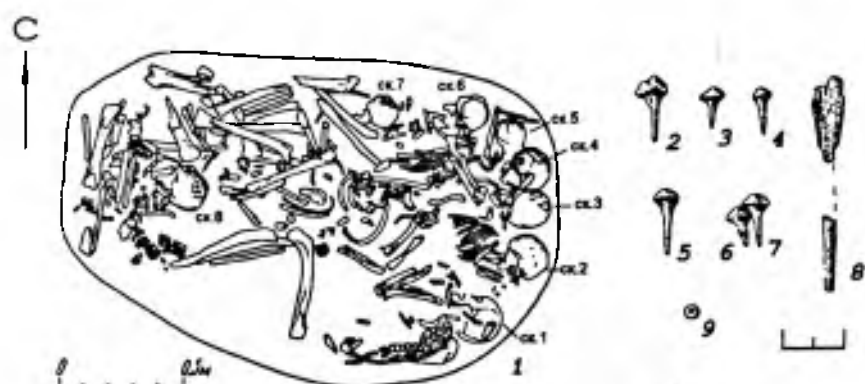

Табл. 122. Камера 233: 1 — план погребения; 2-7 — медные изделия; 8 — бусина. Камера 234: 9 — план погребения; 10 — сосуд.

Pl. 122. Graves 233, 234: 1 — plan of Grave 233; 2 — broken copper pin; 3-7 — copper nails; 8 — pink bead; 9 — plan of Grave 234; 10 — vessel.

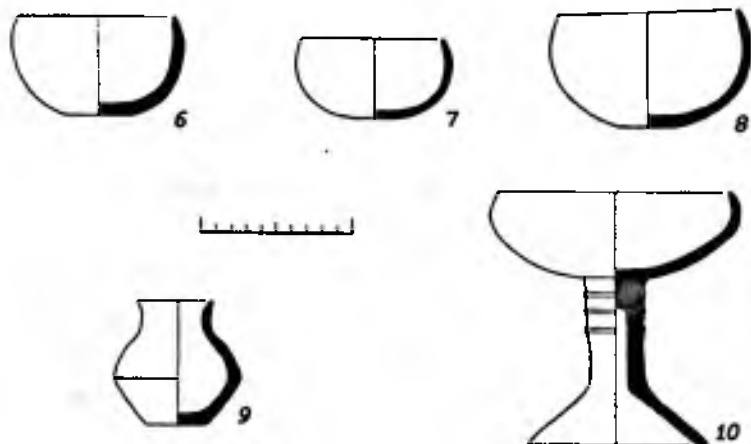

Табл. 123. Камера 243: 1 — план погребения; 2, 3 — медные гвоздики;
4 — сердоликовые бусы; 5-9 — сосуды.

Pl. 123. Grave 243: 1 — plan of Grave; 2, 3 — copper nails;
4 — carnelian beads; 5-9 — vessels.

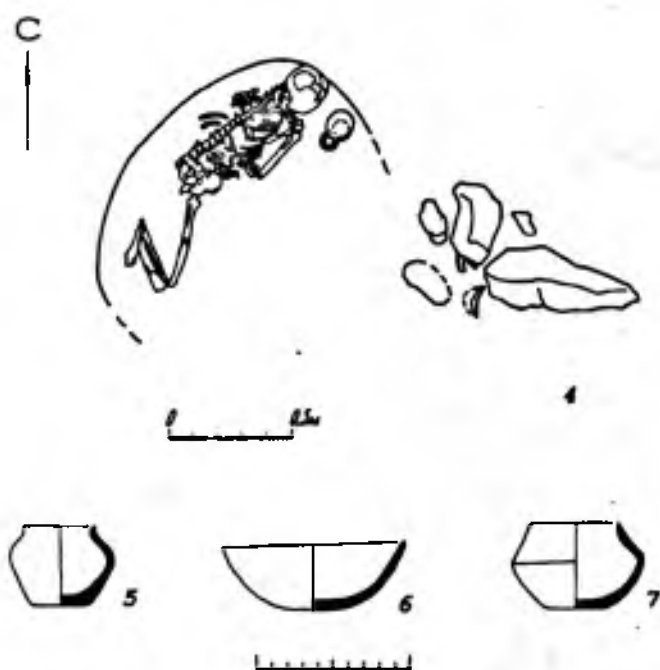

Табл. 124. Камеры 244, 254. Камера 244: 1 — план погребения; 2, 3 — сосуды. Камера 254: 4 — план погребения; 5-7 — сосуды.

Pl. 124. Graves 244, 254: 1 — plan of Grave 244; 2, 3 — vessels; 4 — plan of Grave 254; 5-7 — vessels.

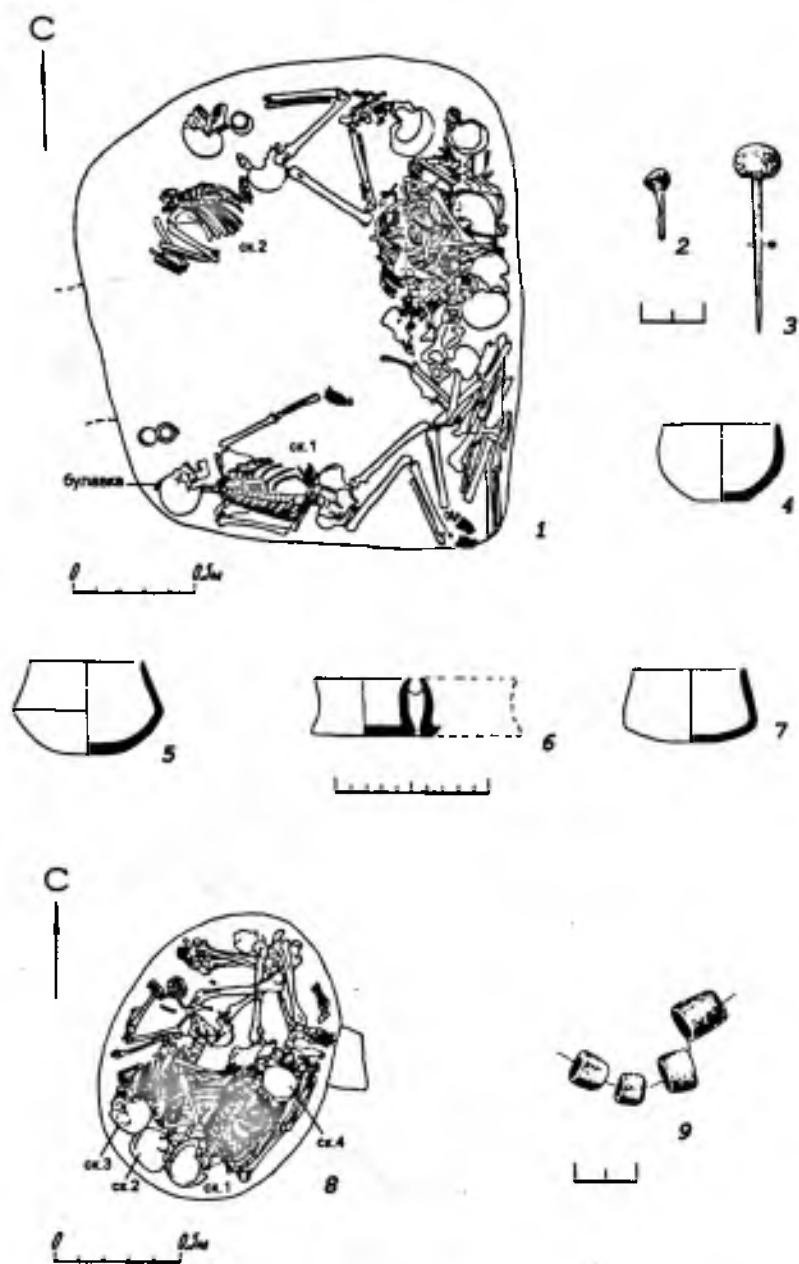

Табл. 125. Камера 256: 1 — план погребения; 2 — медный гвоздик;
 3 — костяная булавка; 4-7 — сосуды. Камера 268:
 8 — план погребения; 9 — бусы.

Pl. 125. Graves 256, 268: 1 — plan of Grave 256; 2 — copper nail;
 3 — bone pin; 4-7 — vessels; 8 — plan of Grave 268; 9 — bone beads.

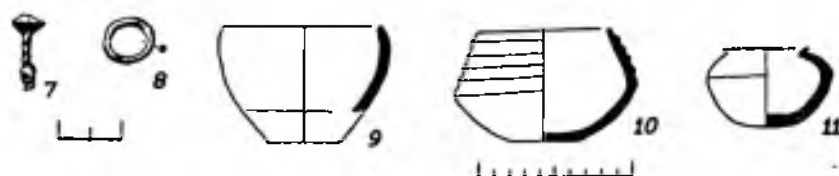
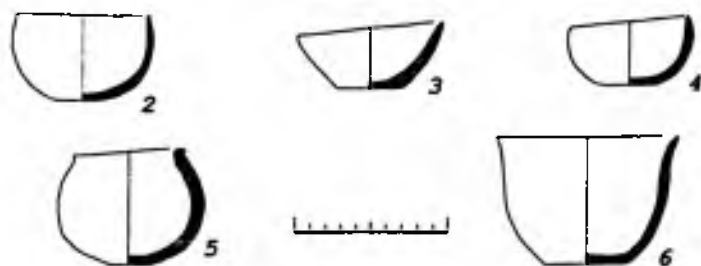
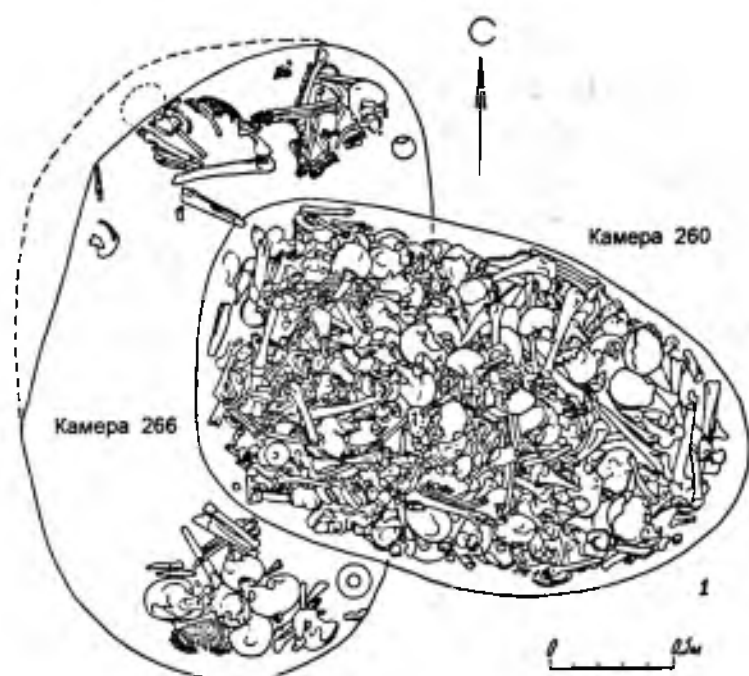

Табл. 126. Камера 260: 1 — план погребения; 2-6 — сосуды. Камера 266:
1 — план погребения; 7-8 — медные изделия; 9-11 — сосуды.

Pl. 126. Graves 260, 266: 1 — plan of Graves 260, 266; 2-6 — vessels from
Grave 260; 7-11 — articles from Grave 266: 7 — copper objects; 9-11 — vessels.

Металл раннего и развитого энеолита из могильника Пархай II

Количественный спектральный анализ металлических изделий по методу трех эталонов выполнен в лаборатории ЛОИА АН СССР (табл. 1). Анализированные образцы относятся к самым ранним периодам культуры населения Сумбарской долины в Юго-Западном Туркменистане и происходят из могильника Пархай II. По археологической периодизации эти предметы относятся к периодам ЮЗТ-VII и ЮЗТ-VI, которые синхронны комплексам типа Анау IA и Намазга I и II (V-IV тыс. до н.э.) на северной подгорной равнине Копетдага. Металл анализированных предметов этого времени представляет собой чистую медь без добавок каких-либо легирующих компонентов. Незначительные примеси в некоторых случаях мышьяка и олова имеют естественное происхождение.

Таблица 1

Результаты количественного спектрального анализа (%).

№№ п/п	Камера	Название предмета	ЮЗТ	Sn	Pb	Bi	As	Sb	Ag	Fe	Ni
1	117	Булавка	VII	—	0.25	—	—	—	0.02	0.41	0.020
2	—	—	—	—	0.45	—	—	—	0.006	0.25	0.006
3	—	—	—	—	1.30	—	—	—	0.01	0.25	0.020
4	134	—	—	0.55	0.12	—	0.014	—	0.001	0.40	0.022
5	152	Браслет	—	—	1.00	—	0.020	—	0.03	—	0.025
6	155	Булавка	—	—	0.18	—	0.014	0.002	0.006	0.09	0.018
7	—	Колечко	—	—	1.70	—	—	—	0.003	0.02	0.013
8	—	—	—	—	0.50	—	—	—	0.015	0.04	0.011
9	—	Гвоздик	—	—	2.00	—	0.009	0.002	0.003	0.03	0.035
10	—	—	—	—	1.30	—	0.007	0.002	0.001	0.02	0.030
11	11	—	VI	0.35	—	0.08	0.011	—	0.001	—	0.018
12	24	—	—	0.13	1.00	—	—	—	0.015	0.50	0.025
13	—	Булавка	—	0.20	0.20	—	0.027	0.004	0.006	—	0.005
14	30	Гвоздик	—	0.08	1.00	—	0.015	—	0.004	0.20	0.015
15	94	Булавка	—	—	0.45	—	—	—	0.012	0.28	0.016
16	96	—	—	—	0.50	—	0.013	—	0.003	0.40	0.030

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№№ п/п	Камера	Название предмета	ЮЗТ	Sn	Pb	Bi	As	Sb	Ag	Fe	Ni
17	132	Булавка	VI	—	0.80	—	0.010	—	0.001	0.12	0.030
18	"	"	"	—	0.30	—	—	—	0.008	—	0.008
19	133	"	"	—	1.00	—	—	—	0.001	0.05	0.003
20	"	"	"	—	1.00	—	—	—	0.001	0.30	0.006
21	"	Игла	"	—	0.22	—	0.013	0.005	0.03	0.07	0.004
22	140	Булавка	"	—	1.00	—	—	—	0.001	0.30	0.005
23	"	"	"	—	0.35	—	—	—	0.009	—	0.014
24	142	"	"	—	1.20	—	0.013	—	0.001	0.80	0.020
25	145	Булавка	"	—	1.00	—	—	—	0.001	0.35	0.005
26	"	Браслет	"	—	0.30	—	—	—	0.02	0.03	0.009
27	"	"	"	—	0.50	—	0.009	—	0.04	0.02	0.040
28	154	Кольцо	"	—	0.30	—	—	—	0.004	0.13	0.005
29	"	Гвоздик	"	—	0.45	—	—	—	0.001	0.09	0.003
30	"	"	"	—	0.40	—	0.020	0.003	0.003	0.06	0.020
31	163	Колечко	"	—	4.00	—	—	—	0.013	0.20	0.006
32	"	"	"	—	1.80	—	0.012	—	0.2	0.35	0.018
33	"	Булавка	"	—	0.55	—	—	—	0.002	0.35	0.009
34	167	Браслет	"	—	0.09	0.06	0.013	—	0.01	0.25	0.060
35	"	"	"	—	0.35	0.04	0.010	—	0.009	0.02	0.050
36	"	Булавка	"	—	0.45	—	—	—	0.001	0.06	0.008
37	"	"	"	—	0.13	—	0.028	—	0.001	0.13	0.030
38	"	Гвоздик	"	—	1.40	—	0.007	—	0.001	0.13	0.008
39	"	Булавка	"	—	1.80	—	—	—	0.03	0.14	0.005
40	"	Колечко	"	—	2.50	—	—	—	0.005	—	0.011
41	182	Нож (?)	"	—	3.00	—	—	—	0.008	0.09	0.007
42	"	Булавка	"	—	0.55	—	—	—	0.002	0.24	0.080
43	"	"	"	0.14	0.50	—	0.015	0.002	0.002	0.09	0.014
44	"	"	"	—	0.90	—	0.010	—	0.001	0.35	0.010
45	"	"	"	—	0.80	—	0.010	—	0.001	0.04	0.018
46	"	Игла	"	—	2.20	—	0.010	—	0.002	0.18	0.008

Примечания к таблице: 1. Во всех образцах медь составляет основу состава.
2. Определялись и не обнаружены — золото, кобальт и цинк.

Наиболее существенной примесью к меди является свинец (1-4%). По мнению И.Н.Тереховой (Сайко, Терехова, 1982, с.102), для металлургии Южного Туркменистана IV тыс. до н.э. характерно появление свинцовистой меди, как естественного сплава, обусловленного характером рудного источника. По нашим данным, металла и более раннего времени (ЮЗТ-VII) также содержит примесь свинца (до 1-2%).

Как известно, присутствие свинца препятствует горячей ковке меди из-за ее растрескивания, что вынуждало при изготовлении предметов с помощью этой технологии (особенно оружия и инструментов) избегать использования металла с такими нежелательными свойствами. Однако, представленная в нижеследующей таблице выборка предметов из меди состоит, главным образом, из украшений (булавки, гвоздики, колечки, проволочные браслеты), изготовление которых производилось в основном при помощи холодной обработки металла. Присутствие в них сравнительно незначительного количества свинца скорее всего оставалось незамеченным. Поэтому едва ли имеет смысл выделять для такого металла особый тип естественного сплава — свинцовистую медь. Этот тип сплава появился значительно позднее, когда свинец стали добавлять к меди вполне сознательно и в больших количествах (до 20-40%), что придавало сплаву повышенную текучесть, полезную при изготовлении предметов с высоким рельефом, например, печатей.

Литература

- Бабаев А.Г., Мурзаев Э.М., Оразов А.О., Фрейкин З.Г.* 1969. Туркменистан. Советский Союз. Москва: Мысль.
- Кесь А.С., Костюченко В.П., Лисицына Г.Н.* 1980. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. Москва: Наука.
- Массон В.М.* 1956. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции VII: 385-468.
1971. Поселение Джейтун. Материалы и исследования по археологии СССР 176. Ленинград: Наука.
- Сайко Э.В., Терехова Н.Н.* 1981. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы: 72-122. Москва: Наука.
- Сарианиди В.И.* 1970. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // Советская археология 4: 19-32.
- Хлопин И.Н.* 1963. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Свод археологических источников. БЗ-8.
1964. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Москва-Ленинград.
1969. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Свод археологических источников. БЗ-8.
1980. Раскопки в долине Сумбара // Археологические открытия 1979: 467.
1981. Исследования Кара-Калинского могильника // Археологические открытия 1980: 469.
1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград: Наука.
- 1986а. Раскопки могильника Пархай II // Археологические открытия 1984: 475.
- 1986б. Могильники эпохи энеолита и бронзы в Юго-Западной Туркмении // Древние цивилизации Востока (материалы II Советско-Американо-китайского симпозиума): 204-215. Ташкент.
- 1987а. Раскопки в долине Сумбара // Археологические открытия 1985: 609.
- 1987б. Археологические исследования в Юго-Западной Туркмении // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (тез. докл. Всесоюзной конференции): 264,265. Москва.
- 1987в. Раскопки в долине Сумбара и их значение для Переднего Востока и Средней Азии // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии 12: 20-32.

- 1987г. О некоторых событиях эпохи бронзы в Юго-Западной Туркмении // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху (тез. докл.): 71-73. Ашхабад.
1988. Раскопки в долине Сумбара // Археологические открытия 1986: 507, 508.
- 1989а. Могильник Пархай (Некоторые итоги исследования) // Советская археология 3: 113-130.
- 1989б. Открытие Гиркании // Природа 4: 50-58.
1990. Закаспийские корни катакомбной культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии /тез. докл./: 36, 37. Ленинград.
1991. Завершение раскопок могильника эпохи палеометалла Пархай II в Южном Туркменистане // Древние культуры и археологические изыскания (Материалы к пленуму ИИМК 26-28 ноября 1991 г.): 14-17. Санкт-Петербург.
1992. Еще раз о древности туркменского ковроделия // Северная Евразия от древности до средневековья /тез. докл./: 59-61. Санкт-Петербург.
- 1994а. Туркменское ковроделие: древнейшие инструменты // Российская археология 3: 83-91.
- 1994б. Древнейшие индоиранцы в свете археологии // Сухачев Н.Л. Историческая перспектива в индоевропеистике: 226-240. СПб.
- Хлопин И.Н., Галибин В.А.* 1990. Древнегирканский очаг металло-обработки // Известия Академии Наук СССР, серия общественных наук 5: 88-91.
- Хлопин И.Н., Хлопина Л.И.* 1978. Раскопки в долине Сумбара // Археологические открытия 1977: 550-551.
1980. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении // Советская археология 1: 251-258.
- 1983а. Раскопки могильника Пархай II // Археологические открытия 1981: 480-481.
- 1983б. Второй сезон раскопок могильника Пархай II // Краткие сообщения Института археологии 176: 101-105.
- 1983в. Развитой энеолит Юго-Западной Туркмении // Известия Академии Наук СССР, серия общественных наук 4: 83-87.
1984. Поздний энеолит Юго-Западного Туркменистана // Известия Академии Наук СССР, серия общественных наук 3: 82-84.
1985. Эпоха ранней бронзы Юго-Западного Туркменистана // Известия Академии Наук СССР, серия общественных наук 4: 39-44.
1986. Ранний энеолит Юго-Западного Туркменистана // Известия Академии Наук СССР, серия общественных наук 2: 23-27.
1987. Эпоха развитой бронзы Юго-Западного Туркменистана // Известия Академии Наук СССР, серия общественных наук 1: 38-45.

1989. Биспиральные булавки на Среднем Востоке // Известия Академии Наук СССР, серия общественных наук 5: 30-36.
- Хлопин И.Н., Хлопина Л.И., Курочкин Г.Н.* 1979. Раскопки в долине Сумбара // Археологические открытия 1978: 570.
1985. Раскопки могильника Пархай II // Археологические открытия 1983: 556,557.
- Arne T.J.* 1945. Excavations at Shah Tepe. Iran. Stockholm.
- Khlopin I.N.* 1977. Kollektivgraber des 3./2. Jahrtausends v.u. Z. in Sudturkmenien // Ethnographisch-Archaologische Zeitschrift 18: 385-398.
- Deshayes J.* 1965. Rapport préliminaire sur les troisième et quatrième campagnes de fouille a Tureng tépé // Iranica Antiqua V: 83-92.
1967. Céramiques peintes de Tureng tépé // Iran V: 123-131.
1969. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe. Iran // Archaeology V. 22: 10-17.
- Khlopin I.N.* 1981. The Early Bronze Age cemetery of Parkhai II: the first two seasons of excavations 1977-1978 // The Bronze Age civilisation of Central Asia. Recent Soviet Discoveries: 3-34. N-Y.
1993. L' Hurcanie antique // Les dossiers d'archeologie 185: 42-52.
- Khlopin I.N., Khlopin L.I.* 1989a. Double-spiral headpins in the Middle East // Archaeologia Iranica et Orientalis: 99-109.
- 1989b. Doppeltspirilige Kopfnadein in Mittelasien und Kaukasus // Orientalia Lovaniensia Periodica V. 20: 99-114.

И.Н. Хлопин

**Энеолит
Юго-Западного Туркестана**

ЛР № 065334, выдана 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 29.12.97 г.

Формат 70х100^{1/16}, бумага офсетная, печать офсетная, 19 п.л.

Заказ № 3

О.О.О Европейский Дом
191187 Санкт-Петербург, ул. Фурманова, д.3

Отпечатано в ООП Петербургкомстата.
191187, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова д.39

Доктор исторических наук И.Н. Хлопин (1930-1994) — автор девяти книг и 160 научных статей и заметок по истории культуры Средней Азии и России. Закончив обучение на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1953 г., он после непродолжительных творческих поисков решил посвятить себя археологии Средней Азии и долгое время плодотворно работал в отделе Средней Азии и Кавказа ЛО ИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). В последнюю четверть века своей жизни И.Н. Хлопин целенаправленно и весьма успешно исследовал древнюю культуру Юго-Восточного Прикаспия в Сумбарской долине Туркменистана. Обобщение этих новых материалов является значительным вкладом в разработку ряда проблем археологии не только Средней Азии, но и Древнего Востока в целом. Результаты его исследований получили широкое международное признание и публиковались в зарубежных изданиях, а в 1984 г. И.Н. Хлопин был избран членом корреспондентом Германского археологического института.

«ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ»